

Министерство образования и науки Республики Адыгея

Государственное бюджетное учреждение Республики Адыгея
АДЫГЕЙСКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. Т.М. КЕРАШЕВА

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ АДЫГЕИ

Майкоп
2020

УДК 902(470.621)
ББК 63.4(2Рос37)я43
В-74

Печатается по решению Ученого совета
Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева

Редколегия:

Тлеуж А.Х. (ответственный редактор),
Джигунова Ф.Ч., Ципинов Р.К., Схатум Р.Б., Ловпаче Н.Г., Сазонов А.А., Эрлих В.Р., Луганская Г.Б.,
Голубев Л.Э. (ответственный секретарь).

Рецензенты:

д.и.н. Нарожный Е.И., к.и.н. Вальчак С.Б.

В-74 ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ АДЫГЕИ : Сборник научных трудов. – Майкоп:
Изд-во Магарин О.Г., 2020. – 224 с., ил.

ISBN 978-5-91692-810-5

Сборник научных трудов посвящен проблемам археологии Северо-Западного Кавказа и сопредельных территорий от эпохи каменного века до эпохи позднего средневековья.

Издание адресовано археологам, историкам, музейным работникам преподавателям и студентам вузов, а также всем, кто интересуется археологией и историей Северного Кавказа.

УДК 902(470.621)
ББК 63.4(2Рос37)я43

ISBN 978-5-91692-810-5

© Группа авторов, 2020
© АРИГИ им. Т.М. Керашева, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Тлеуж А.Х.)	4
--------------------------------	---

ЭПОХА КАМНЯ

Голованова Л.В., Дороничева Е.В., Поплевко Г.Н., Дороничев В.Б. Новые данные об охотничьем вооружении неандертальцев Северного Кавказа	5
Недомолкин А.Г. Характеристика пластинчатого расщепления на эпипалеолитической стоянке-мастерской в Губском навесе №7	17

ЭПОХА БРОНЗЫ

Ловпаче Н.Г. Мегалитическая архитектура майкопской и дольменной культуры	33
Эрлих В.Р., Гак Е.И., Клещенко А.А., Шарко Ф.С., Булыгина Е.С., Слободова Н.В., Недолужко А.В., Годизов Г.Л. Коллективные погребения эпохи средней бронзы археологического комплекса Шушук (Адыгея): материальная культура, абсолютная хронология, палеогенетическое исследование	44
Годизов Г.Л. Новые памятники археологии в Адыгее	57

ЭПОХА ЖЕЛЕЗА

Сазонов А.А. О подвесках типа Шаренград - элитных головных украшениях в предскифском Закубанье, в Юго-Восточной и Центральной Европе	65
Скаков А.Ю. Племена Восточного побережья Черного моря в эпоху античности. Краткий исторический очерк. Часть I (генеохы, тиндарида, кораксы, ахейцы, керкеты, тореты)	82
Берлизов Н.Е. Источники к интерпретации савромато-сарматской погребальной обрядности	103
Коцева А.А. Изделия из глины и глиняные конструкции в бытовых памятниках меотской культуры	114
Схатум Р.Б. Шлем халкидского типа с территории Северо-Западного Кавказа	134
Джигунова Ф.К. Сасанидская серебряная чаша из собрания Национального музея Республики Адыгеи	142

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Джопуа А.И., Ньюшков В.А. Приморская башня Великой Абхазской стены	147
Ньюшков В.А. Об одной интересной находке из Ачмарды (Гагрский р-н, Абхазия)	155
Пьянков А.В. Абазинская гипотеза происхождения средневековых кремаций Кубано-Черноморского региона	160
Верещагин В.В., Голубев Л.Э. Всадники шегоков	166
Дружинина И.А. Средневековое воинское погребение у станции Губская (по материалам раскопок Н.И. Веселовского на Кубани)	192
Сведения об авторах	221

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие мои коллеги историки, археологи и все, кому небезынтересна история нашей древней земли, нашего народа! Перед вами очередной выпуск сборника научных трудов по археологии «Вопросы Археологии Адыгеи». Этот сборник очень знаковый для нашей республики, так как предпоследний выпуск вышел в свет ровно четверть века назад в 1995 году. За это время археологическая наука не стояла на месте, на территории нашей республики были произведены сотни археологических экспедиций, были совершены новые открытия, написаны научные работы, продвигавшие знания о нашем древнем народе, этногенез которого уходит далеко в глубь веков. Каждая археологическая экспедиция маленькими, почти незаметными шагами, ведет нас к новым осмыслениям происхождения адыгов, развития материальной и духовной культуры нашего народа. Современная археологическая наука взаимодействует в тесной кооперации с другими науками такими как: антропология, остеология, этнология, почвоведение, дендрология, палеоэкология, лингвистика и т.д.

Расселение наших предков никогда не было стеснено современными границами Республики Адыгея, поэтому в нашем сборнике мы рассматриваем памятники историко-культурного наследия, расположенные на всей территории Северного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья. Этногенез современных адыгов нельзя рассматривать отдельно от других братских народов региона, взаимодействие и взаимообогащение на протяжении веков создавали очень похожие материальные культуры всего Северного Кавказа.

В сборнике приняли участие ведущие археологи научных учреждений Российской академии наук, Адыгеи, Краснодарского края, Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, а также Абхазии и Норвегии. В публикуемых трудах рассматривается практически весь «спектр» периодизации древней истории от палеолита до позднего средневековья Северо-Западного Кавказа.

Представленный нами сборник трудов «Вопросы Археологии Адыгеи» вводит в научный оборот новый материал, открывает перспективы дальнейшего изучения региона и развития древней и средневековой культуры предков современных адыгов, а также других народов Северного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья.

Желаю всем заинтересованным лицам приятного, полезного прочтения. Ученым желаю найти в представленных трудах новые пути развития и изучения материальной и духовной культуры всего Северного Кавказа.

*С уважением,
Адам Тлеуж*

ЭПОХА КАМНЯ

Голованова Л.В., Дороничева Е.В., Поплевко Г.Н., Дороничев В.Б.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОХОТНИЧЬЕМ ВООРУЖЕНИИ НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Резюме. В статье анализируются новые данные об охотничьем вооружении неандертальцев на Северном Кавказе. Применение типологического и трасологического анализов каменных индустрий дает основание выделять обсидиановые наконечники копий на стоянке загросского мустье в гроте Сарадж-Чуко в Приэльбрусье. Уникальное костяное острие, найденное в индустрии восточного микрока Мезмайской пещеры, позволяет обсуждать вопрос появления специализированной охоты. Применение метода ИК-спектроскопии доказало применение клеящих мастик для закрепления наконечников.

Ключевые слова: мустьерские наконечники, охота, неандертальцы, типология, трасология, Кавказ.

Введение

Современные данные позволяют говорить, что техника охоты с использованием метаемых рукой копий или дротиков появилась около 500 тысяч лет назад. Обнаруженные на стоянке Кату Пан 1 в Южной Африке (Wilkins et al., 2012) каменные острия интерпретируются как наконечники копий. В Европе одним из самых древних свидетельств использования деревянных копий известны на стоянке Шёнинген в Германии, которая датируется около 300 тысяч лет назад (Conard et al., 2015; Kolfschoten et al., 2015). Самое раннее применение копий с каменными наконечниками в Европе датируется около 200 тысяч лет назад на стоянке Бич-Сен-Вааст во Франции (Rots, 2013). Также леваллуазские и мустьерские острия, на основании трасологических исследований, определены как наконечники копий на стоянках Беттенкур, Абри дю Марас во Франции и Сессельфельдсгрот в Германии в позднем среднем палеолите (85–40 тысяч лет назад).

Одним из самых ранних свидетельств появления костяных острий являются находки в отложениях среднекаменного века в пещере Бломбос (Южная Африка), возраст которых оценивается 84–76 тысяч лет назад (d'Errico and Henshilwood, 2007; Henshilwood et al.,

2001). Также в Южной Африке, в пещере Сибуду обнаружены костяные острия возрастом 65–62 тысяч лет назад (Backwell et al., 2018). В Европе наиболее ранние свидетельства появления костяных острий известны только на стоянках раннего верхнего палеолита (Knecht, 1993, 1997), в шательпероне и уллузиене (d'Errico et al., 1998, 2012).

Важным направлением исследования охотничьего вооружения является изучение способов закрепления наконечников в древке копья. В настоящее время химические анализы позволили определить, что неандертальцы использовали клеящие мастики: или природный битум, или деготь березы. Также трасологические анализы позволяют определять характерные следы крепления: сглаженность от крепления кожаными ремешками, выкрошенность от крепления наконечника к древку, притертость от трения в рукояти.

Новые данные об охотничьем вооружении неандертальцев Северного Кавказа

На Кавказе, и на Северном Кавказе в частности, проблемы охотничьих стратегий в среднем палеолите исследовались преимущественно путем изучения палеонтологических коллекций. На ряде памятников исследователи определяли наконечники копий на основании типологии. Трасологические исследования предполагаемого охотничьего вооружения или не проводились, или в изученных выборках не были определены наконечники копий.

В результате исследования последних лет впервые в среднем палеолите Кавказа были выделены обсидиановые наконечники копий, имеющие характерные следы, которые свидетельствуют об использовании этих орудий как охотничьего вооружения.

В 2016 г. в Приэльбрусье впервые для этого региона была открыта среднепалеолитическая стоянка в гроте Сарадж-Чуко (Дороничева и др., 2016; Голованова, Дороничев, Дороничева, 2019; Дороничева и др., 2020 a, b), который расположен в долине р. Сарадж-Чуко (или

Фандуко), притока р. Терек (рис. 1). Памятник расположен в регионе, где в настоящее время известно четыре пункта выходов единственного на Северном Кавказе месторождения обсидиана, которое называется «Заюково» или «Баксан». В гроте Сарадж-Чуко обнаружена единственная в настоящее время на Северном Кавказе обсидиановая индустрия среднего палеолита.

В гроте изучается многослойная стратифицированная стоянка, в стратиграфической колонке которой представлены три хроно-климатических этапа периода среднего палеолита: слой 3, слои 6А и 6В. В самом раннем слое 6В представлена стоянка активного обитания. В 2017-2019 гг. проводилось многодисциплинарное изучение отложений грота Сарадж-Чуко, на основании корреляции данных возраст слоя 6В можно предварительно определить от конца оптимума (5е) стадии 5 до конца этой стадии (5а), приблизительно от 120 до 70 тыс. л. н. (Дороничева и др., 2020а; Doronicheva et al., 2017, 2019). В слое зафиксирована большая концентрация каменных изделий – в среднем 295 экземпляров на квадратный метр при мощности слоя около 20 см. На стоянке активно производилось раскалывание местного обсидиана (96,7% всех изделий в коллекции 2017-2019 гг.). Изделия из кремня, вероятно, приносились в виде готовых сколов или ретушированных орудий.

Техника расщепления характеризуется как пластинчатая ретушированная. Высокие показатели подправки ударных площадок и пластинчатости сближают индустрию слоя 6В грота Сарадж-Чуко с загросским мустье, распространенным на Восточном Кавказе (Дороничева и др., 2020а).

В орудийном составе индустрии слоя 6В преобладают группы скребел простых и совокупная группа орудий со сходящимися лезвиями, также как в других загросских индустриях (Дороничева и др., 2020а). Поперечные скребла, лимасы – единичны, группа скребков/резцов вариabельна и малочисленна. Двойные скребла, характерные для индустрии стоянки Варвази в Загросских горах и для пещеры Таглар на Юго-Восточном Кавказе, в гроте Сарадж-Чуко менее многочисленны. Также как и в других индустриях Загросского мустье в индустрии слоя 6В грота Сарадж-Чуко присутствуют скребла с ядрищным утоньшением (рис. 2, 9). Для загросского

мустье характерен этот прием ядрищного утоньшения, который использовался при изготовлении конвергентных скребел и мустьерских остроконечников, а также скребел с утоньшенным корпусом.

В коллекции слоя 6В выделены (рис. 2, 7) 4 бифасиальные орудия (2,1%), которые являются показательными для индустрий Восточного Микока на Северо-Западном Кавказе. Но и в загросских индустриях Южного Кавказа ранее выделяли бифасиальные орудия. Например, в материалах слоя СII пещеры Лукакерт представлены (Ерицян, 1975) бифасиальные орудия (6,7%).

В коллекции слоя 6В в общей сложности выделено 192 ретушированных орудия (без учета зубчато-выемчатых), из них – 40 орудий со сходящимися лезвиями. В их числе: мустьерские острия (13 экз.), леваллуазские ретушированные острия (5 экз.), конвергентные скребла (10 экз.), угловатые скребла (12 экз.). 62 орудия были изучены методом трасологии (методику см. напр., Кияшко, Поплевко, 2000; Поплевко, 2007). Среди них выделена серия наконечников копий (Дороничева и др., 2020а, с. 298-322).

Все изделия, которые были определены как наконечники, имели характерные признаки:

- сколы микроретуши от удара на верхушке,
- облом на верхушке наконечника от удара,
- негатив облома верхушки наконечника от удара в процессе использования (рис. 2, II-1),
- характерный слом от контрудара.

Трасологическое изучение наконечников из слоя 6В грота Сарадж-Чуко позволило также определить каким образом эти наконечники крепились к древку копья. Было выделено несколько признаков:

- микро-выкрошенность от крепления к древку,
- сглаженность поверхности ударного бугорка от крепления в деревянной рукояти (рис. 3, I-1),
- сглаженность на боковом ребре от крепления кожаным ремешком (рис. 3, I-2),
- притертость-пришлифовка от трения в рукояти на выступающих участках.
- использование природного битума в качестве клеящей мастики (рис. 3, II-2, 3).

Обсидиановые наконечники копий были впервые определены в среднем палеолите Кавказа. Они применялись при охоте на стад-

ных копытных животных. В фаунистической коллекции слоя 6В преобладают остатки кавказского тура, также представлены остатки бизона, оленя, косули (Дороницева и др., 2020b).

Современные исследования позволяют получать все новые данные об охоте неандертальцев. Важным открытием стала находка костяного острия в Мезмайской пещере.

Мезмайская пещера является всемирно известным памятником палеолита (рис. 1). Она была открыта в 1987 г. и исследуется до настоящего времени. Пещера расположена на правом берегу р. Сухой Курджипс (долина р. Белая, бассейн р. Кубани) на абсолютной высоте 1310 м. В настоящее время здесь изучено семь слоев среднего палеолита, пять слоев – верхнего палеолита и два слоя эпипалеолита (Golovanova, 2015). В среднепалеолитическом слое 2В4 впервые для Западной Евразии было найдено костяное острие. Каменные индустрии Мезмайской пещеры относятся к кругу Восточно-европейского микона, который распространен в Центральной Европе, в Крыму, на юге Русской равнины и на Северо-Западном Кавказе. Основное отличие этой культурной традиции – наличие бифасиальных и частично-бифасиальных орудий, что отличает ее от других Кавказских индустрий (Golovanova, Doronichev, 2017). Бифасиальные и частично-бифасиальные орудия составляют в нижнем уровне слоя 2В4 – 10,4%. Характерны следующие формы бифасиальных орудий: лавролистные наконечники (рис. 4, 1, 2, 3), маленькие треугольные бифасы (рис. 4, 10), бифасиальные скребла (рис. 4, 11, 12).

Однако основу данной индустрии составляют скребла простые продольные. Скребла поперечные, диагональные и двойные малочисленны.

Вторую по численности группу составляют орудия со сходящимися лезвиями, в которую входят мустьерские остроконечники (рис. 4, 4-9), конвергентные и угловатые скребла, лямасы. Редкими формами орудий являются скребковидные, долотовидные изделия и орудия с резцовым сколом.

Для слоя 2В4 был сделан микростратиграфический анализ, который показал, что именно в нижнем уровне слоя 2В4 было найдено костяное острие. Для этого уровня получены абсолютные даты методом электронного парамагнитного резонанса (ЭПР) в

интервале от $63,6 \pm 6,7$ т.л.н. до $70,6 \pm 7,4$ т.л.н. (Skinner et al., 2003). Острие было найдено на квадрате М-17, на участке расположенном в одном метре от кострища.

Костяное острие имеет длину 90 мм и ширину 6 мм, изготовлено из фрагмента трубчатой кости, основание острия обломано. Изделие в поперечном разрезе имеет почти треугольное сечение. На основании трасологического изучения можно сделать заключение о намеренном изготовлении орудия с острым концом: острия (рис. 5).

Крупная трубчатая кость была расколота, микроследы расчленения кости на узкие фрагменты не сохранились. Верхнюю часть острия сделали скоблением поверхности с трех сторон. На кончике острия прослеживаются следы притупления-притертости, которые вероятно образовались в результате трения по абразивному камню или плитке. Также выделено шесть микроучастков с надрезами разной интенсивности (рис. 5, 1-3, 1-3а).

Проведенный анализ показал, что в данном случае мы имеем орудие с острым концом для охоты. В отличие от проколов, на которых изготавливается и в последующем формируется более острое округлое в сечении острие, на этом острие подобного кончика острия не прослежено (рис. 5, 1-1).

Трасологический анализ показал наличие черного органического вещества, возможно битума, на поверхности острия (рис. 5, 1-2, 1-2а). Затем это наблюдение было подтверждено методом ИК-спектроскопии трех проб черного вещества на поверхности острия позволило установить, что они содержат фрагменты органического вещества трех типов: битум, природную смолу и животный белок. Наличие в образцах битума подтвердили также исследования методом микроскопии в проходящем и проходящем поляризованном свете. Таким образом, обнаружение клеящих веществ на острие дополнительно подтверждает, что оно было вставлено в рукоять орудия типа дротика.

Анализ палеонтологической коллекции показывает, что основным объектом охоты неандертальцев в период формирования слоя 2В4 были копытные животные (Hoffecker, Clegghorn, 2000). В слое найдены кости бизона, дикой овцы, кавказского козла, и благородного оленя. Однако, для охоты на крупных копытных, вероятно, использовалось более серье-

езное оружие, чем описанное костяное острие. Но в материалах слоя 2В4 имеются остатки молодых копытных и небольших хищников. В частности, на части костей хищников (волк или лиса) обнаружены порезки, которые свидетельствуют, что эти пушные животные были объектом охоты и что с ребер срезали мясо (Cleghorn, 2006). Можно предположить, что найденное костяное острие могло использоваться для охоты на мелких млекопитающих.

Обсуждение

Традиционно в среднем палеолите на основании классической типологии Ф. Борда (Vogdes, 1963) выделяют мустьерские острия, леваллуазские острия, леваллуазские ретушированные острия. На большинстве стоянок среднего палеолита на Кавказе специальные трассологические исследования не проводились, поэтому представления об охотничьем вооружении основывались преимущественно на типологии.

В Колхидской горной провинции индустрии пещер Кударо I и Кударо III, Цона и Джручула (рис. 1) объединены в мустье Кударо-Джручульского типа (Любин, 1977). Особенно характерны для данной индустрии удлинённые мустьерские остроконечники с ретушированными чешуйчатой ретушью по всей длине выпуклыми продольными краями. Типичные мустьерские остроконечники малочисленны. Выделен наконечник кударского типа, для которого характерен особенный прием оформления, который не отмечен в других среднепалеолитических индустриях Кавказа. Этот прием характеризуется частичной обработкой с брюшка оснований и острий плоской ретушью, нанесенной от продольных краев. Наиболее диагностичен удлинённый остроконечник листовидной формы с выпуклыми ретушированными продольными краями и поперечной плоской брюшковой подтеской основания и/или острия. В.П. Любин (1977) определял эти остроконечники как наконечники копий.

На Юго-Западном Кавказе, в бассейне р. Квирилы (рис. 1) локализуются памятники цуцхватской группировки (Тушабрамишвили, 1978): пещеры Бронзовая, Бизоновая, Медвежья, Верхняя, Двойной грот и пещера Ортвала клде. Для каменной индустрии цуцхватской группировки характерны: типичные короткие мустьерские остроконечники, немногочис-

ленные удлинённые остроконечники. Особенно показательны мустьерские остроконечники с брюшковым утоньшением основания. Присутствуют здесь и орудия с площадочными утоньшениями, которые характерны для загросского мустье.

Цхалцителеские памятники - Сакажиа и Ортвала (рис. 1), близки комплексам хостинского мустье из Малой Воронцовской и Ахштырской пещер (Голованова, Дороничев, 2005). В индустриях этих стоянок отсутствуют угловатые острия, показательны наличие характерных массивных остроконечников с тщательно ретушированным концом. Классические мустьерские остроконечники немногочисленны. Они имеют укороченные пропорции и прямые конвергентные края, представлены орудия как тонкого, так и массивного сечения.

На Северо-Западном Кавказе в индустриях Восточного микоча выделяются лавролистные бифасиальные наконечники. Среди орудий на сколах второй основной составляющей после скребел простых является совокупная группа орудий со сходящимися лезвиями. В разных памятниках она составляет от 12 до 50%, но в основном в пределах 20-30 %. Выделяются: мустьерские острия, угловатые острия, конвергентные орудия.

На основании анализа морфологии можно выделить три группы острий, у которых два сходящихся края и тщательно обработанное острие. Различия между группами касаются формы орудий.

В группу 1 вошли наиболее мелкие, укороченные и тонкие острия на отщепе, два сходящихся края которых обработаны приостряющей ретушью (рис. 4, 8, 9). Основание их дополнительно утоньшено со стороны спинки. По своим размерам и пропорциям эта группа отделяется от групп 2 и 3 (Golovanova, 2018).

Вторая группа. Достаточно многочисленная и варибельная группа орудий, называемых мустьерскими наконечниками (рис. 4, 6, 7). Часть орудий имеет базальное утоньшение. Результаты Н-теста Краскела-Уоллеса показывают, что в группе 2 у орудий с признаком «утоньшение» толщина несколько больше, чем у орудий без признака, однако, по всей вероятности, эти различия случайны ($p=0.078$).

Третья группа включает крупные удлинённые (длина/ширина: 2-2,5) конвергентные

орудия, обработанные полукрутой ретушью и имеющие приостренный конец (рис. 4, 4, 5). Они похожи только по общим пропорциям и характеру обработки, но имеют разные очертания краев, иногда скошенное острие, основание чаще не обработано, но могут быть и исключения. Группа 3 отличается удлинёнными пропорциями, большей толщиной

Результаты дисперсионного анализа ANOVA свидетельствуют о том, что группы 1,2,3 по соотношению ширины и длины заметно различаются между собой ($p < 0.00001$). В первой группе относительная ширина имеет максимальную величину, в третьей – минимальную.

Сопоставление групп по толщине также свидетельствует о том, что группы не составляют единую совокупность ($p < 0.0001$). Однако различия проявляются лишь между первой и каждой из двух других групп. Группы 2 и 3 не различаются между собой по величине признака.

Для индустрий восточного микока также характерны костяные орудия. Наиболее многочисленны костяные ретушеры (рис. 5, 4, 5), в Мезмайской пещере найдены скребла на фрагментах костей (рис. 5, 2), костяные отщепы, а также уникальное костяное острие найденное в слое 2В4, которое описано выше.

На Восточном Кавказе распространены индустрии, которые выделяют как Загросское мустье. Эти индустрии характеризуются большим содержанием острокопечников, многие из которых имели утоньшение базальной части. Как предполагали, это делалось намеренно для насаживания наконечников на древко копья. В Ереванской пещере в Армении (Ерицян, 1970) и в пещере Таглар в Азербайджане (Джафаров, 1983; 1999) выделяют два типа острокопечников:

1 – мустьерский острокопечник в форме равнобедренного треугольника, с ретушированными прямыми или слабо выпуклыми конвергентными краями и лицевым площадным утоньшением основания, который был выделен как острокопечник ереванского типа;

2 – очень удлинённый острокопечник в форме ивового листа, с хорошо ретушированными по всей длине слабо выпуклыми конвергентными краями. Эта форма была выделена как острокопечник тагларского типа.

На Южном Кавказе в круг Загросского

мустье объединяют также индустрии пещеры Лусакерт I, Дашсалахлы, Дамджила, Зар, Газма, Бузеир (Джафаров, 1999). На Северном Кавказе индустрии стратифицированных памятников, расположенных в долине р. Терек, также имеют основные характеристики Загросского мустье. В пещере Ласок, расположенной в Северной Осетии, в слоях 13-14 выделены: острия леваллуа, леваллуазские ретушированные и мустьерские острокопечники, конвергентные орудия на узких длинных пластинчатых сколах, орудия с площадочными утоньшениями (Hidjrati et al, 2003).

В материалах стоянки-мастерской Тинит-1 в Дагестане (Анойкин и др., 2010; Anoykin et al., 2013) также выделены леваллуазские и леваллуазские ретушированные наконечники, кроме того, отмечено использование приема ядрищного утоньшения на скребле.

В индустрии слоев 6А и 6В грота Сарадж-Чуко в Приэльбрусье присутствуют острокопечники леваллуазские (рис. 2, 3, 4), острокопечники леваллуазские ретушированные (рис. 2, 1, 2), острокопечники мустьерские (рис. 2, 5), острокопечники мустьерские удлинённые (рис. 2, 6), острия угловатые (рис. 2, 8), а также скребла с ядрищным утоньшением. Среди наконечников копий, которые были определены трасологически, преобладают формы, которые были и типологически определены как наконечники, но также присутствует диагональное скребло, продольное скребло и лимас (Дороницева и др., 2020а: табл. 61-62).

Специальные трасологические исследования каменных индустрий проводились на нескольких среднепалеолитических памятниках Кавказа, однако наконечники копий не были выделены, как не были выделены и костяные орудия для охоты. Костяной наконечник со следами клеящей мастики в виде битума и природной смолы из слоя 2В4 Мезмайской пещеры в настоящее время является уникальной находкой.

Изучение индустрии Монашеской пещеры, которая находится в долине р. Губс в Мостовском районе Краснодарского края, трасологическим методом обнаружило большое количество орудий для обработки дерева, что, возможно, было связано с хозяйственной специализацией этой стоянки (Щелинский, 1975).

На стоянках загросского мустье также проводились трасологические исследования. В коллекции Ереванской пещеры в Армении со-

хранность изделий из обсидиана была достаточно хорошая, что позволило провести трасологический анализ. В результате были определены мустьерские орудия с признаками изнашивания при обработке дерева и кости, для обработки кожи, ножи для прокалывания и разрезания кожи, мясные ножи, скобели (Ерицян, Семенов, 1971). Интересные результаты получены при изучении среднепалеолитической коллекции из пещеры Ласок в Северной Осетии. Было изучено более 100 кремневых и кварцитовых изделий, среди них были определены орудия для обработки дерева и шкур, а также орудия со следами разделки охотничьей добычи (Faulks et al., 2011). Но наконечники копий не были выделены. Однако на орудиях отмечены следы зарепления в рукоятях. На наконечниках из слоя 6В грота Сарадж-Чуко в результате трасологического изучения также определены следы от крепления: микро-выкрошенность от крепления к древку, сглаженность поверхности ударного бугорка от крепления в деревянной рукояти, сглаженность на боковом ребре от крепления кожаным ремешком, притертость-пришлифовка от трения в рукояти на выступающих участках. Также здесь определено использование битума в качестве клеящей мастики. Слой 6В предварительно датируется сейчас в интервале приблизительно от 120 до 70 тыс. л.н., хотя имеющиеся данные позволяют предполагать его более ранний возраст. В настоящее время это самое раннее свидетельство использования обсидиановых наконечников копий на Кавказе.

Заключение

Исследования последних лет позволили получить новые данные об охотничьих стратегиях неандертальцев Северного Кавказа. Трасологическое изучение обсидиановых орудий из грота Сарадж-Чуко позволило достаточно уверенно говорить о существовании среди охотничьего вооружения копий с обсидиановыми наконечниками. Уникальное костяное острие из слоя 2В4 Мезмайской пещеры дает возможность обсуждать появление специализированного охотничьего вооружения на мелких животных, в том числе на пушного зверя. Трасологические исследования показали использования различных методов для закрепления орудий. Метод ИК-спектроскопии установил, что неандертальцы использовали спе-

циальные клеящие мастики, включающие битум и природную смолу, для закрепления наконечников.

Благодарности. Эта статья была подготовлена в рамках проекта: "Тенденции культурного процесса в позднем плейстоцене на Северо-Западном Кавказе" (грант No. 20-18-00060), поддержанного Российским Научным Фондом: данные по Мезмайской пещере. Результаты изучения наконечников из грота Сарадж-Чуко получены в рамках проекта: «Взаимодействие человека и природы в древности на Центральном Кавказе: динамика изменения природной среды и технологические новации, адаптации систем жизнеобеспечения» (грант №17-78-20082 Российского Научного Фонда).

ЛИТЕРАТУРА

- Аношкин А.А., Славинский В.С. Археологические комплексы многослойной стоянки Тинит-1 (Приморский Дагестан). // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала: Наука «ДНЦ», 2010. С. 125-138.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа. // Материалы и исследования по археологии Кубани. №5. Краснодар: Издательство «КубГУ», 2005. С. 3 - 72.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В. Новые данные по палеолиту Приэльбрусья. // Российская археология. 2019. Вып. 2. С. 7-18.
- Джафаров А.Г. Мустьерская культура Азербайджана (по материалам Тагларской пещеры). Баку: «Элм», 1983. 97 с.
- Джафаров А.Г. Средний палеолит Азербайджана. Баку: «Элм», 1999. 345 с.
- Дороничева Е.В., Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Недомолкин А.Г. Центральный Кавказ в палеолите: новые данные. // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. Вып. 5. С. 94-101.
- Дороничева Е.В., Л.В. Голованова, В.Б. Дороничев, А.Г. Недомолкин, С.А. Несмеянов, О.А. Воейкова, А.А. Мурыш, Г.Н. Поплевко, В.В. Иванов, А.С. Корзинова, В.А. Цельмович, Б.А.Б. Блэквелл, М.Ф. Кази, К.Л.К. Хуанг, И.К.С. Сингх, М.А. Волков, Т.Ф. Трегуб, М.С. Шекли, Ю.Н. Спасовский Грот Сарадж-Чуко в Приэльбрусье (Результаты междисциплинарных исследований 2017-2019 гг.). СПб.: «РИПОЛ классик», 2020а. 408 с.
- Дороничева Е.В., Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Поплевко Г.Н., Спасовский Ю.Н. Обсидиановые наконечники копий в среднем палеолите Приэльбрусья. Предварительные данные об охотничьих стратегиях // Поволжская Археология. 2020б. Вып. 3. С. 42-63.
- Ерицян Б.Г. Ереванская пещерная стоянка и ее место среди древнейших памятников Кавказа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1970. 33 с.
- Ерицян Б.Г., Семенов С.А. Новая нижнепалеоли-

тическая пещера «Ереван» // КСИА. 1971. Вып. 126. С. 32 – 37.

Кияшко В.Я., Поплевко Г.Н. Кремневые наконечники стрел Константиновского поселения // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 16. Азов: Азовский краеведческий музей, 2000. С. 241-258.

Любин В.П. Мустьерские культуры Кавказа. Л.: «Наука», 1977. 223 с.

Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 288 с.

Тушабрамишвили Д.М. Археологические памятники Цуцхватского многоэтажного пещерного комплекса. // Изучение пещер Колхиды (Цуцхватская многоярусная карстовая пещерная система). Тбилиси, 1978. 295 с.

Щелинский В.Е. Трасологическое изучение функций каменных орудий Губской мустьерской стоянки в Прикубанье // КСИА. 1975. Вып. 141. С. 51 – 57.

Anoykin A.A., Slavinski V.S., Rudaya N.A., Rybalko A.G. New Findings on Lithic Industries of the Middle to Upper Paleolithic Boundary in Dagestan. // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2013. №41 (2). P.26-39.

Backwell L., J. Bradfield, K.J. Carlson, T. Jashashvili, L. Wadley, F. d'Errico. The antiquity of bow-and-arrow technology: evidence from Middle Stone Age layers at Sibudu Cave. // Antiquity. 2018. Vol. 92(362). P. 289–303.

Bordes F. Typologie du Paléolithique Ancien et Moyen. Bordeaux: Publications de l'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux. 1961. 85 p., 11 figs., 108 plates.

Cleghorn N.E. A Zooarchaeological Perspective on the Middle to Upper Paleolithic Transition at Mezmaiskaya Cave, the Northwestern Caucasus, Russia. Ph.D. dissertation. New York: State University of New York at Stony Brook, 2006.

Conard N.J., Serangeli J., Böhner U., Starkovich B.M., Miller C.E., Urban B., Van Kolfschoten T. Excavations at Schöningen and paradigm shifts in human evolution. // Journal of Human Evolution. 2015. Vol. 89. P. 1-17.

d'Errico F., Zilhão J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J. Neanderthal acculturation in Western Europe? A critical review of the evidence and its interpretation. // Current Anthropology. 1998. Vol. 39(1). P. 1–44.

d'Errico F., Backwell L.R., Wadley L. Identifying regional variability in Middle Stone Age bone technology: The case of Sibudu Cave. // Journal of Archaeological Science. 2012. Vol. 39(7). P. 2479–2495.

d'Errico F., Henshilwood C.S. Additional evidence for bone technology in the southern African Middle Stone Age. // Journal of Human Evolution. 2007. Vol. 52. P. 142–163.

Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Nedomolkin A.G., Shackley M.S. The discovery of the first Middle Palaeolithic site with obsidian industry in the Central Caucasus. // Antiquity. 2017. Vol. 91(359). P. 1–6.

Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Nedomolkin A.G., Korzinova A.S., Tseltsovitch V.A., Kulkova M.A., Odnokova E.V., Shirobokov I.G., Ivanov V.V., Nesmeyanov S.A., Voeykova O.A., Muriy A.A., Tregub

T.F., Volkov M.A., Shackley M.S., Spasovskiy Yu.N. The first laminar Mousterian obsidian industry in the north-central Caucasus, Russia (preliminary results of a multidisciplinary research at Saradj-Chuko Grotto) // Archaeological Research in Asia. 2019. Vol. 18. P. 82 - 99.

Faulks N.R., Kimball L.R., Hidjrati N., Coffey T.S. Atomic Force Microscopy of Microwear Traces on Mousterian Tools from Myshtylagty Lagat (Weasel Cave), Russia. // SCANNING. 2011. Vol. 33 (5). P. 304–315.

Golovanova L.V. Neandertales des Caucase du Nord : entre ouest et est. // L'Anthropologie. 2015. Vol. 119. P. 254–301.

Golovanova L.V. Convergent bifacial, partly-bifacial and unifacial tools in the Eastern Micoquian sites of Northwestern Caucasus. // Book of abstracts 18th UISPP congress. Paris: UISPP, 2018. P. 1184-1185.

Golovanova L.V., Doronichev V.B. Dynamics of transformation of the industries on a boundary of Lower and Middle Palaeolithic Northwest Caucasus. // Quaternary International. 2017. Vol. 428. P. 26-48.

Henshilwood C.S., d'Errico F., Marean C.W., Milo R.G., Yates R.J. An early bone tool industry from the Middle Stone Age at Blombos Cave, South Africa: implications for the origins of modern human behaviour, symbolism and language. // Journal of Human Evolution. 2001. Vol. 41(6). P. 631–678.

Hidjrati N.I., Kimball L.R., Koetje T. Middle and Late Pleistocene investigations of Myshtylagty Lagat (Weasel Cave) North Ossetia, Russia // Antiquity. 2003. Vol. 77 (298). P. 1-5.

Hoffecker J.F., Cleghorn N. Mousterian Hunting Patterns in the Northern Caucasus and the Ecology of the Neanderthals. // International Journal of Osteoarchaeology. 2000. Vol. 10. P. 368-378.

Knecht H. Early Upper Paleolithic approaches to bone and antler projectile technology. // Hunting and Animal Exploitation in the Later Paleolithic and Mesolithic of Eurasia. Archaeological Papers of the American Anthropological Association. Washington DC, 1993. P. 33–47.

Knecht H. Projectile points of bone, antler and stone: experimental explorations of manufacture and use. // Projectile Technology. New York: Plenum Press, 1997. P. 191–212.

Kolfschoten Van T., Parfitt S.A., Serangeli J., Bello S.M. Lower Paleolithic bone tools from the 'Spear Horizon' at Schöningen (Germany). // Journal of Human Evolution. 2015. Vol. 89. P. 226-263.

Rots V. Insights into early Middle Palaeolithic tool use and hafting in Western Europe. The functional analysis of Level IIa of the early Middle Palaeolithic site of Biache-Saint-Vaast (France). // Journal of Archaeological Science. 2013. Vol. 40. P. 497–506.

Skinner A.R., Blackwell B.A.B., Martin S., Ortega A., Blickstein J.I.B., Golovanova L.V., Doronichev V.B. ESR Dating at Mezmaiskaya Cave, Russia. // Applied Radiation & Isotopes. 2005. P. 219-224.

Wilkins J., Schoville B., Brown K., Chazan M. Evidence for early hafted hunting technology. // Science. 2012. Vol. 338. P. 942–946.

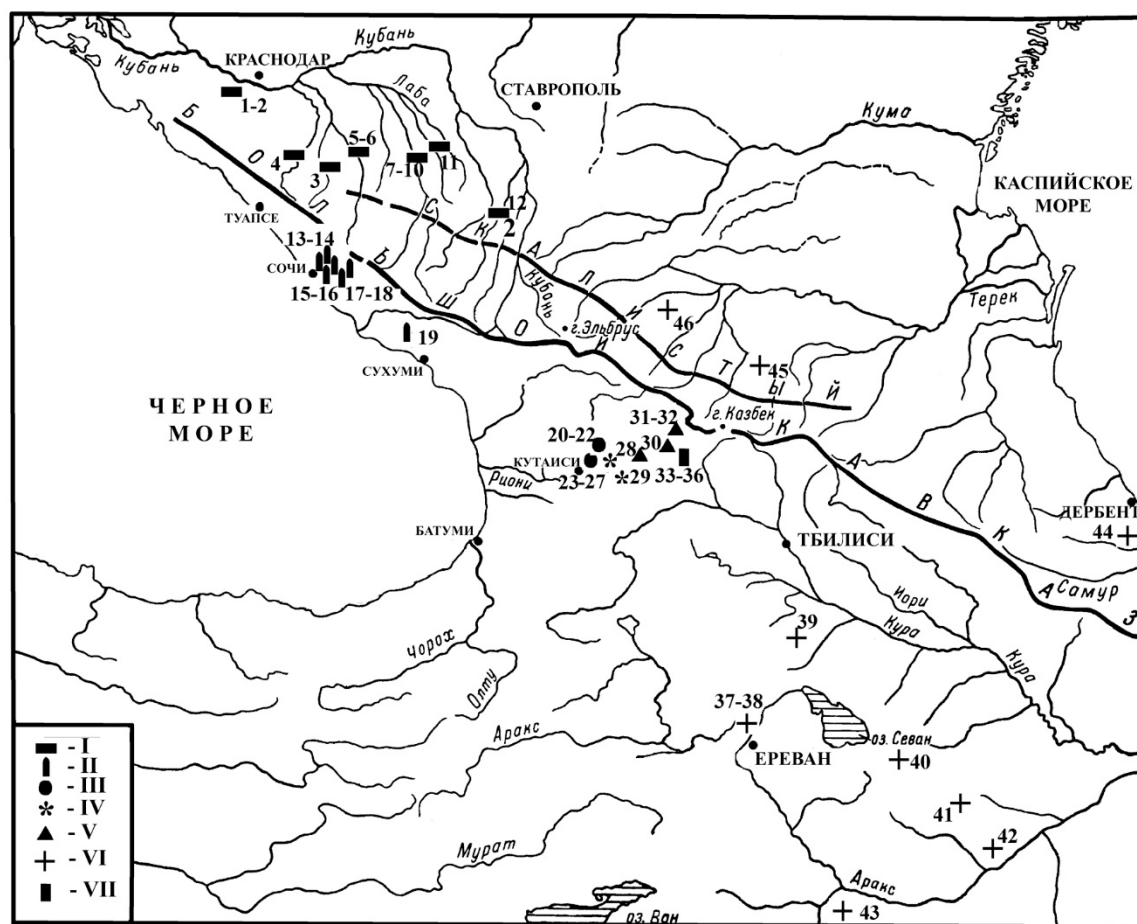

Рисунок 1. Карта Кавказа с указанием расположения основных стратифицированных памятников среднего палеолита.

I – Микокские памятники, II – Хостинская группировка, III – Цхалцительская группировка, IV – Цуцхватские памятники, V – Кударская группировка, VI – Загросские памятники, VII – Цхинвальская группировка.

Цифрами обозначены: 1-2 – Ильская 1 и 2; 3 – Мезмайская пещера; 4 – пещера Матузка; 5-6 – стоянки Среднехаджохская и Хаджох 2; 7-10 – Монашеская, Баракаевская, Аутлевская пещеры, Губский навес 1; 11 – Бесленевская, 12 – Баранаха 4; 13-14 – Малая Воронцовская и Навалишенская пещеры; 15-16 – пещеры Хостинские 1 и 2; 17-18 – Ахштырская и Кепшинская пещеры; 19 – пещера Мачагуа; 20-22 – пещеры Чахати, Ортвала, Сакажиа; 23-27 – пещеры Бронзовая, Бизоновая, Верхняя, Медвежья, Двойной грот; 28 – пещера Ортвала клде; 29 – пещера Джрочула; 30 – пещера Цона; 31-32 – пещеры Кударо 1 и 3; 33-36 – местонахождения Куркустакау, Тамарашени, Кусрети 1-3, Пеквинари; 37-38 – пещеры Ереванская и Лусакерт 1; 39 – пещера Дашсалахлы; 40 – пещера Зар; 41 – пещера Таглар; 42 – пещера Азых; 43 – пещера Газма; 44 – стоянка Тинит, 45 – пещера Ласок, 46 – грот Сарадж-Чуко.

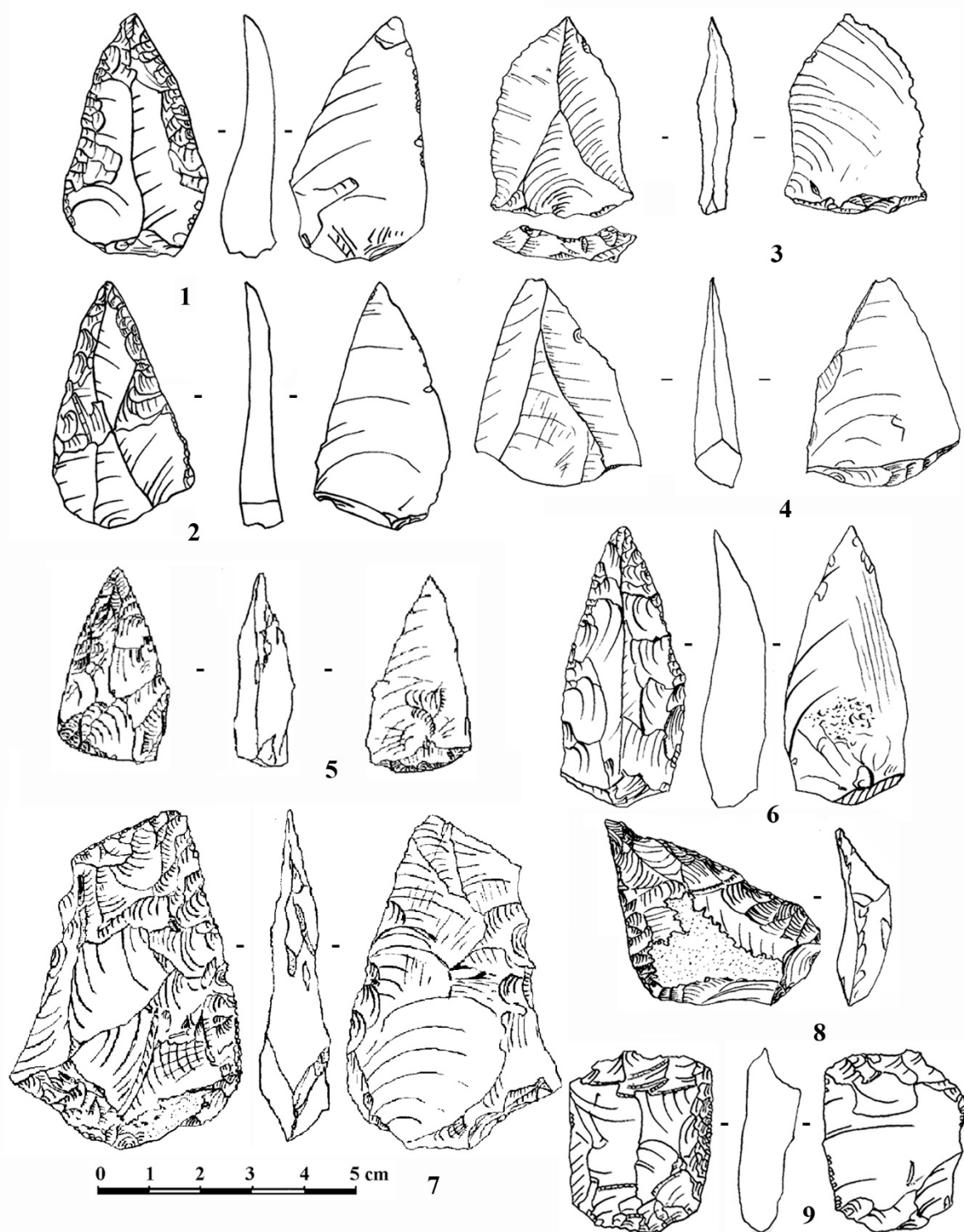

Рисунок 2. Грот Сарадж-Чуко, Приэльбрусье. Слой 6В, загросское мустье.

1-2 – леваллуазские ретушированные острия, 3-4 – леваллуазские острия, 5-6 – мустьерские острия, 7 – бифасиальное скребло, 8 – угловатое острие, 9 – скребло с ядрищным утоньшением.

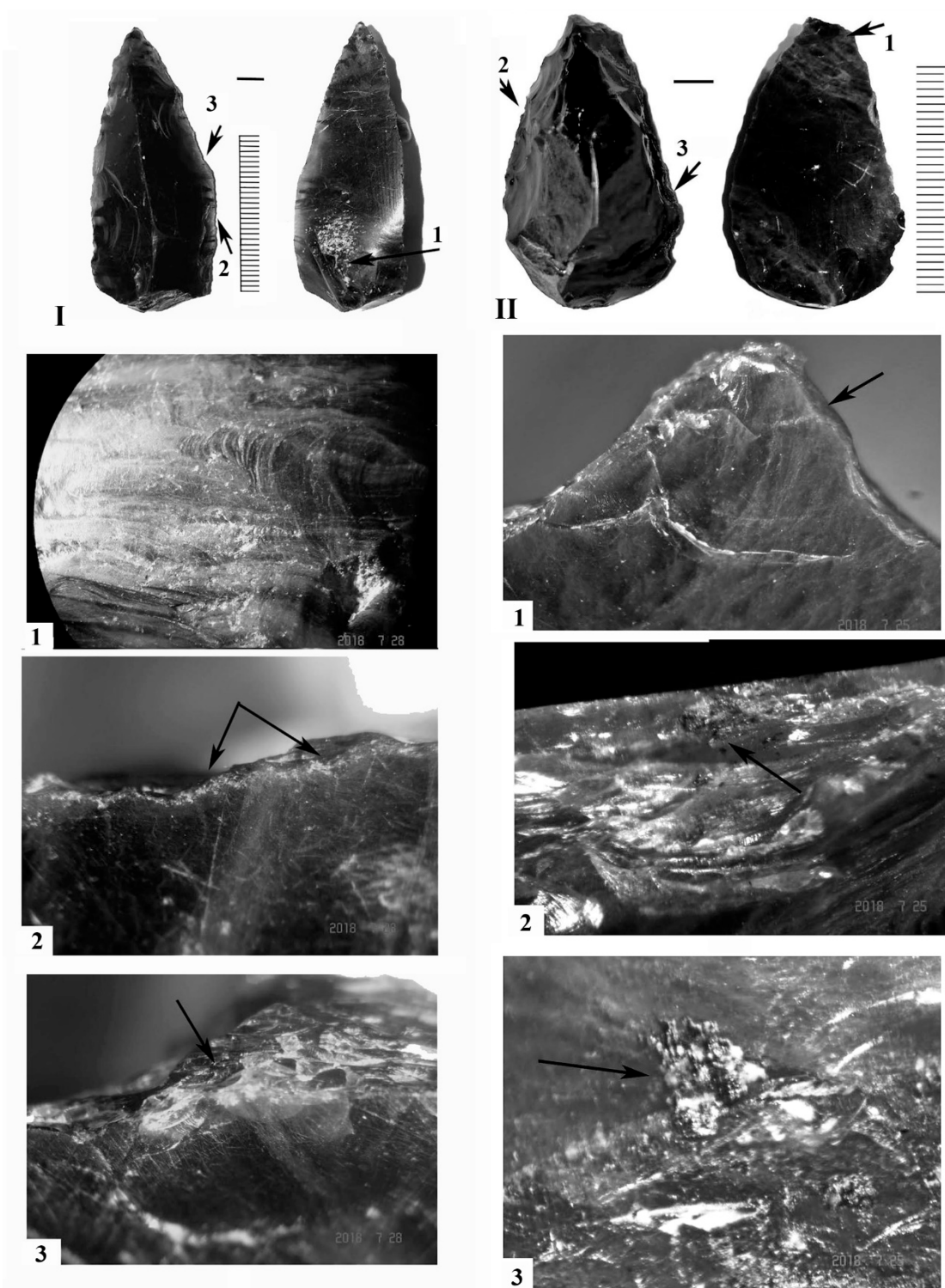

Рисунок 3. Грот Сарадж-Чуко, Приэльбрусье. Слой 6В. По: Дороничева и др., 2020b, рис. 4 и 7.

I. Наконечник копья. Цифрами обозначены: 1 – сглаженность поверхности ударного бугорка от крепления в деревянной рукояти; 2 – сглаженность на правом боковом ребре от крепления кожей (?); 3 – поверхность бокового ребра без сглаживания с острыми краями. Увеличение: А – х10, В – х20, С – х40.

Стрелками указано расположение микрофотографий.

II. Наконечник копья. Цифрами обозначены: 1 – облом на верхушке наконечника от удара; 2 – микроостатки органического вещества, возможно битума, на левом боковом ребре; 3 – микроостатки органического вещества, возможно битума, на правом боковом ребре. Увеличение: А – х20, В – х40, С – х60. Стрелками указано расположение микрофотографий.

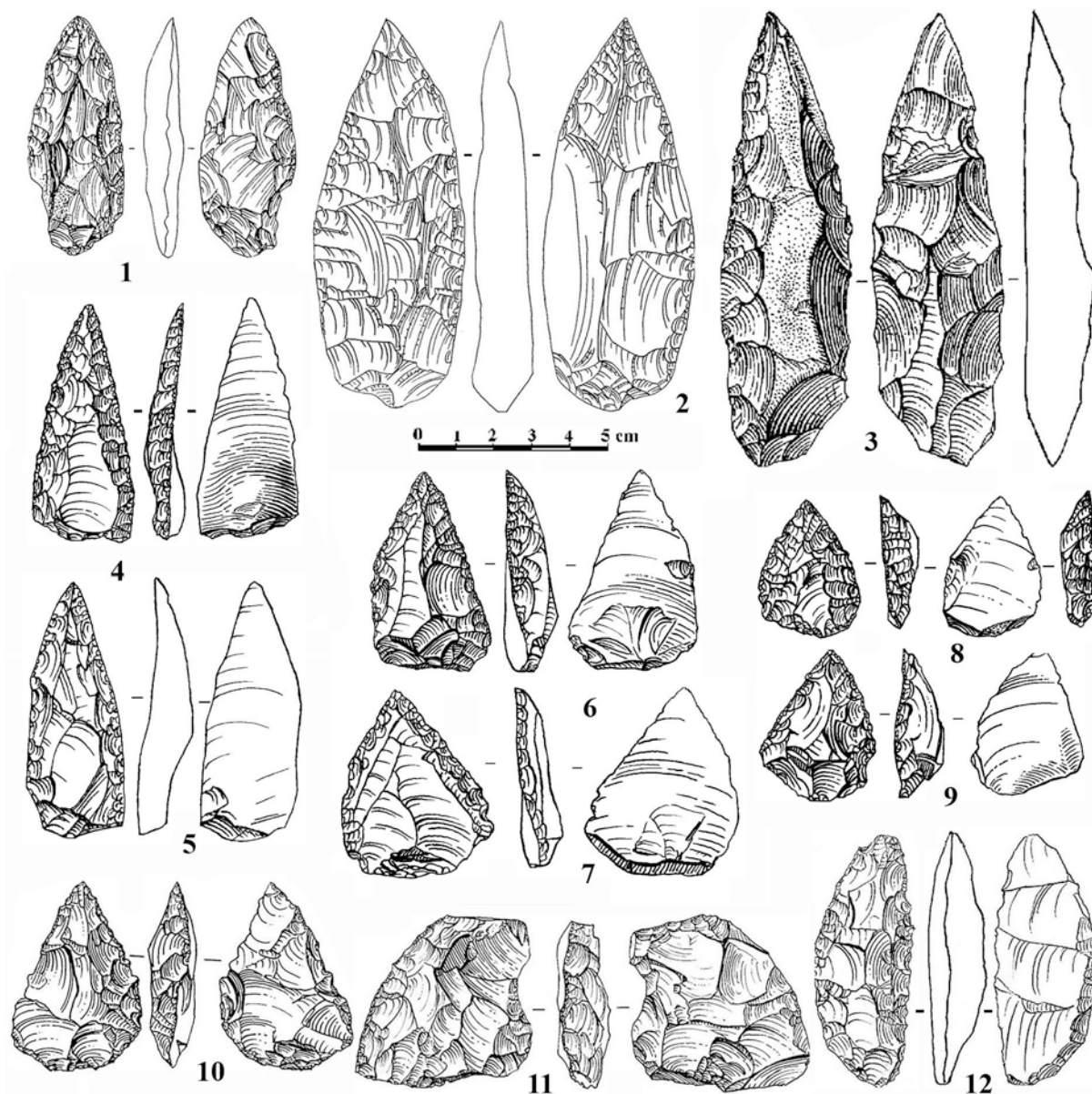

Рисунок 4. Каменная индустрия памятников восточного микока. Северо-Западный Кавказ.
 1-3 – бифасильные лавролистные наконечники, 4-5 – удлиненные мустьерские острия, 6-7 –
 укороченные мустьерские острия, 8-9 – мелкие мустьерские острия, 10 – бифасиальное треугольное
 орудие, 11-12 – бифасильные скребла.
 1, 4-12 – Мезмайская пещера, 2 – Среднехаджохская стоянка, слой 2, 3 – Стоянка Ильская 1.

Рисунок 5. Костяные орудия памятников восточного микока. Северо-Западный Кавказ.

1 – костяное острие:

1-1 – микроследы от пришлифовки кончика острия по 1 краю. Увеличение: Ах28; Вх42. Вид с бока.

1-2 – положение остатков древней мастики, определенной как битум и природная смола, 1-2а – макрофотография.

1-3 – положение следов прорезания и поверхности слома на острие, 1-3а – макрофотография микроследов от прорезания кремневым резцом. Увеличение: Ах28; Вх42; Сх56; Дх84. Вид на разрез в плане; 1-3б - макрофотография микроследов от срезания гладкой поверхности острия с надломленной тонкой структуры поверхности с образованием ступенчатого слома. Увеличение: Ах28; Вх42. Вид в плане.

2 – скребло на фрагменте трубчатой кости, 3 – костяное острие, обработанное ретушью, 4 - 5 – ретушеры.

А. Г. Недомолкин

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЛАСТИНЧАТОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ НА ЭПИПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ-МАСТЕРСКОЙ В ГУБСКОМ НАВЕСЕ №7 (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРИЗОНТА 3)

Резюме. Губский навес №7 является одним из важнейших памятников эппалеолита-мезолита на Северо-Западном Кавказе. Многочисленная коллекция, полученная в результате исследования этой стоянки, а также расположение памятника в непосредственной близости от выходов качественного кремня позволяет детально описать все этапы расщепления каменного сырья на этом памятнике. Проведенный в настоящем исследовании анализ метрических и морфологических характеристик нуклеусов, технических сколов и сколов заготовок позволил определить характерные для этого памятника модели утилизации нуклеусов, предпочтительные размеры сколов-заготовок, возможные техники скола. Сравнение коллекции Губского навеса №7 с материалами других эппалеолитических стоянок Северо-Западного Кавказа показывает ряд общих признаков.

Ключевые слова: эппалеолит, технология расщепления, модель утилизации нуклеуса, техника скола, Северо-Западный Кавказ.

Введение

На настоящий момент на Северо-Западном Кавказе известно 8 стратифицированных памятников эпохи эппалеолита. К ним относятся: слой 1-3 Мезмайской пещеры, первый верхнепалеолитический слой Губского навеса №1, Горизонты 3,4 Губского навеса №7, слой 4 пещеры Касожская, слои 5-7 пещеры Двойная, слои 5-12 навеса Чыгай (Губский навес №5), слой 1А стоянки Баранаха 4 и Бесленевская (Golovanova, Doronichev, 2020, Леонова, Александрова, 2012). Калиброванный возраст этих стоянок попадает в интервал от 17 до 12 тыс. л.н. Ряд характерных особенностей (раннее появление геометрических микролитов, характерные формы острий, в том числе острий с боковой выемкой) сближает эти памятники с эппалеолитическими стоянками Юго-Западного Кавказа. (Golovanova, Doronichev, 2020).

По характеру человеческой деятельности эти стоянки, с большой долей условности, мо-

гут быть разделены на памятники с активным расщеплением, расположенные на выходах достаточно качественного сырья и стоянки, расщепление на которых было основано преимущественно на использовании кремня, принесенного с удаленных месторождений.

Различия между этими типами стоянок проявляются в первую очередь в соотношении основных категорий каменного инвентаря: на стоянках, расположенных вблизи выходов кремня, значительно выше доля нуклеусов и технических сколов, высок процент отщепов, значительная часть сколов имеет участки, покрытые желвачной коркой.

Губский навес №7, анализу коллекции которого посвящена настоящая публикация, расположен на выходах достаточно качественного темно-коричневого и темно-серого кремня и может быть охарактеризован как стоянка с активным расщеплением, расположенная на выходах каменного сырья. Это обстоятельство позволяет достаточно подробно описать все этапы расщепления камня на этой стоянке.

Общая характеристика памятника

Губский навес №7 (навес Сатанай) расположен в Борисовском ущелье, по левому берегу р. Губс, на территории Мостовского района Краснодарского края. Абсолютная высота памятника составляет 721 м.

Стоянка была открыта П.У. Аутлевым в 1961 году. В 1962 и 1963 гг. исследования на памятнике продолжались при участии А. А. Формозова. В результате этих работ изученная площадь составила 42 м². Итогом этого этапа раскопок стала представительная коллекция каменных артефактов из слоя 2, включающая более 15 тысяч изделий из камня и кости, которую в разное время исследователи относили то к концу палеолита (Формозов, 1965, Амирханов, 1986, Любин, 1989) то к мезолиту (Бадер, 1970; Габуня, 1976).

В 1975 году, в рамках работ совместной экспедиции ЛОИА АН СССР и Адыгейского АНИИ ЭЯЛИ под общим руководством В. П. Любина, раскопки навеса Сатанай были воз-

обновлены. Исследования проводились П.У. Аутлевым и Х. А. Амирхановым. Площадь нового раскопа составила всего 4 м². На этом участке было обнаружено «разрушенное погребение». По фрагменту берцовой кости из этого погребения, получена радиоуглеродная дата: 9950±500BP (SPb-254). На основании этой даты предполагается калиброванный возраст погребения: 10,783 – 12,278 тыс. лет назад (Дороницева, Голованова, 2016).

Радиоуглеродное датирование. В Национальном музее Республики Адыгея все находки из Губского навеса №7, включая кости, хранились по раскопочным горизонтам. Это позволило получить даты по костям: для 3-го горизонта: 11140 ± 100 (SPb-132) и для 4-го горизонта: 11200 ± 130 (SPb-131). Верхний горизонт 1(7950 ± 140 тыс.л.н. (LE-4981)) и горизонт 2 (7780 ± 200 тыс.л.н. (LE-4982)) имеют голоценовый возраст (Голованова, Дороничев, Блажко, 2006; Голованова, Дороничев, 2012). Датирование позволило обосновать финально-плейстоценовый возраст нижних горизонтов 3 и 4 слоя 2. Их калиброванный возраст оценивается: 13,188 или 12,937 – 13,251 тыс. лет назад. Полученные абсолютные даты позволили доказать одновременность верхних и нижних горизонтов, которые ранее рассматривались как один слой 2, а археологические

находки из них анализировались как единая индустрия.

Состав археологической коллекции горизонта 3 Губского навеса №7

В настоящее время коллекция горизонта 3 Губского навеса №7, которая хранится в Национальном Музее Республики Адыгея, включает 2180 каменных изделий. В коллекции преобладают сколы (73,6%). Нуклеусы достаточно многочисленны (4,5%) (табл. 1).

Мелкие отходы расщепления и изготовления орудий почти отсутствуют, что может говорить об утрате части микроматериала (в том числе микропластинок и обломков орудий) в ходе раскопок (Голованова, Дороничев, 2012).

Типологически выраженные орудия в коллекции достаточно многочисленны (235 экз.) и составляют 10,8% от общего состава коллекции.

Самыми многочисленными категориями орудий являются скребки 72 экз., ППК -51 экз., и резцы 41 экз. (рис. 6. 1,3,6). Выразительными сериями представлены пластины с косоретушным краем (рис.6. 2,4) -18 экз., и геометрические микролиты. Среди последних присутствуют трапеции, сегменты и треугольник (рис.5. 1-5). Острий (рис. 5. 6-8) в коллекции только 3 экз (табл.2).

Таблица 1. Состав коллекции горизонта 3 Губского навеса №7

Нуклеусы и нуклеидные обломки	Пластины	Пластинки	Микропластинки	Отщепы	Технические сколы	Чешуйки	Осколки	Всего	Орудия
108	789	325	2	840	64	7	8	2180	235
4,9%	36,2%	16,6%	0,1%	38,5%	2,9%	0,3%	0,4%	100%	10,8%

Таблица 2. Состав орудий из горизонта 3 Губского навеса №7

Геометрические микролиты			ППК	Острия	Резцы	Скребки	Зубчатые орудия	Пластины с косоретушным краем	Разное	Отщепы с ретушью	Всего
Сегменты	Трапеции	Треугольники									
3	5	1	51	3	41	72	45	18	3	5	235
1,3%	2,1%	0,4%	21,7%	1,3%	17,5%	30,6%	19,1%	7,7%	1,3%	2,1%	100%

Большая часть орудий сделана на небольших пластинах и пластинках, отщепы систематически использовались только для изготовления скребков (40 экз.).

Методика исследования

С момента открытия материалы Губского навеса №7 использовались во всех обобщающих работах, посвященных верхнему палеолиту Кавказа (Формозов, 1965, Бадер, 1965, Амирханов 1986, Любин 1989). В публикациях

60-70х гг. при анализе археологических коллекций основное внимание уделялось особенностям типологии каменных орудий, которая позволяла определять хронологическую позицию памятника и путем подбора аналогий предполагать круг культурных связей (Формозов, 1965; Бадер, 1965).

В более поздних работах исследование коллекции проводилось в рамках технико-типологического метода. В этих публикациях

приводится полный состав коллекции, представлен тип-лист, включающий все формы орудий. Анализ первичного расщепления ограничивается определением количественного соотношения пластин и отщепов, дается общая описательная характеристика нуклеусов (Амирханов, 1986).

Целью настоящей работы было изучение технологии расщепления каменного сырья в горизонте 3 Губского навеса №7. Данная задача предполагает определение моделей утилизации нуклеусов и реконструкцию техники скола.

При анализе нуклеусов использовались элементы динамического технологического анализа, разработанного В.Б. Дороничевым. Для определения моделей утилизации нуклеусов учитывалось количество и взаимное расположение поверхностей скалывания и связанных с ними ударных площадок (Дороничев, 1991).

Методика определения техники скола основана на анализе метрических и морфологических характеристик нуклеусов и сколов-заготовок. Перечень этих характеристик детально разработан на основании экспериментальных данных в отечественной и зарубежной литературе. Он включает свыше 20 пунктов (Гиря, Волков, 1990; Pelegrin, 2000; Поплевко, 2007 и др.). В настоящей работе для определения техники скола использованы наиболее, на наш взгляд, информативные из них.

Сырье

Подавляющее большинство каменных артефактов изготовлена из местного кремня темно-серого и коричневого цвета (98%). Незначительная часть - 35 экз. (1,5%) сделана из непрозрачного кремня розового цвета. Единичными предметами представлены изделия из песчаника (6 экз.), цветного (3 экз.) и желтого кремня (2 экз.).

Нуклеусы

Нуклеусы и нуклевидные обломки составляют 4,9% (108 экз.) от общего состава коллекции. Среди нуклеусов выделяются следующие группы.

Нуклевидные обломки – 46.

Пробные нуклеусы – 7.

Призматические односторонние одноплощадочные – 25.

Призматические односторонние двухплощадочные – 8.

Призматические двухсторонние двухплощадочные – 1.

Торцовые односторонние одноплощадочные – 11.

Торцовый двусторонний одноплощадочный – 1.

Призматические, с переходом к торцовому скалыванию – 2.

Обломки нуклеусов – 7.

Среди ядрищ с выраженной морфологией преобладают призматические односторонние одно- и двухплощадочные нуклеусы – 33 экз. (Рис.1, 2). Торцовые нуклеусы представлены 12 предметами (Рис. 3).

На рисунке 1.1 Показан пробный нуклеус из местного кремня, большая часть его поверхности покрыта желвачной коркой. Ударная площадка подготовлена серией сколов. Угол между ударной площадкой и поверхностью расщепления около 70°. На поверхности расщепления укороченные негативы неудачных параллельных сколов, снятых с ударной площадки, и два негатива, сколотых с противоположной стороны нуклеуса, возможно с целью подправки поверхности скалывания.

На рисунке 2.1 изображен сильно сработанный односторонний одноплощадочный призматический нуклеус (43,9 мм х 27,0 мм х 19 мм). Он сделан из местного серого кремня. Ударная площадка подготовлена серией крупных плоских сколов. Край ударной площадки дополнительно подправлен серией небольших сколов, вероятно, с целью увеличить угол между поверхностью расщепления и ударной площадкой. Поверхность расщепления нуклеуса плоская, покрыта параллельными негативами от скалывания пластинок и узких пластин.

Рисунок 1.2 демонстрирует фрагмент крупного призматического нуклеуса. Ударная площадка подготовлена серией крупных сколов, угол между ударной площадкой и поверхностью расщепления близок 90%. На поверхности расщепления параллельные негативы от скалывания пластин и отщепов.

Односторонний одноплощадочный нуклеус цилиндрической формы изображен на рисунке 1.3. Он сделан на фрагменте кремневого желвака. Ударная площадка подготовлена одним крупным сколом. На поверхности расщепления короткие глубокие негативы, оканчивающиеся заломами.

Односторонние двухплощадочные нуклеусы изображены на рисунках 1.4; 2.2,3. Все они представляют собой сильно сработанные ядрища, у которых ударные площадки располо-

жены на противоположных сторонах нуклеуса. Скалывание велось по одной поверхности во встречных направлениях.

Призматический, двухсторонний двухплощадочный нуклеус в коллекции один (Рис. 2.5). Ударные площадки размещены на противоположных сторонах нуклеуса под углом $75-80^\circ$ к поверхностям скалывания. Скалывание велось по разным поверхностям нуклеуса во встречных направлениях.

Торцовых нуклеусов в коллекции 12 шт. (Рис. 3). Все они сделаны на крупных отщепах или плоских обломках кремня. На рисунке 3.1 изображен торцовый односторонний одноплощадочный нуклеус на крупном отщепе качественного темно-коричневого кремня. Ударная площадка этого нуклеуса подготовлена двумя параллельными снятиями. Поверхность расщепления сформирована на дистальном конце отщепа – заготовки.

Торцовый односторонний двухплощадочный нуклеус представлен на рисунке 3.3. Он сделан на массивном отщепе темно-коричневого кремня, ударные площадки подготовлены на боковых краях отщепа – заготовки. Поверхностью скалывания служит дистальный конец исходной заготовки.

Рисунок 3.4 демонстрирует торцовый двухсторонний одноплощадочный нуклеус на массивном отщепе. Ударная площадка гладкая, сформирована одним крупным сколом. Поверхности скалывания размещены на противоположных сторонах нуклеуса.

Нуклеусы, на которых можно проследить переход от скалывания с широкого фронта к торцовому, показаны на рисунках 3.3, 3.5. Односторонний двухплощадочный нуклеус изображен на рисунке 3.3. Ударные площадки размещены на противоположных концах нуклеуса. Первая связана со скалыванием пластин и пластинок с широкого фронта, вторая служила для торцового скалывания пластинок. На торцовой поверхности расщепления сохранился участок ребра, одна грань которого обработана мелкими сколами.

Технические сколы

Технических сколов в коллекции 64 экземпляра. Наиболее многочисленны реберчатые пластины 54 экз. (Рис. 4). Сколы поправки ударной площадки представлены 4 предметами. Сколы подправки поверхности расщепления – 3 экз., сколов переоформления нуклеусов – 3 экз.

Реберчатый скол, инициирующий расщеп-

ление нуклеуса, показан на рисунке 4.1. Это крупная пластина (86,2 мм x 21,1 мм x 8,4 мм) с прямым профилем, перообразным окончанием и гладкой ударной площадкой. Проксимальный и дистальный концы покрыты желвачной коркой. В средней части пластины крупным сколами сформировано двухстороннее ребро.

У большинства реберчатых сколов из горизонта 3 Губского навеса №7 только одна грань, ребра оформлены поперечными сколами (рис. 4.2, 4.5). Эта особенность морфологии вероятно связана с оформлением нуклеусов на крупных отщепах, где одна грань гладкая и представляет собой участок вентральной поверхности отщепа, а вторая, связанная с дорсальной стороной, подправлена поперечными сколами. Также это особенность морфологии технических сколов может указывать на переход от расщепления по широкому фронту к торцовому скалыванию. У нуклеуса, изображенного на рис. 4.3 на торце сохранился участок такого ребра.

Сколы подправки ударной площадки представлены в коллекции 4 предметами (Рис. 4.3; 4.8). У этих отщепов дорсальная сторона представляет собой поверхность ударной площадки, а один из краев покрыт негативами проксимальных частей параллельных пластинчатых снятий.

Сколов подправки поверхности расщепления в коллекции три (Рис. 4.6, 7). Это крупные отщепы, удалившие значительную часть поверхности расщепления. Технический скол, показанный на рисунке 4.6, был снят с противоположащей ударной площадки. Дорсальная поверхность его покрыта негативами параллельных пластинчатых снятий, а дистальный конец представляет собой участок ударной площадки.

Характеристика сколов

Сколы составляют большую часть коллекции (92,2%). Среди сколов преобладают пластинчатые заготовки (52%), отщепов – 47,8%. Часть сколов имеет на дорсальной поверхности участки, покрытые желвачной коркой. Среди отщепов таких сколов – 15,8%, среди пластин и пластинок – 5,2%. Большая часть пластинчатых сколов (82,6 %) фрагментирована. Распределение пластин и пластинок по фрагментам показано в таблице 2.

Целые сколы составляют 19,3% среди пластин и 12,4 % среди пластинок. Наиболее многочисленны медиальные фрагменты пластин

(34,7%) и пластинок (46,7%). Доля проксимальных фрагментов у пластин (23,4%) несколько выше, чем у пластинок (19,1%).

Метрические параметры пластинчатых сколов. Длина целых пластинчатых сколов колеблется в интервале от 17 до 65 мм. Для 77,3% сколов этот показатель попадает в интервал от 20 до 45 мм. Более крупные сколы составляют 17,3% (Рис. 5.1).

Распределение пластинчатых сколов по ширине показывает график на рисунке 5.2. Этот показатель колеблется в интервале от 4 до 25 мм. Среднее значение составляет 12,9 мм. Большая часть сколов (71,9%) достаточно равномерно распределена в диапазоне от 8 до

15 мм. Пластины шириной 15 – 18 мм составляют 13,1%. Крупные сколы шириной более 18 мм единичны.

Толщина пластин и пластинок в горизонте 3 Губского навеса №7 не превышает 10 мм, при среднем значении 3,9 мм. У 91 % сколов этот показатель колеблется в интервале от 2 до 6 мм. Наиболее многочисленны сколы толщиной 3-4 мм (33,7%) (Рис. 5.3).

Для оценки пропорций пластинчатых сколов дополнительно был введен показатель относительной толщины скола (толщина/ширину × 100%). Для 90% сколов этот показатель колеблется в интервале от 15 до 45%. Более массивные сколы малочисленны (Рис. 6.1).

Таблица 3. Фрагментация пластинчатых сколов из горизонта 3 Губского навеса №7.

Пластинчатые сколы	Целые	Проксимальные	Медиальные	Дистальные	Всего
Пластины	129(19,3%)	157(23,4%)	232 (34,7%)	158 (23,6%)	670 (100%)
Пластинки	30 (12,4%)	47(19,1%)	112(46,7%)	57 (23,2%)	246 (100%)

Таблица 4. Ударные площадки пластинчатых сколов из горизонта 3 Губского навеса №7.

Точечная	Гладкая	Двухгранная	Фасетированная	Корка	Повреждена	Всего
10 (2,8%)	316 (87%)	7(1,9%)	3 (0,9%)	3(0,9%)	22 (6,1%)	361

Характеристика ударных площадок пластинчатых сколов. Большая часть целых пластинчатых сколов и проксимальных фрагментов имеют выраженную ударную площадку. У подавляющего числа сколов (87,2%) ударная площадка гладкая. Сколы с двухгранной и фасетированной ударной площадкой единичны (Таблица 3).

Ширина ударных площадок колеблется в интервале от 1 до 12,5 мм, но у 85,1% не превышает 7 мм. Кроме того выделяется небольшая группа из 15(7,2%) крупных сколов, у которых ширина ударной площадки изменяется в интервале от 7 до 9 мм (Рис. 6.2).

Глубина ударной площадки попадает в диапазон от 0,5мм до 6 мм. Для 85,1% сколов этот показатель варьирует в интервале от 0,5мм до 2,5 мм (Рис. 105). У небольшой части сколов (9,8%) глубина ударной площадки составляет 2,5-4 мм. Пластины с более глубокой ударной площадкой единичны (Рис. 6.3).

Морфологическая характеристика пластинчатых сколов

Огранка. Для большей части (87,6%) пластинчатых заготовок горизонта 3 Губского навеса №7 характерна параллельная однонаправленная огранка дорсальной поверхности.

У 8,5% сколов дорсальная сторона сочетает параллельную однонаправленную огранку и участки, покрытые коркой. У 3,2% сколов огранка параллельная встречная. Преобладание среди пластинчатых сколов изделий с параллельной однонаправленной огранкой коррелируется с типами нуклеусов, среди которых преобладают односторонние одноплощадочные. Редкие сколы со встречной огранкой связаны малочисленными односторонними двухплощадочными нуклеусами.

Форма окончания. Целые сколы и дистальные фрагменты имеют преимущественно перообразное окончание (76,5%). Сколы с петлевым окончанием малочисленны (16,5%), единичные изделия имеют ныряющее окончание (3,1%).

Профиль. Для пластин и пластинок характерен прямой профиль (Рис. 99. 10-13), изогнутый профиль встречается только у крупных пластин и единичных пластинок.

Вентральный карниз и изъязнец. Базальные части пластинчатых сколов характеризуются плоским, слабовыраженным ударным бугорком. Среди пластин и пластинок выделена небольшая группа сколов с т.н. «неконическим началом скалывающей», т.е. очень широкой и

глубокой ударной площадкой при отсутствии ударного бугорка.

Наличие вентрального карниза отмечено у 61,9% целых сколов и проксимальных фрагментов, у 38,1% он отсутствует. 20,1% пластин и пластинок имеют изъязнец на ударном бугорке. У двух пластин на ударном бугорке отмечен глубокий вылом.

Реконструкция технологии расщепления

Приведенное выше описание технологического контекста горизонта 3 Губского навеса №7 позволяет в общих чертах восстановить технологию расщепления на этом памятнике.

Основные модели утилизации нуклеусов. Описание и классификация ядрищ из горизонта 3 Губского навеса №7 дает возможность определить основные модели утилизации нуклеусов. Призматические нуклеусы демонстрируют три модели утилизации:

1. Скалывание по одной поверхности с одной ударной площадки (Рис 2.1,4).

2. Встречное скалывание с противолежащих ударных площадок по одной поверхности (Рис. 2. 2,3).

3. Скалывание с противолежащих площадок по противолежащим сторонам нуклеуса (Рис. 2. 5).

Отмечен переход от скалывания с широкого фронта к торцовому скалыванию (Рис. 3.3).

Торцовые нуклеусы изготавливались преимущественно на крупных отщепах (Рис. 3. 1,4). На торцовых нуклеусах можно выделить следующие модели утилизации:

1. Скалывание с одной ударной площадки по одной поверхности (Рис. 3.2).

2. Скалывание по одной поверхности с противолежащих ударных площадок (Рис. 3.1).

3. Скалывание с одной ударной площадки по противоположным сторонам нуклеуса (Рис 3. 4).

Реконструкция техники скола. Сравнительно небольшое число сколов (15,8% среди отщепов и 5,2% среди пластин и пластинок) с коркой указывает на то, что первоначальный отбор кусков сырья проходили за пределами стоянки. При этом обилие нуклеусов и технических сколов указывают на то, что скалывание заготовок велось непосредственно под навесом.

На расположенных в том же ущелье реки Губс памятниках верхнего палеолита (первый и второй верхнепалеолитические слои Губско-

го навеса № 1) доля сколов с коркой заметно выше. Сколы с коркой составляют 37,3% отщепов и 9,6% пластинчатых сколов во втором верхнепалеолитическом слое и 49,4% отщепов и 12,5% пластинчатых сколов в первом эппалеолитическом слое Губского навеса №1.

Скалывание велось преимущественно с призматических односторонних нуклеусов с широким фронтом расщепления. Торцовые нуклеусы использовались, но их значительно меньше, чем призматических, а негативы на их поверхностях скалывания близки по размерам негативам на призматических нуклеусах.

Целью расщепления были пластинки и пластины шириной 8-15 мм, которые служили заготовками для подавляющего большинства ретушированных орудий.

Наличие у большей части пластинчатых сколов вентрального карниза, слабо выраженный ударный бугорок, небольшое число сколов с изъязнцем позволяют исключить из возможных способов скалывания прямой удар жестким каменным отбойником. Преобладание сколов с достаточно широкими и глубокими ударными площадками (больше 1,5 мм в глубину) не позволяют говорить о регулярном использовании мягкого минерального отбойника, т.к. для сколов, полученных мягким минеральным отбойником характерна незначительная глубина ударной площадки (около 1мм) (Pelegriñ, 2000, Еськова, 2015). В тоже время, наличие в коллекции серии пластин с прямым профилем и регулярной огранкой предполагает возможность использования техники отжима или удара через посредник. При этом толщина значительной части сколов превышает значения толщины, характерные для пластин, полученных в технике отжима (2,5-3 мм) (Волков, Гирия, 1990; Поплевко, 2007), что позволяет предполагать либо сочетание ударной и отжимной техник скалывания, либо использование удара через посредник.

Обсуждение

Для определения характерных черт, присущих стоянкам с активным расщеплением, расположенных вблизи источников пригодного для расщепления кремня, необходимо провести сравнение коллекции горизонта 3 Губского навеса №7 с другими эппалеолитическими памятниками Северо-Западного Кавказа.

Таблица №5 показывает соотношение основных категорий каменного инвентаря на

памятниках Северо-Западного Кавказа (данные приводятся по Голованова, Дороничев, 2012). На большинстве этих памятников нуклеусы достаточно многочисленны. Они составляют: 4,9% в горизонте 3 Губского навеса №7, 3,4% в первом верхнепалеолитическом

слое Губского навеса №1, 4,3% в коллекции стоянки Баранаха -4, и 11,5% среди каменного инвентаря горизонтов 3-6 пещеры Касожская. Только в материалах слоя 1-3 Мезмайской пещеры число нуклеусов на порядок ниже (0,27%).

Таблица 5. Технологически значимые категории каменного инвентаря на памятниках эпипалеолита Северо-Западного Кавказа.

	Нуклеусы	Тех. сколы	Отщепы	Пластины, пластинки, микропластинки	Обломки	Чешуйки и микрочешуйки	Всего
Губский навес №7	108	64	840	1115	7	8	2180
Губский навес №1, первый ВП слой	41	11	486	351	50	357	1347
Пещера Касожская	41	214	569	1269	507	903	3757
Стоянка Баранаха 4	8	8	58	56	2	43	184
Мезмайская пещера, слой 1-3	20	59	541	1660	769	3979	7324

Представляет интерес так же соотношение числа нуклеусов и технических сколов. В материалах Губского навеса №7, первого верхнепалеолитического слоя Губского навеса №1, стоянки Баранаха 4 число технических сколов меньше или равно количеству нуклеусов. Только в слое 1-3 Мезмайской пещеры и в коллекции нижних горизонтов пещеры Касожская технических сколов значительно больше, чем нуклеусов. Это позволяет предполагать интенсивную утилизацию и многочисленные переоформления нуклеусов на этих стоянках.

По соотношению основных категорий сколов (отщепы/пластинчатые сколы) так же прослеживаются заметные различия. В коллекциях горизонта 3 навеса Сатанай, первом верхнепалеолитическом слое Губского навеса №1, стоянки Баранаха-4 число отщепов близко количеству пластинчатых сколов или превосходит их (табл. 5), в то время как в слое 1-3 Мезмайской пещеры и в нижних горизонтах пещеры Касожская отщепы отщепов заметно больше пластин и пластинок. На этих стоянках они составляют 24,6% (в слое 1-3 мезмайской пещеры) и 31% (в пещере Касожская) от общего числа сколов.

Сопоставление коллекции горизонта 3 Губского навеса №7 с коллекциями других памятников Северо-Западного Кавказа показывает, что стоянки с активным расщеплением расположенные на выходах сырья отличаются высоким процентом нуклеусов, небольшим числом технических сколов (тех. сколов меньше

чем нуклеусов), высоким процентом отщепов (число отщепов больше или близко количеству пластинчатых сколов). К памятникам этого типа могут быть отнесены: первый верхнепалеолитический слой Губского навеса №1 и горизонт 3 Губского навеса №7. Коллекция стоянки Баранаха 4 малочисленна, поэтому соотношение основных категорий каменного инвентаря может быть искажено.

Для коллекции слоя 1-3 Мезмайской пещеры характерны: низкий процент нуклеусов (0,27%), большое число технических сколов по сравнению с нуклеусами, низкий процент отщепов среди сколов. Расщепление на этой стоянке было основано на утилизации преимущественно приносного каменного сырья (Дороничева, 2013), а тип стоянки определяется как сезонная стоянка активного обитания.

Нижние горизонты Касожской пещеры по соотношению основных каменного инвентаря близки слою 1-3 Мезмайской пещеры (достаточно низкий процент отщепов и нуклеусов, большое число технических сколов в сравнении с количеством нуклеусов). Эти факторы, несмотря на близость источников сырья, не позволяют определить нижние горизонты Касожской пещеры как стоянку мастерскую.

Заключение.

Комплекс каменных артефактов из горизонта 3 Губского навеса №7 находит аналогии на других эпипалеолитических стоянках Северо-Западного Кавказа (первый верхнепалеолитический слой Губского навеса №1, горизонты 3 и 4 пещеры Касожская, эпипалеолитический

тические слои стоянок открытого типа Беслеевская-1 и Баранаха - 4). Самой яркой чертой объединяющей большую часть этих памятников является присутствие в коллекциях геометрических микролитов. Наиболее полные аналогии коллекция горизонта 3 навеса Сатанай находит в верхних горизонтах слоя 1-3 Мезмайской пещеры как по составу орудий, так и технике расщепления.

Близость в составе комплекса ретушированных орудий проявляется в наличии разных форм геометрических микролитов (сегментов, трапеций, треугольников), острый типа граветт и пластин с косоретушным краем, скребков и резцов на пластинах, большом количестве зубчато-выемчатых орудий. На многих стоянках найдены острия на пластинках с боковой выемкой.

Сходство в технике расщепления выражается, прежде всего, в ориентации на скалывание пластинок и узких пластин, при отсутствии (Губский навес №7), либо незначительном числе микропластинок (горизонты 1,2,3 слоя 1-3 Мезмайской пещеры). Исчезают орудия на микропластинках. Близки также метрические параметры сколов (в первую очередь ширина) и морфологические характеристики (регулярная параллельная огранка дорсальной поверхности и прямой профиль пластинок).

В целом, материалы 3 горизонта навеса Сатанай дают общее впечатление о характере индустрии конца эппалеолитического периода (ок. 13,3 – 11,5 тыс.л.н.).

Расщепление было основано преимущественно на утилизации призматических односторонних нуклеусов с широким фронтом скалывания. Целью расщепления было скалывание пластинок и пластин шириной 8-15 мм.

Анализ морфо-метрических характеристик пластинчатых сколов позволяет предполагать либо возможность сочетания ударной и отжимной техник скалывания, либо использование удара через посредник.

Ряд орудийных форм, таких как ППК, острия граветт, симметричные острия, косоретушные пластинки, крупные сегменты (lunates), простые низкие трапеции и треугольники находят аналогии в других эппалеолитических памятниках региона, прежде всего в индустрии слоя 1-3 Мезмайской пещеры (Голованова, Дороничев, 2012).

ЛИТЕРАТУРА

Амирханов Х.А. Верхний палеолит Прикубанья. М.: Наука, 1986. 112 с.

Бадер Н.О. Мезолит. // Каменный век на территории СССР. Сборник статей. М., 1970. С. 90-104.

Бадер Н. О. Верхний палеолит Кавказа // Палеолит СССР. Археология СССР. М., 1984. С. 272-302.

Волков В.П., Гирия Е.Ю. Опыт исследования техники скола // Проблемы технологии древних производств. Новосибирск, 1990. С. 38-56.

Габуния М. К. Триалетская мезолитическая культура. Тбилиси, 1976. На груз. яз. с рус. рез.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А.Н. Сорокина. / Отв.ред. С.В. Ошибкина. М.: ИА РАН, 2012. С. 59-102.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Блажко А.В. Радиоуглеродная хронология позднего палеолита Кавказа. // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 2006. С. 58-61.

Дороничев В.Б. Анализ технологии расщепления камня в раннем палеолите: проблема метода. // СА. 1991. Вып. 3. С. 130-142.

Дороничева Е.В., Голованова Л.В. Верхнепалеолитические погребения на Западном Кавказе по данным археологии, антропологии и генетики. // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая-2 июня 2016 г.). / Отв. редакторы Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: ИП Смородин, 2016. С. 96-103.

Дороничева Е.В. Кулькова М.А., Шекли М. С. Использование каменного сырья в верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. Вып. 2 (54). С. 41- 53.

Еськова Д.К. Технология расщепления камня на стоянках Восточного граветта Русской Равнины. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. М.: ИА РАН, 2015. 293 с.

Леонова Е.В., Александрова О.И. Динамика культурных процессов в верхнем палеолите – мезолите Северо-Западного Кавказа (по материалам многослойных памятников навес Чыгай и пещера Двойная. // Историко – культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН. 2012. С. 21-28.

Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб., Издательство «Дмитрий Буланин», 2007. 388 с.

Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965. 160 с.

Pelegri J. Les techniques de débitage laminaire au Tardiglaciaire: critères de diagnose et quelques réflexions // L'Europe centrale et septentrionale au Tardiglaciaire. Confrontation des modèles régionaux de peuplement: Actes de la table-ronde (Nemours, 14-16 mai 1997). Nemours: Assoc. pour la Promotion de la Recherche Archéologique en Île-de-France, 2000. P. 73-86.

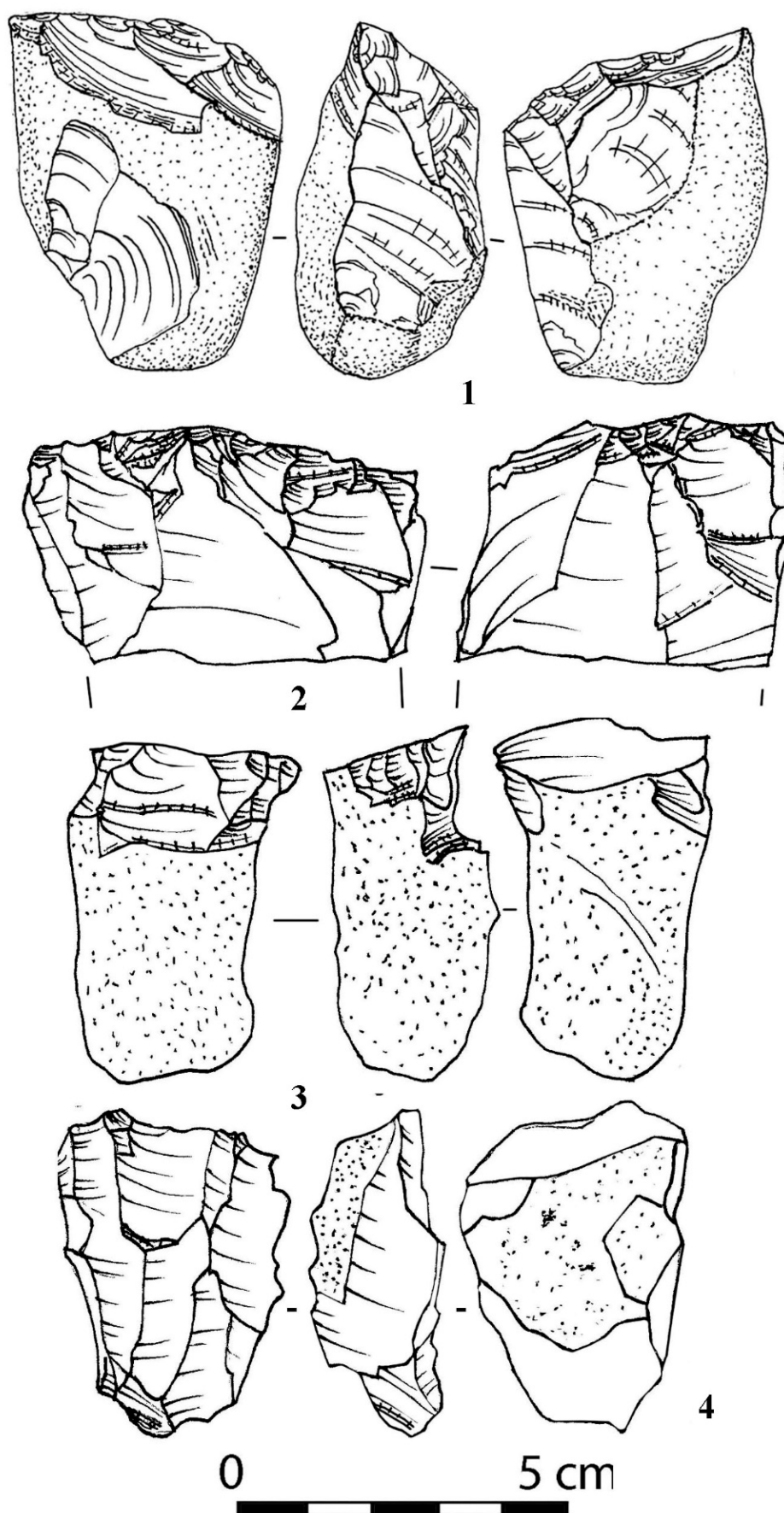

Рисунок 1. Губский навес №7. Третий горизонт. Нуклеусы.

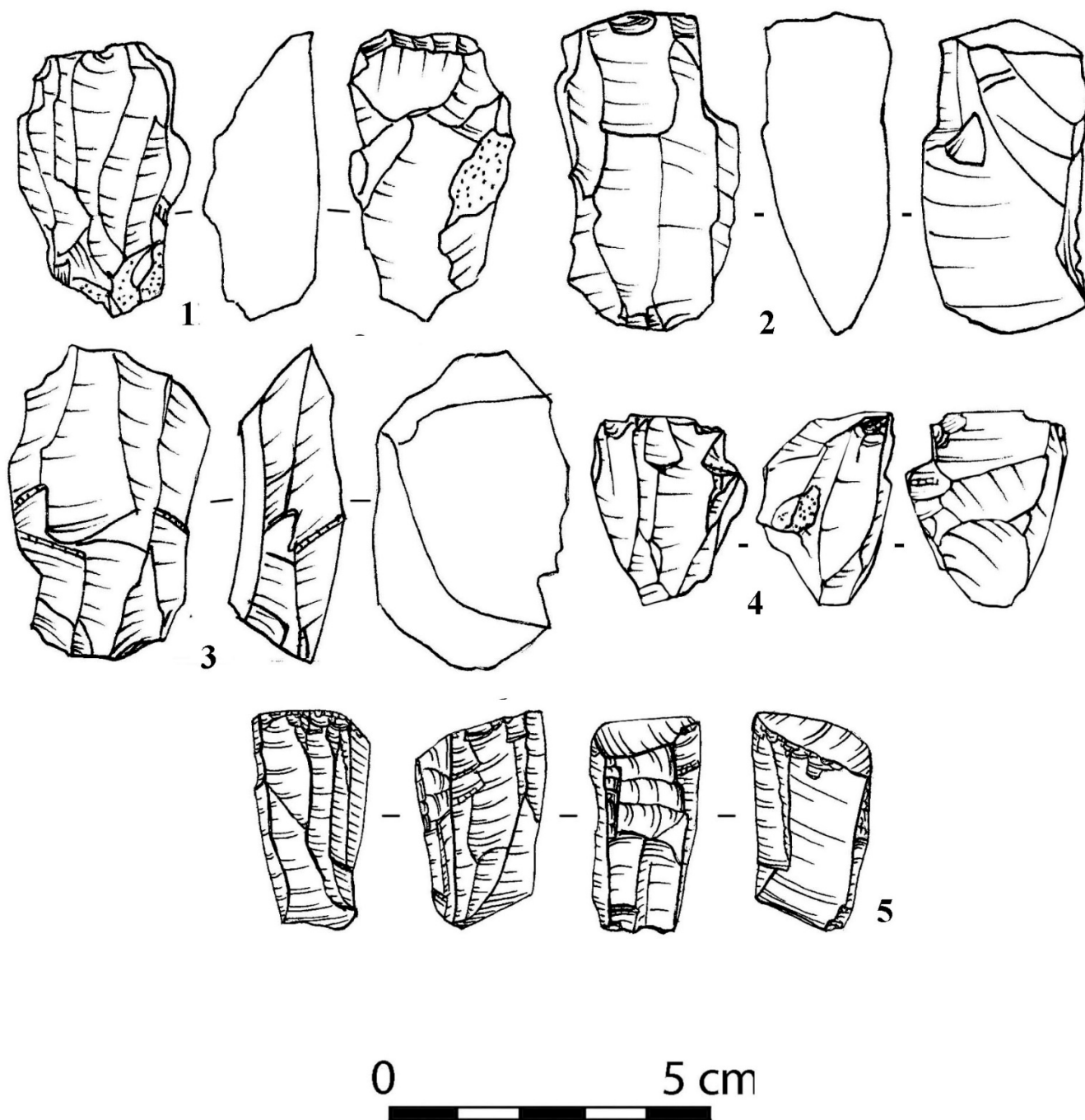

Рисунок 2. Губский навес №7. Третий горизонт. Нуклеусы.

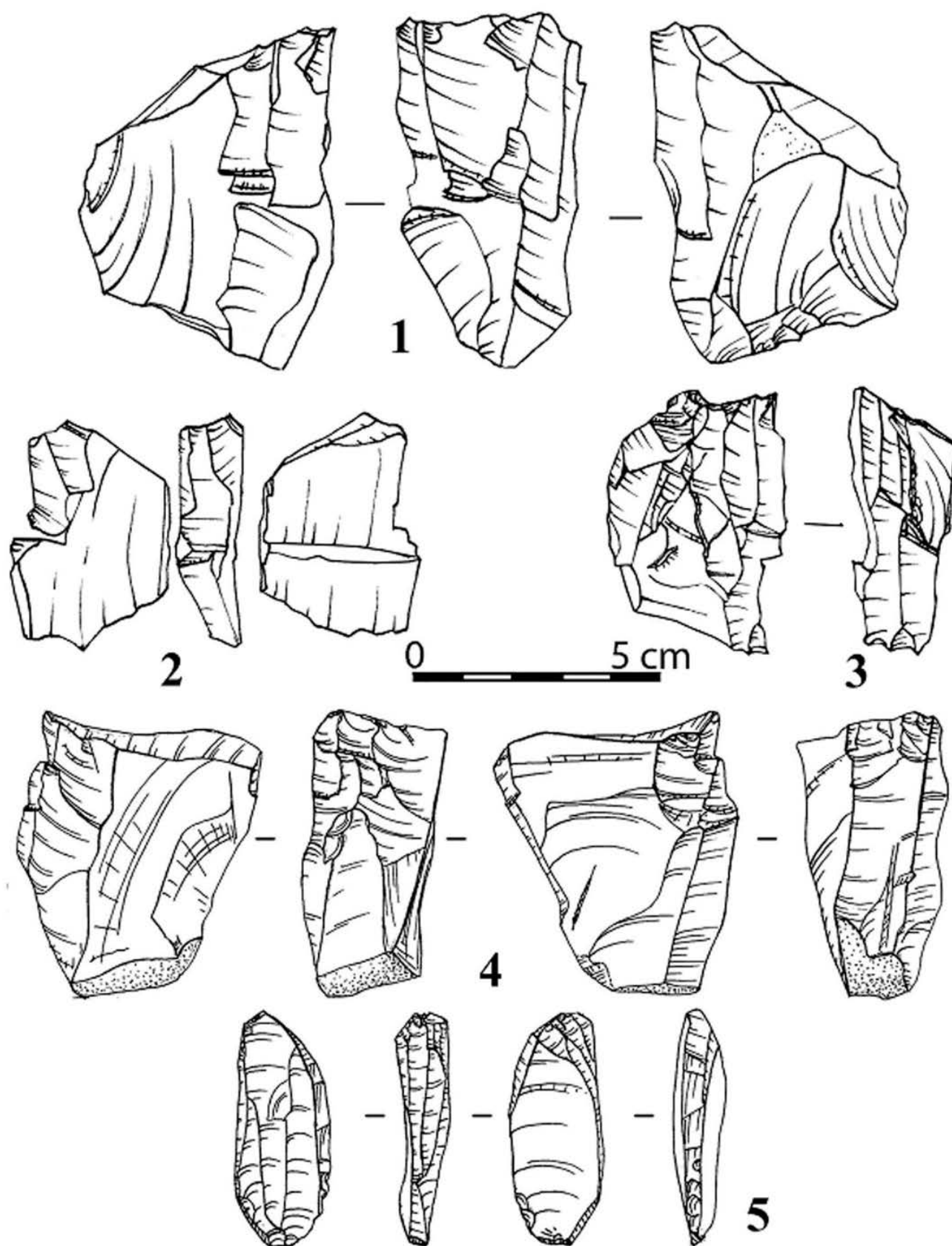

Рисунок 3. Губский навес №7. Третий горизонт. Нуклеусы.

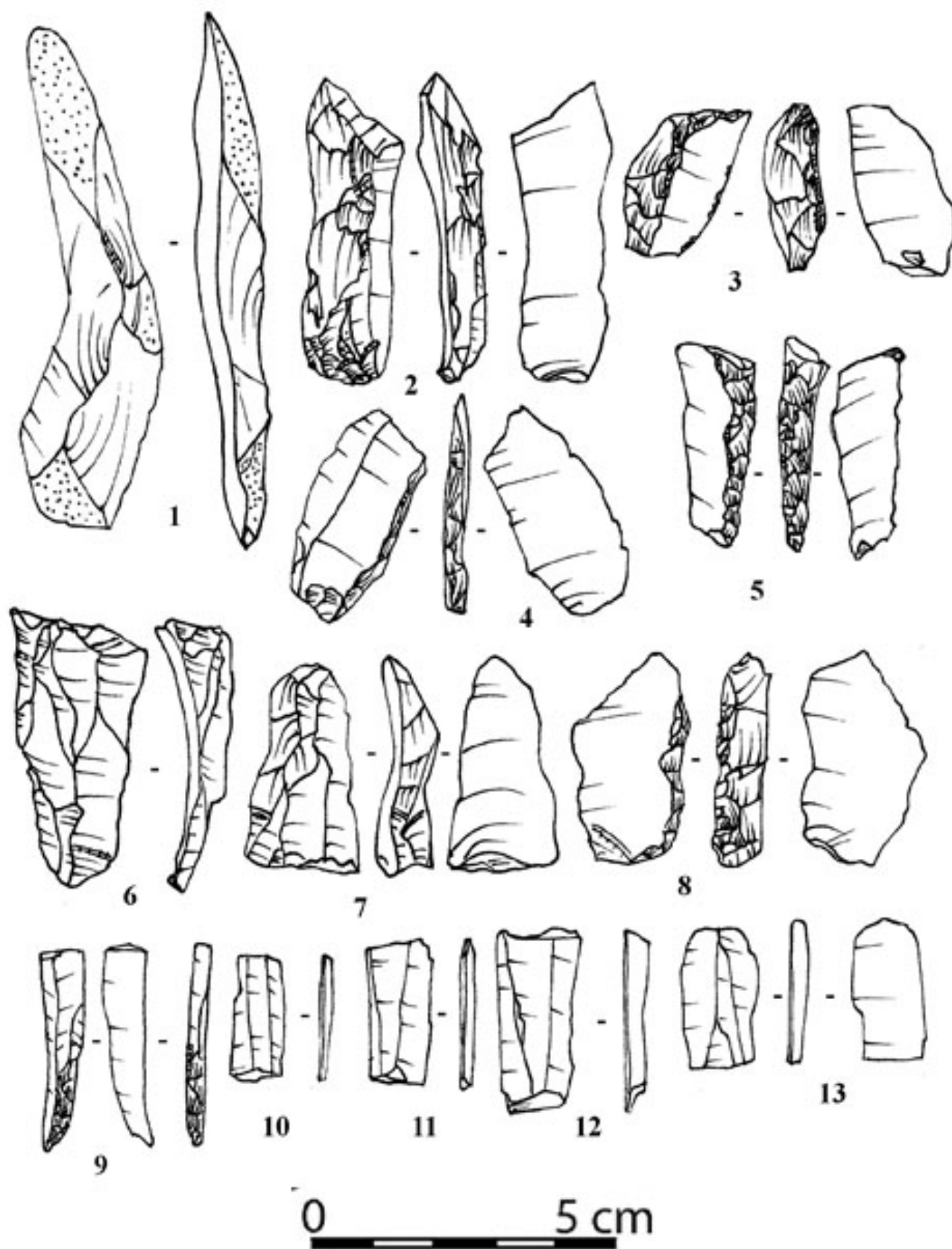

Рисунок 4. Губский навес №7. Третий горизонт. Сколы.

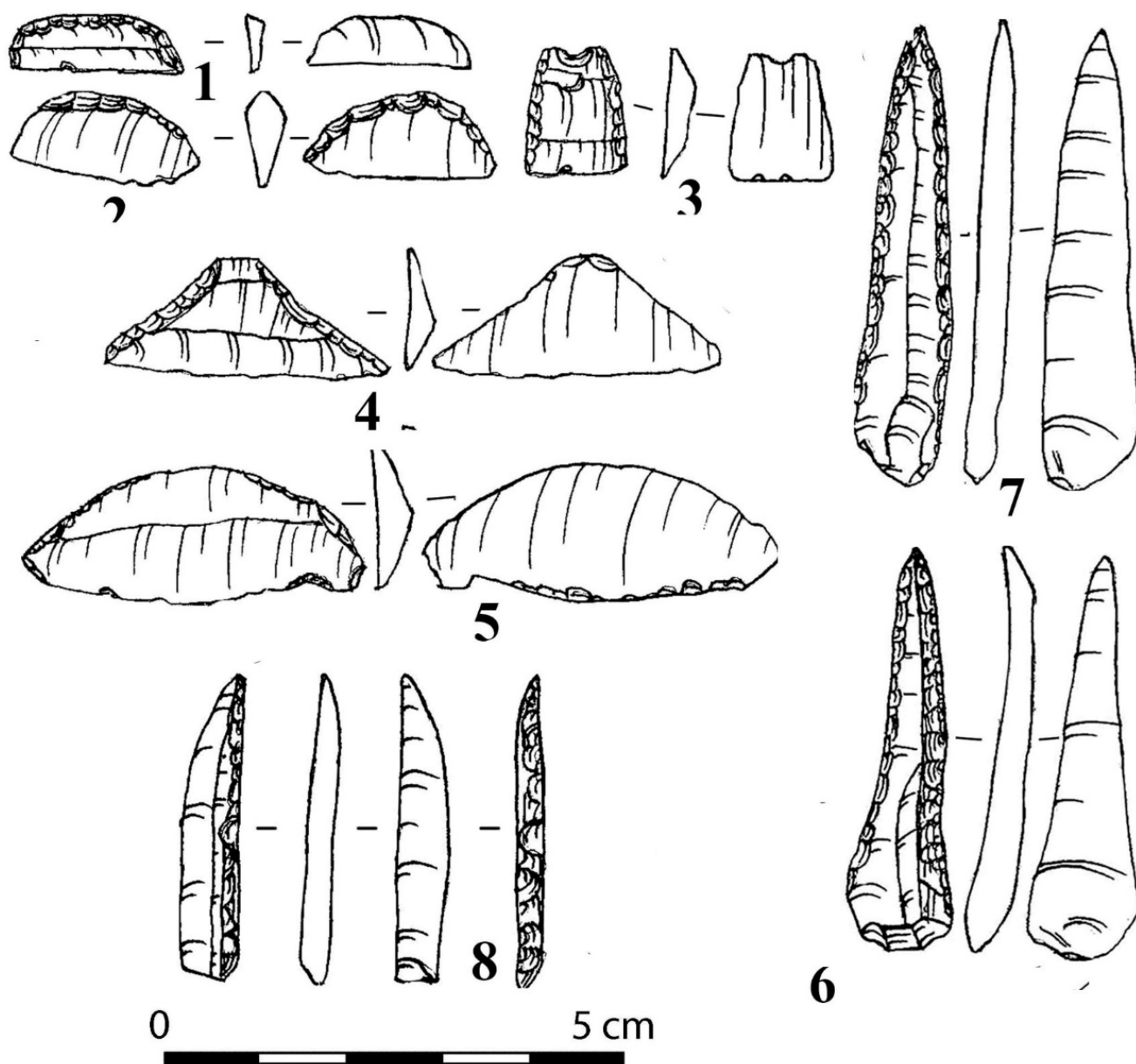

Рисунок 5. Губский навес №7. Третий горизонт. Орудия.

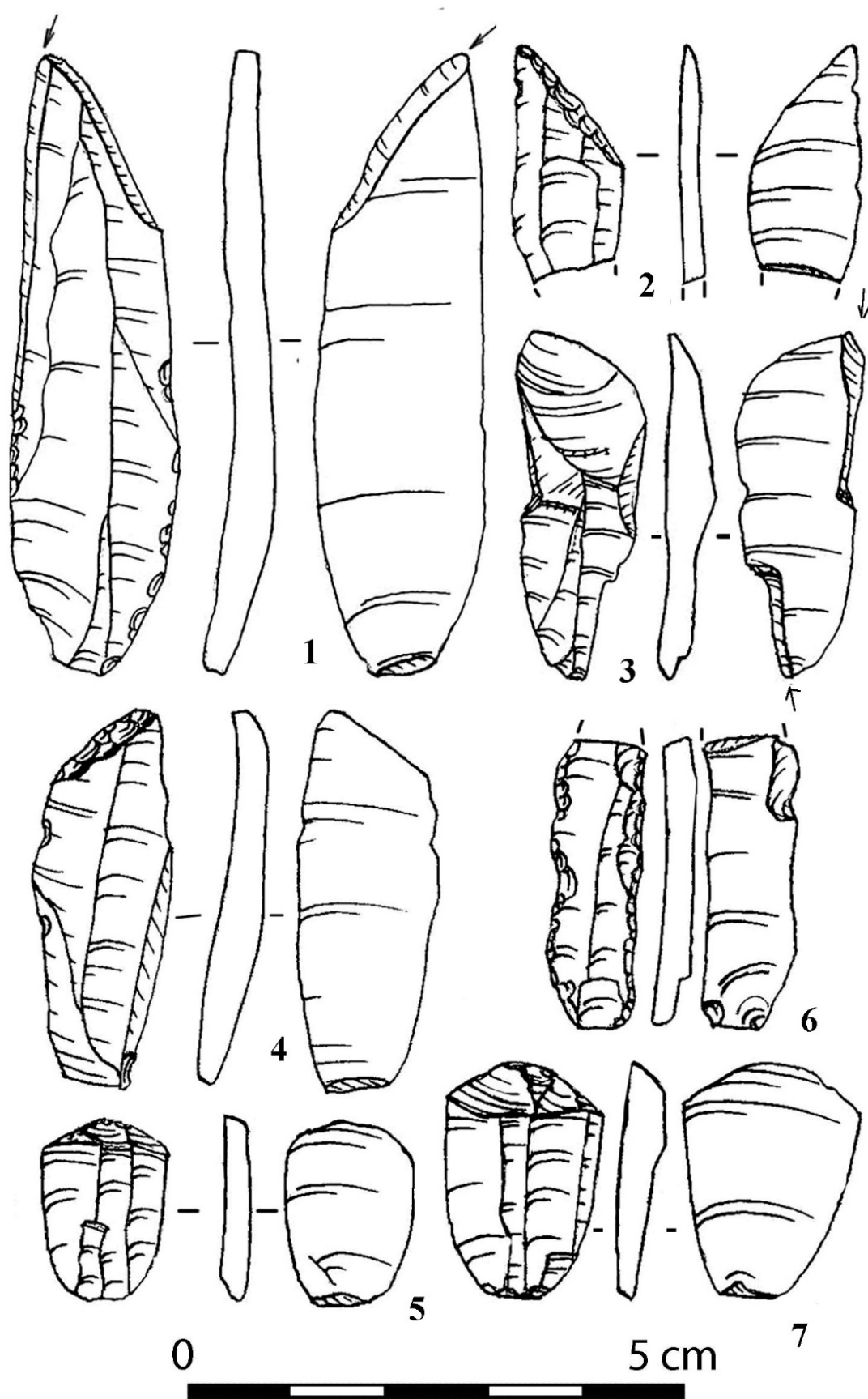
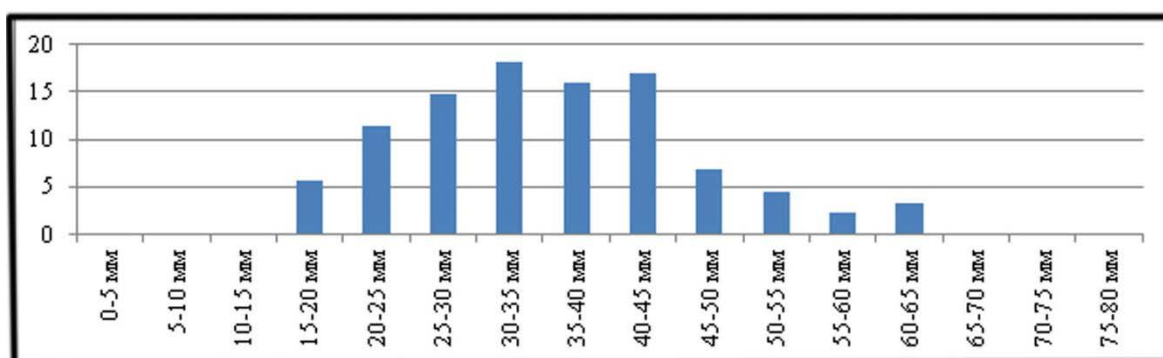
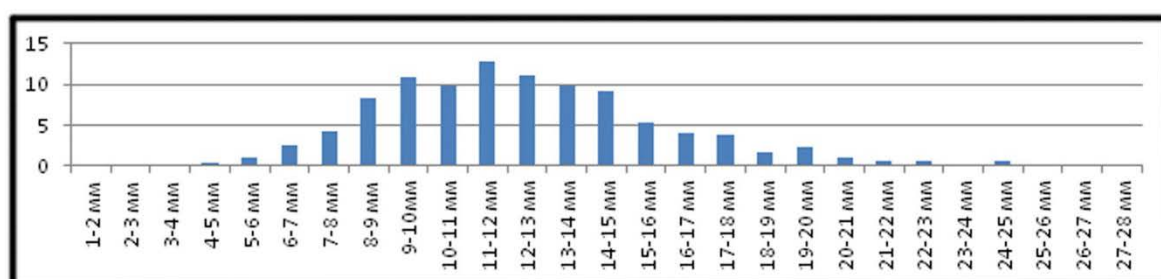

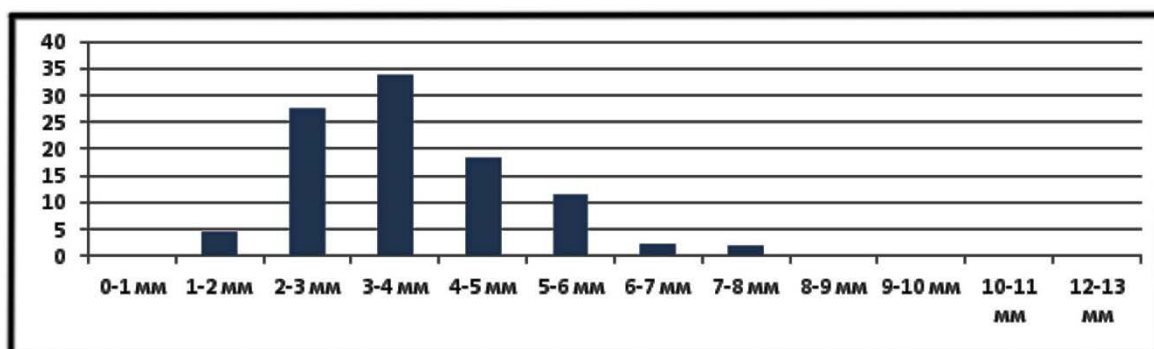
Рисунок 6. Губский навес №7. Третий горизонт. Орудия.

1

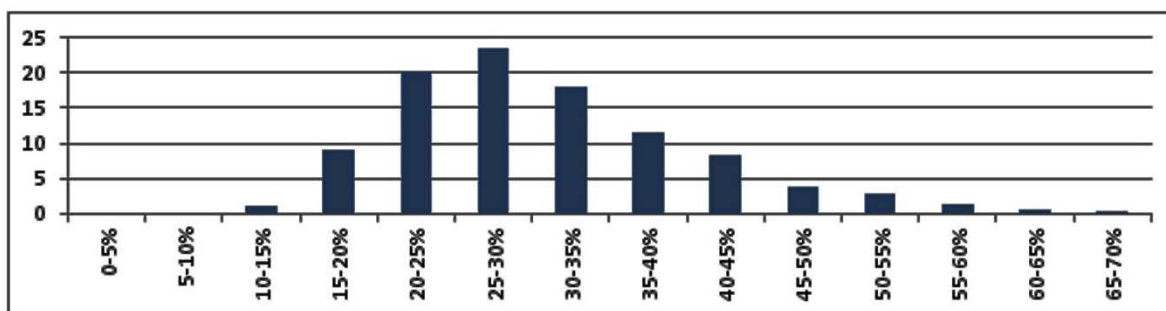

2

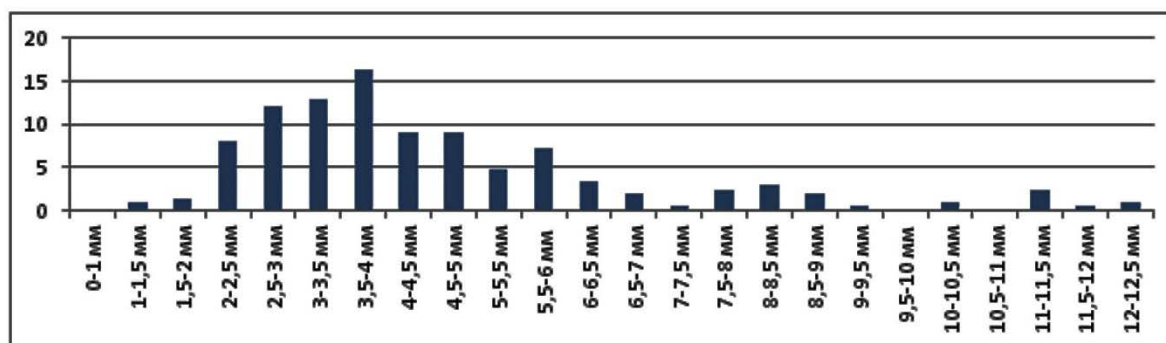

3

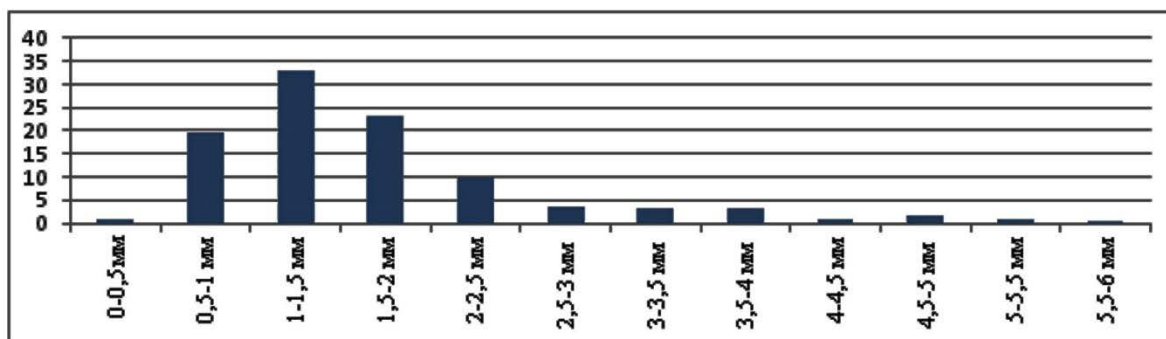
Рисунок 7. Губский навес №7. Третий горизонт.
 1- распределение пластинчатых сколов по длине,
 2- распределение пластинчатых сколов по ширине,
 3- распределение пластинчатых сколов по толщине.

1.

2.

3.

Рисунок 8. Губский навес №7. Третий горизонт.

- 1- распределение пластинчатых сколов по относительной толщине,
- 2- распределение пластинчатых сколов по ширине ударной площадки,
- 3- распределение пластинчатых сколов по глубине ударной площадки.

ЭПОХА БРОНЗЫ

Н.Г. Ловпаче

МЕГАЛИТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА МАЙКОПСКОЙ И ДОЛЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Северокавказским исследователям археологии и истории эпохи раннего металла известна архитектура дольменной культуры Западного Кавказа, представленная в трех монографиях В. И. Марковина. Но в них московский археолог показывает самую массовую и в своем роде серийную часть из отдельных построек прямоугольно-замкнутого плана. Исключение составляет мегалитический ансамбль Псынако 1, опубликованный в последней монографии В. И. Марковина «Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья».

Сравнивая этот комплекс с мегалитическими ансамблями ранней бронзы в Западной Европе, исследователь из-за его единичности здесь, делает вывод о его вторичности, как в хронологическом, так и в типологостилистическом плане.

Оказывается, Псынако 1 не единственный сложный архитектурный комплекс на Западном Кавказе, в котором синтезированы компоненты дольменной и майкопской культур.

Необходимо анализировать ещё как минимум десяток мегалитических комплексов, выявленных на сегодняшний день на территории Краснодарского края и Абхазии. Из них более сложными и монументальными являются семь: в урочище Хашпек (Клады) близ станции Новосвободной - комплексы кургана №11 (под т.н. Серебряным курганом) и кургана №39 (Клады-2) по раскопкам А. Д. Резепкина (Резепкин А.Д., 1984-1989); в посёлке Каменномостском (ст. Хаджох) также два комплекса - дольмен с аллеей менгиров, исследованный и опубликованный Е. Д. Фелицыным (Фелицын Е.Д., 1904, с. 46) испыун¹ (дольмен) портально-коридорного типа по разведкам автора в 1988 году (Джанхот И.Ю., 1994); в Причерноморской Шапсугии упомянутый ансамбль Псынако, названный его открывателем и исследователем М. К. Тешевым «храмом солнца» (Тешев М.К., 1988) и мегалитический

комплекс на р. Бжеф (левый приток р. Аше) близ а. Лиготх, обследованный автором; в Абхазии - замечательный концентрический ансамбль под курганом в с. Отхара, исследованный И. И. Цвинария (13 Цвинария И.И., 1979, с. 9-21).

Кроме перечисленных семи памятников, заслуживают внимания: комплекс и окружение Майкопского кургана Ошад; один из мегалитических памятников Усть-Сахрая; два дольмена с двориками в Джубге (Туапсинский район); мегалитический комплекс на реке Жанэ Гузерицльского дольмена №2 и испыуна №528 на Кизинке.

Если даже учитывать семь сложных из этого списка и территорию, на которой они расположены, то при сравнении с Западной Европой, где В. И. Марковин приводит семь мегалитических комплексов, подобных Псынако (Марковин В.И., 1999, с. 336), Западный Кавказ по насыщенности памятников выглядит предпочтительнее, не уступая в древности европейским.

Западнокавказские памятники такие как Псынако, ансамбль кургана №39 Хашпека, Джубгинские испыуны, Отхара в Абхазии, Кизинковские, Гузерицльские и Усть-Сахрайские испыуны демонстрирует наравне с европейскими синтез круглоцентрических с прямоугольно-замкнутыми планами.

Комплексы кургана №11 (Серебряного), Бжефа и кургана №30 Хашпека обнаруживают сходство с храмово-погребальными ансамблями Древнего Египта, в которых господствует прямоугольно-замкнутые планы (Целлар К., 1990, с. 79, 111).

Под большим каменным курганом Псынако 1 (диаметр-70 м, высота в древности - не менее 7м), расположенным на р. Пшенахо близ п. Анастасиевка Туапсинского района, Тешевым М. К. в 1972-1983 годах был открыт мегалитический ансамбль. В центре кургана установлен испыун плиточного типа с намеком на портал. Над ним был сооружён круглый толос (незавершённый купол) из плитняка на известково-угольно-глиняном растворе. К фасаду испыуна (дольмена) с юго-запада

¹ Испыун – адыгское «дом карлика» Так адыги называют каменные постройки в виде домиков бронзового века.

подведен дромос - каменный крытый коридор длиной 11,7 м, высотой 80-100 см, шириной 0,35-0,97 м. Вход в дромос имел вид вертикального колодца, впущенного в полу кургана.

Каменный толос над испыуном был укрыт глиняной водонепроницаемой «подушкой», повторяющий форму толоса. Всё это сооружение вместе с дромосом было заложено каменной массой кургана из довольно крупного булыжника, сложенного тщательно приемом расклинивания.

На вершине курган увенчан был круглой горизонтальной площадкой, огражденной более крупными булыжниками, которая по диаметру повторяла размеры толоса. От этой площадки радиально спускались вниз по склонам кургана 12 каменных рёбер из крупных булыжников, количество которых М. К. Тешев высчитал по фрагментам двух оставшихся у основания насыпи. Подножие кургана было зафиксировано кромлехом-крепидой, выполненной из валунов (Табл.1, рис. 5).

Кроме культовой функции «храма солнца» Псынако М. К. Тешев предполагал ещё астрологическо-астрономическую, предлагая видеть в этом сооружении своеобразную обсерваторию.

Реконструируя историю жизни и строительства в урочищах Пшинахо по археологическим данным, В. И. Марковин разделил её на три этапа: позднее-энеолитический, иллюстрированный керамикой с накольчато-жемчужным орнаментом; раннебронзовый с керамикой красно-мажущейся поверхности и наlepными «жемчужинами» новосвободненского стиля; дольменным с более грубой техникой керамикой, орнаментированной гравировкой, расчесами, наleпами. При этом, всю мегалитическую архитектуру Псынако В. И. Марковин считал выполненной дольменостроителями (Марковин В.И., 1999, с. 315-333). Это объясняется мыслью исследователя о культурно-хронологическом разграничении майкопской и дольменной культуры.

Однако, сам В. И. Марковин в своей последней монографии, уточняя себя, пишет: «Псынако, если учесть указанные факты, мог быть построен в первой половине III-его тысячелетия до нашей эры около его середины», то есть в период расцвета майкопской культуры.

Обычное представление археологов о том, что дольменная культура сменяет майкопскую

(по В. И. Марковину) вытесняет, прекращая её существование, опровергается материалом Усть-Сахрайского мегалитического некрополя, основанного в конце V-го тысячелетия до нашей эры (Джанхот И.Ю., 1999, с. 7,23) и датами некоторых испыунов (дольменов) (Трифонов В.А., 2011, с. 41). Следовательно, мегалитическая архитектура не моложе, а древнее майкопской и, даже более того, майкопская культура может рассматриваться как эпизод в истории дольменной культуры Западного Кавказа.

Замечательным архитектурным ансамблем культуры строителей мегалитов представляет реконструкция мегалитического комплекса, открытого под известным в археологии, фольклоре и топонимике Северо-Западного Кавказа Серебряным курганом в урочище Хашпек (Клады) близ станции Новосвободной. Под громадной насыпью этого памятника А. Д. Резепкиным исследовано более 50 погребений эпохи энеолита и бронзы, в том числе, несколько курганных.

Самым крупным из погребенных курганов был на восточной периферии Серебряного. С восточной стороны его откопан плиточной порталный испыун-дольмен. В 4 м на восток от мегалита расчищена мощёная плитняком прямоугольная площадка размером 30х32м, огражденная низким бордюром из каменных плиток, поставленных на ребро.

На площадке, ориентированной по сторонам света, установлены три менгира в виде известняковых плит. Самый массивный из них, высотой 100 см стоит на линии продольной оси испыуна; последний ориентирован фасадом на юго-восток. Расстояние от дольмена до менгира - 14 м.

Малые менгиры установлены вблизи восточного бордюра по обе стороны от осевой линии «запад-восток». На площадке найдена большая известняковая плита с обломанными краями, орнаментированная трёхрядным фризом из низкорельефных мальтийских крестов и концентрических окружностей. На задней стене в интерьере испыуна рассмотрено сильно стёртое (обсыпавшееся) изображение красной и чёрной охрой, напоминающее безголовую фигуру человека с раскинутыми руками на уровне плеч. В порталной части испыуна обнаружена скульптура животного длиной 1,2 м из известняка. Но отбитая голова и ноги зверя затрудняют определение особи.

На площади и в подкурганных мегалитах урочища Хашпек найдены различные каменные архитектурные детали - плиты с выбитыми геометрическими, солярными и изоморфными изображениями с подкраской красной краской, целая трехметровая колонна с капителью месопотамского ордера эпохи бронзы. Автор попытался с помощью графической реконструкции собрать эти находки в одну постройку и получилось изображение небольшого мегалитического храма, который не найден, но мог стоять на месте порталного испыуна кургана № 11 в эпоху энеолита и ранней бронзы.

Ко времени ранних дольменов храм был уже развален, а элементы его конструкции и декора использованы в различных мегалитических сооружениях.

Не менее сложным ансамблем представляется после графической реконструкции комплекс кургана № 39 урочища Хашпек (Клады 2). Здесь также под большой насыпью на юго-восточной периферии раскопан погребённый курган с двумя мегалитическими гробницами, нанизанными на одну ось «северо-запад-юго-восток». В юго-восточной части сектора погребенного кургана, диаметр которого 32 м, и который окружен булыжным кромлехом-крепидой, был сооружён плиточный испыун портално-коридорного типа. Анты боковых стен, выступающие за плоскость передней стены на босм, продолжались длинными плитами в два раза ниже порталных, образуя коридор с расширением в направлении осевой линии испыуна «северо-запад-юго-восток». Длина их около 3 м. Судя по основанию лежащей в коридоре второй поперечной плиты с круглым отверстием, она стояла вертикально примерно на 2/3 длины коридора от антов (торцы боковых стен испыуна).

На расстоянии 11 м от передней стены испыуна на его осевой линии стояла одиннадцатигранная башня с восьмигранной шатровой крышей, которая покоилась на многоугольной плите основания². Половина этой плиты уцелела. В центре плиты основания - круглое углубление, очевидно для опорного централь-

ного столба, поддерживавшего шатер крыши.

Несомненно, это та самая шатровая гробница, которую открыл Н. Каменев в 1869 г., а затем позже обследовал Е. Д. Фелицын (Каменев Н.Н., 1871).

В отношении конструкции плиточного испыуна-дольмена портално-коридорного типа необходимо заметить то, что его боковые стены подперты контрфорсами, а крыша - ступенчатая из двух плит.

В подтверждение декларативным замечаниям о том, что кавказские дольмены-ровесники египетских пирамид, автор этих строк совместно с Джанхотом И. Ю., в отдельной брошюре провёл сравнение ансамбля кургана №39 Хашпека с комплексом храма бога солнца Ра и пирамидой Науссера в Абу-сире, а также с ансамблем пирамиды Сахура в той же долине, созданным в эпоху Древнего царства (2649-2134 гг. до н.э.). Эта операция показывает вполне сопоставимую ситуацию одновременных архитектурно-мегалитических памятников, удалённых на тысячу километров (Джексон И., Миллард Э., Чизхолм Дж., 1994, с. 13,17; Джанхот И.Ю., Ловпаче Н.Г., 2003, с. 70,71,77).

Важно еще заметить, что соединение в одной композиции круглоплановых центричных элементов (кромлех, толос Псынако, шатровая гробница и кромлех Хашпека (Клады 2) с прямоугольно замкнутыми (дромос и испыун в Псынако, коридор и испыун Хашпека) в третьем тысячелетии до нашей эры, возможно первые опыты такого плана. Подобные сложные архитектурные эксперименты классически завершились в византийском храме самого раннего средневековья, соединившем римскую базилику с круглым баптистерием.

Если мегалитический ансамбль кургана №39 Хашпека композиционно и функционально сравним с современными ему ансамблями Древнего Египта, то сложный комплекс Псынако с еще большим успехом сопоставляется по шести параметрам с комплексом грандиозного кургана Нью-Грейндж в Ирландии.

Отличным и оригинальным элементом ансамблей Западного Кавказа, отсутствующим в древнеегипетской и древнеевропейской мегалитической архитектуре, является испыун-каменный «дом карлика», составляющий главный смысловой и в большинстве случаев и композиционный, и геометрический центр ансамбля.

² В 1989г. после окончания раскопок А. Д. Резепкиным гробница была разбросана по отвалам кургана в виде целых и фрагментарных прямоугольных плит, длиной 250 см и треугольных блоков крыши. Плита основания лежала на входе в избушку пасеки Новиченко Александра, станичника Новосободной.

Обобщая сказанное о древней мегалитической архитектуре Западного Кавказа необходимо, во-первых, расширить хронологический диапазон её развития в сложном дольменообразном виде от последней четверти IV-ого тысячелетия до середины II-ого тысячелетия до нашей эры, то есть более полутора тысяч лет.

Во-вторых, следует обратить внимание на сложность и прогрессивность для своего времени композиционной и инженерной мысли древних зодчих, в том числе в ансамблевой связи с ландшафтом.

В-третьих, обращает на себя внимание обший высокий уровень каменнотесной и мон-тажной работы дольмено-строителей.

В-четвертых, мегалитические зодчие познали и начали осуществлять самые сложные вопросы образно-художественного выражения искусства архитектуры, достигнув во многих произведениях сложного синтеза пространственных искусств – архитектуры, скульптуры, живописи, особенно скульптурографии.

В последующие эпохи на северо-западном Кавказе имели место эпизоды мегалитическо-возрожденческого характера. В частности, в античную эпоху в Закубанье в рамках меотской культуры строились каменные подкур-ганные погребальные склепы (Анфимов Н.В., 1987, с. 130,131) с дромосами и анфиладой помещений. В позднем средневековье в Причерноморской Шапсугии (Чемитоквадже, Сор-тучасток) было построено 100 толосовидных восьмигранных мегалитических гробниц, по-вторявших форму и конструкцию подобных мегалитов эпохи бронзы на Красной Поляне (Воронов Ю.Н., 1979, с. 48, 49). Но ни в тех, ни в других не видно того монументализма и

сложности зодческой мысли, которыми отмечаются мегалитические создания дольмено-строителей энеолита и бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. – Краснодар, 1987
- Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар, 1979
- Джанхот И. Ю., Ловпаче Н. Г. Новые дольменные памятники Западной черкессии. – Майкоп, 1999
- Джанхот И. Ю., Ловпаче Н. Г. Кавказские испыуны и египетские пирамиды. – Майкоп, 2003
- Джексон И., Миллард Э., Чизхолм Дж. Ранние цивилизации. Иллюстрированная мировая история. – М.: Росмэн, 1994
- Каменев Н. Н. Попытки археологических разведок в Кубанской области// Кубанские войсковые ведомости. №47. - Екатеринбург, 1871
- Кушхова О. П., Трифонов В. А. Как сохранить дольмены – культурное наследие древних народов Западного Кавказа// Дольмены – современники древних цивилизаций. – Краснодар, 2001
- Марковин В. И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. – М, 1999
- Резепкин А. Д. Отчеты кубанской археологической экспедиции ЛОИА в районе ст. Новосвободной в 1984-1989гг.
- Тешев М. К. Мегалитический архитектурный комплекс Псынако в Туапсинском районе// Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп, 1988 (вкладыш)
- Трифонов В. А. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения. – Краснодар, 2001
- Фелицын Е. Д. Западнокавказские дольмены// МАК. – М., 1904, т/х
- Цвинария И. И. Археологические раскопки в с. Отхара в 1975 году// Материалы по археологии Абхазии. – Мецниереба, Тбилиси, 1979
- Целлар К., Архитектура страны фараонов. – М.: Стройиздат, 1990
- Чизхолм Дж., Миллард Э., Джексон И., Ранние цивилизации. – М., 1994

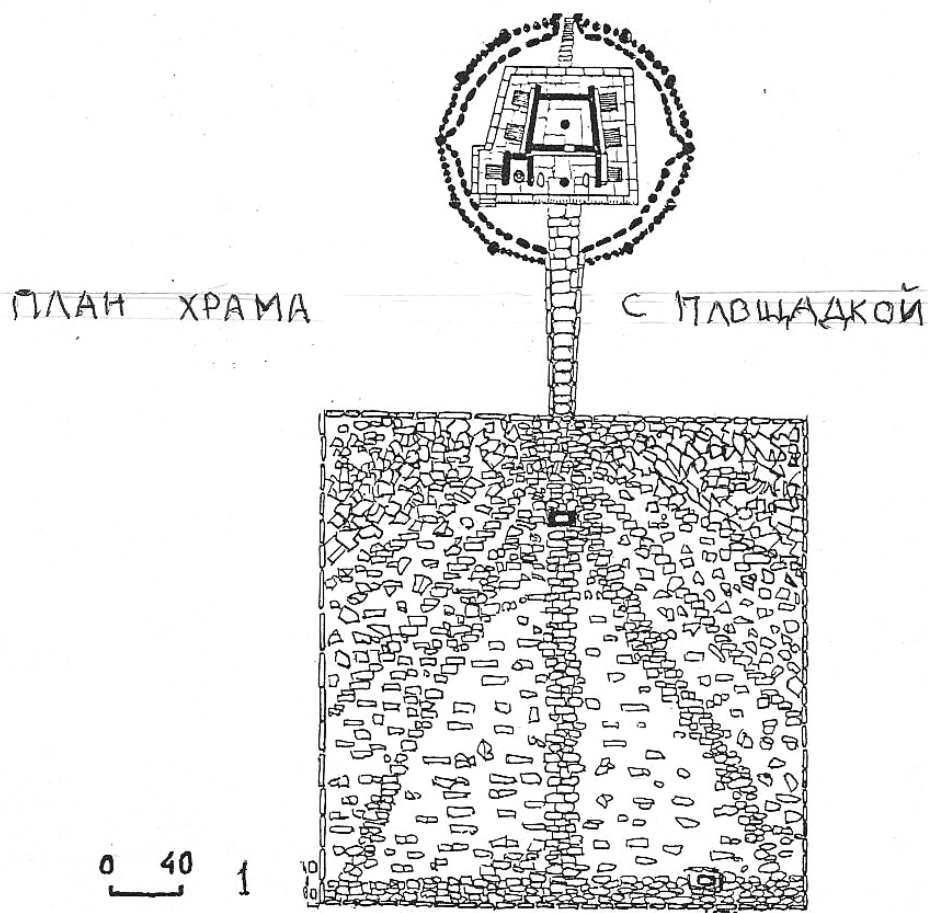

Табл. 7

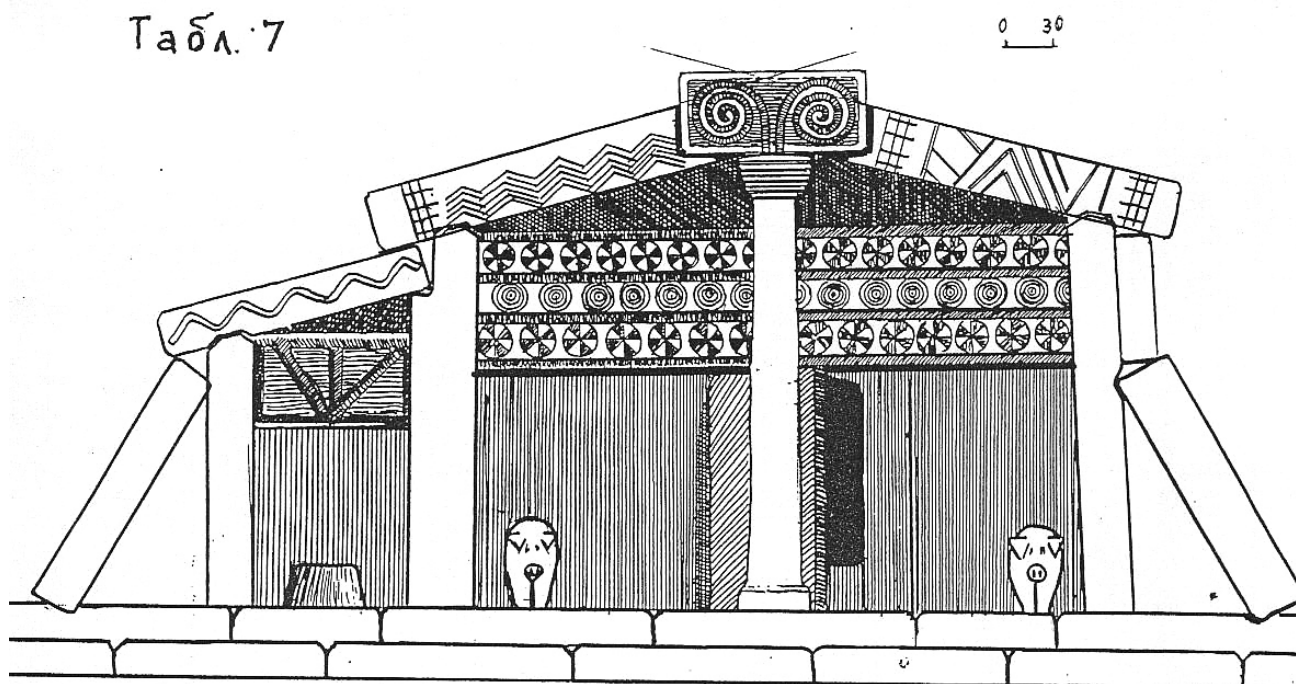

Рис. 2 Реконструкция фасада энеолитического храма в Кладах
Курган Серебряный

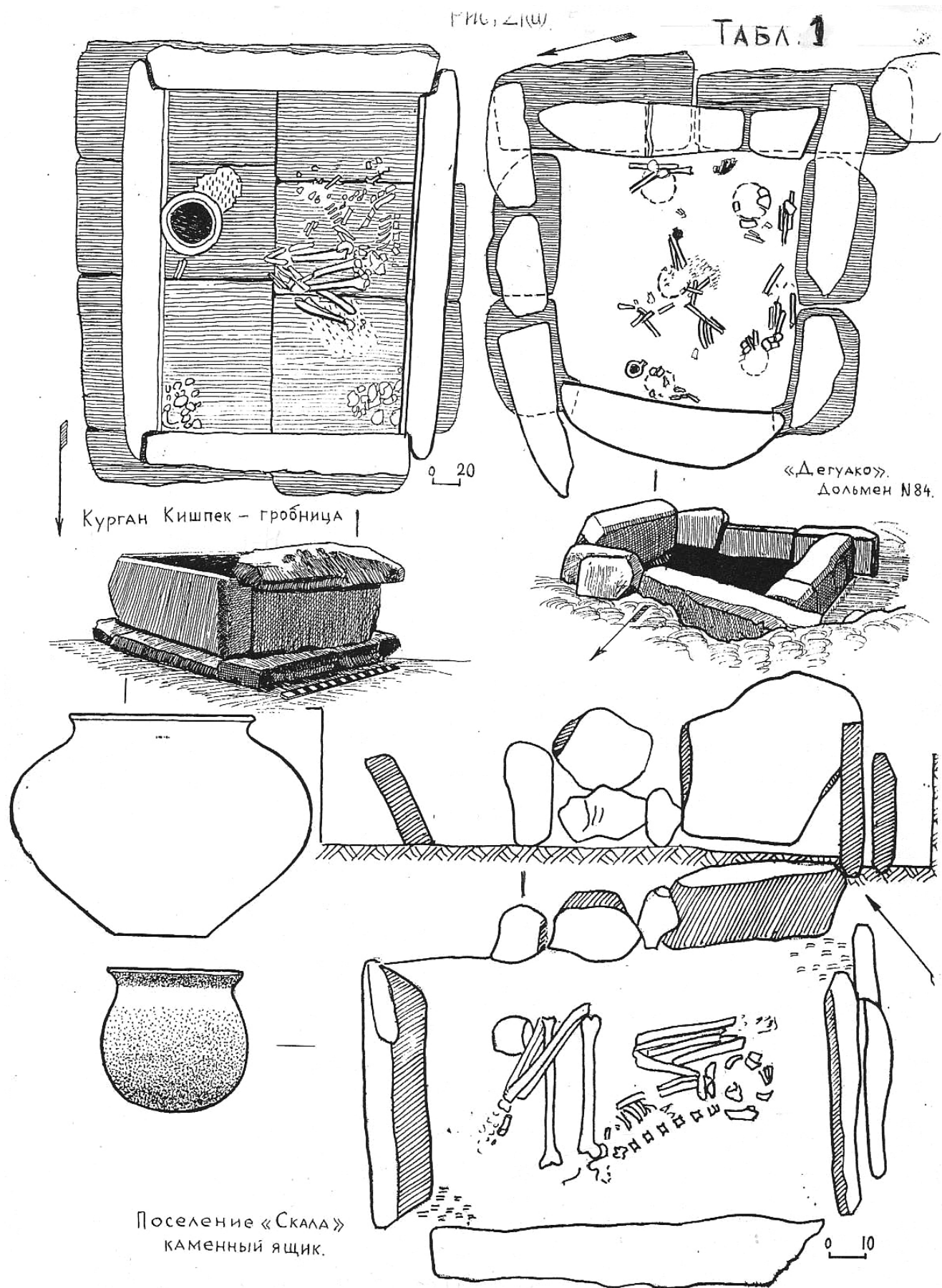
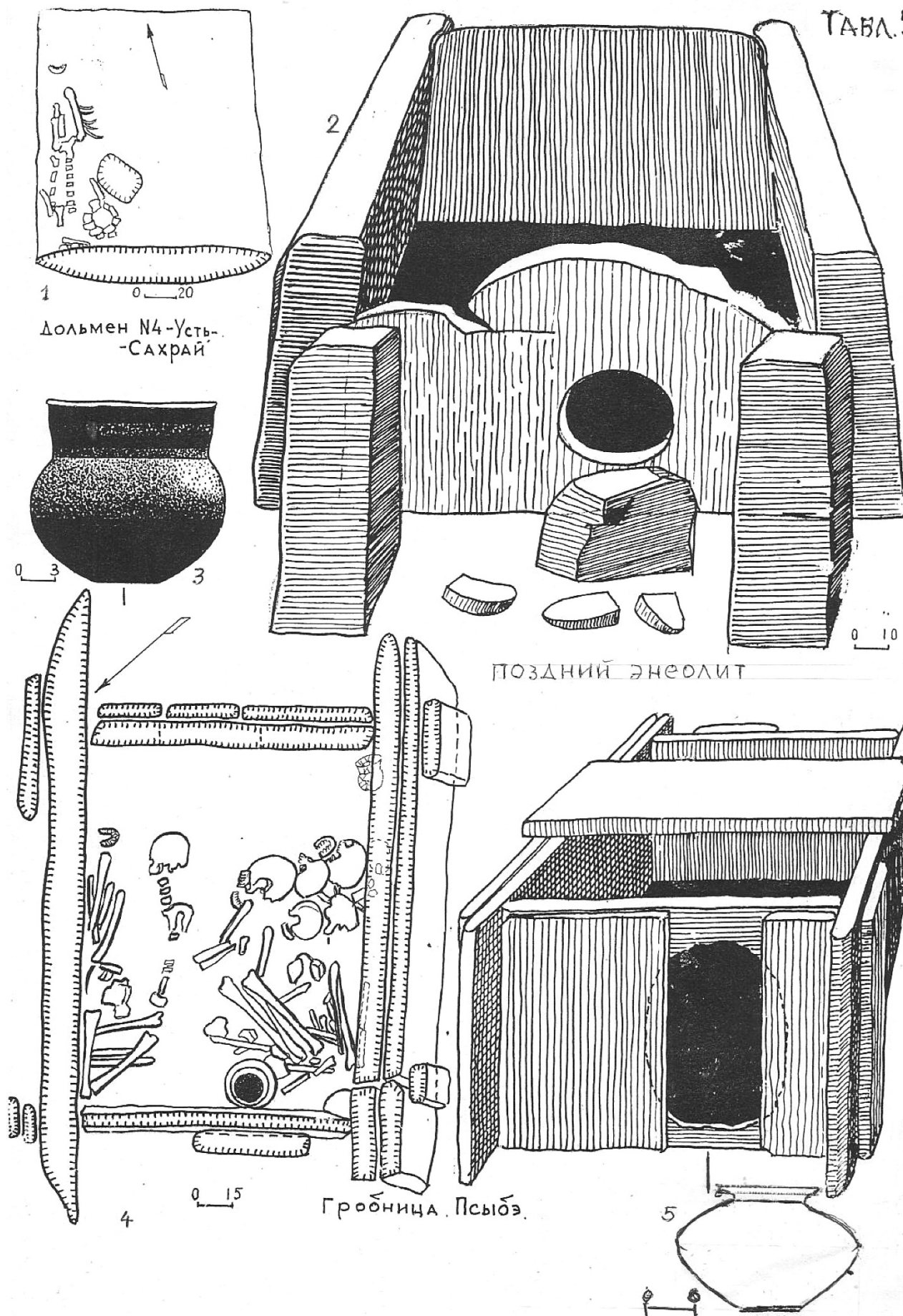

ТАБЛ. 2

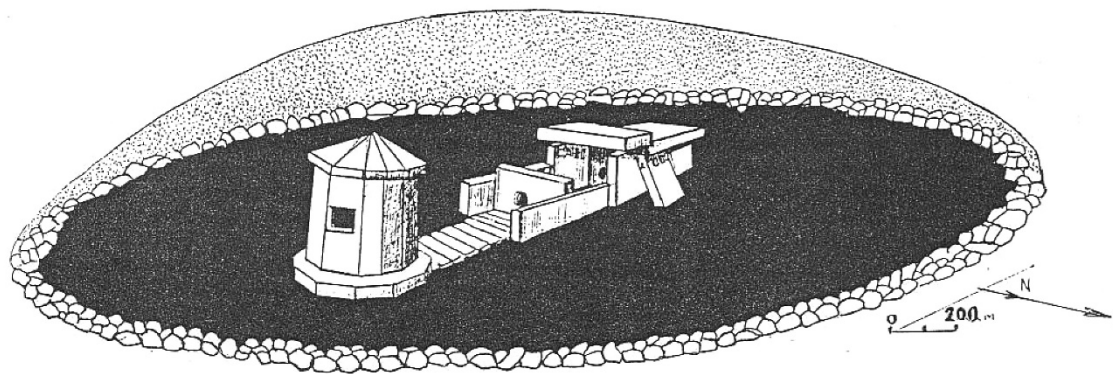

Рис. 1

Ансамбль кургана 39 /Клады 1/ план и перспектива

Табл. 3

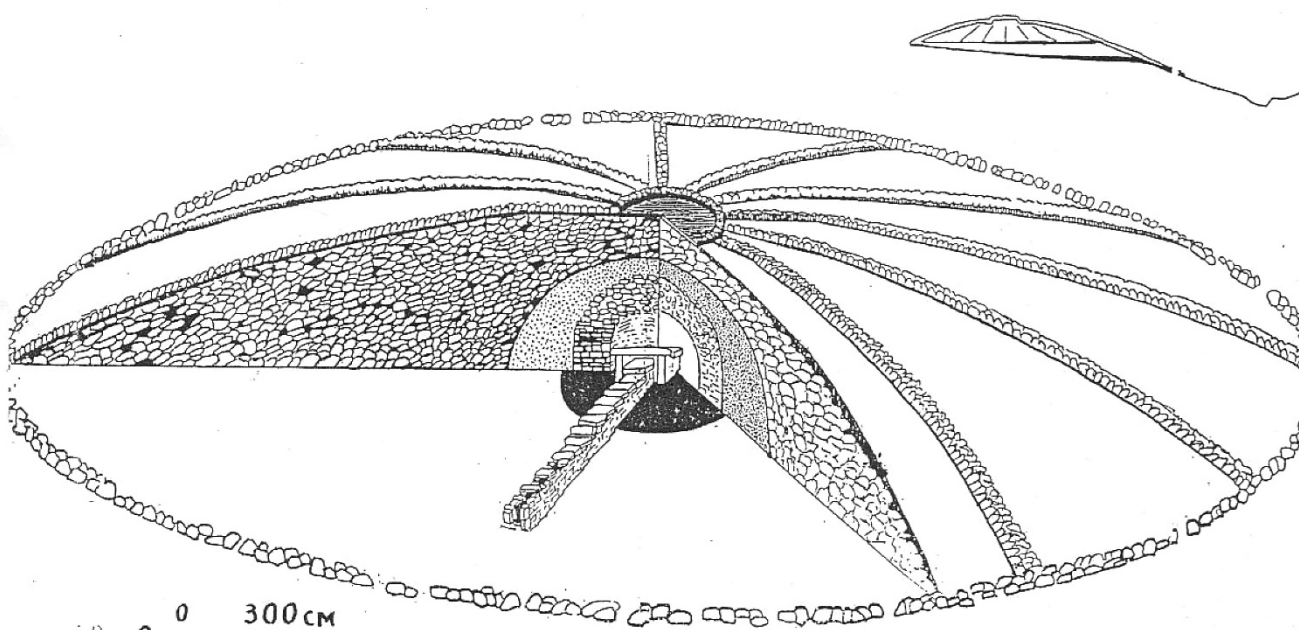
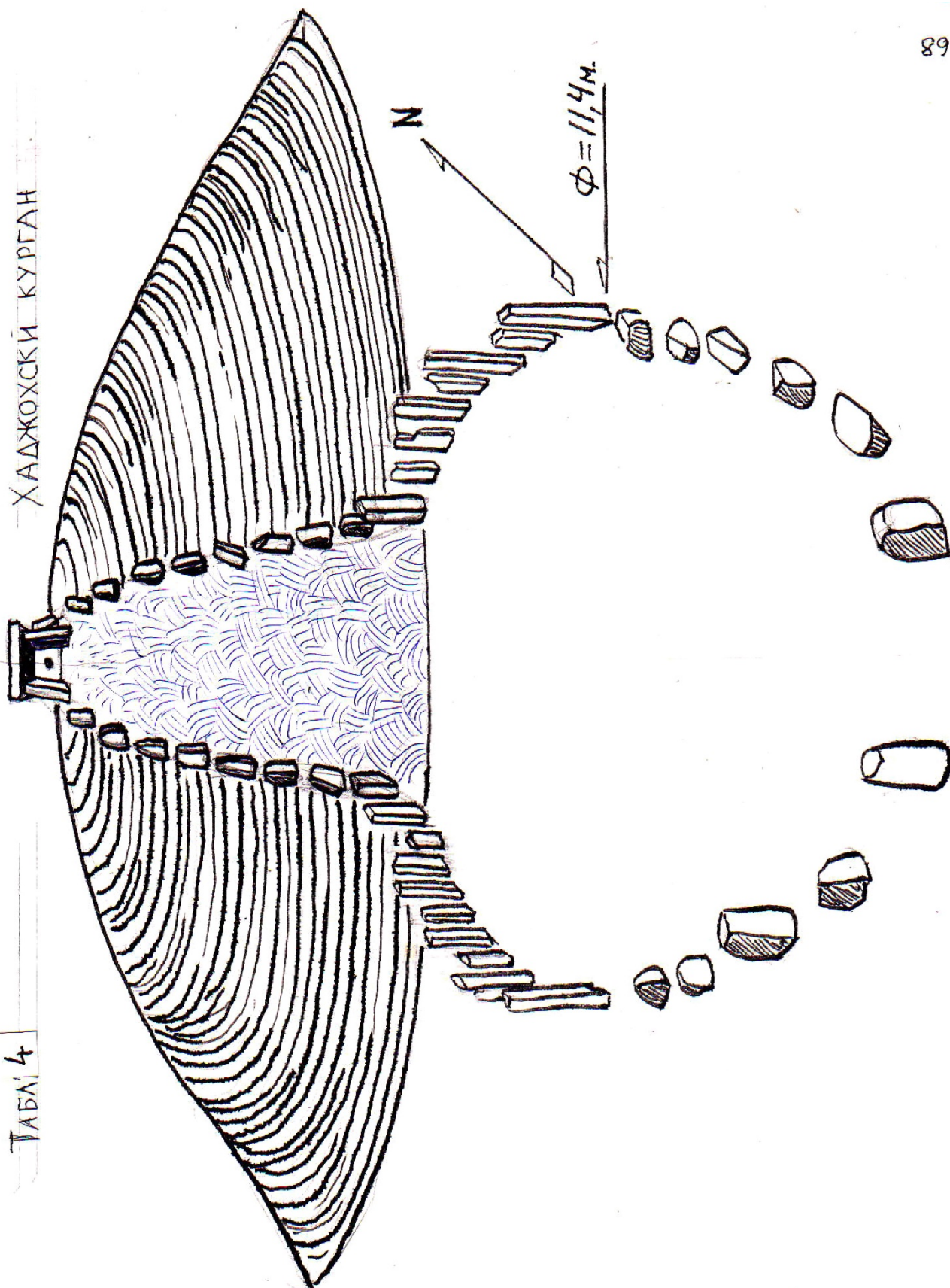
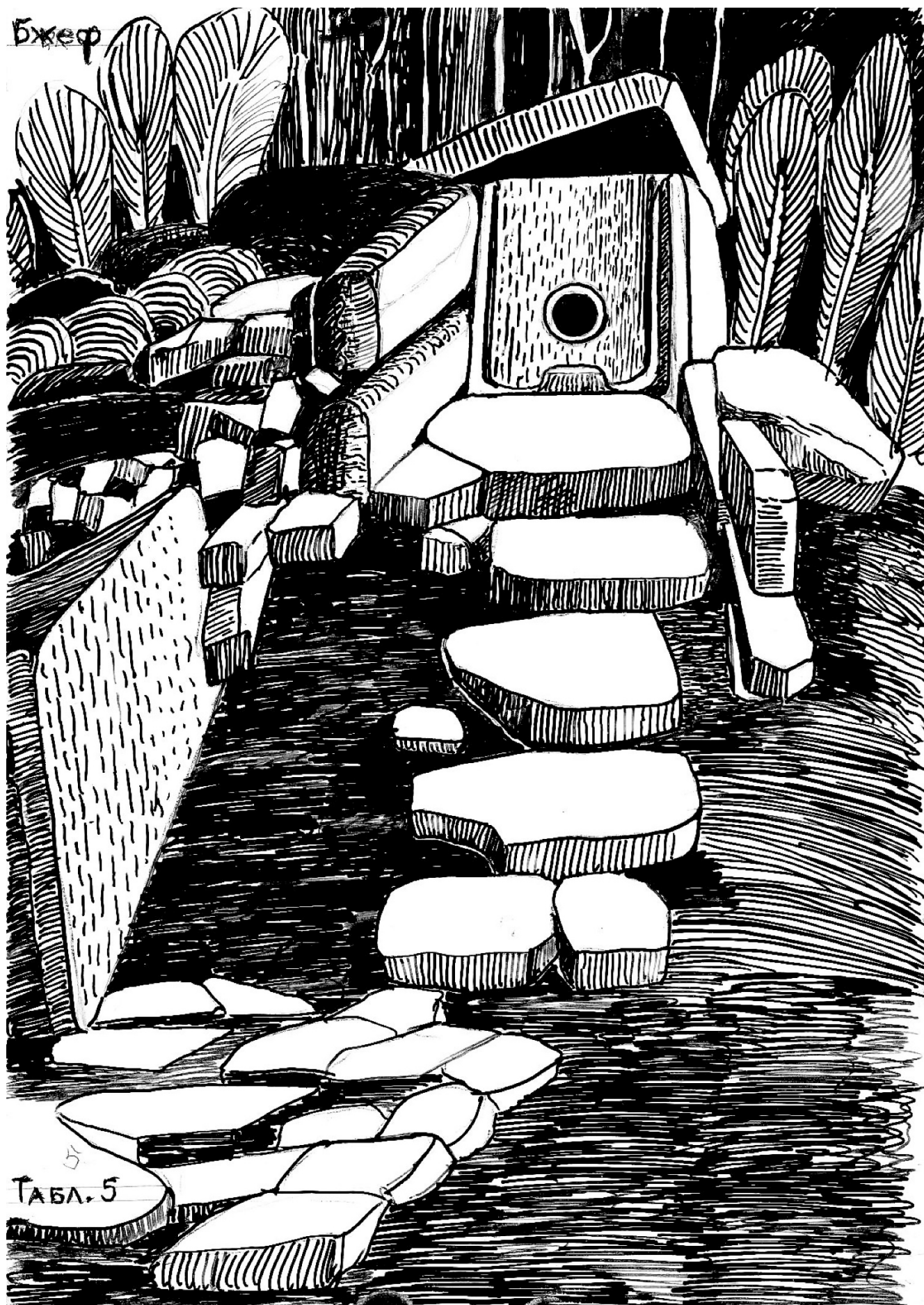

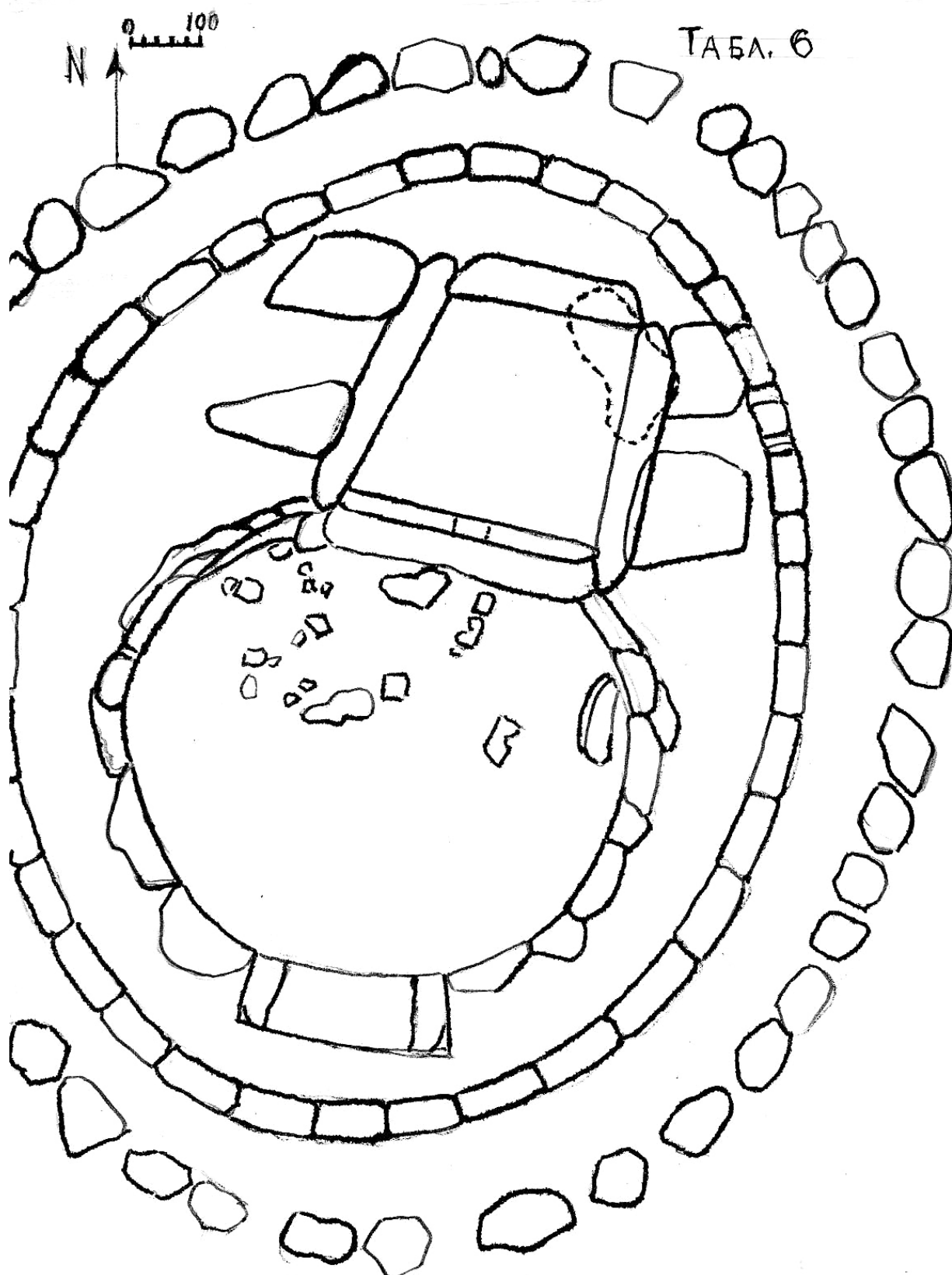
Рис. 2

Псынако /план и перспектива/

89

Мегалитический подкурганный комплекс
в с. ОТХАРА / АБХАЗИЯ; по И. И. ЦВИНАРИЯ/.

**В.Р. Эрлих, Е.И. Гак, А.А. Клещенко, Ф.С. Шарко, Е.С. Булыгина,
Н.В. Слободова, А.В. Недолужко, Г.Л. Годизов**

**КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ШУШУК (АДЫГЕЯ):
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, АБСОЛЮТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ,
ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹**

Открытие и первые сезоны исследования археологического комплекса Шушук в 2015-2019 гг. в предгорьях Северо-Западного Кавказа у пос. Победа в Майкопском районе Адыгеи позволил выделить новый вид погребальных сооружений, названный нами ящиками-рамами, в которых являлись использовались плиты разобранных дольменов (Эрлих, 2018). Последующие сезоны раскопок памятника показали, что эта «постдольменная» традиция начинается еще в эпоху средней бронзы. К настоящему моменту здесь исследовано уже 27 погребальных и ритуальных объектов. Некоторые объекты содержали более одного погребения. К концу 2019 г. для ряда объектов получена серия радиоуглеродных дат, которая позволила предложить предварительную периодизацию памятника: период Шушук-I - средний бронзовый век (III тыс. до н.э.); период Шушук-II – поздний бронзовый век (ПБВ) 1 (первая половина II тыс. до н.э.) и период Шушук-III ПБВ-2 (финал бронзового века) – вторая половина II тыс. до н.э. (Эрлих, Годизов, 2020). В предлагаемой статье речь пойдет о ранней группе могильника, относящиеся к эпохе средней бронзы (период Шушук-I). Большинство объектов эпохи средней бронзы могильника Шушук представляют коллективные погребения, совершенные в ящиках-рамах, составленных из плит разобранных дольменов и крупных камней под небольшой каменной наброской. Лишь одну погребальную конструкцию (Шушук-75, п.2) возможно следует признать дольменной. Встречаются также погребения в неглубоких ямках (Ш-75, п.1) и одиночные погребения в гипсовых промоинах (Шушук-57). Для погребальных сооружений выбирались возвышенные места – выходы материкового гипса. Коллективные

погребения содержали до 16 вторичных погребений. Сохранность костей плохая. Керамический инвентарь представлен двуручными и одноручными сосудами, сосудом с ушками. Ряд керамических форм имеют параллели с керамикой Дагуако-Даховского поселения и поселения Старчики дольменной культуры. Некерамический инвентарь, прежде всего, представлен украшениями из металла (бронзы, золота, серебра), зубов животных, фаянса, кальцита. Весьма характерны для этого периода подвески из зубов животных и подражания им из кальцита. Металлические изделия находят аналогии в культурах средней бронзы Северного Кавказа и юга Восточной Европы, причем медные сплавы отличаются чрезвычайно высоким содержанием мышьяка (до 36%), как будто свидетельствующим об их первичном использовании.

Внутри массива объектов периода средней бронзы могильника Шушук на основе изучения металлических предметов выделяют две хронологические группы (Эрлих, Гак, Клещенко, 2020). Группа 1 – начало среднего бронзового века (28-27 вв. до н.э.) и группа 2 – конец раннего - начало позднего этапов среднего бронзового века (26-24 вв. до н.э.). В настоящей статье мы рассмотрим три коллективных погребения, для которых были получены палеогенетические данные. Одно погребение относится к хронологической группе 1, два других – к группе 2.

Хронологическая группа 1 (28-27 вв. до н.э.)

Объект Шушук-75 находился на естественной возвышенности и имел вид задернованной курганообразной насыпи высотой до 2 м и диаметром 15–20 м. Раскопки показали, что это естественный останец, покрытый каменной наброской. Здесь было обнаружено два погребения относящихся к 1 хронологической группе (Эрлих, Гак, Клещенко, 2020).

¹ Статья написана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 19-09-00100а.

Погребение 2 находилось на краю северо-восточного сектора объекта на глубине –55/–69 см от репера и представляло собой дольменнообразную конструкцию подквадратной формы (рис. 1, 1), частично разрушенную: отсутствовала верхняя покровная плита, разрушена северная стенка, остальные боковые плиты частично смещены и наклонены. Как впоследствии оказалось, дольмен был вкопан в слой гумусированного натека, образовавшегося между естественными всхолмлениями, на которых располагались объекты Шушук-75 и Шушук-76. Размер конструкции по внешнему периметру – 3,2х3,2 м, по внутреннему – 1,7х1,7 м. Конструкция ориентирована по сторонам света с отклонением в 15° на запад. Вход в виде разрушенной арки находился в восточной стенке, которая была наклонена к востоку. Недалеко от входа находилась и дольменная втулка (пробка). Сверху во внутреннем пространстве лежали небольшие фрагменты плит. Расчистка содержимого гробницы велась по нескольким уровням.

Сохранность костного материала была крайне неудовлетворительная. По данным антропологического исследования² в гробнице находились останки от 7 до 10 погребенных. Удалось выделить трех взрослых и четверых детей от 1,5–2 лет до 4–8 лет. Возможно присутствие фрагментов костей еще двух взрослых и одного ребенка до года.

Погребение содержало более сотни находок – в основном мелких украшений. Наиболее примечательны два золотых пластинчатых височных кольца округлой в плане формы с заходящими друг за друга раскованными концами, размерами 1,1х0,3–0,15 см (рис. 1, 14, 15), а также округлая серебряная серьга из тонкой проволоки с приостренными концами, размером 0,9х0,1 см (рис. 1, 16). Из других предметов следует отметить литую бронзовую бочковидную бусину размерами (рис. 1, 17); фаянсовую пронизку цилиндрической формы светло-серого цвета с размерами (рис. 1, 18); бусы из белого и цветного кальцита дисковидной и усеченно-сферической форм диаметром 0,6–1 см (рис. 1, 23–26); две подвески: одна грибовидной формы из красноватого кальцита с размерами 1,3х0,8 см (рис. 1, 20), другая в форме гирьки размерами 1,4х0,8 см из белого

кальцита (рис. 2, 21). Наиболее многочисленную группу украшений представляют подвески из зубов и клыков животных с отверстием в корневой части (рис. 1, 27), а также встречены каменные (мягкий кальцит, известняк) подражания подвескам из зубов оленя, с одной стороны имеющие выступ в виде бугорка, а с другой месяцевидную прорезь (рис. 1, 28). Лишь один экземпляр подражания подвескам из зуба был лишен такой орнаментации (рис. 1, 22). В погребении также встречены два каменных отбойника: один – уплощенный размерами 4,5х1,5 см (рис. 1, 29), второй – сферической формы размерами 3,9х3,3 см (рис. 1, 30).

Среди фрагментов керамики удалось реконструировать следующие формы.

– Сероглиняный плоскодонный сосуд с двумя уплощенными парными ручками. Тулово слегка округлое, горло низкое, венчик отогнут наружу. По плечикам сосуда и горлу идет орнамент из двух рядов ногтевых вдавлений. Ручки украшены продольными желобками. Высота сосуда – 10 см (рис. 1, 2).

– Коричневоглиняная амфорка высотой 10 см на низком кольцевом поддоне с округлым туловом, высоким узким горлом и отогнутым венчиком. На плечиках имеются, предположительно, четыре выступа-ушка трапецевидной формы с вертикально проколотыми отверстиями – вероятно, для подвешивания (рис. 1, 3).

– Лепной коричневоглиняный кувшинчик высотой 10 см с ленточной петельчатой ручкой. Дно плоское, тулово яйцевидное, горло низкое, венчик отогнут наружу. На плечиках и верхней части тулова имеется орнамент из линии точечных вдавлений, от которых отходят прочерченные равнобедренные треугольники, направленные вершинами вниз. На ручке – орнамент из прочерченных вертикальных линий (рис. 1, 4).

– Близкий по форме неорнаментированный коричневоглиняный кувшинчик на низком кольцевом поддоне высотой 9 см (рис. 1, 5).

– Фрагменты петельчатых ручек кувшинов, одна из которых имела орнамент в виде вертикальных бороздок (рис. 1, 7), другая – гладкую поверхность (рис. 1, 8).

– Два сероглиняных горшочка баночной формы высотой 6 и 7 сантиметров, у одного из

² Определение антропологического материала выполнено сотрудником НИИ и музея антропологии МГУ Н.Я.Березиной.

них на плечиках имелся прямоугольный налест (рис. 1, 9, 10).

– Фрагмент венчика с закраиной лепного коричневоглиняного сосуда диаметром 14 см. В тесте примесь гипса (рис. 1, 11).

Для этого погребения были получены три радиоуглеродные даты. Первая из них, сделанная по материалу зуба животного (IGAN_{AMS}-6996: 4400±30 BP или 3098–2917 BC cal с вероятностью 2σ (95,4%), выглядит чрезвычайно удивительной. Две другие, полученные по кости человека (IGAN_{AMS}-6997: 4195±30 BP или 2814–2676 BC cal с вероятностью 2σ (95,4%)) и по углю со дна дольмена (IGAN_{AMS}-7000: 4065±25 BP или 2673–2558 BC cal с вероятностью 2σ (95,4%)) вполне соотносятся с предложенным для данной хронологической группы временным интервалом.

Хронологическая группа 2. 26-24 вв. до н.э.

Объект Шушук-42 находился в западной части могильника. На поверхности объекта были прослежены задернованные плиты и камни. Размеры его по линии север – юг – 18 м, в широтном направлении – 23 м. Под каменной наброской было обнаружено два ящика-рамы: в юго-западном секторе – погребение 1, а в северо-восточном – остатки ограбленного погребения 2. Ящик-рама **погребения 1** имел почти прямоугольную форму с ориентировкой длинной оси по линии северо-восток – юго-запад и был сложен из плит известняка (рис. 1, 1). Лишь одна плита у северного угла имела следы обработки. Размеры по внешнему контуру – 5х4,6 м. Внутри ящика-рамы обнаружены остатки коллективного погребения (16 черепов) и многочисленные находки. Расположение костей погребенных лишено какой-либо системы. Расчистка погребения велась по нескольким уровням. На первом уровне расчищены остатки шести погребенных. Среди сопровождавших их находок обнаружены плоская литая подвеска с ложным шнуровым орнаментом и двумя шариками на конце (рис. 2, 12); половинка литой бронзовой бусины цилиндрической формы, орнаментированная зигзагом-змейкой (рис. 2, 16); бронзовая литая бусина цилиндрической формы размером 0,5х0,4 см (рис. 2, 13); бронзовый бисер диаметром 0,3 см (рис. 2, 15); бронзовые височные колечки с заходящими концами: одно пластинчатое диаметром 1,5 см

(рис. 2, 17), другое – проволочное диаметром 1,6 см (рис. 2, 18); дисковидные и цилиндрическая бусина из кальцита красноватого и бледно-розового цвета (рис. 2, 24); бусы из раковины (рис. 2, 38) и крупные подвески из зубов животных с отверстиями для подвешивания, сделанными в корневой части (рис. 2, 34). Среди керамических находок этого уровня следует отметить фрагменты лепного серо-глиняного сосуда с корнем петлевидной ручки высотой 8 см с орнаментом в виде ряда вдавлений под венчиком (рис. 2, 2). Здесь же обнаружены фрагменты отогнутых венчиков чернотелого с диаметром по краю 7 см (рис. 2, 3) и коричневоглиняного с диаметром 11 см (рис. 2, 4), верхняя часть миниатюрного сосуда с низкой шейкой и отогнутым венчиком диаметром 4 см (рис. 2, 6), а также фрагмент стенки, украшенной елочным орнаментом (рис. 2, 5).

На втором уровне расчистки этого погребения открыты фрагменты не менее десяти человеческих черепов и мелкие кости – в том числе кальцинированные. Погребальный инвентарь состоял из шести гладких подвесок омегаобразного профиля (рис. 2, 19) и одной, типологически близкой им рифленой с шариками на конце (рис. 2, 20); четырех литых бронзовых дисковидных подвесок-медальончиков диаметром до 1 см с двусторонним концентрическим орнаментом (в одном случае – с псевдозерном на одной стороне) (рис. 2, 21); большого литого бронзового медальона кольцевидной формы диаметром 2,5 см, украшенного на петле и корпусе шнуровым орнаментом, с перекрестием (утрачено) и шпильками в местах крепления к внутренней части кольца (рис. 2, 22); литых бронзовых бусин диаметром 0,3–0,5 см: одной бочонковидной с поперечным валиком высотой 0,5 см (рис. 2, 23), трех бочонковидных высотой до 0,8 см (рис. 2, 25–27) и двух дисковидных высотой 0,3 см (рис. 2, 28–29); бронзовой бисерины (рис. 4, 30); височных колец – бронзового пластинчатого с желобчатыми концами, диаметром 1,6 см (рис. 2, 31), и двух серебряных из проволоки, раскованной на концах, диаметром 1,5 см (рис. 2, 32) и 1,1 см (рис. 2, 33); подвески треугольной формы из кальцита размерами 1,4х 0,8 см (рис. 2, 35); дисковидные бусы из гагата и ракушки различного размера (рис. 2, 37–38). Отдельно следует отметить находки двух дисковидных сердолико-

вых бусин диаметром 0,4–0,7 см (рис. 2, 36) и фаянсового бисера диаметром 0,3 см, нанизанного на жгутики из растительных волокон (рис. 2, 39). Большое количество находок представляли подвески из зубов животных самых различных размеров (рис. 2, 34). Среди керамических находок следует отметить двуручный сосуд высотой 11 см (рис. 2, 8): внешняя часть его ручек украшена двумя врезными полосами, под горлом сделан ряд ногтевых вдавлений, на тулове – прочерченный орнамент из треугольников, направленных вершинами вниз. Близкий орнамент тулова имел найденный на этом уровне кувшинчик высотой около 10 см, его ручки были украшены тремя врезными желобками (рис. 2, 7). Ручка еще одного сохранившегося хуже кувшинчика была украшена рядом прямоугольных вдавлений (рис. 2, 9). Здесь же обнаружены фрагменты верхних частей еще двух сосудов (рис. 2, 10, 11).

Из этого погребения имеется две радиоуглеродных AMS-даты. Одна была получена по зубу животного (IGAN_{AMS}-7128: 3825±20 BP или 2345–2200 BC cal с вероятностью 2σ (95,4%)). Нижней частью своего интервала она частично захватывает датировку, предложенную для второй хронологической группы. Второе определение, сделанное по кости человека (IGAN_{AMS}-6999: 4300±30 BP или 2943–2880 BC cal с вероятностью 2σ (95,4%)) – существенно древнее, что при условии отсутствия уверенности в закрытости комплекса может быть объяснено реально более древним характером образца.

Объект Шушук-49 находился в западной части археологического комплекса. Плодородный слой поверх каменной наброски был поврежден до раскопок, в результате чего была обнажена каменная конструкция, состоящая из плиты бурого песчаника и фрагментов каменного панциря. Объект исследовался квадратами 4х4 м. Каменная наброска имела прямоугольную форму, сильно вытянутую по линии север – юг. Размеры ее – 21х11 м. Здесь обнаружено два разграбленных ящика-рамы (скопления 1 и 2) и нетронутое погребение 1.

Погребение 1 представляло собой ящик-раму (рис. 3, 1), заваленный камнями с фрагментами керамики, которые расчищалось по нескольким уровням. На верхнем уровне была обнаружена каменная наковаленка (рис. 3, 11).

На четвертом уровне были выбраны камни заполнения ящика-рамы. За исключением западной стенки он был сложен из фрагментов плит дольменов во вторичном использовании. Конструкцию дополняли плиты известняка и желтого песчаника. Длинная ось ящика была ориентирована по линии запад – восток. Размеры ящика – 2х1,5 м. Внутри него расчищены остатки не менее 6 погребенных, находившихся вне анатомического порядка. Кости черепов лежали вдоль восточной стенки. Среди находок следует отметить литую бронзовую бусину усеченно-сферической формы размерами 0,7х0,6 см (рис. 3, 12); дисковидные бусы из сердолика и агата диаметром 1–1,1 см (рис. 3, 13, 14); двучастную и трехчастную фаянсовые пронизки размерами 0,9х0,5 см (рис. 3, 15), а также фрагменты стенок керамических сосудов с валиком, рассеченным круглыми вдавлениями (рис. 3, 2), и сосцевидным налетом (рис. 3, 3).

Из этого погребения получена радиоуглеродная AMS-дата по кости человека (IGAN_{AMS}-6998: 4205±30 BP или 2896–2679 BC cal с вероятностью 2σ (95,4%)). Как и в случае с датой IGAN_{AMS}-6999 из погребения 1 объекта Шушук-42, такой диапазон, не соответствующий времени обозначенной второй хронологической группы, может быть объяснен реально более древним характером образца – при условии отсутствия уверенности в закрытости данного комплекса.

Анализ погребального инвентаря

Металл. Круглая в плане форма и небольшие размеры височных колец ранней хронологической группы (рис. 1, 14–16) характерны для ранних памятников эпохи средней бронзы (Ростунов, Хашегульгов, 1985; Гей, 2000).

Металл второй хронологической группы обладает транзитными признаками второй половины раннего – первой половины позднего периодов среднего бронзового века. Показательным в этом плане является сочетание древних типов с дериватами в объекте Шушук-42 погр. 1 – самом ёмком по количеству и вариативности металла. Среди уплощенных подвесок примером могут служить крупная, покрытая имитацией шнура (рис. 2, 12). То же касается подвесок-медальонов, крупная кольцевая разновидность которых с перекладиной и шнуровым орнаментом (рис. 2, 22) имеет некоторый хронологический приоритет перед

мелкой дисковидной с концентрическим рифлением (рис. 2, 21). Смещение традиций и новаций наблюдается в морфологии височных колец (рис. 2, 17, 18, 31-33), согнутых из уплощенных и круглых проволочек с заведением концов (ранний признак) на оправках округлого и овального (поздний признак) профиля.

Керамика первой хронологической группы представлена несколькими диагностируемыми формами. Первая – высокогорлая плоскодонная амфорка с четырьмя симметрично расположенными на плечике вертикально проколотыми ручками-выступами (рис. 1, 3). Вторая и третья формы – двуручный сосуд (рис. 1, 2) и несколько одноручных сосудов-кувшинов (рис. 1, 4, 5). Ручки ленточные уплощенные в сечении, на некоторых экземплярах с внешней стороны орнаментированы параллельными линиями. Вероятно, некоторые отдельные находки ручек со схожим орнаментом (рис. 1, 6, 7, 8) могли принадлежать таким же сосудам. Тулово одного из кувшинов украшено свисающими вниз удлинёнными треугольниками из прочерченных линий (рис. 1, 4). Четвертая диагностируемая форма – небольшие неорнаментированные горшки средних и немного вытянутых пропорций (рис. 1, 9, 10). Полных аналогий первой форме (четырехручной амфорке) в материалах раннего этапа эпохи средней бронзы Предкавказья нет. Наиболее близко к ней стоит группа сосудов из погребений позднего этапа северокавказской культуры Закубанья, объединённых в тип I, и аналогий им из синхронных подкурганых погребений Предкавказья (Клещенко, 2013. С. 38. Рис. 1). Однако на большинстве из них ручки находятся в месте наибольшего расширения тулова, в то время как на амфорке из Шушука они расположены на плечике – по этому критерию к ней наиболее близки находки из позднесеверокавказских погребений Ипподромный 5/8 (Закубанье, ст. Мостовская) и Нежинский II 5/16 (Кавминводы). Однако обе этих амфорки имеют округлое дно, невысокое горло и более крупные размеры. Здесь также важно отметить, что обе эти находки, как и в целом этот тип сосудов, могут быть датированы позже рассматриваемой здесь первой хронологической группы, а именно – XXVI – XXV вв. до н.э.

Сосуды с двумя ленточными ручками имеют относительно широкий спектр аналогий в предкавказских памятниках первой половины

III тыс. до н.э. К наиболее ранним из них следует отнести находки в погребениях новотиторовской культуры в Прикубанье (Гей, 2000. С. 141. Рис. 42, 11-14). Схожесть их с сосудом из Шушука-75 подчеркивается креплением прилепа ручек к краю венчика. Интересно, что в синхронных новотиторовской культуре ранне-северокавказских памятниках Закубанья такая форма практически не известна: исключение составляет двуручный сосуд из погребения Уляп 17/2 (Клещенко, 2013. С. 39. Рис. 2, 16), отличающийся, впрочем, формой и размерами ручек. Наиболее же близкие аналогии двуручному сосуду из Шушука-75 в Закубанье известны из дольменных памятников: поселение Старчики (Рысин, 1985. Табл. 9, 7), Кизинка, дольмен № 74 и Дегуакская поляна, дольмен 84 (Марковин, 1997. Рис. 23, 7, 103, 2, 3). Причем, сосуды из Дегуакской поляны имеют орнаментацию в виде удлинённых прочерченных свисающих вниз треугольников, характерную для сосудов с ручками из различных объектов археологического комплекса Шушук.

Сосуды с одной ленточной ручкой (кувшины) – наиболее распространенная в серии диагностируемых керамических форм раннего периода функционирования археологического комплекса Шушук. Они имеют аналогии в тех же новотиторовских памятниках Прикубанья первой четверти III тыс. до н.э. и так же совершенно не представлены в серии северокавказской керамики Закубанья (Клещенко, 2013. С. 39. Рис. 2). Особенно же распространены сосуды таких форм в дольменных памятниках Закубанья: они встречаются как, собственно, в дольменах, так и в поселенческих материалах (Марковин, 1997. Рис. 103, 1, 118, 9; Рысин, 1985. Табл. 12, 3; 1986. Табл. IX, 4).

Помимо восстанавливаемых форм сосудов с одной / двумя ручками в дольменных материалах Закубанья встречается значительное число находок, собственно ручек – в основном с прочерченным орнаментом, а также с группами коротких вдавлений (Марковин, 1997. Рис. 111, 7, 17; 115, 21; 116, 10, 28, 29; 118, 23; 119, 21; 120, 12, 22; 122, 15, 39). Здесь также нельзя не отметить, что традиции профилировки ручек прочерченными линиями в Предкавказье вне дольменных памятников особенно распространяются уже в третьей четверти III тыс. до н.э. в памятниках батуринской позднекатакомбной культуры Прикубанья (Гей, 1995. С. 4–9. Рис. 1, 2, 5; 2, 2; 3, 7).

Еще одной формой, представленной в керамической серии первого периода существования археологического комплекса Шушук, являются небольшие горшки средних и немного вытянутых пропорций (рис. 1, 9, 10). При общей примитивности этой формы шушукские горшки, помимо пропорций, имеют такие характерные детали как довольно резкий перегиб профиля тулова в верхней трети, а также очень плавный изгиб венчика. Эти детали резко суживают круг аналогий этой форме сосудов на территории Предкавказья. По доступным источникам можно отметить некоторое сходство шушукских горшков с находками из Дагуакско-Даховского поселения (Марковин, 1997. Рис. 114, 13) и поселения Старчики (Рысин, 1986. Табл. III, 2). Ни в новотиторовских, ни в раннесеверокавказских памятниках горшков с сочетанием таких деталей профилировки не известно.

В целом следует отметить, что керамический материал первой хронологической группы имеет определенные связи с синхронными традициями новотиторовской культуры Прикубанья, наряду с практически невыраженными контактами с соседними раннесеверокавказскими традициями Закубанья. Однако это не так уж и удивительно, учитывая в целом несамостоятельный характер керамического комплекса ранних северокавказских памятников, сложившегося, по всей видимости, под влиянием тех же новотиторовских традиций. И в этом отношении находка шушукской амфорки в горизонте находок первой четверти III тыс. до н.э. особенно интересна: она позволяет поставить вопрос о происхождении, собственно, этого типа посуды в памятниках развитого этапа северокавказской культуры Закубанья. Немаловажно отметить также полное отсутствие на керамике могильника Шушук шнурового орнамента, достаточно характерного для украшения сосудов первой половины III тыс. до н.э. в степной зоне Предкавказья, а также наличие форм высокогорлых сосудов и мисок, имеющих аналогии исключительно в дольменных памятниках Закубанья.

Керамическая серия второй хронологической группы отчасти продолжает традиции первого периода: здесь встречены как двуручный сосуд (рис. 2, 8), так и целая серия одноручных сосудов-кувшинов (рис. 2, 2, 7, 9).

В целом орнаментация сосудов близка традициям первой хронологической группы:

прочерченные линии и треугольники, а также округлые и другие вдавления. Однако среди керамической серии второго периода есть несколько фрагментов стенок с рассеченными горизонтальными валиками (рис. 3, 2), а также небольшими сосцевидными налечами (рис. 3, 3), которые указывают на более поздние традиции, относящиеся к третьей четверти III тыс. до н.э.

Из предметов, маркирующих вторую хронологическую группу, помимо литых металлических предметов, следует выделить сердоликовые (рис. 2, 36; 3, 13, 14) и фаянсовые (рис. 2, 39; 3, 15) бусы и бисер. Причем, если единичная находка фаянса присутствует и в первой группе (рис. 1, 18), то наличие сердолика следует считать особенностью именно поздних комплексов в рамках средней бронзы. В целом на территории Северного Кавказа этот вывод подтверждается на материалах других культурных традиций – в частности на погребениях северокавказской культуры (Клещенко, 2011. С. 255. Рис. 43).

Другой относительно массовой категорией украшений из материалов археологического комплекса Шушук являются тонкие дисковидные бусины из стенок раковин, обнаруженные как в объектах первой (рис. 1, 19), так и второй (рис. 2, 38) хронологических групп. Находок таких изделий в погребальных памятниках первой половины III тыс. до н.э. по имеющимся источникам не известно. Однако они встречены в комплексах батуринской культуры третьей четверти III тыс. до н.э. – на территории соседнего Прикубанья, в частности – в захоронениях кургана 1 могильника у ст. Батуринской (Бочкарев, 1979. Рис. 17, 32), что наряду с отмеченными аналогиями в керамическом производстве может, пока косвенно, указывать на продолжение в позднекакомбное время традиций некоторых форм украшений первой половины III тыс. до н.э.

Одними из наиболее массовых находок из категории украшений в объектах археологического комплекса Шушук являются подвески из зубов животных (рис. 1, 27; 2, 34), а также подвески сходных форм из кальцита с оригинальным орнаментом (с одной стороны – выступ в виде бугорка, с другой – луновидная прорезь) (рис. 2, 28). Интересно, что подвески из зубов равно представлены как в первой, так и во второй хронологической группах, в то время

как кальцитовые их аналоги маркируют именно ранний горизонт.

Палеогенетическое исследование.

В качестве основного подхода был использован один из методов современной археологической генетики – анализ митохондриальной ДНК. Работы по выделению древней ДНК проводились в специально оборудованной чистой зоне НИЦ «Курчатовский институт» с соблюдением всех необходимых для подобных экспериментов условий. В частности, были использованы комплекты спецодежды для чистых помещений, проводилась обработка рабочих поверхностей и приборов реагентом DNA AWAY (Thermo Fisher Scientific, США) и ультрафиолетом, на всех стадиях эксперимента присутствовали контрольные образцы, кроме того, анализировалась ДНК у всех сотрудников, осуществлявших работы в палеогенетической лаборатории.

Для анализа использовали 12 образцов (человеческие зубы), извлеченных из трех описанных выше погребений археологического комплекса Шушук. Выделение ДНК из зубов проводили по стандартной методике с небольшими модификациями (Orlando et al., 2009). В итоге, древнюю ДНК удалось выделить из десяти образцов (Таблица 1). Для амплификации участков D-петли митохондриальной ДНК (мтДНК) использовали праймерные системы, предложенные ранее (Sampietro et al., 2005) и разработанные авторами исследования. Последовательность полученных ПЦР-фрагментов (длиной от 90 до 150 п.н.), покрывающих участок D-петли мтДНК, прочитывали, используя секвенатор ABI 3730xl (Thermo Fisher Scientific, США).

Последовательности ДНК анализировали и выравнивали при помощи программы BioEdit, а программа mtDNAprofler позволила получить список нуклеотидных отличий от референсной мтДНК (rCRS), который затем был использован для определения митохондриальных гаплотипов людей, захороненных в могильнике Шушук (применялась программа HaploGrep2 (Weissensteiner et al., 2016)) (Таблица 1).

Проведенное исследование показало, что все они относятся к мит-гаплогруппе **H**, причем 6 погребенных, происходящих из п.2 объекта Шушук-75 (хронологическая группа 1) относятся к одному мит-гаплотипу **H1a** и яв-

ляются родственниками по материнской линии. Трое погребенных в ящике-раме Шушук-42 погребение 1 (хронологическая группа 2) относились к гаплотипам **H2a2a1**, **HV21** и **H5**. Единственный погребенный, у которого удалось выделить ДНК из п.1 объекта Шушук-49 этой же хронологической группы относится к мит-гаплотипу **H1aj1**.

Весьма показательно, что среди такого же количества образцов мит-ДНК, выделенных из человеческих останков соседнего дольменного могильника Шушук, имеющего хронологическое соответствие по инвентарю с периодом Шушук-II (первая половина II тыс.), исследованного А.Д. Резепкиным, гаплогруппа **H** не встречена (Шарко и др., 2017).

Гаплогруппа **H** является самой распространенной и самой разнообразной материнской линией в Европе, на большей части Ближнего Востока и Кавказа. В Центральном Предкавказье она встречается в серии погребений начиная с эпохи энеолита-ранней бронзы. На Северо-Западном Кавказе она встречена у погребенного в дольмене 13 могильника Марченкова гора эпохи поздней бронзы (cal. 1410-1210 BC, Le-7053) (Wang et al., 2019, I2051) (рис.4).

Для периода синхронного погребений могильника Шушук эпохи средней бронзы мы можем отметить богатое погребение северокавказской культуры Центрального Предкавказья Лысогорская 6, к.13, п.4 (LYG001) датирующейся второй четвертью III тыс. до н.э. (cal. 2863-2581 BC, MAMS-29825 (Кореневский и др., 2018; Wang et al. 2019) (рис.4).

Заключение.

Проведенное исследование показывает определенное родство и преемственность между коллективными погребениями могильника археологического комплекса Шушук эпохи средней бронзы первой и второй хронологической группы, которое проявляется как на основании археологических, так и генетических данных – все они относятся к одной мит-гаплогруппе **H**.

В то же время, отметим, что имеющиеся сейчас данные свидетельствуют о сложных и нелинейных этнокультурных процессах, происходящих в предгорьях Северо-Западного Кавказа в эпоху средней-поздней бронзы. Древнее население, оставившее археологический комплекс Шушук, уже в III тыс. практи-

кует постдольменный погребальный обряд, оно начинает разбирать дольмены и сооружать рамы из дольменных плит, возможно под влиянием традиции деревянных рам северокавказской археологической культуры. Скорее всего, это было вызвано проникновением северокавказцев из Центрального Предкавказья. В то же время, на соседнем дольменном могильнике Шушук традиция повторного использования дольменов для погребений продолжается до первой половины II тыс. до н.э. Однако, митохондриальные гаплогруппы погребенных в этом могильнике имеют существенные отличия от коллективных постдольменных погребений эпохи средней бронзы археологического комплекса Шушук.³

ЛИТЕРАТУРА

- Бочкарев, 1979 – Бочкарев В.С. Отчет о работе Батуринского отряда Кубанской экспедиции за 1979 г. в Брюховецком районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1 № 7581.
- Гей, 1995 – Гей А.Н. Батуринская катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в степном Прикубанье // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир-Москва, 1995. С. 4-14.
- Гей, 2000 – Гей А.Н. Новотиторская культура. М.: «Старый сад», 2000. 224 с.
- Клещенко, 2011 – Клещенко А.А. Северокавказская культура Закубанья. Дис ... канд. ист. наук (рукопись). М., 2011. 262 с. // Архив ИА РАН. Р-2. № 2801.
- Клещенко, 2013 – Клещенко А.А. Керамический комплекс закубанского варианта северокавказской культуры // РА. 2013. №2. С. 37-43.
- Корневский С. Н., Березин Я. Б., Габуев Т. А. Уникальное погребение эпохи средней бронзы на Кавминводах. //КСИА, 2018. Вып. 252. С.67-86.
- Марковин, 1997 – Марковин В.И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.: ИА РАН, 1997. 403 с.
- Ростунов, Хашегульгов, 1985 – Ростунов В.Л., Хашегульгов Б.М. К хронологии височных подвесок в 1,5–2,5 оборота эпохи ранней бронзы Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985. С. 41–55.
- Рысин, 1985 – Рысин М.Б. Отчет Майкопского отряда Кубанской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР о раскопках поселения Старчики в 1985 году // Архив ИА РАН. Р-1 № 10920.
- Рысин, 1986 – Рысин М.Б. Отчет о работах на поселении Старчики Майкопского района Адыгейской АО в 1986 году // Архив ИА РАН. Р-1 № 12439.
- Шарко Ф.С., Булыгина Е.С., Цыганкова С.В., Резепкин А.Д., Недолужко А.В. Анализ митохондриальной ДНК, выделенной из человеческих останков дольменного памятника Шушук // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Материалы. Барнаул, 2017. С. 1156-1157
- Эрлих, 2018 - Эрлих В.Р. Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе // КСИА, 2018. Вып.250. С.7-24.
- Эрлих, Годизов, 2020. Эрлих В.Р., Годизов Г.Л. Постдольменный археологический комплекс Шушук. Периодизация и хронология. // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20-25 апреля 2020 г. / отв. ред. М. С. Гаджиев. Махачкала: МавраевЪ, 2020. С.161-165.
- Эрлих, Гак, Клещенко – Эрлих В.Р., Гак Е.И., Клещенко А.А. Погребения эпохи средней бронзы археологического комплекса Шушук //Археологические вести, Вып.27.СПб, 2020. С. 253-278.
- Orlando L., Metcalf J.L., Alberdi M.T., Telles-Antunes M., Bonjean D., Otte M., Martin F., Eisenmann V., Mashkour M., Morello F., Prado J.L., Salas-Gismondi R., Shockey B.J., Wrinn P.J., Vasil'ev S.K., Ovodov N.D., Cherry M.I., Hopwood B., Male D., Austin J.J., Hänni C., Cooper A. Revisiting the recent evolutionary history of equids using ancient DNA // PNAS. – 2009. №106(51). DOI: 10.1073/pnas.0903672106
- Sampietro M.L. Caramelli D., Lao O., Calafell F., Comas D., Lari M., Agustí B., Bertranpetit J., Lalueza-Fox C. The genetics of the pre-Roman Iberian Peninsula: a mtDNA study of ancient Iberians // Ann. Hum. Genet. – 2005. - № 69 (Pt 5). DOI: 10.1111/j.1529-8817.2005.00194.x..
- Wang C.C., Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., Brandt G., Jeong C., Cheronet O., Ferry M., Harney E., Keating D., Mallick S., Rohland N., Stewardson K., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Petrenko V.G., Erlikh V.R., Atabiev B.C., Magomedov R.G., Kohl P.L., Alt K.W., Pichler S.L., Gerling C., Meller H., Vardanyan B., Yeganyan L., Rezepkin A.D., Mariaschk D., Berezina N., Gresky J., Fuchs K., Knipper C., Schiffels S., Balanovska E., Balanovsky O., Mathieson I., Higham T., Berezin Y.B., Buzhilova A., Trifonov V., Pinhasi R., Belinskij A.B., Reich D., Hansen S., Krause J., Haak W. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with ecogeographic regions // Nat. Commun. – 2019. – V. 10(1). DOI: 10.1038/s41467-018-08220-8.
- Weissensteiner H., Pacher D., Kloss-Brandstätter A., Forer L., Specht G., Bandelt H.J., Kronenberg F., Salas A., Schönherr S. HaploGrep 2: mitochondrial haplogroup classification in the era of high-throughput sequencing // Nucleic Acids Res. - 2016. - V. 44(W1). DOI: 10.1093/nar/gkw233

³ Следует отметить, что к моменту написания этой статьи исследовательским коллективом уже получена серия радиоуглеродных дат трех погребальных объектов археологического комплекса Шушук периода Шушук II (поздняя бронза -I), имеющего соответствия по керамике и металлическому инвентарю дольменному могильнику Шушук, исследованному А.Д.Резепкиным. Эти даты находятся в интервале XVIII-XVI вв. до н.э. В настоящее время планируется исследование мит-ДНК из этих комплексов, чтобы сравнить их с материалами эпохи средней бронзы и данными из синхронного дольменного могильника Шушук.

Таблица 1.

Антропологический материал из могильника Шушук:
митохондриальные гаплотипы древних людей.

Номер образца	Источник	Митохондриальный гаплотип
Sh01	Шушук 75, погребение 2, зуб из челюсти, череп 1	H1a
Sh02	Шушук 75, погребение 2, зуб из района черепа 3	H1a
Sh03	Шушук 75, погребение 2, зуб черепа	H1a
Sh04	Шушук 75, погребение 2, зуб из челюсти, череп 2	H1a
Sh05	Шушук 75, погребение 2, 2 зуба из челюсти, череп 1	H1a
Sh06	Шушук 75, погребение 2, зуб человека (КАЭ 2017)	H1a
Sh07	Шушук 42, погребение 1. Уровень 2. Череп и зубы 9.	H2a2a1
Sh08	Шушук 42, погребение 1. Уровень 2. Череп и зубы 10.	HV21
Sh09	Шушук 42, погребение 1. Уровень 2. Череп и зубы 14.	H5
Sh10	Шушук 49, погребение 1. Уровень 4. Зуб у черепа 3.	Определить не удалось
Sh11	Шушук 49, погребение 1. Уровень 4. Зуб у черепа 4.	Определить не удалось
Sh12	Шушук 49, погребение 1. Уровень 4. Зуб у черепа 6.	H1aj1

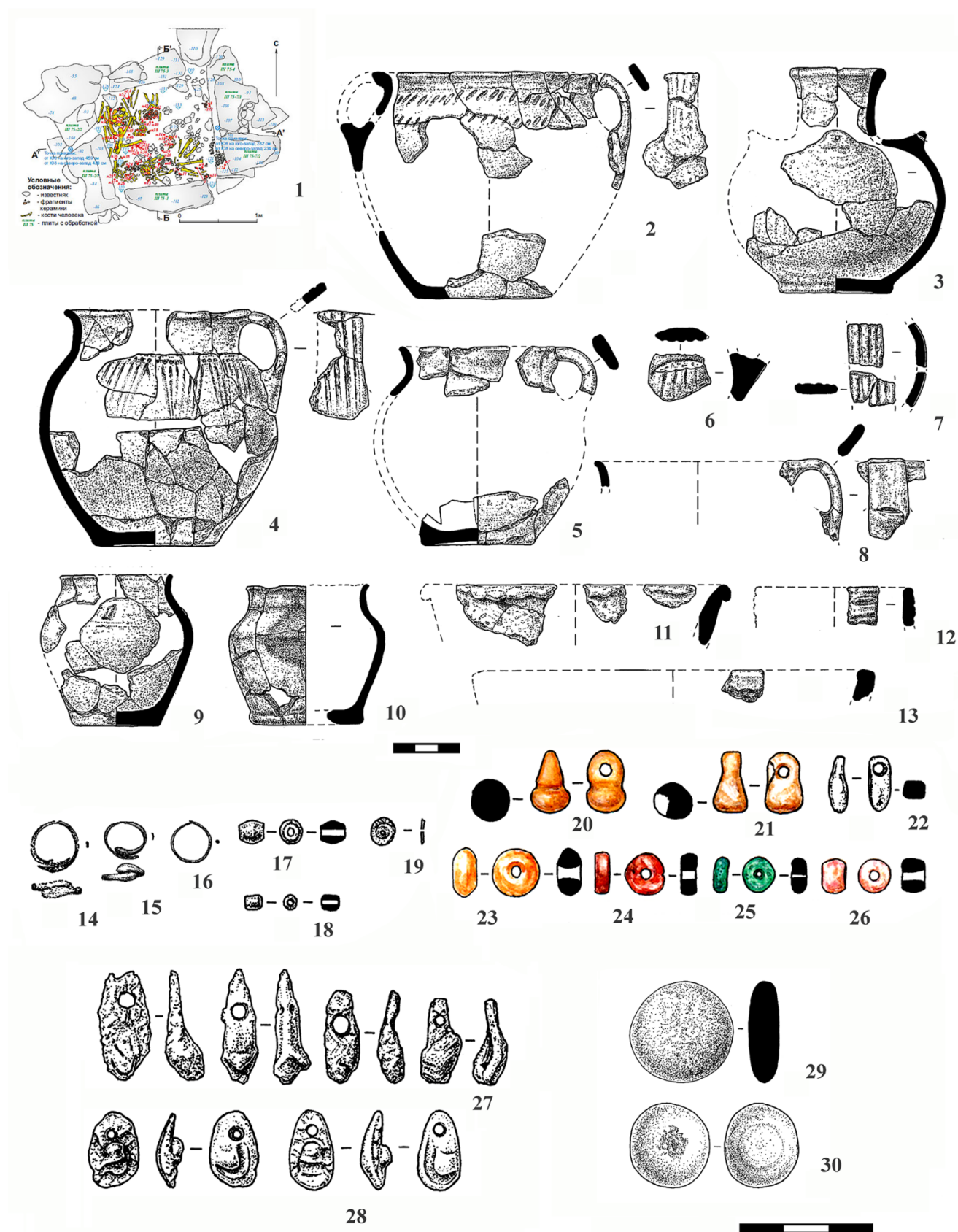

Рис.1. Археологический комплекс Шушук. Объект Шушук-75, пог.2. 1 – план погребения, 2-30 – основной инвентарь погребения. 2- 13 – керамика, 14, 15 – золото, 16 – серебро; 17 – бронза, 18 – фаянс, 19 – раковина, 20-26, 28 – кальцит, 27 – зубы животного; 29, 30 – камень.

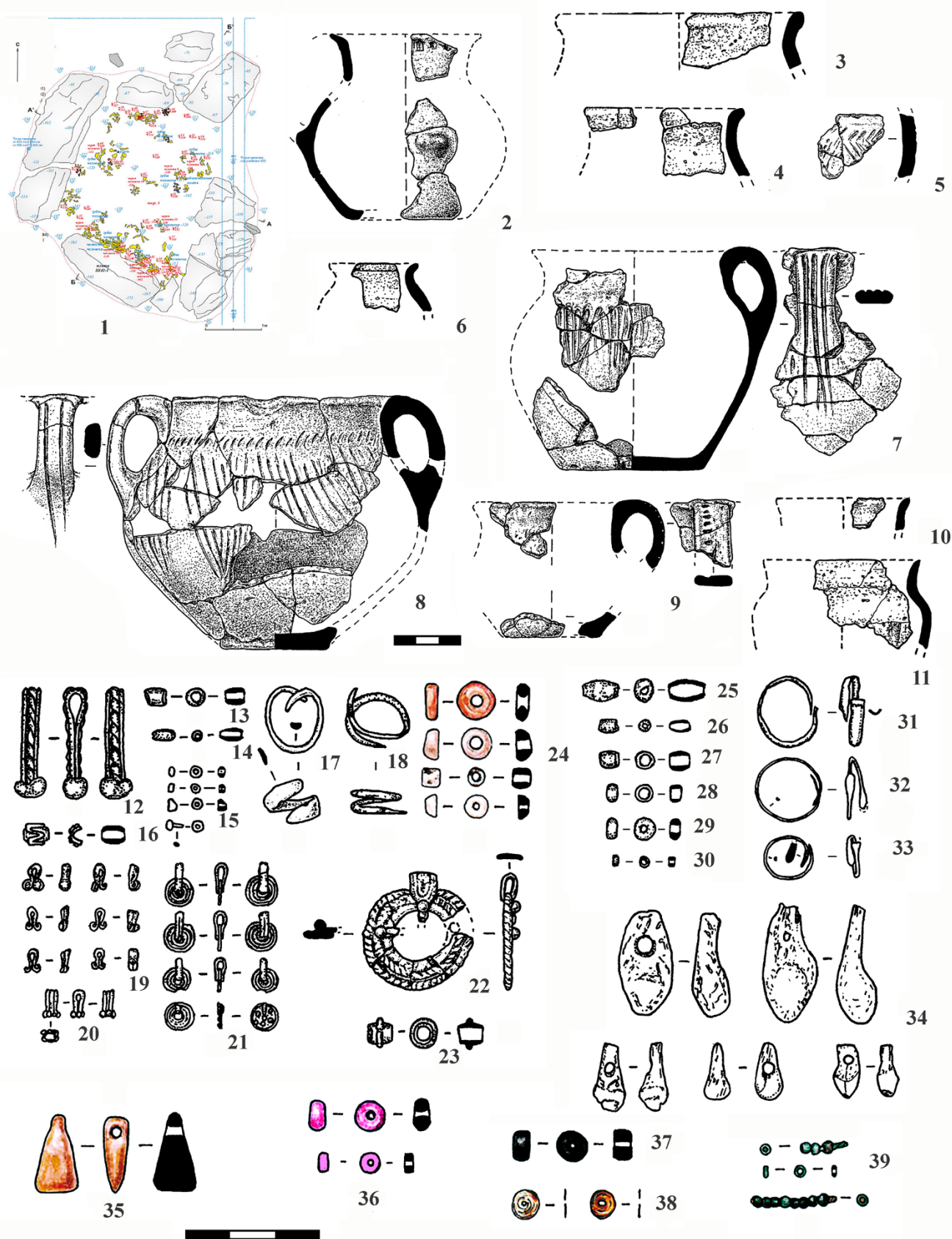

Рис.2. Археологический комплекс Шушук. Объект Шушук-42, пог.1. 1 – план погребения, 2-39 – инвентарь погребения. 2-11 – керамика, 12-23, 25-31 – бронза, 24, 35 – кальцит; 32, 33 – серебро; 34 – зубы животного; 36 – сердолик, 37 – гагат; 38 – раковина; 39 – фаянс.

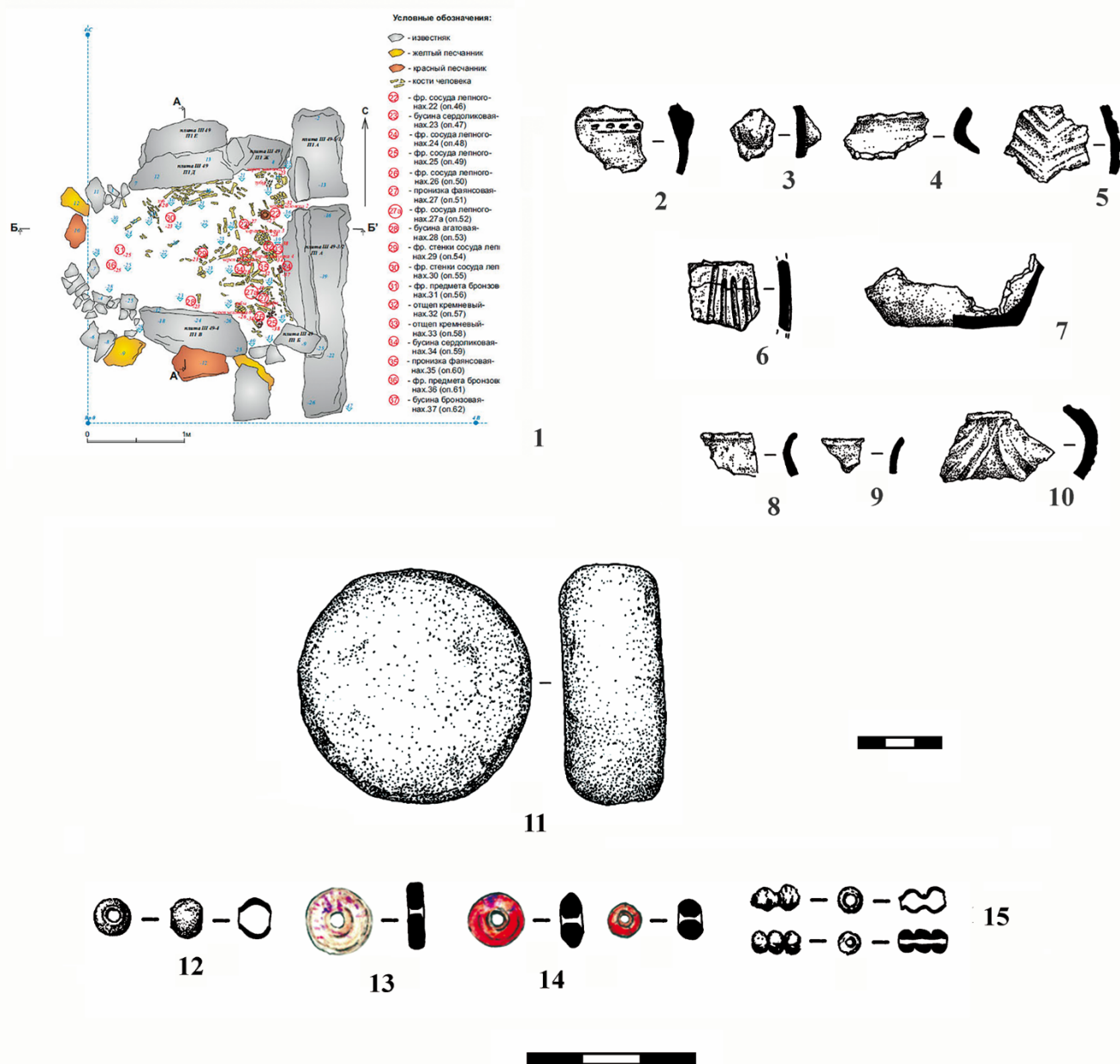

Рис.3. Археологический комплекс Шушук. Объект Шушук-49, пог.1. 1 – план погребения, 2-15 – инвентарь погребения; 2-10 – керамика; 11 – камень; 12 – бронза, 13, 14 – сердолик, 15 – фаянс.

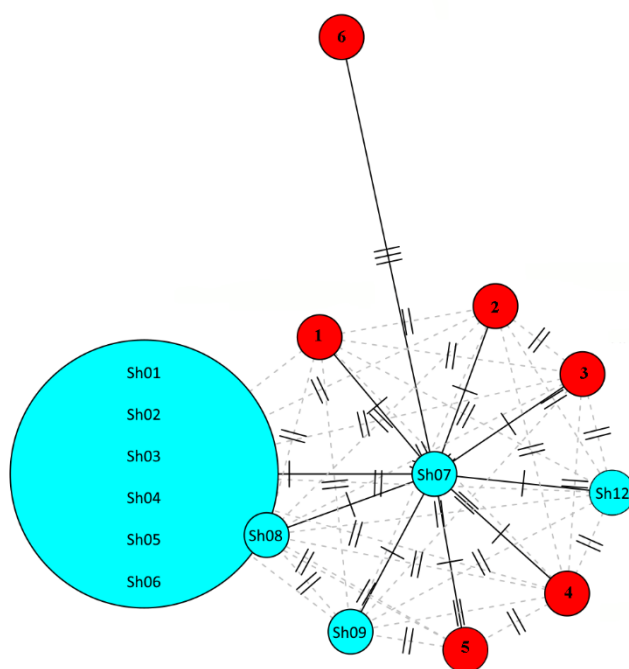

Рис.4. Связи между образцами носителей мит-гаплогруппы Н Северного Кавказа. Сплошные жирные линии обозначают наиболее вероятные связи между образцами. Синий круг с шифром Sh – образцы могильника Шушук (см. табл.1). Красные круги с цифрами - образцы с территории Северного Кавказа с мит-гаплотипом Н из следующих памятников. 1.(PG2004) Прогресс 2, курган 1, п.37 (степной энеолит); 2 – (LYG001) – Лысогогорская 6, курган 3, п.4 (средняя бронза); 3 - (AY2003)- Айгурский 2, курган 22, п.9 (степной Майкоп, ранняя бронза); 4 – (KDC002)- Кудахурт , к.14, п.50 (средняя бронза) ; 5 – (I2051) – Марченкова гора, дольмен 13 (поздняя бронза) ; 6 – (I1720) Баксаненок, к.2, п.5 (Майкопская культура, ранняя бронза) (по Wang et al., 2019).

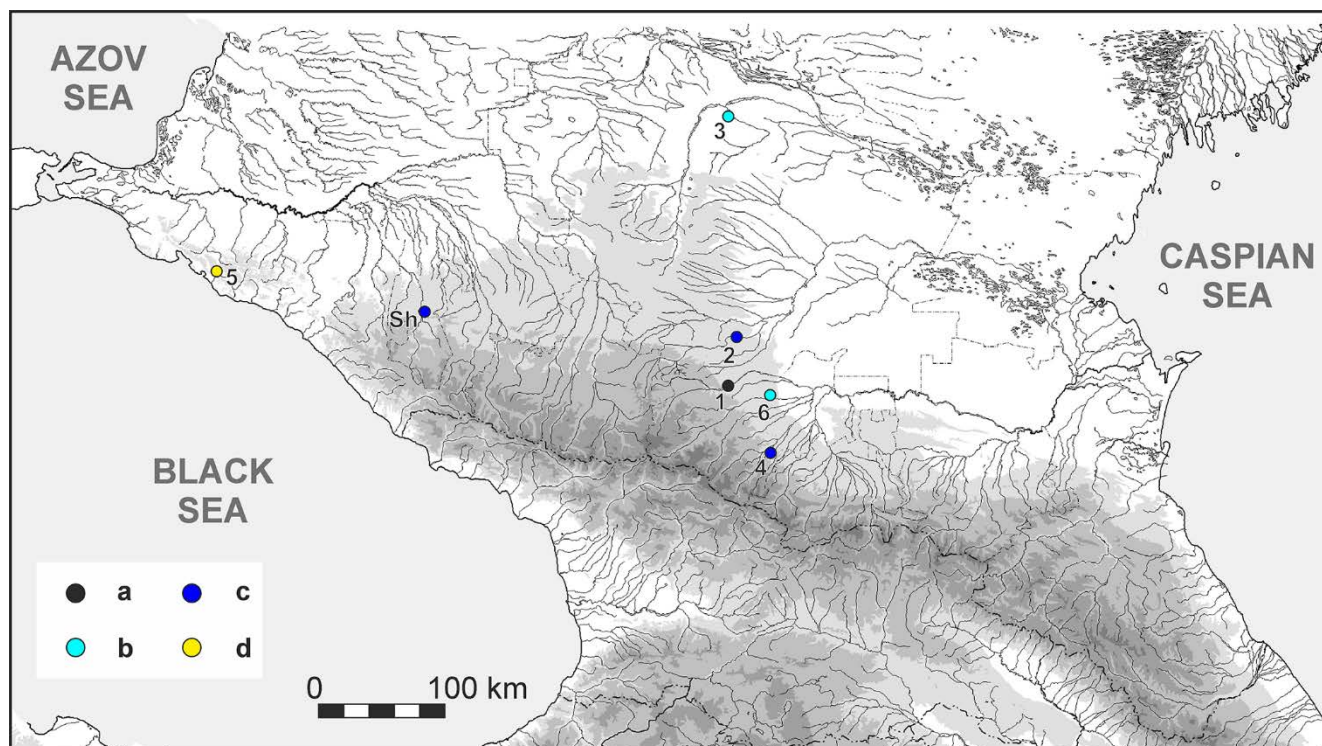

Рис.5. Карта распространения Мит-гаплогруппы Н эпохи бронзы на Северном Кавказе. а- энеолит, b — ранняя бронза (майкопская культура), с- средняя бронза, d — поздняя бронза.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ В АДЫГЕЕ¹

В 2019 году Кавказской археологической экспедицией Государственного музея Востока и ООО «Культурное Наследие» были произведены археологические разведки в Дукмасовском сельском поселении Шовгеновского района, ст. Ханской городского округа Майкоп, ст. Абадзехской и ст. Севастопольской Майкопского района Республики Адыгея.

На территории Дукмасовского сельского поселения Шовгеновского района были продолжены работы на поселении «Дукмасово-2», площадью 53 га, являющегося частью **археологического комплекса «Дукмасов»**, выявленного в 2013 г., также включающего грунтовый могильник «Дукмасов-2», центром которого выступает курган «Дукмасов-111» (Годизов Г. Л., Улитин В. В., 2014, с. 143; Годизов Г. Л., 2015, 14, 15). Археологический комплекс расположен на границе Красногвардейского и Шовгеновского районов Республики Адыгея, а также Белореченского района Краснодарского края на второй надпойменной террасе левого берега р. Лабы, в междуречье рек Псенафа и Гиага на пахотном поле. Он находится в 3,11 км к северо-западу от МБОУ ООШ № 2 (х. Дукмасов, ул. Ушанева, д. 22) и занимает площадь около 60 га (рис. 1).

Поселение «Дукмасово-2» представляет собой сложную систему жилых холмов. Причем холмы настолько выражены в рельефе, что при первом взгляде напоминают курганный могильник. Однако при детальном рассмотрении холмы выстраиваются в вереницы, которые часто соединяются в гребни и напоминают улицы, хотя встречаются и отдельно расположенные жилые холмы.

Отличительной чертой жилых холмов этого поселения является выраженный светло-серый цвет их вершин. Это объясняется характером меотских построек, которые были выполнены из глины-сырца, а так как поселение активно распаивается остатки жилищ оказываются на поверхности. Следующей причиной, по которой мы в 2013 году идентифицировали холмы в качестве жилых, а не курганов, является заметная концентрация подъемного материала

именно на них, в основном это многочисленная керамика, кости животных и камни.

С целью установления насыщенности и глубины культурного слоя, а также проверки гипотезы о наличии в жилых холмах остатков жилищ, сооруженных из глины-сырца, в 2019 г. на поселении «Дукмасово-2» были заложены 3 шурфа, общей площадью 12 кв. м. Исходя из стратиграфии шурфов и глубины залегания находок, можно заключить, что глубина залегания культурного слоя поселения достигает 150 см на жилых холмах и 90 см на оставшейся площади.

Материал шурфов многочислен и разнообразен (284 находки). В первую очередь это лепная и гончарная керамика различных типов меотской посуды, турлук, а также кости животных – крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади, лисицы. Необходимо отметить, что гончарная керамика в подавляющем большинстве представлена античным импортом, что говорит о времени бытования памятника, когда меоты начали активно контактировать с античными городами Причерноморья, но еще не переняли технологию гончарного круга. Эту датировку подтверждает фрагмент венчика с ручкой красноглиняной амфоры, происходящей из Икоса и датированной второй – третьей четвертью IV в. до н. э., обнаруженный в верхнем слое шурфа 1.

Заложенные на холмах поселения шурфы 1 и 2 подтвердили нашу гипотезу о том, что многочисленные холмы, обнаруженные на территории поселения, не являются курганами, а представляют собой жилые холмы с усадьбой, построенной из сырцовых кирпичей. Мы смогли проследить глубину залегания сырцовых кирпичей древних построек меотов. Однако проследить контуры стен или их толщину не представлялось возможным, вследствие полной утраты сырцовыми кирпичами своих изначальных характеристик и формы, а также ограниченной площади раскопа. Материал шурфов подтвердил хронологическую и культурную атрибуцию памятника, данную в 2013 году на основании обильного подъемного материала.

Можно уверенно говорить о существовании

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ 19-09-00100а.

памятника во второй половине V – IV вв. до н. э. Это логично сочетается с тем, что описываемый комплекс находится всего в 4,5 км от известных некрополей а. Уляп и, похоже, синхронен им (Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р., 2013, 2015). Исследование крупного меотского поселения, расположенного в непосредственной близости от Уляпских некрополей может значительно обогатить наши знания о строителях столь знаменитых памятников археологии.

В рамках реализации проекта «Финал эпохи бронзы в предгорьях Северо-Западного Кавказа. Постдольменный горизонт» (грант РФФИ 19-09-00100), который направлен на комплексное изучение всей совокупности материалов открытого в предгорьях Северо-Западного Кавказа культурного феномена эпохи финала бронзового века, сменяющего дольменную культуру – постдольменный горизонт (постдольменной культуры), было обследовано несколько земельных участков и выявлены новые объекты археологического наследия.

В целях поиска нового поселения эпохи бронзы был обследован земельный участок, располагающийся на юго-восточной окраине станицы Ханской городского округа Майкоп. Поводом для обследования данного участка послужило наличие поблизости (на расстоянии 1 км юго-восточнее обследуемого участка) поселения «Деметра», относящегося к эпохе поздней бронзы и частично раскопанного в 2012 г (Эрлих В. Р., Болелов С. Б., 2014, с. 211–215). В результате обследования было установлено, что на участке располагается курган «Ханский-2», стоящий на учете в Управлении по охране и использованию объектов культурного наследия Республики Адыгея. Западнее кургана, на поверхности земли был обнаружен многочисленный археологический материал (33 находки), свидетельствующий о присутствии на данной территории памятника археологии поселенческого типа, который впоследствии получил наименование **поселение «Ханское-1»**.

Поселение, площадью 0,85 га, находится в 2,2 км на юго-восток от МОУ «Начальная школа» № 26 (ст. Ханская, ул. Интернациональная, 112), на первой надпойменной террасе правого берега р. Белой и располагается на холме высотой до 1,10 м, в плане округлой формы, с пологими склонами и сла-

бо выраженным подножием (рис. 2).

Для определения границ поселения было заложено 6 шурфов. В заложенном в центре поселения шурфе было обнаружено 33 находки – фрагменты лепных и кружальных сосудов, кремневый отщеп и шлак. Исходя из стратиграфии полученных разрезов и глубины залегания находок, можно заключить, что глубина культурного слоя поселения составляет один метр.

Исходя из состава теста лепных сосудов (присутствие кварца и слюды), наличии фрагментов красноглиняных и сероглиняных кружальных сосудов, а также шлака (свидетель металлообработки), поселение «Ханское-1» можно атрибутировать IV-I вв. до н. э. и отнести к меотской археологической культуре.

Как было упомянуто выше, в 2019 г. в целях реализации гранта РФФИ экспедиция активно искала новые памятники, относящиеся к постдольменному горизонту в предгорьях Северо-Западного Кавказа. Одним из направлений поисков стал розыск поселения Абадзехского, обнаруженного П. У. Аутлевым в середине 60-х годов XX века и относящегося к финальной бронзе (Аутлев П. У., 1972, с. 52–59). Опираясь на географическую привязку поселения к станице Абадзехской, был обследован земельный участок, располагающийся на северной окраине указанной станицы.

Двигаясь вдоль поля по грунтовой дороге, и осматривая выкид из небольшой траншеи, был обнаружен фрагмент стенки лепного сосуда. В нескольких метрах севернее находки, на поле был заложен шурф 1, который дал материал. В целях поиска границы обнаруженного поселения, юго-восточнее шурфа 1, был заложен шурф 2, который также оказался информативным. В результате чего было выявлено поселение, которому было присвоено наименование **поселение «Абадзехское-1»**.

Поселение площадью 2,68 га, находится в 1,5 км на северо-северо-запад от МБОУ Абадзехская СОШ № 3 (ул. Первомайская, 33, ст. Абадзехская) и располагается на первой надпойменной террасе правого берега р. Белой на слабо выраженном холме, в плане в форме полумесяца, с пологими склонами и слабо выраженным подножием. Восточной границей поселения является глубокий овраг, на юге – грунтовая дорога, на севере – лес, сопровождающий пойму р. Фюнтв, западная граница не имеет выраженного ориентира, –

ей выступает лишь понижение рельефа (рис. 3).

Из шурфа 1 происходят 241 находка – фрагменты лепных и кружальных сосудов, а также кремневый отщеп и турлук. Также в шурфе было обнаружено 7 фрагментов костей крупного рогатого скота, 3 фрагмента костей мелкого рогатого скота, 1 фрагмент челюсти кабана и 113 фрагментов трубчатых костей различных животных. Из шурфа 2 происходят 118 находок – фрагменты лепных и кружальных сосудов (один из которых чернолаковый), а также турлук. В шурфе также было обнаружено 3 фрагмента костей крупного рогатого скота, 2 фрагмента костей мелкого рогатого скота, фрагмент корня нижнего клыка и плюсневой кости кабана, и 33 фрагмента трубчатых костей различных животных.

Согласно стратиграфии полученных разрезов и глубины залегания находок, мы заключили, что глубина культурного слоя поселения составляет 80 см. Исходя из наличия фрагментов красноглиняных и сероглиняных кружальных сосудов, а также турлука, поселение «Абадзехское-1» можно атрибутировать IV-I вв. до н. э. и отнести к меотской археологической культуре.

Следующим направлением разведок стал поиск могильников в окрестностях уже известных памятников и попытка обнаружения в их близи синхронных по времени поселений. Так, южнее ст. Севастопольской был выявлен **археологический комплекс «Севастопольский»**, состоящий из курганно-дольменного могильника «Севастопольский-1» (121 объект археологического наследия), площадью около 10 га и поселения «Севастопольское-1», площадью 2,33 га (рис. 4).

Поселение «Севастопольское-1» находится в 1,85 км на юго-запад от МБОУ СОШ № 28 (ул. Советская, 29, ст. Севастопольская), располагается на левом берегу р. Каменка, на поляне Бикет, у дороги ст. Севастопольская – п. Победа, на слабо выраженном холме, в плане подовальной формы, вытянутом вдоль дороги по направлению север-юг, с пологими склонами и слабо выраженным подножием. Восточной границей поселения является глубокий овраг, на юге – опушка леса, на западе – грунтовая дорога, на севере – курган «Севастопольский-1».

Для установления границ, насыщенности и глубины культурного слоя поселения было заложено 8 шурфов. В частности, из шурфа 6 происходят 16 находок – фрагменты стенок лепных сосудов, а из шурфа 7 – 51 находка – фрагменты стенок лепных сосудов и кремневые отщепы, включая 13 фрагментов диафизов трубчатых костей конечностей крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота, лошади или свиньи. Исходя из стратиграфии полученных разрезов и глубины залегания находок, можно заключить, что глубина культурного слоя поселения составляет 90 см.

Многочисленные фрагменты лепных сосудов, тесто которых идентично керамике эпохи бронзы, а также близость расположения крупного курганно-дольменного могильника, позволили атрибутировать поселение «Севастопольское-1» III-II тыс. до н. э. и считать его синхронным могильнику.

Курганно-дольменный могильник «Севастопольский-1» находится в 1,13 км на юго-запад от МБОУ СОШ № 28 (ул. Советская, 29, ст. Севастопольская). Могильник располагается на левом берегу р. Каменка, частично на поляне Бикет и большей частью севернее ее, в лесном массиве, вытянут по направлению север-юг вдоль дороги ст. Севастопольская – п. Победа.

Исходя из характера сооружений могильника, для курганов – это, как правило, небольшие насыпи с наличием каменного панциря и фрагментов плит известняка, а для разрушенных дольменов – плотная забутовка камнем внутреннего пространства погребальных камер, – курганно-дольменный могильник «Севастопольский-1» можно отнести к дольменной культуре и постдольменному горизонту эпохи бронзы (III-II тыс. до н. э.) и предварительно считать синхронным археологическому комплексу «Шушук», расположенному в 7-ми км южнее (Эрлих В. Р., 2018, с. 7–24; Эрлих В. Р., Годизов Г. Л., 2018, с. 155–158; Эрлих В. Р., Годизов Г. Л., 2019, с. 245–247). Точную датировку и культурную атрибуцию памятника можно будет установить лишь, произведя раскопки нескольких характерных объектов, что запланировано экспедицией на 2020 г.

ЛИТЕРАТУРА

Аутлев П. У., 1972. Новые памятники бронзового века Прикубанья // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. III. – Майкоп: АНИИ.

Годизов Г. Л., Улитин В. В., 2014. Новые памятники меотской культуры в Адыгее // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. – М.: ИА РАН.

Годизов Г. Л., 2015. Археологический комплекс «Дукмасов» – новый памятник меотской культуры в Адыгее // Виноградовские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции. Армавир, 11 апреля 2015 г. – Армавир: АГПА.

Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р., 2013. Меоты Закубанья IV – III вв. до н. э.: Некрополи у аула Уляп: святилища и ритуальные комплексы. – М.: ГМВ.

Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р., 2005. Меоты Закубанья в середине VI – начале

III века до н. э.: Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. – М.: ГМВ.

Эрлих В. Р., Болелов С. Б., 2014. Поселение «Деметра» и неизвестный ранее керамический комплекс эпохи перехода к железному веку // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения / Отв. ред. Д. С. Коробов. – М.: ИА РАН.

Эрлих В. Р., 2018. Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе // КСИА, 2018, № 250. – М.: ИА РАН.

Эрлих В. Р., Годизов Г. Л., 2018. Мегалитический ансамбль Шушук–75-76: к проблеме культурной атрибуции // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. – Карачаевск: ИА РАН.

Эрлих В. Р., Годизов Г. Л., 2019. Работы Кавказской экспедиции музея Востока 2016-2017 гг. // Археологические открытия, 2019. – М.: ИА РАН.

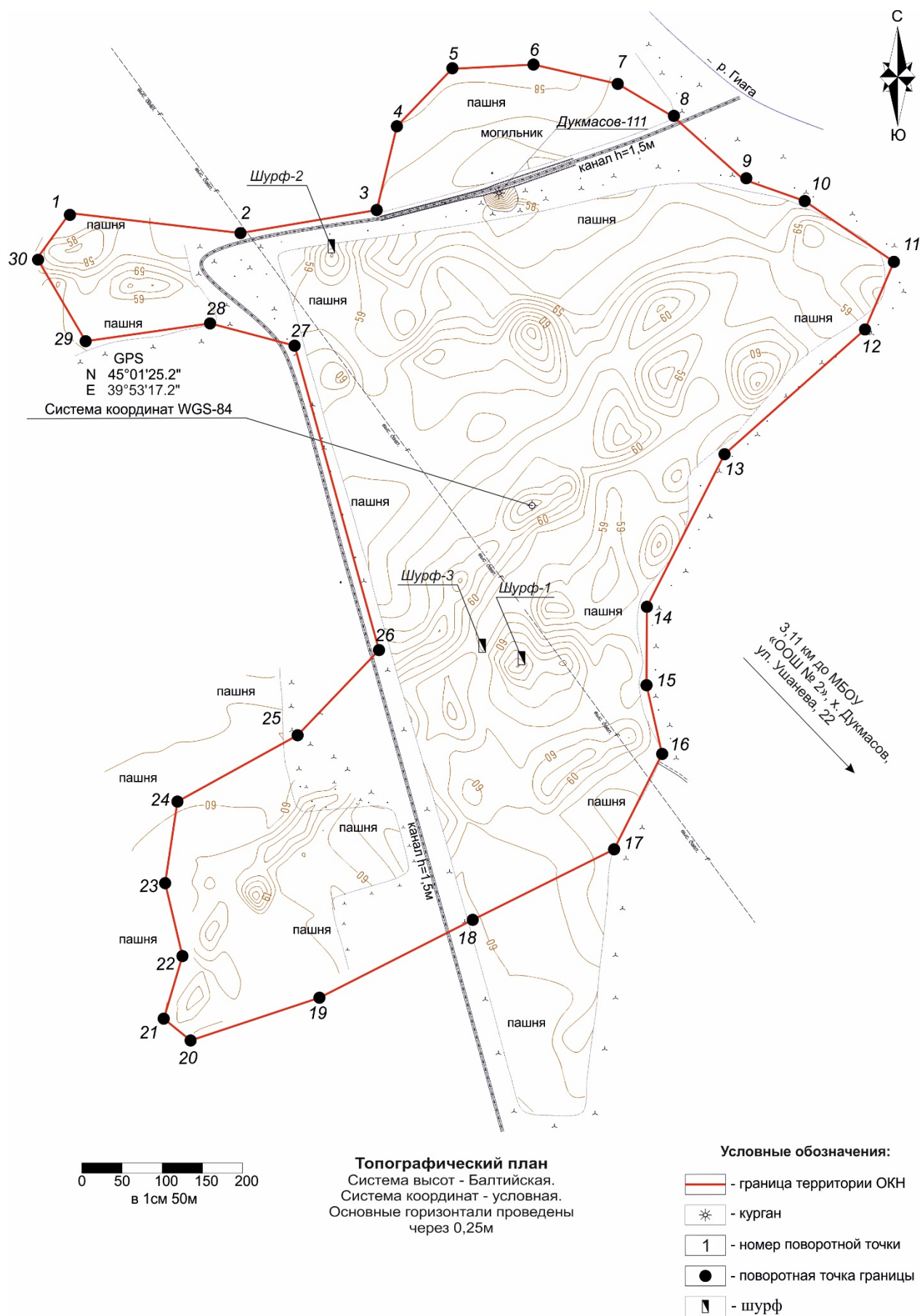

Рис. 1. Археологический комплекс «Дукмасов». Топографический план

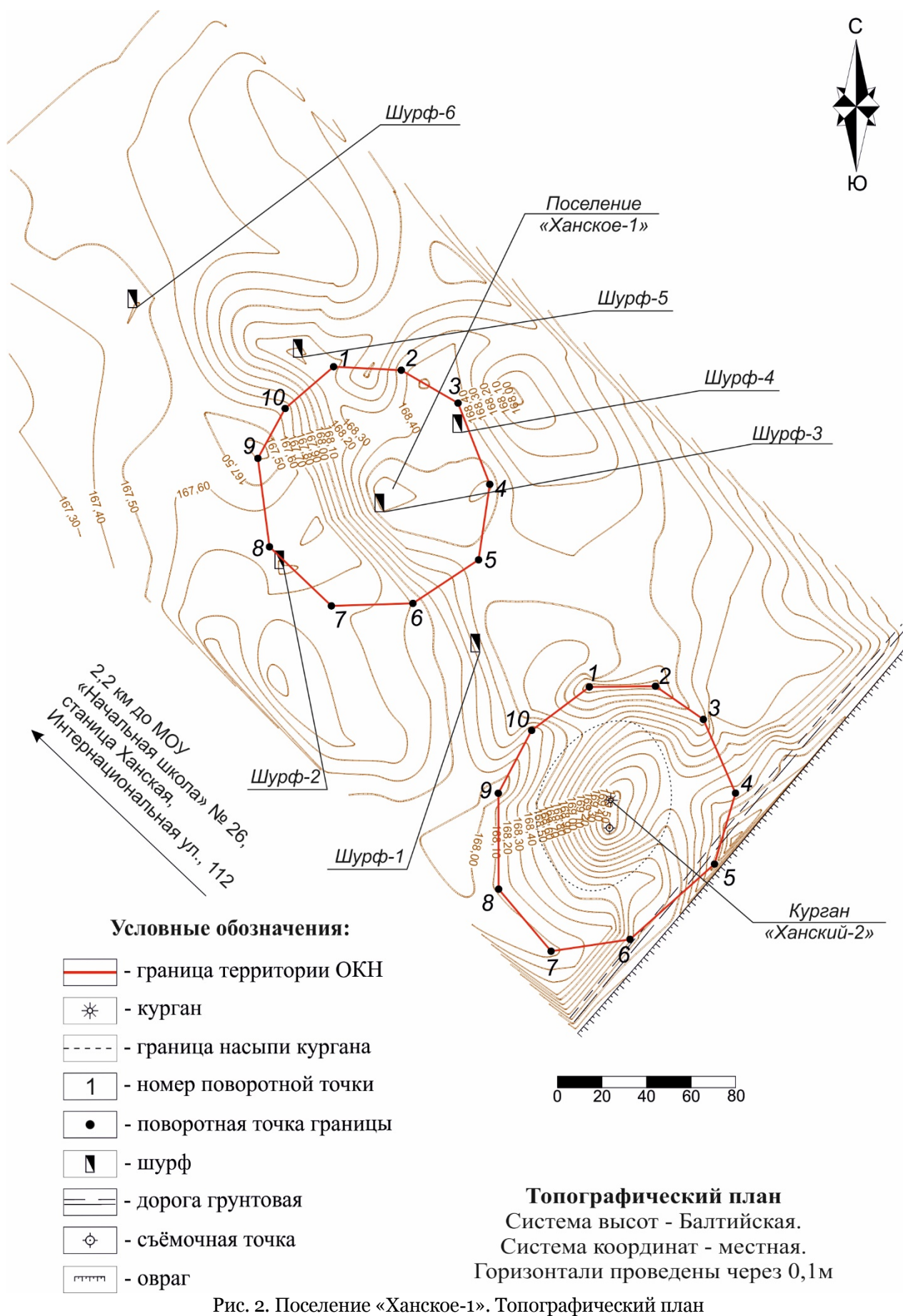

Рис. 2. Поселение «Ханское-1». Топографический план

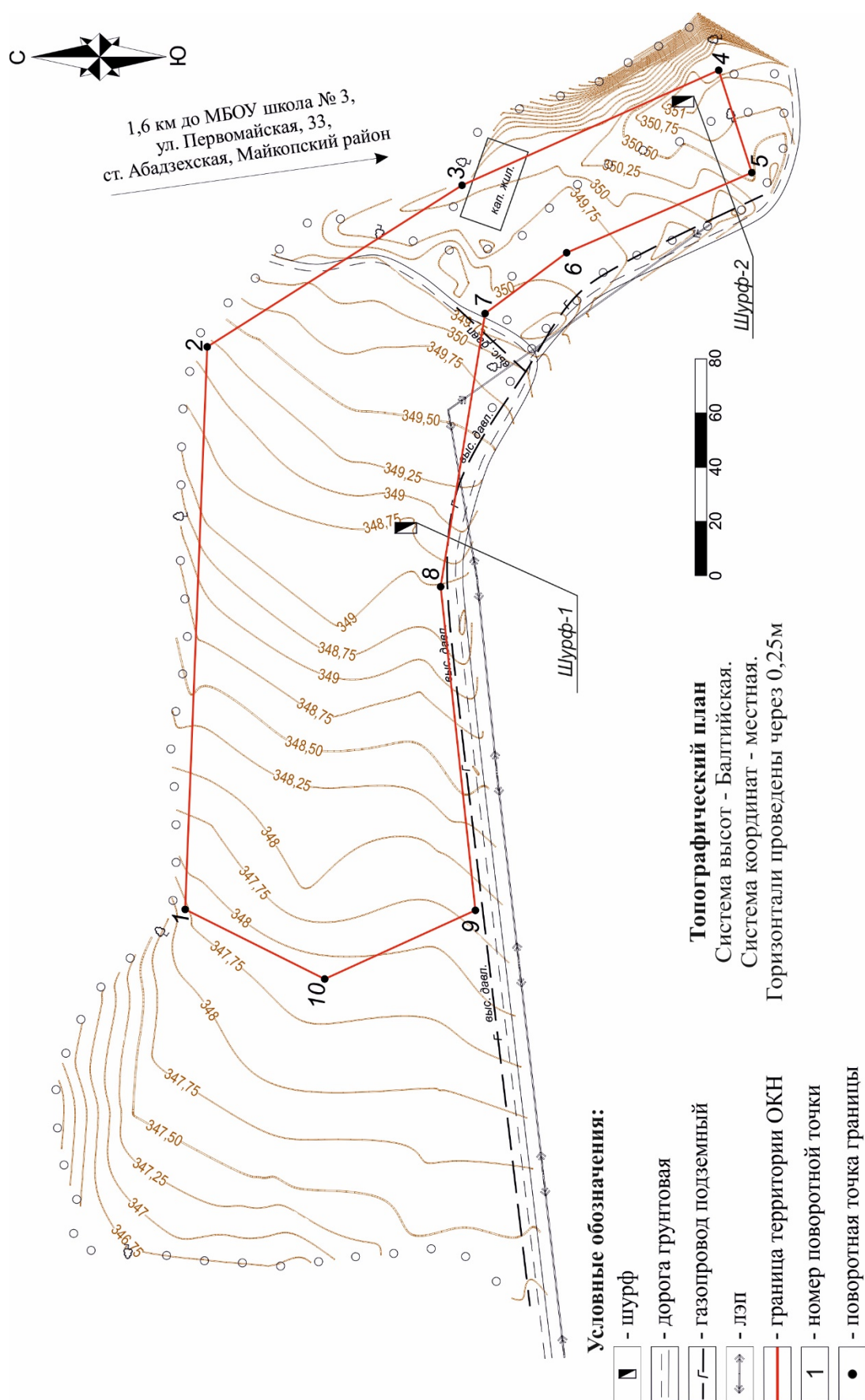

Рис. 3. Поселение «Абадзехское-1». Топографический план

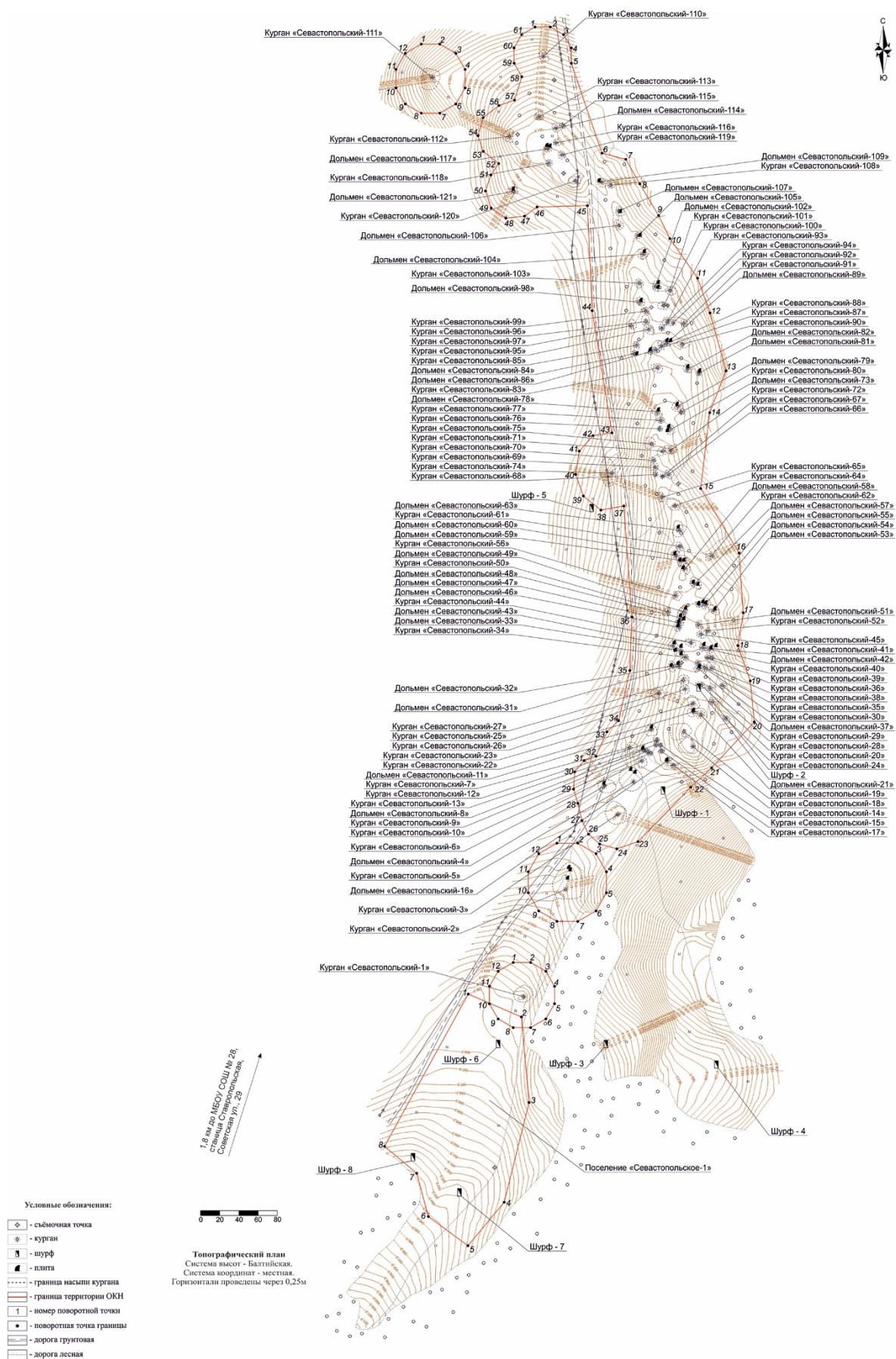

Рис. 4. Археологический комплекс «Севастопольский». Топографический план

ЭПОХА ЖЕЛЕЗА

А.А. Сазонов

О ПОДВЕСКАХ ТИПА ШАРЕНГРАД – ЭЛИТНЫХ ГОЛОВНЫХ УКРАШЕНИЯХ В ПРЕДСКИФСКОМ ЗАКУБАНЬЕ, В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Одним из интересных, редких и до конца не изученных компонентов в составе протомеотских погребальных комплексов являются своеобразные головные украшения - так называемые цилиндрически-лопастные височные подвески (илл. 1 - 4). Впервые на юге Восточной Европы они были обнаружены в ходе раскопок 1958-1959 гг. Николаевского могильника (п. № 5, два парных экземпляра, серебро) (Анфимов, 1961,) (илл. 1, 1). К настоящему времени коллекция аналогичных находок существенно расширилась. Значительная часть находок сделана в ходе охранно-спасательных раскопок в зоне затопления Краснодарского водохранилища в 1980-х - 1990-х годах. В том числе, не менее пяти фрагментов золотых и серебряных подвесок найдены в ходе сборов подъемного материала из разрушенных водохранилищем погребений Псекупского могильника⁷. Половинка золотой подвески данного типа была найдена в жертвенном конском захоронении № 3 могильника Пшиш-1 (илл. 4, 1). Пара различных по размерам подвесок из электрового сплава найдены в погребении № 124 могильника Пшиш-1 (илл. 3, 1-4). Две золотые подвески поступили в Национальный музей Республики Адыгея, как случайные находки в расположении могильника Пшиш-1⁸ (илл. 1, 3). Еще два мелких фрагмента от разных экземпляров золотых подвесок данного типа происходят из подъемного материала разрушенных Краснодарским водохранилищем погребений того же могильника.

В ряду археологических исследований последних лет очень значимым событием стало открытие серии погребений предскифского времени, обнаруженных в 2017 г. в ходе охранных археологических раскопок в зоне

реконструкции автодороги близ г. Майкопа, отнесенных к ранее неизвестному могильнику, получившему название "Улька 1" (Эрлих, Сурков, 2020). Здесь в составе элитного воинского комплекса, вместе с мечом, предметами конской узды и лепной посудой были найдены два великолепных экземпляра украшений, отнесенных авторами к данному типу - массивная крупная серебряная подвеска и несколько меньшего размера золотая подвеска того же типа (Эрлих, 2019, с. 390, рис. 6, 1-2; Эрлих, Сурков, 2020, с. 47, рис. 10, 22-23), хотя и с некоторыми отличиями в пропорциях и технологии изготовления, о чем речь пойдет ниже.

Вне протомеотского круга памятников, в ближайшем географическом окружении, подвески данного типа были найдены в Кабардино-Балкарии, - бронзовая подвеска в захоронении могильника у села Верхний Акбаш (Козенкова 1990, с. 79, рис. 8; 30), а так же три случая находок в степной зоне - на Нижнем Дону и в Саратовской области, - Балабинский могильник, к 10, п. 13; Новониколаевка II, к 2, п. 7 и Фриденберг, курган 1 А, (Дубовская, Подобед 1996, с. 104, рис. 1; 1, 2; Потапов 1999, с. 65, рис. 3; 4) (илл. 1, 3 - 6).

Другой областью распространения находок данного типа украшений, значительно удаленной географически от вышеуказанных, является территория в устье р. Дравы (приток Дуная), в основном на территории Восточной Славонии и Сирмии, в Сербии и Хорватии (Metzner-Nebelsick 2002, с. 440). В частности, это захоронения близ сел Даль Бусия и Шаренград, могильник Гомолава в сербской деревне Хртковци, а так же находки в погребениях у города Сегед Етхалом и деревни Широко (п.8) в Венгрии (Chochorowski 1993, S. 171-172, 228, 233, Abb. 31 B; 48: 15-17; 49: 46, 47; Metcner-Nebelsick 1996, S. 300, Abb. 10) (илл. 1, 10 - 17).

Данные украшения в той или иной степени затрагивали в своих публикациях многие исследователи (Козенкова В.И., Хохоровский Я., Метцнер-Небельсик К., Эрлих В.Р., Махортых

⁷ Свидетельство автора, работавшего в 1982 г. в составе археологической экспедиции АНИИ ЭЯЛИ на Псекупских могильниках, а так же сообщение археолога НМРА Това А.А., участвовавшего в археологических экспедициях в указанном районе.

⁸ Полевые сборы в 1990 гг. археолога НМРА Това А.А. Случайная находка в 1999 г. жителя г. Майкопа Тутуза Г.Д.

С.В., Дубовская О. Р. и Подобед В. А. и другие). Данный тип подвесок в по формальным разновидностям и местам находок именовался "михалковским" типом (по В.И. Козенковой), тип "Шаренград" (по К. Метцнер-Небельсик) или просто цилиндрически-лопастными (по С.В. Махортыху). Различными исследователями были предприняты попытки обобщить и классифицировать совокупность всех изделий данного типа, предложены различные описания данного типа украшений, не всегда удачные, иногда противоречащие друг другу и облику описываемых предметов. В своем исследовании я попытаюсь внести свою лепту в классификацию указанных подвесок с точки зрения технологии их изготовления, а так же изложить некоторые мысли в отношении их функциональности и социально-статусного содержания.

Итак, согласно недавно скорректированным подсчетам В.Р. Эрлиха, "в Средней Европе подвески шаренградского типа встречены в 5 пунктах в количестве 14 экземпляров, тогда, как на юге Восточной Европы вместе с публикуемыми нами их известно, сейчас не менее 18 экземпляров, встреченных в 8 пунктах. Причем только в Закубанье обнаружено не менее 14 подвесок из четырех могильников" (Эрлих, 2019, с.391). К данным подсчетам я считаю необходимым присовокупить подкрепленную фотоматериалами и географическими привязками информацию о находках подобных изделий в ходе любительского поиска и нелегальных раскопок, полученных путем сбора информации в ходе совместной работы с правоохранительными органами по фактам разграбления памятников археологии, а так же отслеживания интернет-ресурсов⁹. Имеется информация о еще 8 фактов находок одиночных и парных украшений данного типа на территории Закубанья. В том числе 6 парных комплектов и 2 одиночных экземпляра (илл. 4, 5-11), не попавшие в музеи, но более или менее достоверно привязанные к Краснодарскому краю. Материал, сопутствующий дан-

ным находкам, не известен, за исключением 2 пар однотипных подвесок из разрушенных погребений близ пос. Алтубинал, связанных с группой захоронений, из которых происходят бронзовые псалии черноморского типа и железный топор, близкие найденным в погребении 77 могильника Пшиш-1, а так же, пара бронзовых массивных браслетов, аналогичных экземплярами из Николаевского могильника.

В совокупности, все подвески, определяемые как цилиндрически-лопастные, при общей конструктивной схожести, обнаруживают существенные различия в вариантах. В ареале протомеотских памятников и соседствующих по региону территориях на данный момент наибольшее количество находок соответствует разновидности, названному Каролой Метцнер-Небельсик типом "Шаренград" по находкам в кладе близ данного хорватского села на Дунае. С данным наименованием не согласился С.В. Махортых, в частности указав, что в отличие от восточноевропейских находок которые ".. оформлены в виде двух плоских цилиндров с желобчатой поверхностью и с выделенным наружным, горизонтально отогнутым краем.. подвески типа Шаренград.. состоят не из двух маленьких, а одного крупного по размерам цилиндра, имеющего не одну, а две горизонтально отогнутые лопасти.. " (Махортых, 2003, с. 52). Однако, из иллюстраций, приводимых тем же автором на основе более ранней публикации К. Вински-Гаспарини, очевидно, что в кладе Шаренград наряду с "одноцилиндровыми" подвесками все же присутствуют экземпляры "оформленные в виде двух плоских цилиндров" (рис. 58, 31), в том числе и с желобчатой поверхностью (рис. 58, 32). В связи с этим, уже устоявшееся наименование "тип Шаренград" для восточноевропейских и протомеотских находок мне кажется вполне справедливым. Однако, учитывая сочетание различных типов украшений в кладе Шаренград, для восточноевропейских находок представляется приемлемым уточнение - подвески типа "Шаренград", вариант "Николаевский" (далее - "Шаренград-Николаевский"), с ориентиром на первую находку данного типа в протомеотском Закубанье (Анфимов, 1961).

Итак, согласно усредненной схеме, подвеска типа "Шаренград-Николаевский" представляют собой пронизь с пластинчатыми

⁹ К сожалению, в настоящее время размах бесконтрольного любительского поиска с применением металлодетекторов приобрел огромные масштабы, и полностью игнорировать сведения о незаконных археологических находках означало бы утратить то небольшое, что остается. В Закубанье наиболее страдают от грабительских раскопок предгорные и горные районы Краснодарского края и Республики Адыгея.

стенками, спиралевидно закрученную на 1 и 3/4 оборота, с окончаниями, оформленными в виде двух колец (трубок) разделенных узкой перемычкой, круглой в сечении или уплощенной, часто выгнутой наружу в виде дужки или под прямым углом. Внешние поверхности колец (трубок) всегда украшены продольным рифлением, - рядами канавок, расположенных параллельно краю, от окончания - к основанию перемычки. Наиболее заметной особенностью всех подвесок является в большей или меньшей степени выделенный пластинчатый бортик по внешнему краю колец (трубок). Перечисленные признаки являются общими для всех ранее опубликованных подвесок данного типа, известных в Северном Предкавказье и Закубанье, демонстрирующих лишь незначительные отличия в размерах и пропорциях. Только последние находки подвесок из могильника Улька-1 (илл.2, 9, 10) и отдельные случайные находки, связываемые с Краснодарским краем (илл. 4, 8, 10, 11), выбиваются из общего ряда, сохраняя, тем не менее, основные типобразующие признаки. Подвески разновидности "Улька-1" отличаются массивностью и хорошо выраженными, но не раскованным в пластинчатые борта валиками вдоль внешних краев. Считаю возможным предварительно обозначить данные экземпляры как тип "Шаренград", вариант "Улька 1" (далее - "Шаренград - Улька"). Далее попытаемся на доступном материале реконструировать технологию их изготовления.

Объектом для изучения послужили материалы авторских раскопок могильника Пшиш-1 (погребения №№ 3 и 124), а так же другие находки, ставшие в той или иной мере доступными автору благодаря любезности руководства Национального музея Республики Адыгея¹⁰. Непосредственному осмотру и изучению были подвергнуты два экземпляра из погребения № 124, в полной мере характеризующие данный тип. Изделия очень тонкостенные, толщина металла¹¹ во всех частях, кроме дужки около 1/10 мм. Толщина дужки - 0,5 мм. Подвески фрагментированны, фраг-

менты упругие, что, вместе с малой толщиной, свидетельствует о применении технологии ручной выколотки (эффект наклепа вследствие длительной проковки). Подвески изготовлены из цельной заготовки, какие-либо следы пайки или скрывания отдельных деталей воедино отсутствуют. На поверхности подвесок, на бортиках их внешних краев, раскованных в широкие пластины, обрамляющие отверстия, под лупой просматриваются многочисленные следы ударов молоточком (или несколькими) с размерами бойка от 2 x 3 мм и более. Внешние поверхности незамкнутых трубок (цилиндров, пронизей) - гладкие, следы выколотки прослеживаются очень слабо. Помимо экземпляров из погребения № 124 Пшиш-1, подобные же микроследы выколотки имеет половинка золотой подвески из погребения № 3 (илл. 4, 2) и подъемного материала 1999 г. (илл.4, 3) из того же могильника. Таким образом, указанные признаки дали основания предполагать основным методом изготовления подвесок данного типа - ручную выколотку или дифовку. Согласно академическому определению, - "дифовка - древний прием холодной обработки листового металла, производимый непосредственными ударами молотка, под которыми он тянется, изгибается, садится и в результате приобретает необходимую форму. От кузнечнойковки дифовка отличается тем, что она производится в холодном состоянии. Кроме того, она выполняется из листового металла не толще 2 мм" (Флеров А.В., 1981, гл. 5, §. 25).

Определение основных технологических приемов, задействованных в изготовлении подвесок данного типа и некоторый личный опыт¹² позволили провести серию экспериментов¹³ в части реконструкции процесса их производства с использованием наиболее архаичных инструментов, - железных и медных молотков, деревянных киянок, ножей. В качестве расходных материалов использовались листовая медь и пластичные составы для скульптурного моделирования. В итоге схема

¹⁰ Сердечно благодарю директора НМРА Ф.К.Джигунову, главного хранителя НМРА А.Х. Набокову и сотрудника отдела археологии А.А. Коцеву за предоставленные подробные фотоматериалы по данным находкам.

¹¹ Судя по характерному светло-лимонному цвету предполагается электролитический сплав. Спец. анализ металла не проводился.

¹² Помимо основной профессии, автор имеет официальный опыт обучения и работы чеканщиком по металлу на участке народных промыслов Майкопского ЗСМ в 1981 г. и многолетний последующий опыт самостоятельных упражнений в данной области.

¹³ Автор выражает благодарность профессиональному ювелиру-оружейнику Зяблову А.В. за помощь и консультации в данном вопросе.

изготовлении подвесок типа "Шаренград-Николаевский" представляется примерно следующей. Заготовка из слитка металла, раскованного в удлиненную плашку (илл. 5, 1) толщиной 1- 2 мм, размечалась на три части, - по длине - два длинных окончания и место для короткой перемычки, и по ширине, - три продольные, примерно равные по ширине полосы. Затем по краю заготовки вырезались по разметке продольные участки, формируя заготовки двух половин подвески и перемычки между ними (илл. 5, 2). После чего образовавшиеся выступы вдоль краев пластины загибались под прямым углом на ребре наковальни простукиванием молотка (деревянной киянкой) (илл. 5, 3), формируя заготовку для тех самых пластинчатых "лопастей" вокруг цилиндров-пронизей, которые придают данному украшению столь узнаваемый вид. Далее начинался основной формообразующий процесс диффовки. Заготовка прижималась к горизонтальной поверхности наковальни отогнутым краем, который затем равномерно проковывался по всей площади молотком (илл. 6, 1), с одной и другой стороны. Металл на проковываемом участке утончался и расширялся, равномерно сгибая по мере расширения перпендикулярно расположенный, не подвергаемый ковке участок (стенку будущего "цилиндра - трубки"), в правильное кольцо (илл. 5, 4; 6, 1). Вторым способом формирования трубки с отогнутым бортиком могло быть использование несложного приспособления в виде разомкнутого круглого отверстия - полости у края наковальни (илл. 6, 3), с небольшой глубиной, обеспечивающей выступающий над наковальной край заготовки. В данном случае участок заготовки сразу сворачивался в трубку под диаметр отверстия в наковальне, заготовка отжигалась для наибольшей пластичности, затем помещалась в круглую полость в наковальне, участок перемычки при этом пропусклся через боковое отверстие в полости наружу. Далее в край кольцевидно изогнутой заготовки упирался чекан-развальцовщик с широким конусовидным бойком, и ударами молотка на трубке формировался раструб с равномерно отогнутым наружу краем, который далее проковывался и формовался в пластинчатый бортик по краю круглой полости в наковальне. По мере усиления эффекта наклепа, для снятия упругости и восстановления пластичности металла заготовка постоян-

но отжигалась. После отжига делалась правка излишней деформации на ригеле - круглом в сечении, гладком железном или бронзовом пруте (илл. 6; 2), путем осторожного простукивания деревянной киянкой внешней стороны цилиндров - пронизей. Исключительно гладкая внутренняя поверхность "цилиндров" - пронизей, судя по детальным фотоснимкам и осмотренным лично образцам, характерна для всех подвесок данного типа. Перемычка между двумя частями подвески в процессе изготовления либо почти не расковывалась, если была изначально вырезана достаточно тонкой, либо завальцовывалась путем простукивания с боков молоточком на ригеле из пластинчатого в круглое сечение (илл. 5, 4). Две части подвески выколачивались по предлагаемой схеме строго последовательно. По окончании процесса основного оформления одной половины, обрабатывалась в нужное сечение и длину, и отжигалась перемычка. Затем для удобства работы над второй частью, ее заготовка отгибалась через перемычку, что бы общий профиль заготовки приобретал S - видную форму, таким образом, что работая над второй половиной подвески, мастер удерживал готовую первую половину в ладони. Все время процесса диффовки было важно следить за режимом отжига, так как чрезмерная хрупкость металла в результате постоянно растущего эффекта наклепывания вела к риску появления трещин и порче изделия. Недостаточно компенсированный эффект наклепывания, обусловивший разрывы поверхности изделия хорошо виден на примере подвески из подъемного материала могильника Пшиш-1 (илл. 4, 4). В финале, когда вторая часть подвески приобретала форму, идентичную первой, две готовые половинки соединялись путем сгиба перемычки внутренними краями цилиндров вместе. При этом перемычка оставалась пластичной, а раскованные бортики вдоль внешних краев оставались упругими и больше не отжигались. В итоге, сведенные вместе по одной оси цилиндры - пронизии одевались на ригель соответствующего диаметра, и на внешнюю поверхность цилиндров наносилось рифление в виде параллельных продавленных канавок по всей ширине от окончания завитка - к основанию перемычки. Данная завершающая операция, вместе с нанесением орнамента на поверхность цилиндров, еще и усиливала их упру-

гость. Вероятно, последней операцией завершающего этапа изготовление подвесок типа "Шаренград - Николаевский" было окончательная проработка перемычки - дужки, обрезка лишнего металла и легкая ее проковка для придания жесткости всей конструкции. Инструментом для нанесения рифления в отношении экземпляров из погребений №№ 3 и 124 могильника Пшиш-1, судя по характерным отметинам (илл. 3, 4), мог быть притупленный нож с широкой горбатой спинкой, типичный для предскифского времени. По результату анализа данной технологической реконструкции следует заметить, что готовый экземпляр подвески при всей своей кажущейся хрупкости представляет собой весьма прочную и упругую конструкцию. Притом подчеркну, что при минимальном весе, золотые подвески данного типа при ношении должны были выглядеть весьма массивными, дорогими, заметными издали украшениями. Вес одной реконструированной подвески из погребения № 124 Пшиш-1 (илл. 3, 1) при размерах 3,2 x 3 x 3,2 см составляет 3,5 грамма. Аналогичная подвеска из случайных находок на территории Краснодарского края (илл. 4, 5) при габаритах 2,6 x 2,6 x 2,5 см весит 3 грамма.

В сравнении с предлагаемой схемой изготовления подвесок типа "Шаренград - Николаевский", реконструируемый алгоритм производства подвесок типа "Шаренград - Улька" выглядит гораздо проще. В данном случае, отливка металла, раскованная в удлиненную плашку толщиной 3 - 5 мм (илл. 7, 1) размечалась на три сектора, - два длинных окончания и место для короткой перемычки (илл. 7, 2). Затем, вероятно, закреплялась древесной смолой на плоской ровной поверхности, и специальным ручным инструментом с полукруглым лезвием¹⁴, с углом заточки 60-70°, под нагрузкой, от конца заготовки к ее середине, до намеченного основания перемычки, вдоль одного края заготовки, с небольшим отступом от него, прокатывался ряд параллельных глубоких канавок. В варианте "ульских" экземпляров, судя по идеально параллельным и ровным граням рифления можно предполагать, что в данном случае мог

использоваться специально подготовленный ручной прокатный инструмент с широкой рабочей поверхностью с 3 - 4 рядами острых или закругленных граней. В процессе "накатки" рифления данные участки утончались и расширялись. Важно отметить, что при "накатке" рифления с одного края оставлялся нетронутым внешний бортик, который становился выпуклым в результате раскатки поверхности, но в отличие от подвесок 1 типа, не расковывался далее в пластину. После накатки рифления простукиванием с боков утончалась и формовалась в круглое сечение центральная перемычка, что заметно по характерной деформации у основания перемычки с обеих сторон (илл. 2, 9, 10). Делалось это ударами молотка с боков и вкруговую, вероятно, с финальной полировкой каменным или стальным лоцилом. Затем изделие отжигалось для восстановления пластичности металла по всей длине, и в финале процесса изготовления загибалось в круг простукиванием деревянной киянкой на круглом в сечении ригеле.

В итоге, анализируя технологию изготовления подвесок варианта "Шаренград - Улька" в сопоставлении с технологией изготовления подвесок типа "Шаренград - Николаевский", становится очевидным, что при общих типологических признаках (спиралевидная конструкция, бортики вдоль внешнего края, продольное рифление, хорошо выраженная, относительно тонкая перемычка) "ульские" экземпляры сделаны в иной технике. В данном случае применялись вальцевание накаткой и гибка, с минимальным выколачиванием, тогда как в технике изготовления подвесок 1 типа представляет собой почти одно лишь выколачивание (дифовку).

С различиями в форме и технике исполнения подвесок типа "Шаренград" вариантов "Николаевский" и "Улька 1" напрямую связаны вопросы об их происхождении и взаимных хронологических позициях. Следуя самой простой логике, можно предположить, что подвески "николаевского" варианта, более сложные в изготовлении и по внешним характеристикам, являются дальнейшим, более поздним развитием варианта "ульского". Однако, в противовес этому, история ремесел знает и массу примеров подражаний престижным и сложным изделиям, попавшим в чуждую культурную и производственную среду. В данном случае, нужно учитывать, что

¹⁴ Наиболее подходящая форма данного инструмента представляется близкой теслу эпохи бронзы с широким полукруглым рабочим краем, или торцевому ножу, близкому по форме традиционному чукотскому "пекулю".

техника фигурного выколачивания или дифовки, которую демонстрируют все известные экземпляры подвесок типа "Шаренград-Николаевский", не была популярна в производственной культуре предскифского мира Юга Восточной Европы. И особенно важно, что эта техника не получила существенного развития в протомеотской традиции обработки цветных металлов, ориентированной преимущественно на литье. В настоящее время известно огромное количество бронзовых изделий из протомеотских захоронений, демонстрирующих признаки сложных технологических приемов отливки по восковым моделям, цельным и многокомпонентным, с использованием уникальных приемов изготовления и украшения биметаллических изделий (Сазонов, 2006). Но примеров обработки металлов холодной ковкой, - за исключением плоскостной развальцовки лезвий бронзовых кинжалов, копий и ножей, - в протомеотской среде очень мало.

С другой стороны, традиция дифовки медных сплавов и золота весьма активно развивалась в эпоху бронзы в Центральной Европе, вытесняя технологии литья и широко распространяясь в эпоху галлыштата. Характерное для культур Центральной Европы эпохи поздней бронзы - начала раннего железного века развитие методики получения тонких полос из мягкой меди и ее сплавов привело к широкому распространению утвари из склепанных полос и к возможности изготовления сосудов, доспехов, украшений, вытягивавшихся из одного листа. Здесь уместно процитировать Б.Н. Гракова, много лет назад отмечавшего, что "в целом для галлыштатской металлургии характерны клепаные изделия, что отличает ее от областей распространения скифо-меотского металла. У скифо-меотских племен клепаные изделия малочисленнее, а со второй половины VII в. до н. э. получает очень значительное распространение отливка массивных предметов, вроде огромных котлов" (Граков, 1977, с. 41). Полагаю, что теперь это стало очевидным и для сопоставления раннегаллыштатских с киммеро-меотскими (протомеотскими) металлургическими традициями.

Таким образом, представляется вполне очевидным то, что вариант подвесок "Шаренград-Николаевский" изначально является импортом из Центральной Европы в протомеотском Закубанье, и в морфологическом и в тех-

нологическом смысле. Естественно, надо предполагать и попытки их копирования местными мастерами. Возможно, именно примером неумелой попытки повторить импортный образец является экземпляр золотой подвески из могильника Пшиш-1, найденный А.А. Товом в 1990 г. (илл. 4, 4). Подвески типа "Шаренград-Улька" рассматриваются, как адаптация варианта "Шаренград-Николаевский" к местной традиции изготовления массивных изделий. При этом, учитывая развитое местное производство, разрыв между появлением импортного образца и появлением изделия-подражания мог быть хронологически ничтожным.

При сопоставлении реконструируемых схем изготовления цилиндрически-лопастных подвесок с их описаниями в ранее изданных публикациях иных исследователей возникают как совпадения, так и противоречия. Так, например, в первой изданной публикации погребальных комплексов могильника "Улька 1" В.Р. Эрлих описывает найденные в погребении №3 "однотипные височные подвески типа Шаренград, в виде двух витков спаянных в центральной части рифленых пластин" (Эрлих, 2019, с. 390). Исходя из результатов осмотра данных экземпляров в экспозиции Национального музея Республики Адыгея, а так же изучения всех доступных мне образцов, фотографий, рисунков и описаний подобных изделий, утверждение об использовании пайки в изготовлении подвесок данного типа представляется мне ошибочным. Технология пайки металлов достаточно сложна и своеобразна. Хотя и известны свидетельства локального использования пайки в Египте и Вавилоне уже в III - II тысячелетиях до н.э., - в Восточной Европе предскифского времени эта технология не получила заметного развития. Кроме того, высказываясь в поддержку тезиса о центрально-европейском происхождении подвесок типа "Шаренград" в равнинном Закубанье (Эрлих В.Р., 2007, с. 162-163), трудно согласиться с объединением в одну разновидность подвесок типа "Шаренград-Улька", - с разновидностью больших бронзовых подвесок в виде цельного цилиндра с раскованными с двух краев пластинчатыми бортиками из Шаренградского клада (Эрлих, 2019, с. 391). Совершенно очевидно, что это конструктивно и технологически два разных варианта головных украшений, которые лишь по некоторым

общим признакам (пластинчатые цилиндры с выступающими бортиками) можно отнести к общему типу. Очевидно, различаются они и функционально. Карола Метцнер-Небальсик подчеркивает, что игольчатые проволоочные удлинители, характерные для данных украшений, оправдывают их интерпретацию в качестве ушных серег (Metzner-Nebelsick 2002, с. 442), с чем следует согласиться. Использование же в качестве серег цельнокованных изделий с широкими профилированными окончаниями в вариантах "Шаренград-Николаевский" и "Шаренград-Улька" на мой взгляд крайне маловероятно.

Период бытования подвесок типа "Шаренград" на юге Восточной Европы определяется, прежде всего, по их комплексным находкам в протомеотских захоронениях. Подвески варианта "Шаренград-Николаевский" были встречены в захоронениях 1 хронологической группы могильника Пшиш-1 (Сазонов, 2004, с. 389-391), в том числе в конском захоронении №3 Пшиш-1 (Сазонов, 2004, с. 394, рис. II) в сочетании с псалиями черногоровского типа, присутствие которых в том же могильнике прочно связано с копьями раннего типа и наиболее архаичными разновидностями лепных ковшей (Сазонов, 2004, с. 390, рис. II), датированных в пределах конца IX - начала второй половины VIII в. до н.э. Так же, синхронизация подвесок типа "Шаренград-Николаевский" с псалиями черногоровского типа косвенно подтверждается находками из разрушенных погребений у пос. Алтубинал (илл. 4, 9). В погребении № 124 подвески находились вместе с бронзовой булавкой с крестовидным навершием, очень близком булавке из п. 35 могильника Фарс, датирующегося, как уже аргументировалось ранее (Сазонов, 2004, с. 401), ближе к концу VIII в. до н.э. В отношении датировки п. 3 Улька-1, считаю возможным поддержать В.Р. Эрлиха, датировавшего его в рамках 2 половины VIII в. до н.э. Возможно, относительно поздним временем могут быть датированы обернутые золотой фольгой декоративные бляшки из этого погребения¹⁵ (Эрлих, 2019, с. 390, рис.6; Эрлих,

Сурков, 2020, с. 47, рис.10), оформленные в технологии плакирования, так же как височные подвески из погр. № 100 Пшиш-1 и № 56 Псекупского могильника (Сазонов, 2004, рис. VII, 13-14), где они комплексно сочетаются с бронзовым и биметаллическим кинжалами, подобно ситуации в погр. 3 Улька-1. Плакированные золотом изделия очень редки для предскифского времени. В качестве еще одного примера можно привести, вслед за В.Р. Эрлихом лишь беспаспортный уздечный комплекс из фондов Краснодарского ГИАМЗ, датирующийся по племени Фарс, и височной подвеске типа найденной в п. 5 кургана Высокая могила концом новочеркаского времени (Эрлих 2019, с. 394). Таким образом, круг немногих известных на сегодняшний день сопоставлений и связей для изделий предскифского времени, плакированных золотой фольгой, относится к концу VIII в. до н.э. Вместе с тем, нужно заметить, что предположение В.Р. Эрлиха о том, что "поздним признаком публикуемого погребения также являются парные конские черепа с уздой, находившиеся к югу от погребенного, которые имитировали пароконную повозку или колесницу в погребении представителя местной протомеотской элиты" не выглядит убедительным. В данном погребении не найдено ни деталей колесничной упряжи, ни каких-либо фрагментов, либо имитации кузова колесницы. Второй конский череп, присутствующий в захоронении, гораздо логичнее связать с наличием у состоятельного всадника заводного, или вьючного коня, что было обычным явлением во все времена для всех народов, традиционно использующих верховых коней в боевых походах и караванной торговле.

Рассматривая яркий комплекс погр. № 3 Улька-1 трудно удержаться от его сопоставления с изображениями на известных "киммерийских стелах". В особенности привлекает

¹⁵ Авторы уверенно именуют эти бляшки пуговицами (Эрлих, Сурков, 2020, с. 52), что, на мой взгляд, в данном случае неверно по двум причинам. Во-первых, скрытые петли-перекладины и отсутствие Т-образного профиля, формируемое выступающей тыльной петлей на обычных пуговицах, делает процесс застегивания

весьма затруднительным. Во-вторых, при практическом использовании в качестве пуговиц обернутых золотой фольгой бляшек, неизбежно пострадает тонкая плакировка. На мой взгляд, бляшки - украшения в составе одежды покойного крепились вплотную краями к плотной основе, будучи пришитыми или зафиксированы кожаным шнуром, продернутым с изнанки через скрытые петли. Кроме того, крайне сомнительно, что одежды племен предскифского времени были сложнее распашных одежд, известных по многочисленным изображениям скифов.

внимание детальные совпадения с изображениями оружия, предметов быта и украшений на стелах из Кыз-Буруна и Армавира, датирующихся в пределах середины -3-й четверти VIII в. до н.э. (Ольховский 2005, с. 93). В погр. №3 Улька-1, как и на кызбурунской стеле, присутствует близкий по типу длинный меч, а так же оселок и нож. Комплект стрел в захоронении перекликается с изображением лука на указанной стеле. Возможно, в могилу №3 Улька-1 был положен и лук, следы которого зафиксировать не удалось ввиду крайне слабой сохранности органики. Однако, в связи с нашей темой особенный интерес вызывает возможность сопоставления крупных круглых концентрических колец (височных подвесок?) в составе головных украшений, схематично изображенных на кызбурунской стеле, с массивными подвесками типа "Шаренград-Улька" из указанного захоронения. Сопоставление и синхронизация указанных "киммерийских" стел с погр. №3 Улька-1 и рядом других протомеотских погребений, с учетом новых материалов, представляется очень перспективным, но являются предметом отдельного исследования, результаты которого будут опубликованы позже.

Представления о функциональности подвесок типа "Шаренград" в период их бытования, их социально-статусном предназначении, в настоящее время становятся все более определенными, но пока не исчерпывающе точными. Так, опираясь на свежий материал могильника "Улька-1" В.Р. Эрлих уверенно полагает, что "подвески шаренградского типа из драгоценных металлов на юге Восточной Европы в предскифский период в подавляющем большинстве встречены в комплексах с мужским всадническим инвентарем и, скорее всего, являлись маркером принадлежности к высшему воинскому сословию" (Эрлих, 2019, с. 392). С этим тезисом можно было бы согласиться, но с некоторым уточнением. Помимо четкого определения половой принадлежности захоронений, в которых были отмечены данные украшения, нужно еще четко определить действительно ли они принадлежали покойному, или же являлись жертвенным приношением при погребении со стороны живых участников погребального ритуала. Свидетельства обряда погребальных приношений, в виде окатанных речных галек, брошенных в могилу, серийно отмечались в могильниках Николаевском,

Псекупском и Пшиш-1. Вполне вероятно, что в среде состоятельной части населения, пополнившего кладбища протомеотской округи, могли практиковаться и погребальные жертвы в виде снятых с себя дорогих украшений или их фрагментов. Так, в предполагаемо женском погребении № 5 Николаевского могильника подвески, как часть головного убора или прически находились по обе стороны от черепа в сочетании с женской булавкой. В погр. № 3 Пшиш-1 половинка подвески находилась в жертвенном захоронении "чучела" коня в узде, т.е. могла быть брошена туда как женщиной, так и мужчиной. В погр. № 124 Пшиш-1 пара подвесок разного размера находилась в погребении ребенка-девочки (судя по молочным зубам и женской булавке), - могли принадлежать покойной, но могли, так же, быть помещены туда людьми, неопределенными по половой принадлежности. Наконец, в погр. № 3 Улька-1 расположение височных колец по отношению к покойному вызывает те же вопросы. Здесь найдены две подвески различных размеров и металлов, от различных комплектов. Притом, судя по описанию и не весьма подробному чертежу, золотая подвеска находилась в районе поясницы покойного, а крупная серебряная, - в области правого запястья (Эрлих, 2019, с. 385-386, рис. 2). Но остается неясным, действительно ли серебряная подвеска была найдена надетой на кости запястья, или залегала отдельно, вплотную к костям. В данном случае, более вероятным представляется, что подвески были брошены в могилу двумя разными людьми в качестве погребального приношения. Таким образом, в итоге можно лишь повторить вслед за Каролой Метцнер-Небельсик вывод о том, что для предскифского Закубанья отнесение золотых и серебряных подвесок типа "Шаренград" к женским либо мужским погребениям затруднительно (Metzner-Nebelsick 2002, с. 440).

В этой связи, поддерживая тезис В.Р. Эрлиха о том, что подвески типа "Шаренград" являлись маркером принадлежности к высшему воинскому сословию, я предлагаю, в качестве рабочей версии, рассматривать их в протомеотском контексте, как над-гендерный символ принадлежности их владельцев, мужчин и женщин, к семьям владетельных воинов и коневодов, отмеченных в предскифское время родством с элитой племен Драва-Дунайского региона. Сейчас представляется все более ве-

роятным, что связи между протомеотским Закубаньем и галлыштатским населением Дравы-Дуная не ограничивались только предполагаемой торговлей табунами коней (Metczner-Nebelsick 2002, S. 486-489) и обменом престижными вещами между элитами (Эрлих 2007, с. 192), но также имели место брачные союзы между представителями элит (Metczner-Nebelsick 2004, с. 291). В Закарпатье подвески типа "Шаренград" происходят только из женских захоронений. Возможно, именно вместе с чужеземными женами протомеотских состоятельных воинов-коневодов эти украшения впервые попали в Закубанье, став впоследствии на несколько десятилетий престижным символом социального превосходства.

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов, Н. В. Протомеотский могильник у с. Николаевского. Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. II. 1961.

Граков Б.Н. Ранний железный век. МГУ. Москва. 1977.

Дубовская О.Р., Подобед В.А. Об одном типе украшений черnogоровского времени// Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит - бронзовый век): Материалы международной конференции. Ч.11. Донецк. 1996.

Флёров А.В. Материаловедение и технология художественной обработки металлов - Москва: Высшая школа, 1981.

Сазонов А.А. О хронологии протомеотских памятников. Cimmerians, scythians, sarmatians (in memory of Tadeusz Sulimirski). Krakow. 2004.

Сазонов А.А. Бронзовые скипетры протомеотских вождей. МИАК. Армавир. 2006.

Сазонов А.А. Киммеро-меоты предгорий Центрального Закубанья. Новые открытия и перспективы. // Ма-

териалы международной конференции "IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье". Краснодар. 2014.

Козенкова В.И. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы. СА №3. 1990.

Махортых С.В. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху: Монография. Киев. Шлях, 2003

Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. ИА РАН. М.: Наука, 2005.

Потапов В.В. Черногоровские погребения в низовьях левого берега Дона. Донская археология. № 1. Ростов-на-Дону. 1999.

Эрлих В. Р. Северо - Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. Москва. Наука. 2007.

Эрлих, В. Р. Элитное воинское погребение предкифского времени из окрестностей г. Майкопа. Археологія і давня історія України, вип. 2 (31). 2019.

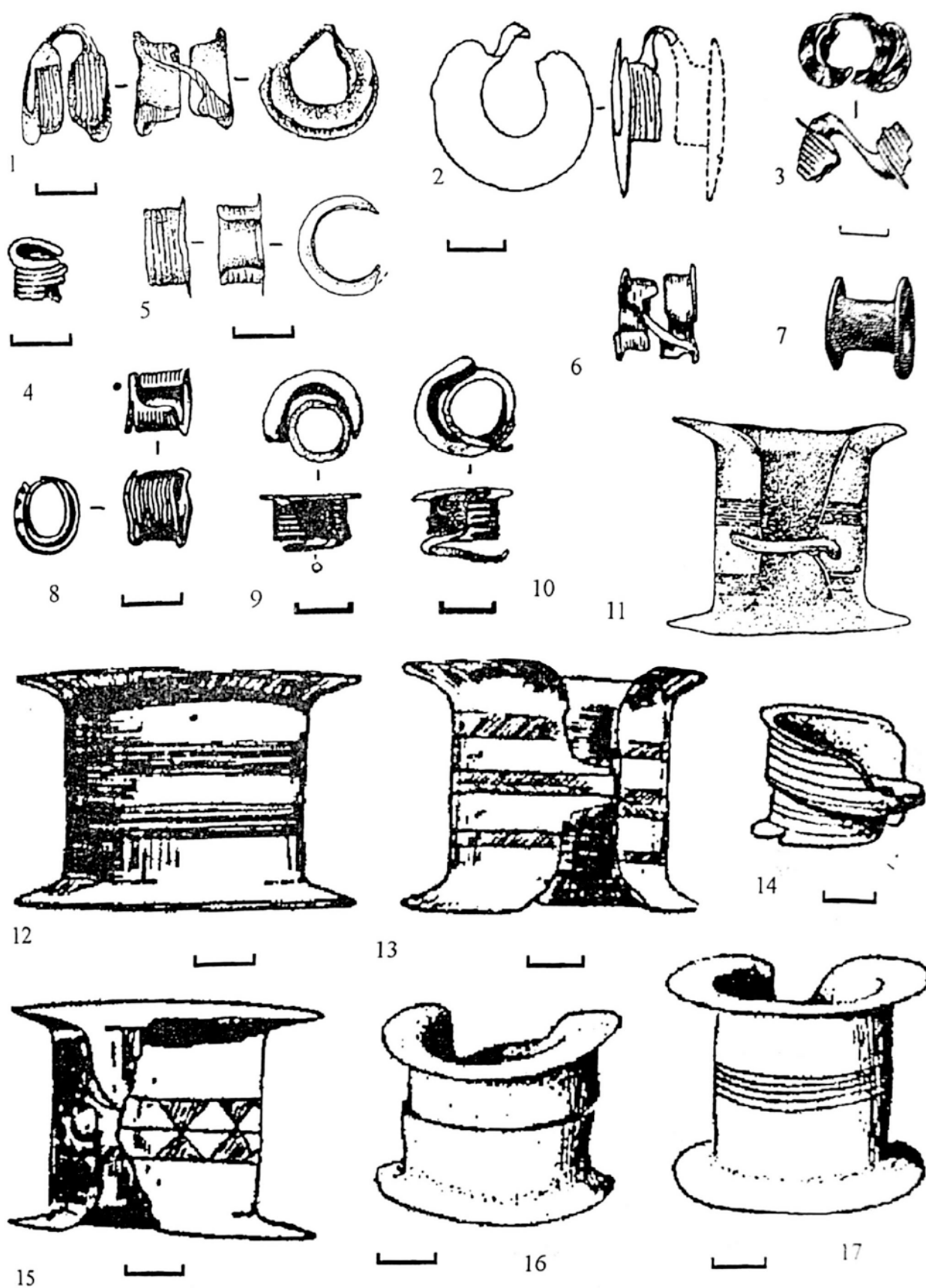
Эрлих В.Р., Сурков А.В. Протомеотские погребения поселения Улька-1. Историко-археологический альманах, Вып. 15. Краснодар, 2020.

Chochorowski J. Ekspansja kimmerska na tereny Europy Środkowej. Krakow. 1993.

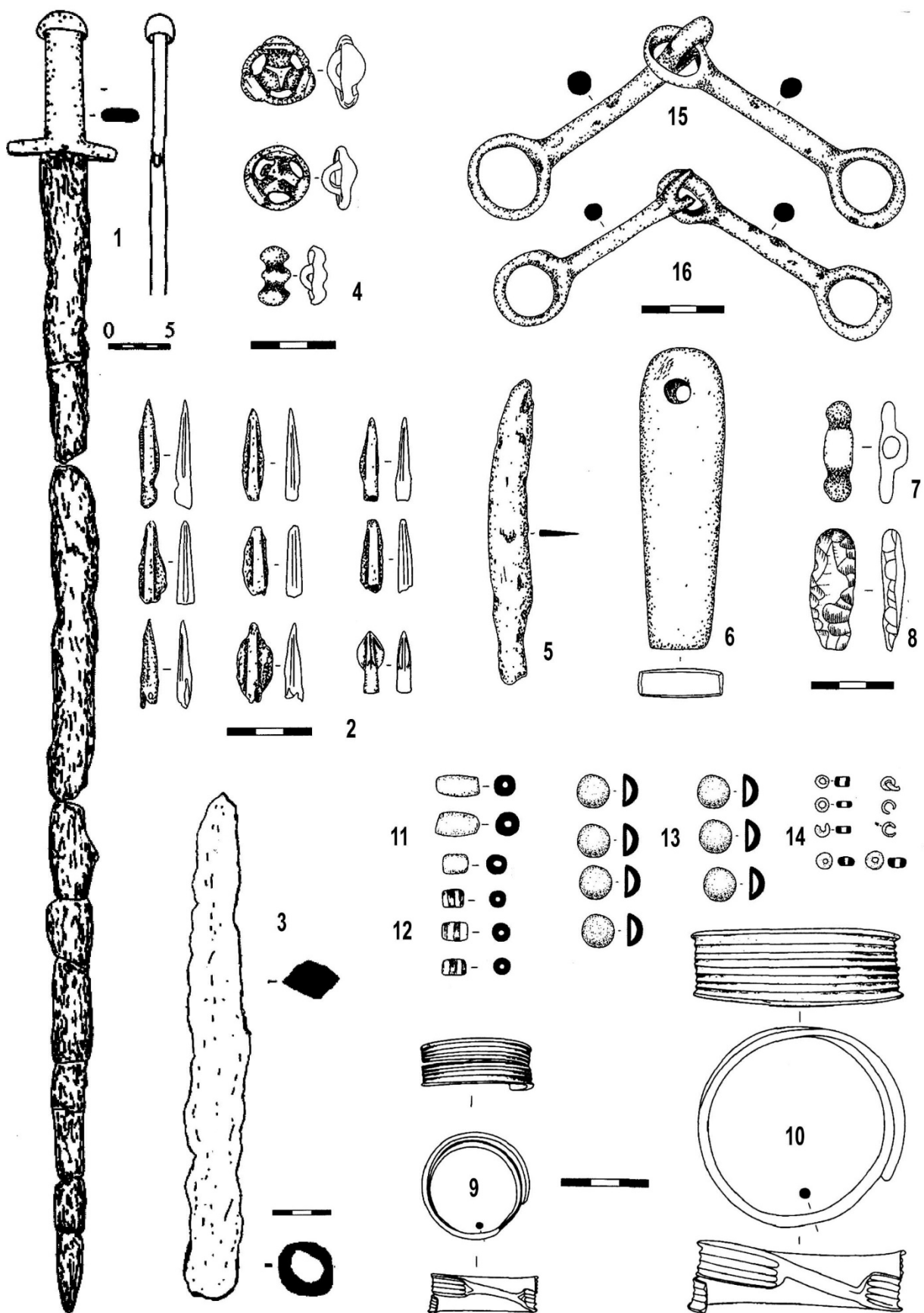
Metzner-Nebelsick, C. Die Urnfelder- und Hallstattzeit in Sudostpannonien. In: Jerem, E. (ed.). Die Osthallstattkultur. Akten des Internationalen Symposium. Budapest: Archaeolingua. 1996.

Metzner-Nebelsick C. Der „Thrako-Kimmerische“ Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien. Rahden/Westf. Leidorf. 2002.

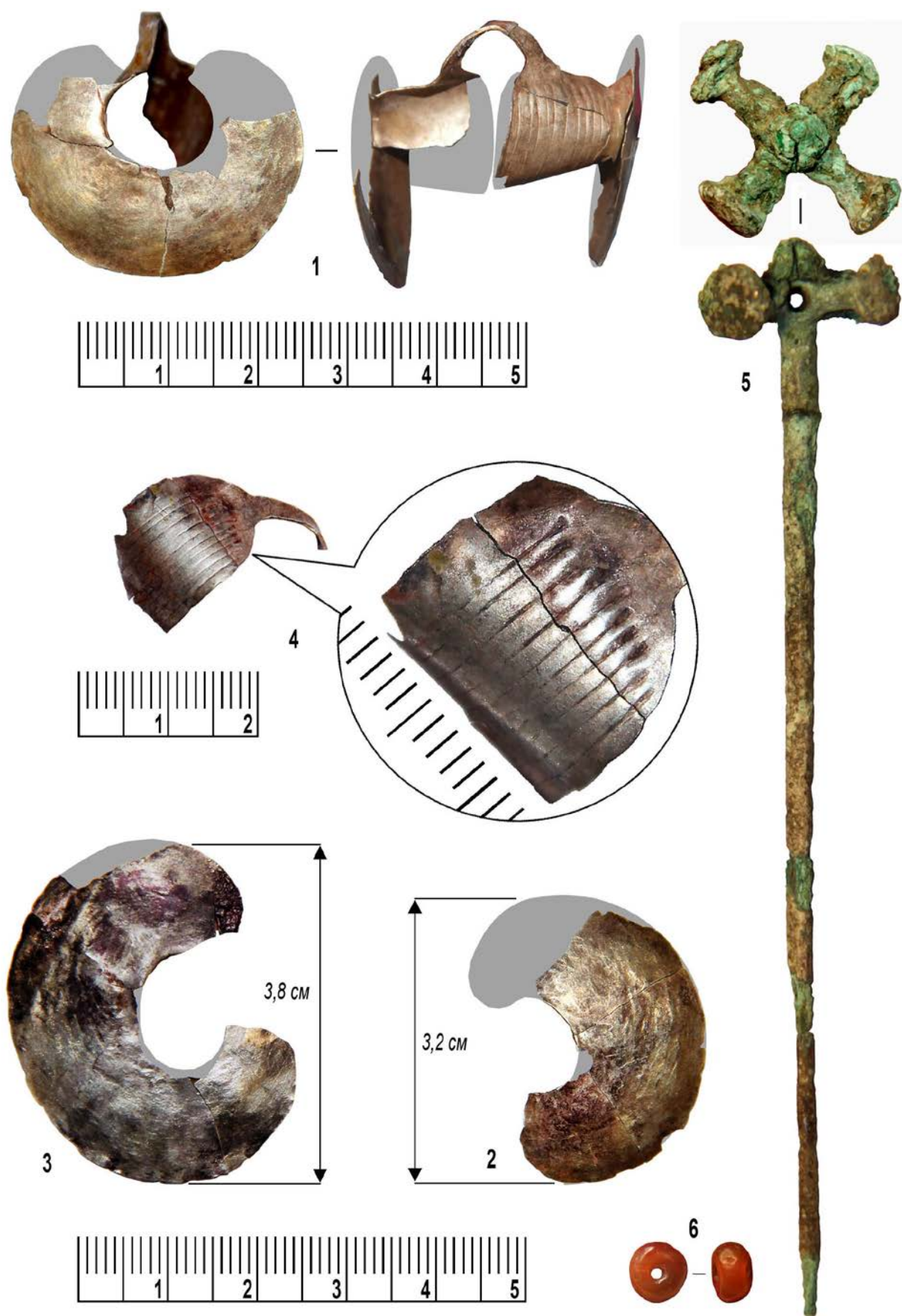
Metzner-Nebelsick C. Wo sind die Frauen der Kimmerier? Ein Beitrag zum Kulturkontakt zwischen Kaukasus, nordpontonischen Steppen und Karpatenbecken am Beispiel der Frauentrachten des 9. und 8. Jahrhunderts v. Chr.// Cimmerians, scythians, sarmatians (in memory of Tadeusz Sulimirski). Krakow. 2004.

Илл. 1. Золотые и бронзовые головные украшения. 1 - мог. Николаевский, погр 5;
 2 - Пшиш -1; 3 - Мирное; 4 - Балабинский, к. 10, погр. 13; 5 - Новониколаевка 2, к. 2, погр. 7;
 6 - Верхний Акбаш; 7 - Михалков; 8 - Широкий, погр. 8; 9, 10 - Сегед-Етхалом, 11 - Гомолава, могила 2;
 12 - 17 - Шаренград (по Махорты С.В., 2003).

Илл 2. Комплекс погребения №3 грунтового могильника "Улька-1" (по Эрлих, Сурков, 2020).
 1 - бронза, железо; 2,5,7,12,14,15 - бронза; 3 - железо; 6 - камень-песчаник, 8 - кремнь; 9 - золото;
 10 серебро; 11 - фаянс; 12 - стекло; 13 - бронза с золотой фольгой; 14 - стекло и бронза.

Илл. 3. 1 - 6 - мог, Пшиш-1, погр. 124; 1 - 3 - электровый сплав; 5 - бронза; 6 - сердолик;
4 - следы инструмента на поверхности подвесок.

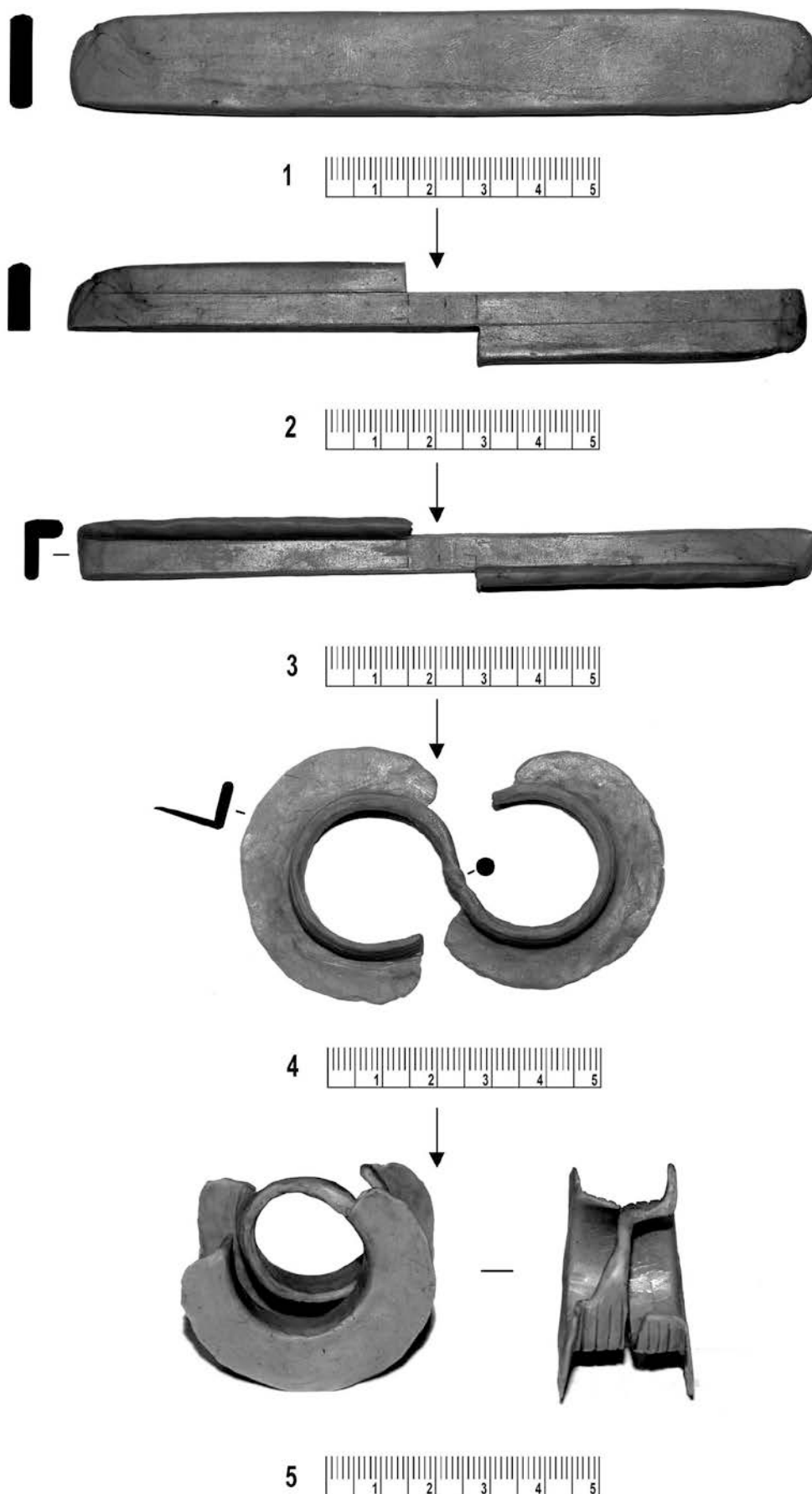

Илл. 4. Головные украшения предскифского времени.

1 - мог. Николаевский, погр. № 5; 2 - мог. Пшиш-1, погр. 3;

3 - 4 - мог. Пшиш-1, подъемный материал; 5 - 8, 10, 11 - случайные находки, Краснодарский край;

9 - разрушенное погребение близ пос. Алтубинал.

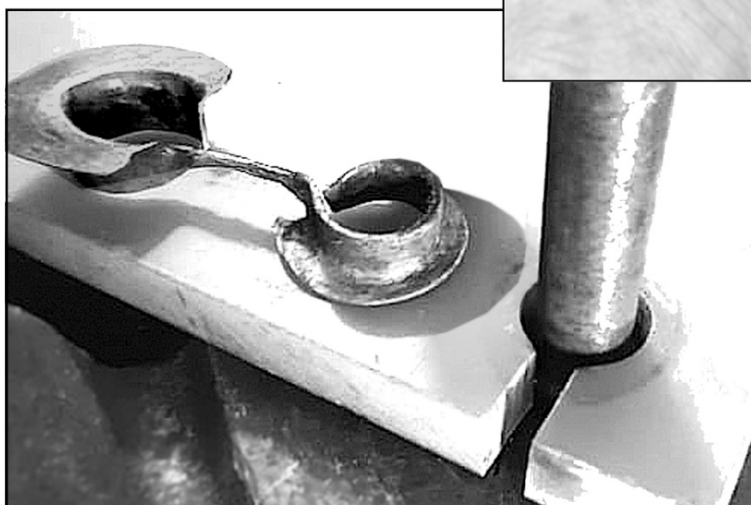
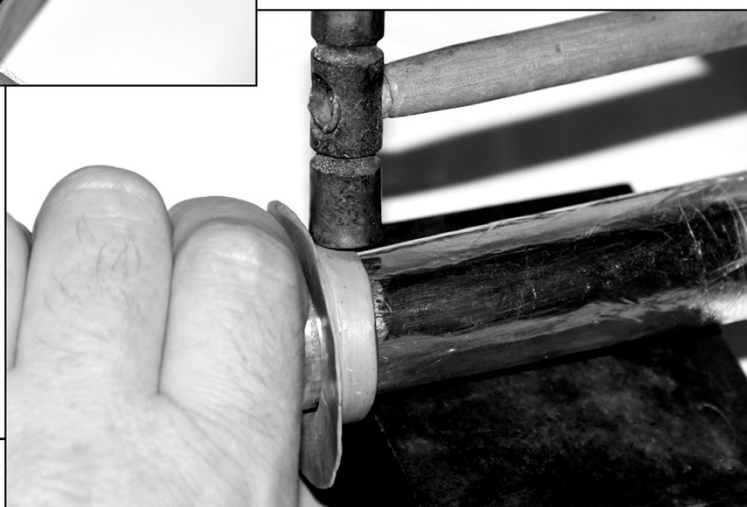

Илл. 5. Реконструкция схемы изготовления подвесок типа “Шаренград - Николаевский” (1 тип).

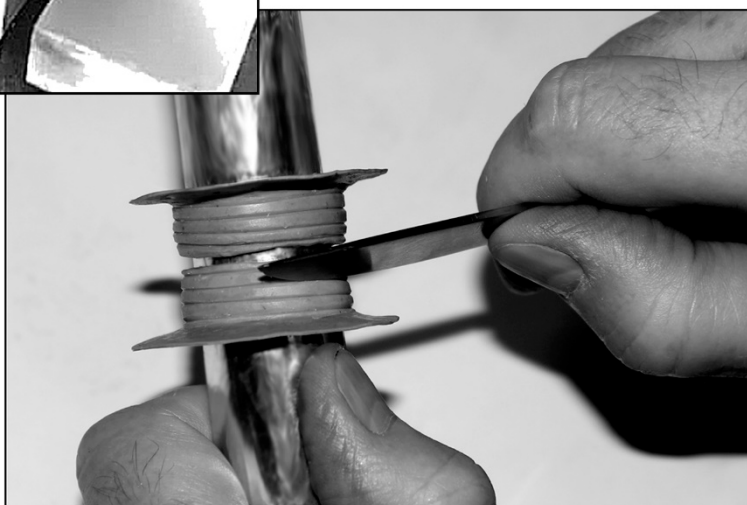
1 - ручная выколотка на наковальне.

2 - ручная выколотка и правка на ригеле.

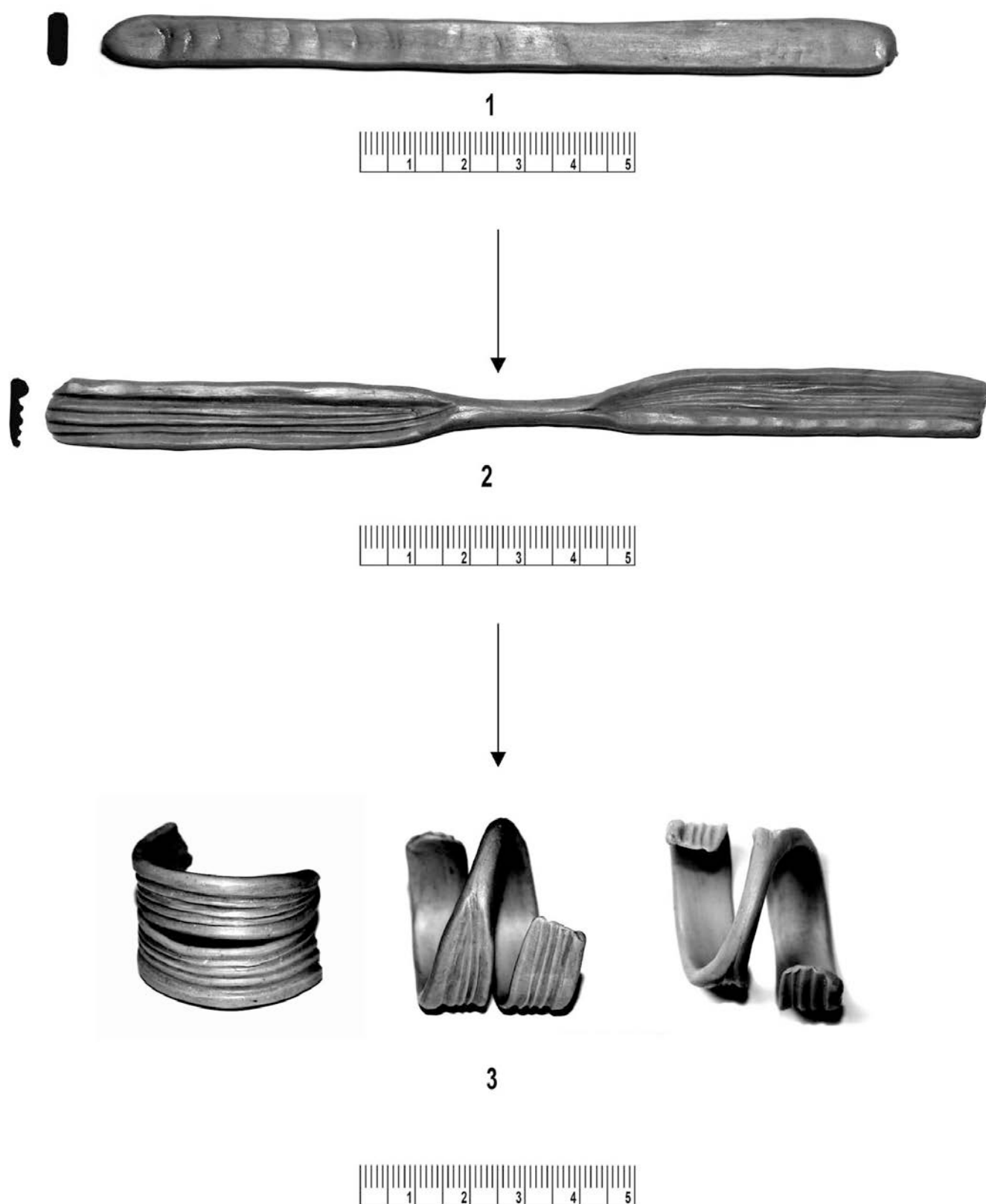

3 - выколотка с использованием ригеля и отверстия с пазом в наковальне.

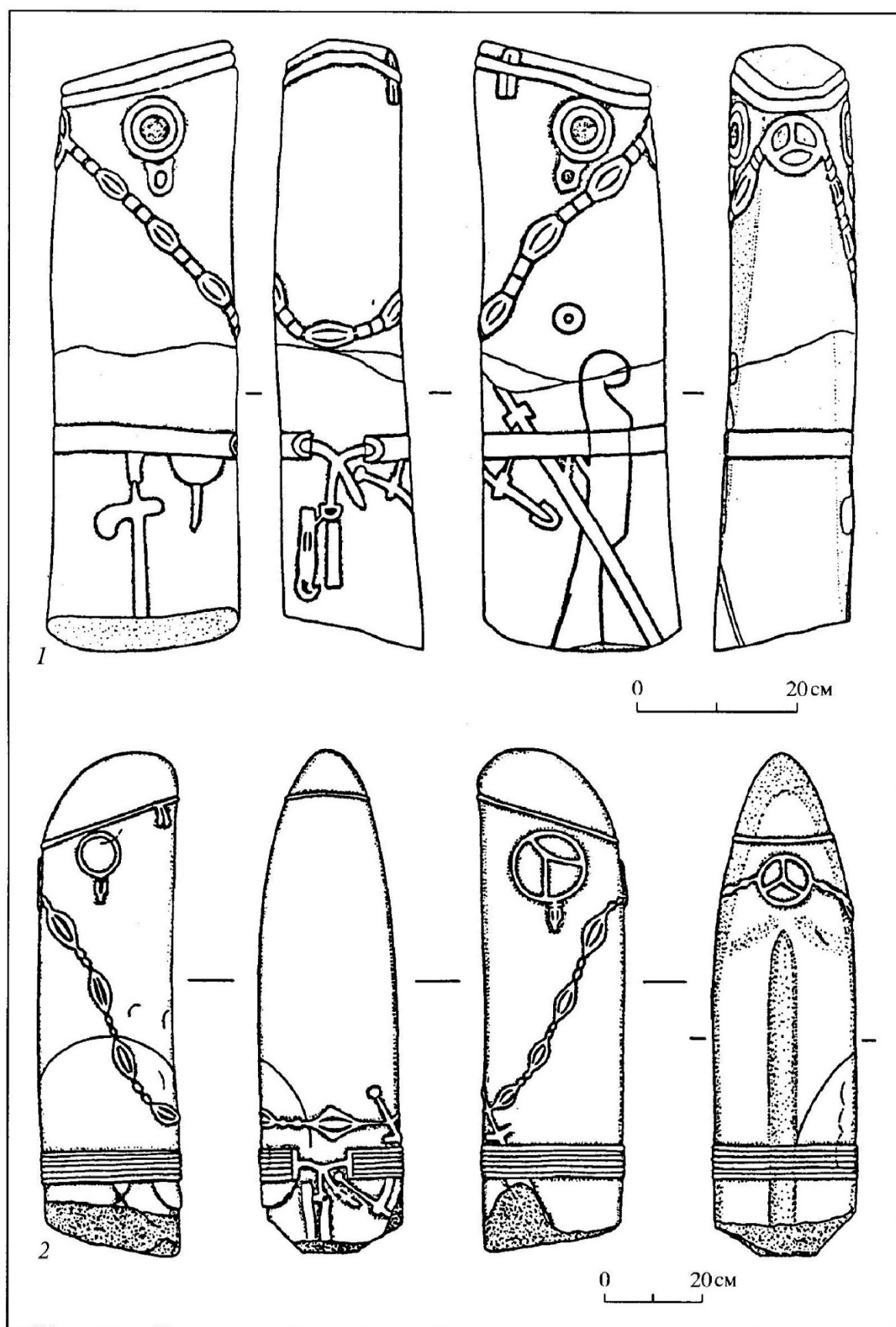
4 - финальное нанесение рифления на ригеле.

Илл. 6. Реконструкция технологических приемов изготовления подвесок типа "Шаренград - Николаевский".

Илл. 7. Реконструкция схемы изготовления подвесок типа "Улька" (2 тип).

Илл 8. "Киммерийские" стелы Северного Кавказа. 1 - кызбурунская, 2 - армавирская.
По Ольховскому В.С. 2005.

ПЛЕМЕНА ВОСТОЧНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЧЕРНОГО МОРЯ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК. ЧАСТЬ I (ГЕНИОХИ, ТИНДАРИДЫ, КОРАКСЫ, АХЕЙЦЫ, КЕРКЕТЫ, ТОРЕТЫ)¹

Карта расселения местных племен на восточном побережье Черного моря в эпоху античности, в первую очередь, в классический и эллинистический период, до сих пор остается предметом споров, несмотря на сотни работ, затрагивающих данную тематику. Достаточно многочисленные источники, более чем вековая история их изучения, продолжающиеся и по сей день ожесточенные споры – все это, фактически, мало приблизило нас к согласию.

С одной стороны, мы видим историков-источниковедов, владеющих древними языками, способных переводить и трактовать имеющиеся тексты античных авторов, но либо не рискующих использовать археологический материал, либо применяющих его весьма выборочно, не владея соответствующей методологией. С другой стороны – многочисленное сообщество археологов, не готовых, в силу своего образования, к самостоятельному анализу текстов древних авторов, а зачастую не обращающихся и к соответствующим публикациям источников. Владикавказский историк С.М. Перевалов пренебрежительно пишет о «не обученных древним языкам алановедах и сарматологах», которые «умеют работать (если это можно назвать «работой») только с переводами» (2002, с.188). К счастью, сам С.М. Перевалов редко обращается к огромному и все нарастающему массиву археологических материалов по сармато-аланской проблематике, поскольку делать это он также «не обучен».

Вполне очевидно, что из сложившейся ситуации, так или иначе, но надо в скорейшем времени выходить. Один из возможных и, вероятно, оптимальный путь – это создание сводов источников, как письменных, так и археологических, по каждому из этнонимов (племенных образований) древности и по всем районам интересующей нас историко-культурной области, а также обобщение, также в виде некоего подобия свода, имеющегося

на сегодняшний день историографического массива. Здесь также не могут не поджидать трудности, ошибки и даже неудачи.

В качестве примера вспомним неоднозначную и противоречивую реакцию ряда исследователей на фундаментальный свод В.П. Будановой «Варварский мир эпохи Великого переселения народов» (М., 2000). М.В. Бибилов расценил эту работу как «настоящее фундаментальное издание, - как по объему собранного материала, так и по методическим приемам анализа», свод, который «носит поистине энциклопедический характер» (2001, с.184). Более того, в работе «привлекаются данные археологии» (там же, с. 182). С другой стороны, по мнению И.В. Зиньковской (2018, с.143), фонд археологических источников В.П. Буданова «оставляет... в стороне, предпочитая оперировать ссылками на разновременную, часто устаревшую археологическую литературу» (это относится в данном случае к её книге 1990 г. «Готы в эпоху Великого переселения народов»). С еще более жесткой критикой выступил С.М. Перевалов, обращающий внимание на неточности и лакуны в статьях «Аланы», «Аорсы», «Аланорсы» и задающийся «риторическим» вопросом «не многовато ли погрешностей для трех строчек текста?» (2002, с.187).

С точки зрения археологов, критические замечания в свое время были высказаны нами в адрес историка-источниковеда А.И. Иванчика (2001): «сделанная им попытка создать единую хронологическую схему для памятников Юга Восточной Европы, Северного Кавказа и Закавказья, не будучи основана на доскональном знании материала и его скрупулезном анализе, не решила стоящих перед исследователями проблем, а лишь еще более запутала их» (Скаков А.Ю., Эрлих В.Р., 2005, с.224). В то же время, с другой стороны, историк-языковед (в первую очередь) С.В. Куланда также критически отозвался о другой работе А.И. Иванчика (2005), позитивно оценивая проведенный им анализ античной традиции и негативно отмечая поверхностное владение

¹ Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ «Северо-Западное Закавказье (Абхазия) в эпоху поздней бронзы – раннего железа» (№ 18-09-00293).

материалом иранского сравнительно-исторического языкознания (2008). С этими критическими замечаниями можно, конечно, не соглашаться, но не вызывает сомнений однозначно отрицательная оценка «штудий» филолога-античника В.Т. Мусбаховой (2018a), пытающейся делать исторические выводы «на фоне незнания археологического материала, пренебрежения неудобными источниками и своеобразных представлений о географии» (Скаков А.Ю., 2014, с.157; Он же, 2019, с.163).

Все эти недочеты и промахи вполне объяснимы различной спецификой источников. К сожалению, зачастую мы встречаем пренебрежительное отношение к методологии археологии и к неизбежным затруднениям при попытках получить из археологических источников историческую информацию. Наши коллеги – историки-источниковеды – иногда считают, что достаточно просмотреть несколько обобщающих работ по археологии той или иной эпохи, взять несколько ярких комплексов, а далее использовать их для подкрепления своих построений.

Существует и другая опасность. Нередко специалисты в других областях гуманитарного знания весьма пренебрежительно относятся к лингвистике и ее методам, считая возможным овладеть ими сходу, без специальной подготовки. Как следствие – крайне незначительный фонд зафиксированных в древних источниках этнонимов, топонимов и антропонимов с легкостью атрибутируется и с уверенностью растаскивается по «национальным квартирам».

В этой связи попытаемся, с общеисторических позиций, не апеллируя к археологическим материалам, рассмотреть несколько варварских племенных образований, зафиксированных античными письменными источниками как этнонимы на восточном побережье Черного моря. Сгруппируем имеющиеся источники и рассмотрим содержащуюся в них информацию отдельно о гениохах, тиндаридах, кораксах, ахейцах, керкетах и торетах, хотя при этом, так или иначе, неизбежны повторы. Более глобальные исторические выводы и реконструкции, если они возможны, отложим на будущее.

ГЕНИОХИ – племя и, вероятно, объединение племен, занимавшее восточные берега Черного моря. Название, очевидно, является греческой обработкой местного этнонима и

означает, по-гречески, «возницы». Как считал Страбон, гениохи получили свое имя от возниц Диоскуров Крекаса и Амфистрата, которые были предводителями поселившихся здесь лаконцев (XI. II. 12). Сходную версию излагает Плиний Старший: «некоторые [авторы] считают, что он (город Диоскуриада – А.С.) был основан возницами Кастора и Поллукса Амфитом и Тельхией, от которых, по известиям весьма достоверным, ведет свое происхождение племя гениохов» (VI. 16). Еще один вариант этой легенды мы встречаем у Гай Юлия Солина: «колхидский город Диоскуриаду основали возницы Кастора и Поллукса Амфит и Керкий, от которых произошло племя гениохов» (XV, 17). Эту же версию повторяет Аммиан Марцеллин (XXII, 8, 24). По сути, аналогичные сведения нам дает и Помпоний Мела: «в области гениохов Кастором и Поллуксом, приехавшими в Понт с Ясоном, была основана Диоскуриада» (I. 19. 111). Историк II-III вв. н.э. Харакс Пергамский (изложение этого фрагмента известно по Схолиям к Дионисию Перизегету) писал, что один из кораблей аргонавтов заблудился и был прибит волнами к берегу, находившиеся на нем возницы Диоскуров Телхис и Амфит захватили власть в стране, «от них-то жившие там получили имя гениохов. Оттуда же получил название лежавший там город Диоскуриада». Псевдо-Арриан дает близкую версию: «некоторые же говорят, что они названы гениохами от Амфистата и Тельхия, возниц Полидевка (Поллукса) и Кастора, ибо считается, что они прибыли во время похода вместе с Ясоном, в этих же местах поселились, как гласит предание, будучи покинуты своими». Так как Диоскуры Кастор и Поллукс были сыновьями царя Спарты Тиндарея, Марк Анней Лукан говорит о «лакедемонских гениохах» (III, 270). Дионисий Перизегет считал гениохов потомками пеласгов, «чадами земли пеласгийской» (v. 687).

По мнению Л.А. Ельницкого, «наличие разных версий легенды (о происхождении гениохов – А.С.) свидетельствует о том, что она разрабатывалась в различных центрах и фигурировала в нескольких друг от друга независимых исторических и географических произведениях» (1961, с.156).

Кроме Диоскуриады, в земле гениохов был основан и второй важнейший полис Колхиды – Фасис. По словам Гераклида (II в. до н.э., пересказ «Политиифасиан» Аристотеля), «по

Фасису первоначально жили гениохи... а потом милетяне».

Первым из античных авторов о гениохах упоминает Псевдо-Скилак Кариандский (30-е гг. IV в. до н.э., сведения, как предполагается, восходят ко второй половине V – первой половине IV вв. до н.э.): «76. Гениохи. После же ахайцев – гениохи. (77. Кораксы. А за гениохами – кораксы). 78. Колика. После же гениохов область Колика». Гелланик Митиленский (V в. до н.э.) в дошедшем до нас фрагменте увязывает районы проживания керкетов, мосхов и хариматов, гениохов и кораксов (fr. 109).

Страбон (I в. до н.э. – I в. н.э.) размещает гениохов за Синдской областью, вместе с ахейцами, зигами, керкетами и макропоганами, а «над этими областями лежит ущелье фтирофагов». За гениохами начинается Колхида (XI. II. 1). Далее географ уточняет, что «после Синдской гавани и Горгиппии, что на море (современная Анапа – А.С.), следует побережье ахейцев, зигов и гениохов, лишенное большей частью гаваней и гористое, так как оно является частью Кавказа» (XI. II. 12). Судя по Страбону, за Горгиппией шли земли ахейцев и зигов, и только потом – гениохов. Ссылаясь на Артемидора, Страбон указывает, что за Батами (город на территории совр. Новороссийска) шло побережье керкетов, затем – ахейцев, далее, на протяжении 1000 стадий – гениохов, а затем – Большой Питиунт и его область вплоть до Диоскурии. Альтернативный вариант приводят вызывающие больше доверия у Страбона «историки митридатовых войн»: за Горгиппией жили ахейцы, зиги, далее гениохи, затем керкеты, мосхи, колхи и т.д. (XI. II. 14). Далее Страбон упоминает «страну колхов и гениохов» в одном ряду с Албанией и Иберией (XI. V. 6), что говорит о высоком статусе этого государственного (или протогосударственного) образования. Плутарх Александрийский (вторая половина I – первая половина II вв. н.э.) говорит о сыне Борея Гирпаке, унаследовавшем загадочный «престол Гениоха» на Кавказе (V, 3).

Страбон дает также характеристику политическому устройству гениохов: «управляют ими так называемые «скептухи», а эти последние сами подвластны тиранам и царям. Так, например, у гениохов было 4 царя в то время, когда Митридат Евпатор, изгнанный из страны своих предков в Боспор, шел через их землю. Эта страна оказалась легко проходи-

мой...» (XI. II. 13). Во время Митридатовых войн гениохи, наряду с ахейцами и другими причерноморскими племенами, как сообщает Аппиан (II. XII. 69), выступили на стороне Митридата, после его поражения их провели в триумфе Помпея (II. XII. 116). Митридат, отступая из Диоскурии на Боспор, по сообщению того же Аппиана, «прошел мимо гениохов, (дружески) принявших его» (II. XII. 102).

Веллей Патеркул (I в. до н.э. – I в. н.э.) пишет о походе Гнея Помпея в земли гениохов: «направил свое оружие к народам, обитающим по правую сторону Понта и вглубь от него: к колхам, гениохам и ахеям» (II. 40. 1). Впрочем, по другим источникам (Дион Кассий, II-III вв. н.э.), Помпей «прошел через земли колхов и их соседей, действуя то убеждением, то страхом», но не двинулся дальше вдоль берега, «узнав здесь, что путь по материку идет через земли многих неизвестных и воинственных племен, а морской путь еще затруднительнее вследствие отсутствия гаваней в этой стране и суровости её обитателей» (XXXVI, 3, 2).

Во второй половине I в. н.э. Плиний Старший упоминает как «племя саннов-гениохов» между Трапезунтом (совр. Трабзон) и Абсарром (совр. Гонио, рядом с Батуми), так и гениохов на берегах Черного моря, наряду с лазами, северо-восточнее Абсарра (VI. 12). При этом, наряду с ними, упоминаются «[различающиеся] многими названиями племена гениохов» (VI. 14), размещавшиеся за Питиунтом и р. Бзыбью (река и город Пеней, по Плинию). В другом месте им «множество гениохийских племен» локализуется между «суанами – племена, незнакомые с культурой, но добывающие золото» и Понтом, далее размещаются племена ахеев (VI. 30). Помпоний Мела (середина I в. н.э.) помещает гениохов также на побережье, вслед (если двигаться с юга) за меланхленами, торетами, «шестью Коликами», кораксиками и фтирофагами, но перед ахеями, керкетиками и синдонами (I. 19. 110). Птолемей (II в. н.э.), видимо, дает описание морского побережья с северо-запада на юго-восток: «вдоль Понта – ахеи, керкеты, гениохи и свано-колхи» (V. 8. 17-25).

Арриан в своем «Перипле» (отчет о плавании берегом Черного моря в 131/2 г.) называет макронов (махелонов) и гениохов вслед за саннами (или дрилами) и колхами, с гениоха-

ми граничат зидриты, рядом с ними живут лазы, далее – апсилы, абаски и саниги. Судя по контексту и порядку перечисления, Арриан помещает гениохов в Южной Колхиде, между Трапезунтом и Апсаром. Арриан также упоминает наличие у гениохов (и макронов, то есть речь идет о политическом объединении двух племен) царя Анхиала, дворец которого находился на реке Пританис (вероятно, современная р. Фуртун-Су), между поселением Афины (современный г. Пазар в Турции) и рекой Пиксит (вероятно, современная р. Витзех-Су). Как логично предполагал Ю.Н. Воронов, царство макронов и гениохов Арриана тождественно саннам-гениохам Плиния (2016, с. 21). Дионисий Периэгет (первая половина II в. н.э.) в перечислении причерноморских племен с северо-запада на юго-восток после керкетов, торетов и ахейцев называет гениохов, а далее зигов, тиндаридов и колхов (v. 687). Руфий Фест Авиен (вторая половина IV в. н.э.) также помещает «суровое племя» гениохов после торетов и ахейцев, до зигов и колхов (v. 871). Аналогичный порядок перечисления племен у Присциана (вторая половина V – начало VI вв. н.э.).

Упоминаются гениохи также у Элия Геродиана (вторая половина II в. н.э.), Псевдо-Орфея (IV в. н.э.), в «Космографии» Юлия Гонория (IV-V вв. н.э.), на Певтингеровой карте (изготовлена в конце XII – начале XIII вв., данные восходят к первым векам н.э.) (Подосинов А.В., 2002, с.356), в поддельном письме Диогена «К синопцам», у Стефана Византийского (V в. н.э.), Присциана (вторая половина V – начало VI вв. н.э.), Псевдо-Арриана (V в. н.э.), при этом последний называет народ гениохов «смешанным» (50 (1)).

В античном мире за гениохами и их соседями закрепилась слава опытных и опасных пиратов и воинов. Еще Аристотель (IV в. до н.э.) в «Политике» писал: «есть много народов, склонных к убийству и людоедству, как, например, из числа припонтийских, ахейцы и гениохи, а равно и другие племена из живущих на материке, одни подобно этим, а другие еще больше их; они ведут разбойничий образ жизни, но храбростью не отличаются» (VIII. 4. 4). Марк Анней Лукан (39-65 гг. н.э.) говорит о «воинственных гениохах» (II. 591) и племени гениохов, «страшных быстрой ездой» (III. 270). Последняя характеристика, впрочем, может объясняться мифическим происхожде-

нием гениохов от возниц Диоскуров. Диодор Сицилийский (вторая половина I в. до н.э.) сообщает о борьбе с пиратами боспорского царя Эвмела (310/309-304/3 гг. до н.э.): «Для защиты плавающих по Понту он вступил в войну с варварскими народами, обыкновенно занимавшимися пиратством – гениохами, таврами и ахеями, и очистил море от пиратов... Он присоединил значительную часть соседних варварских земель и доставил своему царству гораздо большую, чем прежде, известность. Он задумал было вообще покорить все племена, окружающие Понт, и скоро привел бы в исполнение свой замысел, если бы скоропостижная смерть не пресекла его жизни» (XX. 25). Как писал Страбон, «эти народности живут морским разбоем, для чего у них есть небольшие, узкие и легкие лодки вместимостью приблизительно до 24 человек, редко – до 30; у греков они называются «камарами». Снаряжая флотилии таких «камар» и нападая то на купеческие корабли, то даже на какую-нибудь страну или город, они господствовали на море. Иногда им помогают даже жители Боспора, предоставляя свои корабельные стоянки, рынок для сбыта добычи. Когда они возвращаются в родные места, то при отсутствии корабельных стоянок им приходится на своих плечах переносить «камары» в леса, где они и живут, обрабатывая скудную землю. Когда же наступает время плавания, они снова несут свои лодки к берегу. Точно также поступают они и в чужих странах, где им хорошо известны лесистые места; там они прячут свои «камары», а сами пешком бродят днем и ночью, похищая людей для продажи в рабство. Похищенных они с готовностью предлагают отпустить за выкуп, извещая об этом после выхода в море их родных. В землях, подчиненных местным властителям, правители оказывают помощь жертвам насилия; они нередко в свою очередь нападают на разбойников и, захватив их «камары», приводят назад вместе с экипажем. Области, подчиненные римлянам, более бессильны против этого зла из-за небрежения посылаемых туда правителей» (XI. II. 12). О пиратстве гениохов писал и посланный в Томи (совр. Констанца, Румыния) Овидий (43 г. до н.э. – 17/18 г. н.э.): «Какой бы лай ни подняли чудовища из обрубленного паха Сциллы, все же гениохские корабли причинили морякам больше вреда. ... Хотя [эти племена] свободнее плавают в правой части

[Понта], и эта сторона не безопасна от них» (Послание IV, 10 «К Альбиновану Педону», 25-30).

Соответственно, римский контроль за этим участком побережья Черного моря практически отсутствовал, по словам Страбона, «все азиатское побережье Нашего моря подчинено им, если не считать областей ахейцев, зигов и гениохов, где в ущельях и бесплодных местностях население ведет разбойничью и кочевую жизнь» (XVII. III. 24). В 19 г. н.э. к гениохам, как сообщает Тацит, пытался убежать находившийся в римском плену мятежный парфянский царевич Вонон. Приблизительно в первой половине I в. н.э. гениохи, по сообщению Плиния Старшего, разграбили «богатеиший город Питиус» (VI. 16). Вероятно, гениохами была разрушена в это время и Диоскуриада. Чуть позже ситуация несколько изменилась, римляне сумели установить контроль над судоходством в Черном море. Как считал Иосиф Флавий (I в. н.э.), «зачем говорить о гениохах и колхах, о племени тавров, боспорцах и живущих вокруг Понта и Меотиды народах, которые раньше не признавали даже и собственного владыки, а теперь держатся в подчинении тремя тысячами гоплитов, и сорок военных кораблей поддерживают мир на несудоходном прежде и суровом море» (II. 16.14). Именно с экспансией гениохов Л.А. Ельницкий связывал размещение римских гарнизонов в Абсаре, Фасисе и Севастополисе (1961, с. 186).

Г.А. Меликишвили отождествлял гениохов и санигов, достаточно осторожно, вслед за И.А. Орбели, предполагая их принадлежность к сванским племенам (1959, с.91-92,309). Столь же осторожно он предположил возможность преемственности между иганиехами урартских источников (VIII в. до н.э.) и гениохами (1959, с.93,114). Как известно, страна Игани (Ийани) урартских надписей находилась у южного побережья оз. Чилдыр (северо-восточная Турция, провинция Ардахан) и в прилегающих районах (Арутюнян Н.В., 1985, с.84-85). По мнению Г.А. Меликишвили, гениохи на рубеже эр проникли из внутренних районов Юго-восточного Причерноморья на юго-восточный берег Черного моря (1959, с.365,367). Имелось предположение и о занской (чанской) принадлежности гениохов. Тот же Г.А. Меликишвили предположительно связывал ту часть гениохов, которая создала еди-

ное царство с макронами, именно с лазами (чанами) (1959, с.91,373-374). По необоснованному мнению Н.Ю. Ломоури, гениохи некогда не проживали в Колхиде, размещаясь севернее или южнее её (1988, с.129-131).

По мнению Л.А. Ельницкого и В.П. Будановой, основным районом локализации гениохов являлась область Питиунта, к северу от Диоскуриады, но часть гениохов на рубеже н.э. и в 50-е – 60-е гг. н.э. продвинулась вдоль побережья в Малую Азию, в область Трапезунта (Ельницкий Л.А., 1961, с.185-188; Буданова В.П., 2000, с.194). В самом деле, для I в. до н.э. – I в. н.э. можно говорить о продвижении гениохов на юго-восток, вдоль берега Черного моря, к Питиунту, но речь в данном случае идет не о более раннем союзе племен, а об его осколке, сравнительно небольшом племени гениохов. Напротив, по мнению С.Ю. Сапрыкина, гениохи в VI-IV вв. до н.э. переместились севернее своего первоначального местоположения, а их место заняли колхи и другие племена (2018, с.595).

Существует и альтернативное мнение, которое кажется нам более обоснованным и логичным. Учитывая «множественность» гениохийских племен (Плиний Старший) и основание Диоскуриады и Фасиса в VI в. до н.э. в землях гениохов, можно предположить, что «гениохи» - собирательное название для союза родственных племен, занимавших, по крайней мере, в IX-VII вв. до н.э. практически все восточное побережье Черного моря от Трапезунда до Питиунта и далее на северо-запад, до района совр. Туапсе и Архипо-Осиповки (Воронов Ю.Н., 1998, с. 29-31). При этом источники четко отличают от гениохов кораксов или ахейцев. Как предполагал Ш.Д. Инал-Ипа, «гениохи» - собирательное название, включавшее целый ряд более мелких этнических групп», а упоминаемые Страбоном «четыре царя» «соответствуют основным этническим делениям внутри гениохов» (санигам с ахейцами, абазгам, апсилам и мисимиянам) (1976, с.185-188).

Обращает на себя внимание приблизительное совпадение первоначального ареала гениохов (от современного Трабзона до Туапсе) и ареала выделенной в первой половине XX в. колхидской культуры. Этому не препятствует предлагаемая нами сейчас трактовка колхидской (или кобано-колхидской) культуры как культурно-исторической общности, включа-

ющей в себя различные, пусть и родственные, культуры и локальные варианты, что может соответствовать «племенам» античных авторов (Скаков А.Ю., 2009). Вероятно, гениохи приняли участие в формировании санигов (Анчабадзе З.В., 1964, с.136-137), а, возможно, и других племенных образований восточного берега Черного моря.

В древности, впрочем, существовала, впрочем, и другая версия локализации гениохов: Гай Юлий Солин (III в. н.э.) пишет об изливающих Аракс «Гениохских горах», находящихся недалеко от истоков Евфрата (XV, 19). Тем самым гениохи размещаются на Армянском нагорье (современная Северо-Восточная Турция), хотя и не очень далеко к юго-востоку от совр. Батуми. По Плинию Старшему, река Кир (Кура) «берет начало в Гениохийских горах, которые другие называют Кораксийскими» (VI, 26). Эти две локализации «Гениохских гор» не противоречат друг другу. Плутарх Александрийский упоминает гору «престол Гениоха», размещаемый вблизи от истоков Тигра (V, 3). Данные локализации заставляют вспомнить о стране Игани урартских источников и допустить наличие здесь некоторой связи и преемственности.

ТИНДАРИДЫ – племенное образование на восточном побережье Черного моря, связанное, возможно, с городом Диоскуриада и его хорой. Название восходит к имени мифологического спартанского царя Тиндарея, который был изгнан из Спарты, а потом возвращен в нее Гераклом. От Леды, дочери царя Этолии Фестия, Тиндарей имел, в том числе, дочь Клитемнестру (позже – жена Агамемнона и убийца своего мужа) и сына Кастора. Елена (позже – жена Менелая и виновница Троянской войны) и Полидевк (а иногда и Кастор) считались детьми Леды от Зевса, принявшего вид лебедя. Герои-полубоги близнецы Кастор и Полидевк (лат. Поллукс) назывались Диоскурами (букв. «Зевсовы отроки») или Тиндаридами (дети Тиндарея). Кастор был известен как укротитель коней, Полидевк – как кулачный боец. Диоскуры приняли участие в Калидонской охоте и в походе аргонавтов. После гибели Кастора Полидевк упрямил Зевса позволить им вместе пребывать один день на Олимпе, а один день – в преисподней. Вероятно, образы Диоскуров восходят к древним пеласгическим божествам света. Они считались защитниками Спартанского госу-

дарства, путеводителями моряков и покровителями гостеприимства.

Плиний Старший (вторая половина I в. н.э.) называет на реке Фасис (современная р. Риони) город Тиндариду, наряду с Киркеем, Кигном, Эей и Фасисом, но отмечает, что в настоящее время этих городов не существует (VI. 13). Возможно, это размещение Тиндарида связано с имевшей место у Плиния путаницей нескольких источников. Кроме того, Плиний размещает тиндаров у Танаиса (современная р. Дон) и Меотиды (современное Азовское море), являющихся частью сарматов, хотя рядом с ними упоминаются зиги (VI. 19). Как предполагается, тиндары – это дандарии или тирамбы (Подосинов А.В., Скржинская М.В., 2011, с.325).

Дионисий Перизетт (первая половина II в. н.э.), перечисляя причерноморские племена с северо-запада на юго-восток, за гениохами и зигиями указывает страну тиндаринов, за которой, у дальней оконечности Черного моря, живут колхи (v. 688). Согласно комментатору Дионисия Евстафию, митрополиту Фессалоникскому (вторая половина XII в.), племена тиндаринов (земля их «находится у самого внутреннего угла Понта») и гениохов получили названия от «возниц Тиндаринов, т.е. Диоскуров», которые были на сбившемся с пути одном из кораблей аргонавтов. Присциан (вторая половина V – начало VI вв. н.э.) в своем «Землеописании», очевидно, следует за Дионисием Перизеттом: за генохами и зигиями «самую отдаленную страну Понта, за пределами тиндаринов», заняли колхи» (Per. 670).

Как правило, Тиндариду отождествляют с Диоскуриадой. Учитывая, что статус Диоскуриады, очевидно, неоднократно менялся в эпоху античности (к примеру, Псевдо-Скилак Кариандский называет Диоскурию просто «полисом», а Гиенос и Фасис – «греческими полисами», что неслучайно), можно предположить, что в какой-то исторический период она стала резиденцией местного правителя, а городская хора расширилась и стала называться «страной тиндаринов». Пока что можно уверенно говорить о границах хоры Диоскуриады в эллинистический период от пос. Гуандры до с. Адзюбжа. Вероятно, это и есть границы «страны тиндаринов». В.П. Буданова тиндаров отождествляет с тиндаридами (тиндаритами), располагает на Таманском полуострове (хотя и, странным образом, в области

Диоскуриады) и, по неясной причине, считает племенем иранского происхождения (2000, с.372).

Известны также Тиндарида – местность (и город?) на южном берегу Черного моря, в Вифинии, к востоку от Гераклеи Понтийской (Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т., 1991, с.259), и Тиндарида – античный город в Сицилии.

КОРАКСЫ – племя на восточных берегах Черного моря в эпоху античности. Название, вероятно, является либо греческим переводом, либо греческим осмыслением местного этнонима (по-гречески, «воронные», «черные как вороны»).

Кораксов впервые упоминает Гекатей Милетский (вторая половина VI – начало V вв. до н.э.), в сохранившихся фрагментах текста «Землеописания» в перечислении народов (пересказ Стефана Византийского) «Кораксы, племя колхов, вблизи колов. Гекатей в описании Азии. Кораксийская крепость и Кораксийская страна» (Фр. 185). Псевдо-Скилак Кариандский (30-е гг. IV в. до н.э., сведения, как предполагается, восходят ко второй половине V – первой половине IV вв. до н.э.), перечисляя причерноморские племена с северо-запада на юго-восток, называет кораксов после торетов, ахайев, гениохов и перед областью Коликой, меланхленами, гелонами и колхами (77). Достаточно рано появляются и те достаточно туманные для нас образы и реминисценции, с которыми для древних греков связывалась земля кораксов. Аристотель (384-322 гг. до н.э.) в «Метеорологике» говорит о пресном озере или море «у подножия Кавказа», изливающимся в море «[в стране] кораксов» у «так называемых Глубин Понта» (I. 13). Эти «глубины» или «пучины» стали осмысляться в контексте «кораксийской накидки» (шерсти) (Гиппонакт), «синдской расщелины» (Гиппонакат, Гесихий) и прочих скабрёзно-обсценных образов, прекрасно понятных грекам эпохи эллинизма (Тохтасьев С.Р., 2002, с.23-24).

Гелланик Митиленский (V в. до н.э.) в дошедшем до нас фрагменте говорит о проживающих рядом керкетах, мосхах и хариматах, гениохах и кораксах (fr. 109). Кораксов упоминает также Феникс Колофонский, поэт IV-III вв. до н.э.: «Послушай, будь ты ассириец или мидиец, или же коракс или длинноволосый синд с верхних озёр» (Мусбахова В.Т., 2018б, с.162). Показательно, что Страбон (I в. до н.э. –

I в. н.э.) кораксов не называет, видимо, относя их к колхам. Кроме того, о кораксах не говорится и в контексте Митридатовых войн. Вероятно, они и в самом деле сошли с исторической арены, войдя в более крупное племенное объединение.

Помпоний Мела (середина I в. н.э.), следуя с юго-востока на северо-запад, называет, за городом Кикном (предположительно, Гиенос), меланхленов, торетов, «шесть Колик», далее «кораксиков», за ними фтирофагов, гениохов, ахеев, керкетиков и синдонов (I. 110). Во второй половине I в. н.э. Плиний Старший помещает кораксов «у города колхов Диоскуриады», при этом к юго-востоку от них находится «область Понта Колика» и меланхлены, а далее к северо-западу – ахеи, марды и керкеты (VI. 15). Необходимо учесть, что и Помпоний Мела и Плиний Старший опирались на разновременные и, в том числе, на более ранние источники. Псевдо-Арриан (V в. н.э.), опираясь на Перипл Псевдо-Скилака, перечисляет кораксов между гениохами и коликами на берегу Черного моря «от Старой Ахеи до Старой Лазики и затем до реки Ахеунта». Впрочем, он замечает, что «ныне здесь живут зихи», у которых есть свое царство (59). В этом же источнике упоминается «варварская страна Кораксика», наряду с Коликой, «где ныне народ меланхленов и колхов». Их представители сходятся в Фасис, куда «приезжают варвары из Индии и Бактрианы» (44). Гезихий Александрийский (V в. н.э.) считал кораксов «родом скифов».

Любопытно и пока необъяснимо созвучие между этнонимом «кораксы» и Корокандамой на Тамани, мысом Коракс в Крыму (Птолемей, III, 6, 2) и т.д. Также загадкой остаются упоминаемые Лукианом (II в. н.э.) в диалоге «Токсарис» «скифские» божества «Кораки» (отождествляемые с Орестом и Пиладом).

Необходимо упомянуть о наличии в ряде источников реки Корак (Коракс), которая, в определенный исторический период, была, без сомнения, связана с кораксами. Ряд авторов (Ш.Д. Инал-Ипа, В.Ф. Бутба, В.Е. Кварчия и др.) сближают гидронимы «Кодор» и «Коракс», возводя их к абхазским гидронимам «а-куара», «а-йъараш» - «ущелье», «речка», «булыжный берег» (Инал-Ипа Ш.Д., 1976, с.181; Инал-Ипа Ш.Д., 2011, с. 326; Бутба В.Ф., 2005, с.73-76; Кварчия В.Е., 2006, с.184-185).

Некоторые источники свидетельствуют о

том, что часть гор Кавказа носила название «Кораксийских» (Помпоний Мела, I. 109; Плиний Старший, V. 99) или «Корак» (Птолемей, V. 8. 14). При этом, согласно Помпонию Мела, «от подножья Кораксийской горы» вытекают реки Кир (современная р. Кура) и Камбис (как считается, современная р. Иори или р. Алазани) (III. 41). По Плинию Старшему, река Кир (Кура) «берет начало в Гениохийских горах, которые другие называют Кораксийскими» (VI, 26, 39). При этом, по Гаю Юлию Солину, «Гениохские горы» изливают Аракс, и недалеко оттуда находятся истоки Евфрата. Вероятно, здесь возникла некоторая путаница: истоки Куры могли предполагаться там, где они и находятся, то есть в Северо-восточной Турции, а могли отождествляться с истоками её крайнего западного притока р. Большой Лиахвы. В самом деле, истоки рек Иори, Алазани и Большой Лиахвы находятся в одном географическом регионе, на центрально-кавказском участке Главного Кавказского хребта. Поэтому, возможно, название «Кораксийских» носили как горы центральной части Большого Кавказа, так и хребты на северо-востоке Турции.

«Кораксийскую крепость» (или «Кораксийскую стену») отождествляли с Питиунтом и КартеронТейхосом (это упомянутое Птолемеем укрепление остается нелокализованным) (Ломоури Н.Ю., 1957, с.106-107), с Великой Абхазской (Келасурской) стеной (Дюбуа де МонперэФ., 1937, с.148; Кудрявцев К.Д., 2008, с.32; Гулиа Д., 1986, с.314), с руинами укреплений в ущелье р. Бзыби (Иващенко М.М., 1926, с.69; Инадзе М., 1999, с.63-64; Гамахария Д., 2009, с.68). Ю.Н. Воронов помещал кораксов в Кодорском ущелье, отождествляя Кораксийскую крепость с Пацхирской крепостью (р. Бол. Мачара), что противоречит источникам (1968). Кроме того, нельзя забывать, что мы в большинстве случаев имеем дело с периплами, то есть описаниями морского побережья, поэтому искать там информацию о населении горных ущелий нет никаких оснований. Безусловно, ни на чем не основана параисторическая гипотеза В.Т. Мусбаховой, отождествляющей кораксов с предками современных карачаевцев (2018а, с.912). Кораксов некоторые авторы считали предками апсиров или санигов (Анчабадзе З.В., 1964, с.134), сванов (Гулиа Д., 1986, с.314), предполагали, что этноним «кораксы» является ва-

риантом «колхи», а сами кораксы являлись «одним из мегрело-чанских племен» (Инадзе М., 1999, с.62). Ю.Н. Воронов обосновал невозможность идентификации кораксов с апсирами или санигами (Воронов Ю.Н., 1968, с.141).

Безусловно, для VI-I вв. до н.э. кораксов, учитывая последовательность перечисления племен в периплах, можно помещать только северо-западнее современного г. Сочи, в сторону современного г. Туапсе. Впрочем, связь кораксов с колхами (Гекатей Милетский) вполне согласуется с тем обстоятельством, что данный регион, между современными Сочи и Туапсе, в этот исторический период входил в сферу распространения культур кобано-колхидской культурно-исторической общности. В дальнейшем, вероятно, кораксы, исчезнувшие как целостное племенное образование уже к эпохе эллинизма, вошли в состав формирующихся тогда этнополитических образований.

АХЕЙЦЫ (ахеи, агеи, ахайи) – племя на восточном берегу Черного моря в эпоху античности.

Впервые упоминаются Псевдо-Скилаком Кариандрским (30-е гг. IV в. до н.э., сведения, повторимся, восходят ко второй половине V – первой половине IV вв. до н.э.): «75. Ахайи. А за торетами – ахайи. 76. Гениохи. После же ахайев – гениохи». Здесь они локализуются между керкетами и торетами с полисом Торик (современный г. Геленджик) и областью Коликой, меланхленами, гелонами и колхами. Таким образом, их можно разместить в районе современного с. Архипо-Осиповка.

Ахейцев знает Страбон (I в. до н.э. – I в. н.э.), причем он, видимо, первый попытался объяснить этот этноним: «передают, что так называемые ахейцы на Понте были колонистами орхоменцев, которые после взятия Трои блуждали в этой области под предводительством Иалмена» (IX. II. 42). Приблизительно тогда же о происхождении ахейцев пишет Дионисий Галикарнасский (кон. I в. до н.э.): «так как другие народы, жившие среди варваров, спустя какое-то время утратили все эллинское, так что и не говорили по-эллини, и не пользовались эллинскими нормами жизни, и не почитали тех же самых богов, и не пользовались подобающими законами (чем особенно отличается эллинская природа от варварской), и не принимали других признаков эл-

линства и вообще чего бы то ни было эллинского, это доказывают живущие по берегам Понта ахейцы: элейцы по происхождению, то есть из глубин эллинства, являющиеся ныне самыми дикими из всех варваров» (I. 89. 4). Таким образом, происхождение ахейцев сходно с происхождением гениохов или тиндаридов – все они, по версии античных авторов, или потомки заблудившихся героев греческой мифологии, или подчиненные этими героями местные племена.

Как пишет Страбон, за Синдской областью «обитают ахейцы, зиги, гениохи, керкеты и макропогоны», а за гениохами находится Колхида (XI. II. 1). Эта локализация подтверждается им и в ином месте, и здесь же дается характеристика ахейцев: «после Синдской области и Горгишии, что на море, следует побережье ахейцев, зигов и гениохов, лишенное большей частью гаваней и гористое, так как оно является частью Кавказа. Эти народности живут морским разбоем, для чего у них есть небольшие, узкие и легкие лодки вместимостью приблизительно до 24 человек, редко – до 30; у греков они называются «камарами». Как говорят, эту Ахею заселили фтиотийские ахейцы из войска Иасона. ... Снаряжая флотилии таких «камар» и нападая то на купеческие корабли, то даже на какую-нибудь страну или город, они господствовали на море. Иногда им помогают даже жители Боспора, предоставляя свои корабельные стоянки, рынок для сбыта добычи. Когда они возвращаются в родные места, то при отсутствии корабельных стоянок им приходится на своих плечах переносить «камары» в леса, где они и живут, обрабатывая скудную землю. Когда же наступает время плавания, они снова несут свои лодки к берегу. Точно также поступают они и в чужих странах, где им хорошо известны лесистые места; там они прячут свои «камары», а сами пешком бродят днем и ночью, похищая людей для продажи в рабство. Похищенных они с готовностью предлагают отпустить за выкуп, извещая об этом после выхода в море их родных. В землях, подчиненных местным властителям, правители оказывают помощь жертвам насилия; они нередко в свою очередь нападают на разбойников и, захватив их «камары», приводят назад вместе с экипажем. Области, подчиненные римлянам, более бессильны против этого зла из-за небрежения посылаемых туда правителей» (XI. II. 12).

Впрочем, Страбон, объединяя в одном рассказе ахейцев, зигов и гениохов, сообщает, что «управляют ими так называемые «скептухи», а эти последние сами подвластны тиранам и царям». Вполне очевидно, что речь здесь идет о раннегосударственных образованиях. Страбон также сообщает, что, во время последнего похода Митридата Евпатора, понтийский царь легко прошел через землю гениохов, не смог пройти через область зигов, и обошел их «продвигаясь у моря», пока не прибыл в страну ахейцев, которые оказали ему всевозможную поддержку (XI. II. 13).

В дальнейшем Страбон снова дает локализацию ахейцев, причем не только свою (и Артемидора Эфесского), но и «историков митридатых войн, которые заслуживают больше доверия»: за Батами (современный г. Новороссийск) и побережьем керкетов, следует «побережье ахейцев – 500 стадий», потом «берег гениохов» и «Большой Питиунт». Напротив, по мнению «историков митридатых войн», за ахейцами вдоль побережья следуют зиги, гениохи, керкеты, мосхи и колхи. Как сказано географом, «все побережье ахейцев и остальных народностей вплоть до Диоскуриады и местностей, расположенных на прямой линии к югу от нее в глубине страны, лежит у подошвы Кавказа» (XI. II. 14).

По словам Страбона, Боспорский царь Перисад V (125-109 или ок. 140-111 гг. до н.э.) «был не в силах противиться варварам, которые требовали большей прежнего дани, и поэтому передал свою власть Митридату Евпатору» (VII.IV.4). Дискуссионным является вопрос, о давлении каких именно варваров на Боспор писал Страбон: со Скифским царством в Крыму отношения у Боспорского царства складывались неплохо и были практически союзническими, сарматы были сравнительно далеко. Скорее всего, речь идет о племенах современного Прикубанья (меоты) и северо-восточного берега Черного моря. Косвенно на это указывает и сам Страбон: «в этом проливе (современный Керченский пролив – А.С.), как передают, Неоптолем, полководец Митридата, летом разбил варваров в морском сражении, а зимой – в конной стычке» (VII.III.18). И о том же: «Ледяной покров же там, в устье Меотийского озера, столь крепок, что в какой-то местности зимой полководец Митридата одержал в конном строю победу над варварами, сражаясь на льду, впоследствии там же

летом, когда лед растаял, он разбил их в морском сражении» (II.I.16). Как вполне обоснованно предположил Ю.А. Виноградов, в морском сражении понтийскому флоту могли противостоять только керкеты, ахейцы, зиги, гениохи и иные приморские племена (2004, с.145-152). А.П. Воскресенский отметил, что, упоминая ахеев, зигов и гениохов в другом месте, Страбон пишет, что они живут «покочевничьи», так что они вполне могли иметь конное войско (2016, с. 83). Возможно, эти столкновения имели место между 95 и 85 гг. до н.э.

Еще перед началом Третьей Митридатовой войны (т.е. до 74 г. до н.э.), как пишет Аппиан (перв. пол. II в. н.э.), царь Понта Митридат VI Эвпатор «напав на живших севернее колхов ахейцев, которых считают заблудившимися при возвращении из Трои, и потеряв две трети своего войска в сражениях, от мороза и засад, ... возвратился назад» (67). С.Ю. Сапрыкин говорит о походе на ахейцев и гениохов, но в источнике о гениохах ничего не говорится. По мнению С.Ю. Сапрыкина, «в дальнейшем эти народы поняли бесперспективность сопротивления и, зажатые понтийцами между Боспором и Колхидой, признали протекторат Митридата Евпатора» (1996, с.178). Именно поэтому, в начале Третьей войны с Римом, ахейцы, как и гениохи, присоединились к войску Митридата (*App.Mithr.* 69). Аппиан, однако, в отличие от Страбона, пишет о сопротивлении, оказанном ахейцами Митридату во время его последнего похода вдоль берега Черного моря (65-64 гг. до н.э.): «он прошел через земли скифских племен, воинственных и враждебных, частью договариваясь с ними, частью принуждая их силою: так, даже будучи беглецом и в несчастьи, он вызывал к себе почтение и страх. Он прошел мимо гениохов, (дружески) принявших его; ахейцев же обратил в бегство и преследовал» (102). Митридат «совершил столь огромный путь в столь короткое время и прошел через столько диких племен и через так называемые «скифские запоры», до тех пор для всех непроходимые» (102).

Веллей Патеркул (I в. до н.э. – I в. н.э.) пишет о походе Гнея Помпея, преследующего Митридата, в земли ахейцев: «направил свое оружие к народам, обитающим по правую сторону Понта и вглубь от него: к колхам, гениохам и ахеям» (II. 40. 1). Впрочем, по другим источникам (Дион Кассий, II-III вв. н.э.),

Помпей «прошел через земли колхов и их соседей, действуя то убеждением, то страхом», но не двинулся дальше вдоль берега, «узнав здесь, что путь по материке идет через земли многих неизвестных и воинственных племен, а морской путь еще затруднительнее вследствие отсутствия гаваней в этой стране и суровости её обитателей» (XXXVI, 3, 2). Соответственно, «скифские ахейцы», наряду с гениохами, как свидетельствует Аппиан (116), были проведены в триумфе Помпея над Митридатом.

Как мы видим, различные источники по-разному оценивают позицию ахейцев – то ли выступивших против Митридата, то ли оказавших ему содействие. Кроме того, остается неясным, каким образом Митридат преодолел страну зигов: пробравшись вдоль кромки берега или пересев на небольшие судна. Маршрут по воде для достаточно крупного отряда («военная сила, бывшая еще при нем, была значительна»: Аппиан, 102). представляется менее вероятным, так как море в это время уже должны были патрулировать римские корабли.

Современный американский историк А. Мэйор в своей более чем поверхностной (и, скорее, псевдонаучной) книге предположила, ссылаясь на «античные свидетельства и географические условия» (понимаемые ею очень превратно), что Митридат перешел в Боспор через Центральный Кавказ, где она и видит пресловутые «Скифские запоры» (2015, с.403-411). Как мы видели, это абсолютно противоречит информации античных источников. Не говоря уж о том, что для перехода через Дарьял (Крестовый перевал), как и через другие перевалы Центрального Кавказа (Рокский, Мамисонский), Митридату было бы необходимо вернуться к р. Фасис и двинуться практически навстречу армии Помпея. Иностранный автор полностью путается в географии (2015, с.410-411), считая, что Митридат мог пройти сначала через Мамисонский, потом через Рокский, а после него через несуществующий Дарьяльский (?) перевал (т.е. Митридат блуждал взад-вперед по перевалам Большого Кавказа). Кроме того, тот же Геродот нигде не называет какие-либо перевалы Центрального Кавказа «скифскими запорами», перенесение данного названия на эти перевалы является искусственной конструкцией. «Скифскими племенами» античные авторы

неоднократно называли не только собственно скифов Северного Причерноморья, но и многие другие народы Евразии (к примеру, халибов).

Критические замечания в адрес фантазий американского историка были высказаны А.П. Воскресенским (2016, с.80-81). По его мнению, путь Митридата на Боспор пролегал, конечно же, по побережью, но вряд ли был исключительно сухопутным (2016, с.86). Им предлагается несколько иной перевод соответствующего пассажа Страбона: «идти через землю зигов он отказался из-за труднопроходимости [земли] и [их] дикости, и с трудом шел вдоль побережья, передвигаясь в основном по морю, пока не пришел в [землю] ахеев. С их помощью он завершил путь от Фасиса, [составивший] немногим менее 4000 стадиев» (XI.II.13) (2016, с.80). О обоснованности нового перевода предоставим судить специалистам. Таким образом, по мнению А.П. Воскресенского, гениохи и ахейцы помогли Митридату, предоставив ему лодки-камары (2016, с.86).

О подчинении ахейцев (здесь они названы «инахийцами») царю Боспора Котису I (44-67 гг. н.э.) свидетельствует надпись: «Этот обильно льющийся источник явила доблесть сына Аспурга, благочестивого Котиса, вознесшего старинную славу земли и предков и владеющего всеми скипетрами инахийцев» (КБН 958). Предполагается, что речь здесь идет о «скипетродержателях» - скептухах (Корпус боспорских надписей, 1965, с. 541-542).

Помпоний Мела (середина I в. н.э.) упоминает ахеев (I. 13) и помещает их, перечисляя племена Черноморского побережья с юго-востока на северо-запад, среди «диких и грубых племен, расселившихся широко вдоль моря», между меланхленами, торетами, шестью Коликами, кораксиками, фтирофагами и гениохами, с одной стороны, и керкетиками и синдонами, с другой стороны (I. 110). Во второй половине I в. н.э. Плиний Старший на побережье Черного моря между Диоскуриадой (Сébastополем) и Гераклеей (район современного Сочи-Адлера) называет племена ахеев, мардов, керкетов, «за ними» серров (сераков) и кефалотомов (VI. 16). В другом месте Плиний Старший указывает, что между суанами и Понтом живет «множество гениохийских и потом ахейских племен» (VI. 30). Таким образом, можно предполагать, что во времена Плиния Старшего ахейские племена переме-

стились несколько на юго-восток, в район современной Пицунды. Как указывает Птолемей (II в. н.э.), «вдоль Понта – ахеи, керкеты, гениохи и сванноколхи» (V. 8. 17-25). Ахеев (агеев) называет «Космография» Равеннского Анонима рубежа VII-VIII вв. н.э., наряду с таврами и неврами (Подосинов А.В., 2002, с.192,242-243,250). Ахейцев упоминает также Певтингерова карта (изготовлена в конце XII – начале XIII вв., данные восходят к первым векам н.э.) (Segm. IX.1; Подосинов А.В., 2002, с.359).

По словам Дионисия Перизгета (перв. пол. II в. н.э.), вновь обращающегося к легендам о происхождении ахейцев, вблизи Черного моря живут «керкетии, тореты и сильные ахейцы, которых некогда дуновения Нота и Зефира унесли от Ксанфа и идейского Симоента, когда следовали они с войны за воинственным царем» (682-685). Митрополит Фессалоникский Евстафий (втор. пол. XII в.) в Комментариях к «Землеописанию» Дионисия Перизгета уточняет: ахейцев «южный и юго-западный ветер, отделив, т.е. отдельно от других, далеко занеся и отрезав, пригнали туда; они тогда следовали за царем Ареатидом, т.е. Пелопсовым сыном Агамемноном, которого он называет Ареатидом, т.е. ведущим род от Ареса, по дочери Ареса Гипподамии, которую Пелопс, предок Агамемнона, взял в замужество. Другие же говорят, что эти ахейцы следовали за царем Ареатидом, т.е. воинственным Ахиллом, разбойничая под его предводительством, а еще вероятнее, говорят, они последовали за Иолменом, сыном Ареса, царем аспледонцев; были же они орхоменяне. Географ же говорит, что после похода Ясона в Колхиду фтиоты-ахейцы заселили азиатскую Фтию... Иные же под царем Ареатидом подразумевали Помпея, который в союзе со скифами, с которыми были заодно и эти ахейцы, вел междоусобную войну с Цезарем». Таким образом, учитывая локализацию Ксанфа (Скамандра) и Симоента в Троаде, переселение ахейцев на берега Черного моря иногда увязывается с Троянской войной.

Приблизительно эту же информацию дает Руфий Фест Авиен (вторая половина IV в. н.э.) в «Описании земного круга»: за керкетами и торетами находятся ахейцы, которые «от берегов Ксанта и от идейского Симоента перевезли своих ларов в обуреваемые ветрами каменистые долины», а за ними живут гениохи и зиги.

Видимо, еще в классический период, за ахейцами, наряду с гениохами, закрепились слава безжалостных пиратов. Напомним слова Аристотеля (IV в. до н.э.) в «Политике»: «есть много народов, склонных к убийству и людоедству, как, например, из числа припонтийских, ахейцы и гениохи, а равно и другие племена из живущих на материке, одни подобно этим, а другие еще больше их; они ведут разбойничий образ жизни, но храбростью не отличаются» (VIII, 4, 4). В считающемся фальшивкой письме Диогена (конец V – IV вв. до н.э.) «К синопцам» говорится: «вы будете иметь общение с гениохами и ахейцами, людьми из враждебного панэллинам племени». Диодор Сицилийский (вторая половина I в. до н.э.) сообщает о борьбе с пиратами боспорского царя Эвмела (310/309–304/3 гг. до н.э.): «Для защиты плавающих по Понту он вступил в войну с варварскими народами, обыкновенно занимавшимися пиратством – гениохами, таврами и ахеями, и очистил море от пиратов, за что и получил самый лучший плод благодеяния – похвалу не только в своем царстве, но почти по всей вселенной, так как торговые люди повсюду разнесли молву о его великодушии. Он присоединил значительную часть соседних варварских земель и доставил своему царству гораздо большую, чем прежде, известность. Он задумал было вообще покорить все племена, окружающие Понт, и скоро привел бы в исполнение свой замысел, если бы скоропостижная смерть не пресекла его жизни» (XX, 25). О дикости (жестокости) ахейцев писал и Дионисий Галикарнасский (кон. I в. до н.э.). Публий Овидий Назон (43 г. до н.э. – 17/18 г. н.э.) также объединяет в этой связи гениохов и ахейцев: «Какой бы лай ни подняли чудовища из обрубленного паха Сциллы, все же гениохские корабли причинили морякам больше вреда. Ты не можешь сравнить и Харибду с враждебными ахейцами, хотя она трижды изрыгает трижды выпитую морскую воду. Хотя [эти племена] свободнее плавают в правой части [Понта], и эта сторона не безопасна от них» (Послание IV, 10 «К Альбиновану Педону», 25–30). Показательно, что название соседствующего с ахейцами племени кефалотомов (Плиний Старший) переводится с греческого как «головорезы».

Аппиан (перв. пол. II в. н.э.) в связи с последним походом Митридата VI Эвпатора,

также пишет о происхождении и о нравах ахейцев: «говорят, что когда ахейцы возвращались из-под Трои, они бурей были занесены в Понт и много страдали от варваров, как эллины; они послали на родину за кораблями, но так как на них не обратили никакого внимания, они рассердились на все эллинское племя и всех эллинов, которых брали в плен, они стали убивать по обычаю скифов, – сначала в гневе, всех, с течением же времени только самых красивых из них, а потом тех, на кого падет жребий. Вот что рассказывают о скифских ахейцах» (102). Почти что аналогичная версия излагается Аммианом Марцеллином (333–391 гг. н.э.): от гениохов «немного отделены ахейцы, которые по окончании какой-то более древней войны под Троей (не той, которая велась из-за Елены), по словам некоторых писателей, были занесены во время странствий в Понт противными ветрами, и так как все туземцы встретили их враждебно и они нигде не могли найти места для постоянного жительства, то поселились на вершинах гор, покрытых вечным снегом; под влиянием страшно тяжелого климата они и сами приучились сопряженным с опасностями грабежом добывать себе средства к жизни и вследствие этого потом сделались в высшей степени дикими и свирепыми» (8, 20). По словам Псевдо-Арриана (V в. н.э.), «от керкетов же соседнюю с ними землю занимают ахейцы, которые, как говорят, будучи эллины родом, оварварившись, называются ахейцами. Ибо, говорят, есть предание, что некогда орхоменская дружина Иалмена, плывя на всех судах от Илиона, под действием танаисского ветра против воли попала в Понтийскую варварскую страну; поэтому-то они, говорят, преданы чужеземным обычаям и беззаконны и по нравам более всех суровы к эллинам. (Ахейцы) многочисленны и враждебны керкетам» (65). На те же источники опирается Присциан (вторая половина V – начало VI вв. н.э.): за керкетами живут «дикие ореты (т.е. тореты – А.С.) и ахейцы, которые после войны с троянским народом, следуя за победоносными знаменами царя Аскалафа, были разбросаны ветрами и прибыли на эти побережья».

В дальнейшем ахейцы приняли участие в формировании раннесредневековых племен и народностей Черноморского побережья Кавказа. Как сказано в Перипле Псевдо-Арриана

(V в. н.э.), «от гавани Пагры до Старой Ахеи прежде жили так называемые ахейцы, а ныне живут зихи» (61).

Как считал Г.А. Меликишвили, «перед нами довольно расплывчатое название и, поэтому, племена, подразумевающиеся в одном случае под названием «ахейцев», в другом случае могли фигурировать (и, вероятно, на самом деле фигурировали) под другими названиями» (1959, с.91). Данное заключение вряд ли обоснованно, так как локализация ахейцев достаточно четко определена в источниках, а шлейф тянувшихся за ними мифологических параллелей и реминисценций не свойствен никакому другому племени. Крайне сомнительны утверждения о связи ахейцев и упоминаемых в хеттских источниках ахийява. Как предположил Ф.В. Шелов-Коведяев, не аргументируя свою гипотезу, название племен ахейцев может свидетельствовать об их родстве с современными абхазами (Шелов-Коведяев Ф.В., [Скилак Кариандский]..., 1988, с.266) Впрочем, Ш.Д. Инал-Ипа приводил ряд аргументов (топонимика, антропонимика) в пользу сближения ахейцев и абхазов (1976, с.188-189). Некоторые авторы относили ахейцев к «грузинскому миру» (см. Гамахария Д., 2009, с.75). Археологическая идентификация ахейцев более чем затруднительна, тем более, что данный район (современные Архипо-Осиповка, Джубга, Новомихайловский) изучен недостаточно хорошо.

Кроме того, источники знают населенный пункт Старую Ахею («деревня Ахея» у Птолемея в V. 8. 8 и Старая Ахея у Арриана, 28 и в Перипле Псевдо-Арриана, 58-60), город Акбеон или Ахеон («Космография» Равеннского Анонима рубежа VII-VIII вв. н.э., а также Певтингерова карта, Segm. IX. 2) (Подосинов А.В., 2002, с.189, 242-243, 360), и реку Ахеунт (Арриан, 27-28; Перипл Псевдо-Арриана, 56). «Деревня Ахея» размещена между Батами (современный Новороссийск) и мысом Торетским (район древнего Торика – современный Геленджик). Река Ахеунт (или Басий, по Псевдо-Арриану), доступная для судов, отделяла земли зилхов (зихов, зигов) и санигов, локализуется в районе современного г. Сочи. Старая Ахея, согласно Псевдо-Арриану, находилась на реке «ныне называемой Топсида» (58). Точная локализация этих населенных пунктов и гидронима затруднительна. Известна также Гавань Ахейцев близ Ольвии (Плиний, IV, 83).

КЕРКЕТЫ – племя на северо-восточных берегах Черного моря².

Название происходит от греческого слова, обозначающего «особое кормовое весло», производного от слова «хвост» (Тохтасьев С.Р., 2017, с.143). Вероятно, здесь мы имеем дело с грецизацией местного этнонима (Там же). Впервые упоминаются Псевдо-Скилаком Кариандским (30-е гг. IV в. до н.э., некоторые сведения второй половины V – первой половины IV вв. до н.э.) – перечислив в области синдов полисы Фанагория, Кепы, Синдская Гавань (позже Горгиппия, совр. Анапа), Патунт (или Баты, район совр. Новороссийска), он называет керкетов: «73. Керкеты. А за Синдской Гаванью – керкеты. 74. [Тореты. После же керкетов тореты] и греческий полис Торик и гавань». Можно сделать вывод о локализации керкетов между синдами и торетами и об их связи с синдами, в состав племенного объединения которых они могли входить (так как керкеты проживали за Синдской Гаванью, а находящийся также за ней полис Патунт относился еще к области синдов). Псевдо-Скимн (II в. до н.э.) называет керкетов или торетов (справедливый и занимающийся морским делом народ) между синдами и ахеями (f. 18).

В сохранившемся фрагменте из сочинения Палефата (IV в. до н.э.) «О Троянской войне» говорится: «к керкетам примыкают мосхи, и хариматы владеют Парфением до Эвксинского Понта» (VII, фр.1). Соответственно, керкеты здесь локализованы рядом с мосхами. Аналогичную, хотя и столь же невнятную локализацию мы видим в сохранившемся фрагменте «Оснований народов и городов» Гелланика Митиленского (V в. до н.э.): «выше керкетов живут мосхи и хариматы, ниже гениохи, а выше кораксы» (fr. 109). Впрочем, достоверность этих отрывков, дошедших до нас исключительно благодаря Стефану Византийскому (VI в. н.э.), неоднократно ставилась под сомнение (в частности, по мнению Г.А. Меликишвили (1959, с.87), эти сообщения «более позднего времени»).

Страбон (I в. до н.э. – I в. н.э.) за Синдской областью называет ахейцев, зигов, гениохов, керкетов и макропогонов, при этом за генио-

² Подробный очерк о керкетах и торетах, с привлечением практически всего доступного материала, был опубликован А.М. Новичихиным (2016). Тем не менее, некоторые акценты мы с ним расставляем по-разному.

хами находится Колхида (XI. II. 1). Затем, несколько раз повторяя похожее перечисление племен, Страбон исключает из него керкетов и макропогонов. Но далее, с ссылкой на Артемидора Эфесского (ок. 100 г. до н.э.), после Синдской гавани и Бат помещается «побережье керкетов (где есть корабельные стоянки и селения) длиной почти в 850 стадий» (XI. II. 14), затем следуют «побережье ахейцев» и «берег гениохов». Тем не менее, как уточняет географ, «историки митридатовых войн, которые заслуживают больше доверия» (и являются более поздними), перечисляют, следуя вдоль побережья с северо-запада на юго-восток, сначала ахейцев, зигов, гениохов, потом керкетов, за ними мосхов и колхов (XI. II. 14). Есть также предположение, что упомянутые Страбоном (XII. III. 18) «аппеты (или аппаиты – А.С.), раньше называвшиеся керкитами» и живущие вблизи Трапезунта, Фарнакии, земель тибаренов, халдеев и санов, могут быть связаны с керкетами, часть которых, в таком случае, переселилась на южный берег Черного моря (Ельницкий Л.А., 1961, с.187-188). С другой стороны, С.Р. Тохтасев считал, что здесь «всего лишь омонимия с кавказскими керкетами/керкитами, если чтение вообще не искажено» (2017, с.142).

Плиний Старший (23 или 24 г. н.э. – 79 г. н.э.) за Диоскуриадой и Гераклеем (район современного г. Сочи), то есть следуя с юго-востока на северо-запад, размещает ахеев, мардов, керкетов, за ними сераков (серров-?) и кефалотомов (VI. 16). Как указано далее, «на берегу близ керкетов [находятся] река Икар, ахеи с городом Гиер и [одноименной] рекой в 136 милях от Гераклея; затем [следует] мыс Круны, за ним крутую возвышенность занимают тореты», далее же находится государство или город Синдика (VI. 17). Кроме того, на реке Фасис Плиний Старший помещает город Киркей (VI. 13), но его название, вероятно, связано не с керкетами, а с мифической богиней Киркой. Помпоний Мела (середина I в. н.э.), также следуя с юго-востока на северо-запад, среди «диких и грубых племен, расселившихся широко вдоль моря», перечисляет кораксиков, фтирофагов, гениохов, ахеев, затем керкетиков, «и уже в сопредельной с Меотидой [местности] – синдонов» (I. 19. 110). Помпоний Мела упоминает керкетов (?) еще в одном месте своего сочинения, наряду с мосхами (I. 3. 13), но географическая локали-

зация здесь затруднена, а сама конъектура (м.б. корситы-?) вызывает сомнения (Помпоний Мела, 2017, с.37,96). Дионисий Перизетт (I-II вв. н.э.) называет керкетов между, с одной стороны, синдами и киммерийцами (что является анахронизмом), с другой стороны – торетами и «сильными ахейцами» (v. 682). Клавдий Птолемей (ок. 90-168 гг. н.э.) говорит о «заливе Керкетида» между Батами и деревней Ахея (вероятно, идентична Старой Ахее), с северо-запада, и городом Таз (?), «мысом Торетским», городом Амписалида (традиционно, но предположительно локализуется на месте пос. Головинка, устье р. Шахе), рекой Бурка (обычно идентифицируется с р. Боргис и совр. р. Мзымта) (Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т., 1991, с.21) с юго-востока (V. 8. 8). Далее Клавдий Птолемей вновь называет керкетов, помещая их между гениохами и свано-колхами (V. 8. 17-25).

Отметим, что в «Перипле» Арриана (131/132 г. н.э.) керкеты отсутствуют. Руфий Фест Авиен (вторая половина IV в. н.э., пользовался более ранними источниками) локализует «племя керкетское» и «род торетов» «вблизи» киммерийцев и синдов, перед ахейцами и гениохами (866-867). Таким образом, здесь он всецело следует за Дионисием Перизеттом. Эту же традицию еще позже мы встречаем у Присциана (вторая половина V – начало VI в. н.э.): «синды и киммерийцы; за ними керкетии, возле которых волнуются глубокие воды Аксена; также дикие ореты и ахейцы» (v. 663). За Дионисием Перизеттом следует и византийский автор Никифор Влеммид (XIII в.). По словам Аммиана Марцеллина (333-391 гг. н.э.), о керкетах, которые живут рядом с ахейцами, «не рассказывается ничего достопримечательного» (XXII, 8, 25). Юлий Гонорий (вернее, его ученик) в «Космографии» (вероятно, V в. н.э.) называет «племя керкетов» после савроматов, перед гениохами и колхами (A, 38). В поэме «Поход аргонавтов» Псевдо-Орфея (IV в. н.э.) также говорится о «племени мужей керкетских и гордых синдов, которые жили посреди Харандийских ущелий у Кавказского хребта в узкой Эритии» (v. 1020-1054). Как отмечено в компилятивном «Перипле» Псевдо-Арриана (V или вторая половина VI в. н.э.), «от Синдской гавани до гавани Пагры (помещают в Геленджикской или Новороссийской бухтах – А.С.) прежде жили народы, называвшиеся керкеты или ториты, а

ныне живут так называемые эвдусианы (или эвлусианы, их идентифицируют с гуннами-утургурами, готами, либо с сармато-аланами, при этом Синдская гавань - Горгиппия получила название Эвдусия – А.С.), говорящие на готском или таврском языке» (63). Далее у Псевдо-Арриана указывается (это искаженный пересказ перипла Псевдо-Скимна), что «за синдами же находятся керкеты, называемые также торитами, справедливый и добрый народ и весьма опытный в мореходстве. От керкетов же соседнюю с ними землю занимают ахейцы», многочисленные и враждебные керкетам (65). Таким образом, Псевдо-Арриан, во-первых, в отличие от большинства авторов отождествляет керкетов и торетов, во-вторых, один из его источников относит проживание керкетов и торетов в данном регионе исключительно к прошлому.

Керкеты упоминаются и Гезихием Александрийским (V в. н.э.) в его «Лексиконе»: «керкеты – народ синдский (индский-?)». Это указание, наряду с рядом созвучий в антропонимике и топонимике, стало основанием для пространной гипотезы об индоариях в Северном Причерноморье (Трубачев О.Н., 1999; Шапошников А.К., 2005). Как справедливо заметил С.Р. Тохтасев, «как никому не придет в голову принимать на веру слова «Скифы: фракийский народ» в эпитоме Стефана s.v. Σκύθαι, так не должно быть и бездумной веры в квалификацию керкетов как индийского народа в этом очень непростом для интерпретации источнике» (2017, с.182).

В «Космографии» Равеннского Анонима (вторая половина VII – начало VIII в.) страна «Киркеон» (керкетов) помещена между странами «Колхия» (колхов) и «Меланглинон» (меланхленов) (IV, 4). Chireoe (или Chircoe) фигурируют и на «Певтингеровой карте» (изготовлена в конце XII – начале XIII вв., данные восходят к первым векам н.э.), вблизи санигов, аорсов и ахейцев (Segm. IX, 1) (Подосинов А.В., 2002, с.193, 261-262, 359).

По сути, именно к Псевдо-Арриану восходит отождествление керкетов и торетов, до сих пор часто встречающееся в научной литературе (В.П. Шилов, О.Н. Трубачев, А.В. Дмитриев, А.А. Малышев, А.М. Новичихин и др.) (см., к примеру: Шилов В.П., 1950, с.116; Трубачев О.Н., 1999, с.24; Дмитриев А.В., 2004, с. 71; Новичихин А.М., 2006, с. 77; Дмитриев А.В., Малышев А.А., 2009; Новичихин А.М., 2016;

об этом: И.Б. Брашинский, 1968, с.64). По давнему мнению Л.И. Лаврова, после II в. н.э. «тореты вошли в состав керкетского племени и поэтому исчезло основание признавать их отдельным народом» (1954, с.202). Существует также предположение о том, что торетами могли именоваться керкеты, проживающие в окрестностях города Торик (Шелов-Коведяев Ф.В., [Скилак Кариандский]..., 1988, с. 266; Суриков И.Е., 1999, с.109). С.Р. Тохтасев, не желая углубляться в «разноголосицу» по вопросу о месте проживания керкетов, допустил, что «один этноним является самоназванием, а другой – иноназванием» (2017, с.145). Н.А. Онайко помещала керкетов в районе г. Баты (современный г. Новороссийск), а торетов – в районе г. Торика (современный г. Геленджик) (1980, с.104). А.М. Новичихин (как и, ранее, А.В. Дмитриев) связал с керкетами-торетами ряд могильников VI-V вв. до н.э. в районе Новороссийска (Лобанова щель и Шесхарис) (Новичихин А.М., 2006, с.78). Отметим, что ряд источников, как мы видели, прямо противоречит данной локализации и атрибуции. В другой работе А.М. Новичихин, не отказываясь от этой атрибуции археологических памятников, справедливо отмечает, что «вычленив могильники керкетов и торетов из общего массива «каменных могильников» Северо-Восточного Причерноморья достаточно сложно. Отнесение местных некрополей к указанным племенам основывается исключительно на ... представлениях исследователей о древней этногеографии региона» (Новичихин А.М., 2016, с. 36).

Как мы видим, локализация керкетов неустойчива, они размещаются или в районе Бат (Патунт, современный Новороссийск), между Батами и Ториком (современный Геленджик), либо значительно далее на юго-восток, в районе между современными Туапсе и Сочи. По мнению А.В. Подосинова и его коллег, комментировавших издание Помпония Мелы, «территория керкетов находилась, по видимому, между рекой Нечепсухо и совр. г. Новороссийском» (Помпоний Мела, 2017, с.147). Эти нестыковки позволяли сделать вывод о перемещениях ряда племен, в том числе, керкетов, в первой четверти I в. до н.э. Согласно этой гипотезе, в 100-75 гг. до н.э. произошло вторжение джиков (зихов или зигов) из верховьев Кубани в область керкетов, что привело их в движение, следствием чего стало по-

явление керкетов и гениохов на территории Колхиды, в том числе, на южном берегу Черного моря. По мнению С.Ю. Сапрыкина, переселение зигов на Северный Кавказ привело в движение ахеев, которые заняли земли керкетов, которые, в свою очередь, «переселились на земли южнее гениохов или, наоборот, гениохи захватили часть их прежней земли обитания» (2018, с.433). По этой концепции залив Керкетида Птолемея находится на месте нового расселения керкетов. Л.И. Лавров считал, что племя керкетов было вытеснено в IV в. н.э. готами в Закубанье, к верховьям Лабы (1954, с.202).

Николай Дамасский (I в. до н.э.) в «Своде странных обычаев» упоминает керкетов: «керкеты совершивших какое-либо преступление устраняют от священнодействий; если кто, управляя лодкой, ошибется, то все подходят один за другим и плюют на него» (17). У Зенобия (II в. н.э.) также говорится о странных обычаях керкетов: «у керкетеев работники носят товары, пока кто-нибудь не купит их». Квинт Курций Руф (I в. н.э.), рассказывая о походе Александра Македонского по Гиркании (северо-западный Иран), среди народов Закавказья, живущих «слева» от пути движения войска, несколько неожиданно, наряду с моссинами и халибами, называет керкетов (VI. 4. 17).

Как отмечал И.С. Каменецкий, принадлежность керкетов к меотам «достаточно вероятна» (2011, с.341). Традиционно (Л.Г. Лопатинский, ранние работы Л.И. Лаврова, Г.А. Меликишвили, Е.И. Крупнов, Ш.Д. Инал-Ипа и др.) «керкетов» сопоставляли с позднейшим этнонимом «черкесы», несмотря на почти 800 лет, разделяющих их существование (см. Озова Ф.А., 2014, с.123-124). Вполне обоснованно в этом отождествлении усомнилась Н.Г. Волкова, по ее словам, «в отношении этнонима керкеты следует сказать, что остаются неясными и характер термина (его языковая принадлежность), и сущность этноса, соотносившегося с этим именем» (1973, с.23). Сомнения высказывали и О.Н. Трубачев (1999, с.24), И.С. Каменецкий (2011, с.340), А.М. Новичихин (2016, с.36) и др. При этом, однако, Г.А. Меликишвили допускал, что «название «керкет» могло возникнуть на основании местного названия западногрузинских племен – «егр» (1959, с.89). В дальнейшем его поддержал ряд других грузинских авторов (Д. Гамахария и

др.), связывающих керкетов с «грузинским миром» (Гамахария Д., 2009, с.72). В наше время устаревшую гипотезу об отождествлении этнонимов «керкеты» и «черкесы» вновь поддержали В.П. Буданова (2000, с.249), А.Ю. Виноградов, А.В. Подосинов и его коллеги, комментировавшие издание Помпония Мелы («возможно, что от керкетского этнонима происходит современное название «черкесы»») (Помпоний Мела, 2017, с.147). В.М. Аталиков связывает «керкетов» с черкесским племенем «черченей» (Античные источники о Северном Кавказе..., 2004, с.270). По мнению А.В. Дмитриева, керкеты были родственны более поздним нутхайцам. Существует версия (И.Б. Анкваб) и об абхазской этимологии этнонима керкеты. Можно сделать вывод, что этническая принадлежность древних керкетов до сих пор остается загадочной.

Достаточно часто керкетов относят к числу «разбойничьих ахейско-гениохийских племен» (Ельницкий Л.А., 1961, с.188). Как видим, ничего в античных источниках на это не указывает, если только не учитывать слова об «управлении лодкой», то есть о мореплавании, а также об их опытности в мореходстве. Проживая в непосредственной близости к античным полисам, керкеты вряд ли могли остаться вне их культурного влияния и вне политического воздействия Боспорского царства. Показательно, что керкеты, судя по источникам, в отличие от ахейцев и гениохов, не приняли активного участия в Митридатовых войнах. При всем том керкеты, в отличие от торетов, не фигурировали в титулатуре царей Боспора, то есть их земли не входили в состав Боспорского царства. В этом случае у ряда исследователей сомнения вызывает уверенная локализация керкетов в районе Новороссийска, а торетов – в районе Геленджика, так как, в этом случае, подчинить земли торетов при сохранении независимости керкетов боспорским царям было бы затруднительно (Дмитриев А.В., 2004, с.72; Новичихин А.М., 2016, с.34).

Ю.Н. Воронов (вслед за Л.А. Ельницким) связал этноним «керкеты» с мифологическим образом сестры Ээта Кирки, с возницей Диоскуров Керкием, от которого произошло племя гениохов (Ельницкий Л.А., 1961, с.156), с Киркейской равниной, по которой, по словам Дионисия Перизгета, течет река Фасис (Воронов Ю.Н., 2016, с.27). Эти отождествления кажутся

не вполне обоснованными, так как Киркейская равнина, безусловно, связана с мифологической Киркой, но вот связана ли последняя с керкетами – остается под большим вопросом.

ТОРЕТЫ – племя на северо-восточных берегах Черного моря.

Впервые упоминаются Псевдо-Скилаком Кариандским (30-е гг. IV в. до н.э., часть сведений восходит ко второй половине V – первой половине IV вв. до н.э.) – перечислив в области синдов полисы Фанагория, Кепы, Синдская Гавань (позже Горгиппия, современная Анапа), Патунт (или Баты, район современного Новороссийска), затем племя керкетов за Синдской Гаванью, он называет торетов: «74. [Тореты. После же керкетов тореты] и греческий полис Торик и гавань. 75. А за торетами - ахайи». За ахайями же размещаются у этого автора гениохи, далее – кораксы. Можно сделать вывод о локализации торетов между керкетами и ахайями (ахейцами) и об их связи с «греческим полисом Ториком». Впрочем, как отмечал комментатор текста Ф.В. Шелов-Коведяев, начало параграфа испорчено, и не исключено, что торетов автор считал частью керкетов (1988, с.266). Псевдо-Скимн (II в. до н.э.) называет керкетов или торетов («справедливый и занимающийся морским делом народ») между синдами и ахейями (f. 18).

Страбон (I в. до н.э. – I в. н.э.) относит «торетов» к числу меотских племен, наряду с синдами, дандариями, аграми и аррехами (XI. II. 11). Не считая этого упоминания, тореты у Страбона и у его источников - Артемидора Эфесского (ок. 100 г. до н.э.) и «историков митридатых войн, которые заслуживают больше доверия» - не фигурируют (на что уже обращал внимание И.С. Каменецкий: 2011, с.163).

По словам Плиния Старшего (23 или 24 г. н.э. – 79 г. н.э.), «на берегу близ керкетов [находятся] река Икар, ахеи с городом Гиер и [одноименной] рекой в 136 милях от Гераклея; затем [следует] мыс Круны, за ним крутую возвышенность занимают тореты», далее же (от Гиера и реки Сехерий) находится государство или город Синдика (VI. 17). В данном случае описание идет с юго-востока на северо-запад. Помпоний Мела (середина I в. н.э.), также следуя с юго-востока на северо-запад, среди «диких и грубых племен, расселившихся

ся широко вдоль моря», называет меланхленское, торетское (странным образом, А.М. Новичихин не использует это упоминание торетов), затем «шесть Колик», кораксиков, фтирофагов, гениохов, ахеев, керкетиков и синдов (I. 110). Здесь, таким образом, тореты перемещены приблизительно в район современного г. Сочи.

Тореты, как и керкеты, судя по источникам, в отличие от ахейцев и гениохов, не приняли активного участия в Митридатых войнах. При этом они упоминаются в титулатуре боспорских царей Левкона I (правил в 389/8 - 349/8 гг. до н.э.) («царь синдов, торетов, дандариев, псессов», «архонт Боспора, Феодосии и синдов и царе торетов, дандариев, псессов», «архонт Боспора и Феодосии и царь синдов, торетов и дандариев» и т.д.), Перисада I (349/8 – 311/10 гг. до н.э.) («архонт Боспора и Феодосии и царь синдов и торетов»), Аспурга (10/11 – 37/8 гг. н.э.) («царствующему над всем Боспором, Феодосией, синдами, меотами, тарпитами, торетами, псесами и танаитами, подчинившему скифов и тавров») (КБН, 6, 6а, 39, 40, 1014, 1037, 1038, 1042). И.С. Каменецкий предполагал, что Левкон I в конце своего правления потерял власть над псессами, а также дандариями или торетами, но в начале правления Перисада I эти два племени были снова покорены (2011, с.179). Как считают исследователи, в дальнейшем тореты в надписях больше не фигурируют, подразумеваясь в числе «всех майтов» (меотов) – как предполагается, торетов, дандариев и, возможно, псессов (Каменецкий И.С., 2011, с.181). Возникают также вопросы – как соотносятся упоминаемые в надписях и у Страбона в перечислении меотских племен (XI.II.11) тарпеты с соседствующими с ними торетами (Каменецкий И.С., 2011, с.184).

Дионисий Периэгет в «Описании ойкумены» (между 117 и 138 гг. н.э.) называет торетов между, с одной стороны, синдами, киммерийцами (что является анахронизмом) и керкетами, с другой стороны – «могучими ахейцами», гениохами и зигами (v. 682.). Клавдий Птолемей (ок. 90-168 гг. н.э.) говорит о «мысе Торетском» между Батами, деревней Ахея (вероятно, идентична Старой Ахее), «заливом Керкетиды», городом Таз (?) с северо-запада, и городом Амписалида (пос. Головинка, устье р. Шахе), рекой Бурка (р. Боргис и совр. р. Мзымта) с юго-востока (V. 8. 8).

В «Перипле» Арриана (131/132 г. н.э.) тореты отсутствуют. Руфий Фест Авиен (вторая половина IV в. н.э., пользовался более ранними источниками) локализует «племя керкетское» и «род торетов» «вблизи» киммерийцев и синдов, перед ахейцами и гениохами (v. 867). Как видим, здесь он всецело следует за Дионисием Перизетом. Эту же традицию еще позже мы встречаем у Присциана (около 500 г. н.э.): «синды и киммерийцы; за ними керкетии, возле которых волнуются глубокие воды Аксена; также дикие ореты и ахейцы» (v. 663). За Дионисием Перизетом следует и византийский автор Никифор Влеммид (XIII в.): «За савроматами живут синды, киммерийцы и племена, близкие к Евксинскому Понту, керкетийцы, ореты и могущественные еллины, довольно многочисленные». Упоминает также торетов Элий Геродиан (II в. н.э.) во фрагментарно сохранившемся труде «Об общей просодии» (III.73.9). Крайне сомнительно, что в «Аргонавтике» Валерия Флакка (вторая половина I в. н.э.) тореты упомянуты как «торины». Стефан Византийский (первая половина VI в. н.э.) говорит о «торетах – народе понтийском», ссылаясь на вторую книгу сочинения Аполлодора «О земле». Как отмечено в компилятивном «Перипле» Псевдо-Арриана (V или вторая половина VI в. н.э.), «от Синдской гавани до гавани Пагры (помещают в Геленджикской или Новороссийской бухтах – А.С.) прежде жили народы, называвшиеся керкеты или ториты, а ныне живут так называемые эвдусианы, говорящие на готском или таврском языке» (63). Далее у Псевдо-Арриана указывается (это искаженный пересказ перипла Псевдо-Скимна), что «за синдами же находятся керкеты, называемые также торитами, справедливый и добрый народ и весьма опытный в мореходстве» (65). Итак, Псевдо-Арриан, во-первых, в отличие от большинства авторов отождествляет керкетов и торетов, во-вторых, один из его источников относит проживание керкетов и торетов в данном регионе исключительно к прошедшему времени. По мнению Л.И. Лаврова, тореты после II в. н.э. «вошли в состав керкетского племени, и поэтому исчезло основание признавать их особым народом» (1954, с.202).

По другой версии, керкеты и тореты приблизительно до II-I вв. до н.э. расселялись от Новороссийска до Геленджика или даже далее, до района современных Джубга-

Новомихайловское (Сапрыкин С.Ю., 2018, с.434). В результате масштабного перемещения племен земли торетов и керкетов заняли ахеи, зиги и гениохи, а «тореты в I в. переместились ближе к Боспору и признали власть царя Аспурга».

Именно к Псевдо-Арриану восходит отождествление керкетов и торетов (В.П. Шилов, И.Б. Брашинский, О.Н. Трубачев, А.А. Малышев, А.М. Новичихин и др.). По другой версии, торетами могли именоваться керкеты, проживающие в окрестностях города Торик (Ф.В. Шелов-Коведяев, И.Е. Суриков), или же жители античного города Торика и его хоры (А.В. Дмитриев). Как считает И.Е. Суриков (1999, с.109), название города Торика «не может происходить от обитавшего в этих местах племени торетов» (противоположного мнения придерживалась Н.А. Онайко (1980, с.104): «Торик и мыс Торетский, которым может быть Тонкий мыс Геленджикской бухты, получили свое название, видимо, от имени туземного народа, обитавшего на берегах этой бухты до прихода туда греков»). С другой стороны, М.Ф. Высокий также «с филологической точки зрения» (2004, с.422) не допускает образования этнонима тореты от топонима Торик (хотя в другом месте своей работы он придерживается, очевидно, иного мнения: 2004, с.410). По мнению С.Ю. Сапрыкина, «тореты и керкеты, которых некоторые античные географы называют одним народом, на самом деле разные этносы, но оба меотского происхождения» (2018, с.433-434).

Многие исследователи склонялись к локализации торетов Плинием Старшим: возвышенный морской берег между Анапой и Новороссийском («тореты-керкеты жили по побережью Черного моря между Анапой и Новороссийском и занимали ближайшие склоны Кавказских гор»: см. Шилов В.П., 1950, с.116). Другие исследователи (Н.А. Онайко) локализовали керкетов в районе г. Баты (современный г. Новороссийск), а торетов – в районе г. Торика (современные г. Геленджик и Геленджикская бухта), перед ахейцами (1980, с.103-105).

Вполне логично замечание А.М. Новичихина, что «тореты» не могут быть отождествлены с жителями античного полиса Торик, так как греческие и римские авторы не стали бы включать в перечень местных племен жителей «эллинского города». Как отмечает исследо-

ватель, «тем более это маловероятно в титулатуре боспорских правителей, поскольку по отношению к варварским народам они позиционировали себя как цари, в то время как для населения греческих полисов они были архонтами. А тореты в титулах боспорских тиранов помещены именно в списки народов, над которыми те царствуют» (2016, с.36). А.В. Дмитриев и А.А. Малышев предполагают, что, судя по титулатуре, «система взаимоотношений между боспорянами и торетами, на землях которых в архаическую эпоху было основано греческое поселение Торик, значительно отличалась от керкетов-боспорских» (2009, с.55). Как отмечают эти исследователи, судя по монетным находкам, реальная интеграция предлагаемых земель торетов (и керкетов) в Боспорское царство начинается не при Левконе I (вторая четверть IV в. до н.э.), несмотря на их появление в титулатуре, а лишь в последней трети IV в. до н.э. Видимо, именно опираясь на область торетов, боспорский царь Эвмел (310/9-304/3 гг. до н.э.) в конце IV в. боролся с граничащими с ними ахеями и другими пиратскими племенами. По мнению М.Ф. Высокого, тореты, проживавшие в районе Геленджикской бухты, и являвшиеся первоначально частью керкетов, образовывали «боспорский анклав внутри варварских земель» (2004, с.410-412). «Анклавное» положение этих земель сомнительно, так как Баты (современный г. Новороссийск) также, бесспорно, входили в состав Боспорского царства.

А.А. Аханов связывал с торетами Геленджикские подкурганые дольмены (1961, с.148-149). Н.А. Онайко уверенно (вслед за Дюбуа де Монпере, впервые поместившим Торик в Геленджикской бухте: 1937, с.11,15,72) отождествила с античным городом Ториком раскопанное ею поселение (усадыбу) второй четверти VI – середины V вв. до н.э. на Тонком мысу Геленджикской бухты (1980), в этом ее поддерживает А.А. Малышев. А.В. Дмитриев (2004) помещал керкетов между Анапой и Новороссийском, город Патус – во внутренней Синдике, т.е. не возле моря (что более чем сомнительно, так как Патус упоминается в перипле, то есть в описании морского побережья). Город Торик, по его мнению, находился на берегу Новороссийской бухты, здесь же, вокруг него, проживали тореты. «Мыс Торетский» Птолемея, по предположению А.В. Дмитриева, идентичен мысу Круны Плиния

Старшего и соответствует современному мысу Мысхако. Реку Сехерий Плиния Старшего А.В. Дмитриев отождествил с современной р. Цемес, но при этом Гиер он помещает на месте г. Новороссийск. Тогда с р. Цемес должна быть идентифицирована р. Гиер Плиния Старшего, о которой А.В. Дмитриев в данном случае забыл.

В отождествлении городов Патус и Баты усомнился А.М. Новичихин, в правильности этого отождествления (а также «деревни Баты» и «гавани Баты» Страбона и Птолемея, в дальнейшем ставших поселением Гиерон) убежден М.Ф. Высокий. По еще одной версии, античное поселение в Геленджикской бухте сначала носило название Пагры, потом, в результате экспедиции Перикла в Понт (около 437-436 гг. до н.э.) стало именоваться Торик (в связи с названием одного аттического дема), затем вновь называлось Пагры (Суриков И.Е., 1999, с.109-110). После разрушения в середине V в. до н.э. поселение, как предполагается рядом авторов, было перенесено. М.Ф. Высокий также отождествляет Торик и Пагры, но помещает поселение не на Тонком мысу, а в глубине Геленджикской бухты (2004, с.210). А.М. Новичихин и А.В. Дмитриев, как отмечалось выше, связывают с керкетами-торетами ряд могильников VI-V вв. до н.э. в районе Новороссийска.

Судя по имеющимся данным, а также учитывая то, что поздние авторы зачастую основывались на ранних источниках, можно предположить, что тореты на рубеже эр перемещаются на юго-восток, из района современного Геленджика в район современных Туапсе-Лазаревское. Возможно, часть торетов, напротив, в этот же период переселяется на северо-запад, на земли, контролируемые Боспорским царством. Источники, совершенно явно, дают нам как минимум две различные локализации этого племени. Разумеется, как трактовка торетов в качестве «одной из групп гениохов», так и отнесение их к «грузинскому обществу», что постулируют некоторые авторы, не имеют под собой никаких оснований. Столь же сомнительна предлагаемая О.Н. Трубачевым индоарийская этимология, опирающаяся на др.-инд. обозначение берега и др.-инд. слово *tarica*- «паром, лодка» (1999, с.53). Этническая принадлежность древних торетов до сих пор остается загадочной.

Таким образом, как мы видим, относитель-

но многочисленные античные источники не позволяют, на сегодняшний день, сформировать не противоречивую картину расселения древних племен на восточном берегу Черного моря в эпоху античности. Вероятно, нужно учитывать не только возможные искажения, но и динамику этнической карты, периодически подверженной изменениям (Скаков, 2009, с.143-146; Он же, 2013, с.27-34). Кроме того, не стоит исключать возможности существования приморских анклавов, отдаленных от основной территории расселения того или иного племени. Развитая система морских перевозок, причем не только прибрежных, принимавшая порой форму пиратства, облегчала переселение отдельных групп на достаточно значительные расстояния, при этом такие группы могли быть как исключительно мужскими, так и включать семейные ячейки. Более того, вполне очевидно, что в данном регионе основными коммуникациями были морские или перевальные, так как существование пресловутой «Меотидо-колхидской дороги» является историографическим мифом (Скаков, 2014, с.152-153). Будущее, видимо, принадлежит максимально осторожному синтезу информации письменных и археологических источников, привлекаемой не выборочно, а в возможно более полном объеме.

ЛИТЕРАТУРА

- Античные источники о Северном Кавказе. 2004. Хрестоматия. Сост. В.М. Аталиков. – Нальчик.
- Анчабадзе З.В., 1964. История и культура древней Абхазии. – М.
- Арутюнян Н.В., 1985. Топонимика Урарту. (Хурриты и урарты, вып.1). – Ереван.
- Бибииков М.В., 2001. Рец. «Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. – М.: Наука. 2000. – 544 с., илл., карты» // Вестник РГНФ. № 4. С. 181-184.
- Брашинский И.Б., 1968. К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. К 100-летию со дня рождения С.А. Жебелева. Сб. статей. – Л.
- Буданова В.П., 2000. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. – М.
- Бутба В.Ф., 2005. Племена Западного Кавказа по «Апхарацуйцу» // Бутба В.Ф. Труды. – Сухум.
- Виноградов Ю.А., 2004. «Там закололся Митридат...». Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху. (серия «Militaria Antiqua», IV). – СПб-М.
- Волкова Н.Г., 1973. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М.
- Воронов Ю.Н., 1968. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии // ВДИ. 1968. № 3 (105).
- Воронов Ю.Н., 1998. Древняя Аписилия: источники, историография, археология. – Сухум.
- Воронов Ю.Н., 2016. «Естественная история» Плиния Старшего как источник для исторической географии Кавказа // Ю.Н. Воронов. Научные труды. Том пятый. – Сухум.
- Воскресенский А.П., 2016. Об отступлении Митридата Евпатора на Боспор (Strabo XI. 2. 13) // ПИФК. № 4.
- Высокий М.Ф., 2004. Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // ПИФК. Вып. XIV. – М.-Магнитогорск.
- Гамахария Джамал., 2009. Территория современной Абхазии в составе древней Колхиды до I в. до н.э. // Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времен до наших дней. Гл.ред. Джамал Гамахария. Глава III. – Тбилиси.
- Гулиа Дмитрий., 1986. Сухум не Диоскурия // Собрание сочинений. Том 6. – Сухуми.
- Дионисий Александрийский (Периэгет), 2006. Описание ойкумены. Пер., вступит. статья, коммент. Е.В. Илющечкиной // ВДИ. № 2.
- Дмитриев А.В., 2004. Тореты, город Торик, мыс Торетский // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. (XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). – М.
- Дмитриев А.В., Малышев А.А., 2009. Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII-IV вв. до н.э. // ABRAUANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. – М.
- Дюбуа де Монперэ Фредерик., 1937. Путешествие вокруг Кавказа. Том I. – Сухум.
- Ельницкий Л.А., 1961. Знания древних о северных странах. – М.
- Зиньковская И.В., 2018. Готланд Эрманариха: остроготы в Восточной Европе на рубеже древности и средневековья. – М.-СПб.
- Иванчик А.И., 2001. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени / Степные народы Евразии. Том II. – М.
- Иванчик А.И., 2005. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история / Pontus Septentrionalis, III. – М.-Берлин.
- Иващенко М.М., 1926. Великая Абхазская Стена // Известия Абхазского научного общества. Вып. IV. – Сухум.
- Инадзе М., 1999. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии // Разыскания по истории Абхазии/Грузии. – Тбилиси.
- Инал-Ипа Ш.Д., 1976. Вопросы этно-культурной истории абхазов. – Сухуми.
- Инал-Ипа Ш.Д., 2011. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Изд.2, переработ. и дополн // Инал-Ипа Ш.Д. Труды в 11 томах. Том III. – Сухум.
- Каменецкий И.С., 2011. История изучения меотов. – М.
- Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т., 1991. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. (Малый энциклопедический справочник). – Тб.
- Кварчия В.Е., 2006. Историческая и современная то-

понимания Абхазии. (Историко-этимологическое исследование). – Сухум.

КБН., 1965. Корпус боспорских надписей. – М.-Л.

Кудрявцев К.Д., 2008. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухум.

Кулланда С.В., 2008. Scythica obsolete // ВДИ. № 1.

Лавров Л.И., 1954. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // Сборник статей по истории Кабарды. Вып. 3. – Нальчик.

Ломоури Н.Ю., 1957. Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ. № 4 (62).

Ломоури Н.Ю., 1988. О «Политии фасисцев» Гераклида // ВДИ. № 3.

Мэйор Адриенна., 2015. Митридат. Отважный воин, блестящий стратег, зловещий отравитель. 120-63 гг. до н.э. – М.

Меликишвили Г.А., 1959. К истории древней Грузии. – Тбилиси.

Мусбахова В.Т., 2018а. Кораксийская накладка у Гиппонакта и кораксы Гекатея // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII (2). Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. Второй полутом. – СПб.

Мусбахова В.Т., 2018б. Два свидетельства о кораксах в Анонимном перипле Эвксинского Понта // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Часть 2. – СПб.

Новичихин А.М., 2006. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников). – Анапа.

Новичихин А.М., 2016. Керкеты и тореты – древнее население Черноморского побережья Западного Кавказа // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 6. – Нальчик.

Озова Ф.А., 2014. К этимологии этнонима черкес и этнопонима Черкесия: постановка проблемы // Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы Международной научно-практической конференции. Часть I. – Нальчик.

Онайко Н.А., 1980. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. – М.

Перевалов С.М., 2002. Рец. «Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: «Наука». 2000. 544 с.» // ВДИ. № 4. С. 185-188.

Подосинов А.В., 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. – М.

Подосинов А.В., Скржинская М.В., 2011. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. – М.

Помпоний Мела., 2017. Хорография. Под общ.ред. А.В. Подосинова. – М.

Сапрыкин С.Ю., 1996. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. – М.

Сапрыкин С.Ю., 2018. Древнее Причерноморье. – М.-СПб.

Скаков А.Ю., 2009. Некоторые проблемы истории Северо-западного Закавказья в эпоху поздней бронзы - раннего железа. // КСИА. Вып. 223. – М.

Скаков А.Ю., 2014. Транскавказские связи на Западном и Центральном Кавказе в эпоху раннего железа // Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы Международной научно-практической конференции (г.

Нальчик, 16-20 октября 2013 г.). Часть 1. – Нальчик.

Скаков А.Ю., 2013. Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников // Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН. Том I. Абхазия. – М.

Скаков А.Ю., 2019. К вопросу о местонахождении Фасиса, расселении гениохов и локализации кораксов // Записки ИИМК РАН. № 21. – СПб.

Скаков А.Ю., Эрлих В.Р., 2005. О хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. Сб. статей. – М.

Суриков И.Е., 1999. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. № 2.

Тохтасьев С.Р., 2002. ΣΙΝΔΙΚΑ // Таманская старина. Вып.4. СПб.

Тохтасьев С.Р., 2017. Варварские племена, соседи греческих городов Боспора // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Том VI. – М.

Трубачев О.Н., 1999. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. – М.

Шапошников А.К., 2005. Indoarica в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. № 5.

Шелов-Коведяев Ф.В., [Скилак Кариандский] 1988. Перипл обитаемого моря. Пер., вступит. статья, коммент. Ф.В. Шелова-Коведяева // ВДИ. № 2.

Шилов В.П., 1950. О расселении меотских племен // СА. Вып. XIV.

Берлизов Н.Е.

ИСТОЧНИКИ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ САВРОМАТО-САРМАТСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ

В письменных источниках, фактически, отсутствует информация о верованиях и ритуалах племен савромато-сарматского круга, что весьма затрудняет понимание их погребальных памятников. Вместе с тем, определенные сведения можно почерпнуть из источников, касающихся родственных сарматам индоиранских племен и народностей. Для понимания савроматских и сарматских погребальных практик можно использовать свидетельства античных авторов о скифах; материалы о верованиях и ритуалах персов, ведийских индоариев, и, наконец, этнографических осетин.

При этом, впрочем, следует учитывать, что, во-первых, никогда не существовало, и не могло существовать некоего единого савроматского, или сарматского погребального обряда: комплекс погребальных традиций первобытных племен, известных как савроматы, роксоланы, сираки, аорсы, язиги и пр. никак не был кодифицирован и имел свои особенности в каждом племени, каждой фратрии, каждом роде и каждой семье.

Во-вторых, привлекая для интерпретации фиксируемых археологически погребальных традиций савроматов и сарматов скифские, осетинские, индоарийские и персидские материалы, мы должны осознавать: савроматы и сарматы были именно савроматами и сарматами, и отличались от своих близких и дальних родичей, не являясь ни скифами, ни осетинами образца XIX века, ни ведийскими ариями, ни ортодоксальными зороастрийцами¹⁸.

Итак, ближайшими родственниками савроматов и сарматов можно считать скифов, таких же северных иранцев. Геродот сохранил описание ритуалов, производившихся после

смерти скифских вождей и, отчасти, рядовых скифов, которое может дать общее представление о том, как могли проходить погребальные ритуалы савроматов и сарматов (Herod. IV. 71-75). В соответствии с текстом источника, в процессе погребения скифа можно выделить три фазы: предпогребальную (от момента смерти до, собственно, похорон), погребальную (похороны) и постпогребальную (после похорон).

В ходе первой фазы готовилась могила, тело покойного подвергалось мумификации и транспортировалось на повозке для ритуального прощания с родственниками, которые выражали свою скорбь путём мелкого членовредительства (мужчины отрезали мочки ушей и протыкали руки стрелами, женщины расцарапывали лица). При этом тело вождя должно было объехать все подвластные ему территории (Herod. IV. 71), а останки рядового скифа возили в течение 40 дней ко всем его родственникам и друзьям (Ibid. IV.73).

Вторая фаза была посвящена собственно захоронению останков. Тело укладывалось на подстилку и сверху перекрывалось досками и циновками. С вождем помещали копья, принесенных в жертву людей и животных, золотые чаши, над могилой строился курган (Ibid. IV.71).

Третья фаза разбивалась на два этапа.

На первом участники похорон проходили ритуальное очищение: мужчины - вдыхая пары конопли, женщины – специальной «косметической маской» из кипариса, кедра и ладана (Ibid. IV.74-75).

Второй этап связан с поминовением умерших. В источнике описаны только поминки царей, которые проводились через год после смерти поминаемого и заключались в принесении в жертву 50 юношей и стольких же коней (Ibid. IV.72).

О наличии в скифской ритуальной практике обычая поминок по умершим сообщает и Лукиан Самосатский. Герой его новеллы скиф Токсарид сообщает греку Макенту о том, что скифы приносят жертвы и устраивают праздники и торжественные собрания в честь умерших героев (Luc. Tox. 1).

¹⁸ Об отличии верований племен скифо-сакского круга от мифологических представлений их родственников, переселившихся в Иран и долину Ганга, говорит полное отсутствие сходства в теонимике. Геродот, перечисляя имена скифских божеств не упоминает ни Индру, ни Митру, ни Ардвисуру-Анахиту, ни Пушана, ни Сому/Хаому, ни Яму/Йиму, ни дэвов и пэри, почитавшихся в ахеменидском Иране и ведийской Индии. В свою очередь в индо-арийском пантеоне неизвестны Папай, Апи, Гойтосир, Аргимпаса и Тагимасад.

Трехчленная схема погребального ритуала выявлена и В.Ф. Миллером у осетин в XIX в. (Миллер В.Ф., 1882. с.202-204; Он же, 1992. с. 478-479). Правда, оседлые осетины, имевшие к XIX веку чуть ли не тысячелетние традиции христианства, несколько трансформировали её оформление.

Вместе с тем – выделяется предпогребальная фаза, в ходе которой о смерти человека оповещались родственники, жители своего и других аулов, приходившие оплакать умершего, а родственники последнего готовили им обильное угощение. Согласно представлениям осетин, на этом этапе извлекатель душ *юджесӕг* в образе волка отделяет душу от тела (здесь мы имеем явную параллель псам Индры, вестникам Ямы, разыскивающим людей, которым суждено умереть - АВ. XVIII. 2. 11а. Примечание), и душа летает над трупом (Миллер В.Ф., 1882. с.202; Он же, 1992. с.479-480).

В ходе второй – погребальной – фазы родственники покойного демонстративно доставляли себе боль (мужчины били себя кулаками по лбу, плетьюми по затылку; женщины ползли к могиле на коленях, били себя руками по лицу и коленях, близкие родственницы расцарапывали себе лица и рвали волосы, вдова трижды билась головой о гроб, отрезала себе косу и жертвовала её покойному). Умершего хоронили в лучшей одежде. Погребальный инвентарь в могилу не помещался, но оружие и украшения покойного могли изображаться на могильном столбе. К могиле приносили шкуру барана, зарезанного в день погребения, и ушат браги.

После помещения трупа в могилу проводился *Бӕхфӕлдӕсун* - обряд посвящения покойному коня (с тем, чтобы душа могла добраться в загробный мир), завершавшийся тем, что коню давали выпить чашу браги, чашу разбивали о копыто, а коню надрезали ухо. Далее вдова должна была разбить бутыль араки и бросить в сторону чурек, символизировавшие дорожную провизию умершего, после чего могилу можно было зарывать. Считалось, что во время похорон душа сопровождает тело, а в момент похорон даже возвращается в него и окончательно возносится на небо из уже засыпанной могилы. На небе, пройдя через семь звеньев цепи, душа вновь принимает человеческий облик (Миллер В.Ф., 1882. с.202-203; Он же, 1992. с.136-137; Он же, 1992а. с.478-479).

В ходе третьей фазы вдова в течение года

носила черную одежду, должна была стелить постель покойному мужу, каждую пятницу вечером посещать его могилу. Кроме того, в течение первого года после смерти родственники устраивали обряд «сидения мёртвых» приуроченные к христианскому празднику Богоявления. При этом в доме выставлялось чучело умершего при оружии и трубке, перед ним ставили кашу и араку и в течение дня его оплакивали и поминали. Считалось, что в этот день владыка мёртвых Барастыр отпускает душу умершего на побывку. В дальнейшем ежегодно отмечались поминки (Миллер В.Ф., 1882. с.204; Он же, 1992а. с.480-481).

Три фазы выявляются и в обряде погребения персов-зороастрийцев.

Согласно «Яшта» после смерти душа умершего трое суток находилась у головы умершего. На третьи сутки душе праведника с юга является его вера в виде прекрасной девушки, а душе грешника – с севера его злые мысли и дела в виде безобразной девицы (Яшт. XXII). В поздних источниках отмечалось, что в течение трех дней и ночей у головы покойного должен был гореть огонь (Мейтарчиян М.Б., 1999. с.32). В XIX фрагарде «Видевдата» сообщается о том, что душой грешника овладевает дэв Визарша, а прекрасная дева переводит души праведников через мост Чинвад и низвергает души грешников во тьму (ВВ. XIX. 29-30). В это время (либо в непогоду) мертвое тело должно было выдерживаться в специальном помещении - дахме, либо в доме на специальной углубленной в землю подстилке из камней, или кирпичей на слое золы, либо сухого навоза в тридцати шагах от огня, воды, барсемана и живых людей (ВВ. VIII. 2-8).

Похороны должны были осуществляться в сухую погоду на сухой земле. Во время похорон останки умершего обязательно помещались на сырцовую вымостку и подсыпку из извести, дабы мертвая плоть не оскверняла собой землю (ВВ. VIII. 9-10).

По окончании похорон могильщики должны были пройти обряд очищения мочой животных. По дороге, которой несли усопшего, было необходимо три, шесть, или девять раз провести собаку определенной породы, а родственникам покойного принести жертву мясом и медом (ВВ. VIII. 11-22).

О трёх фазах в погребальной обрядности южных иранцев можно судить и по описанию похорон Феридуна в «Шахнаме».

На трон по обряду посажен мертвец
Над троном повешен кеянский венец
И каждый к царю приходил удручён,
Прощаться, как требовал древний закон.
Закрыли гробницу, где царь был сокрыт...
Так умер великий, печалью убит.
С лицом пожелтевшим, стеноя в слезах
Умершего юный оплакивал шах
Он в трауре, в скорби семь дней пребывал,
С властителем вместе весь край пребывал.
(ШН. 1. Феридун. 4597-4606)

Можно предположить, что по подобной же трехчастной схеме строился и погребальный ритуал савроматов и сарматов.

С первой фазой погребальных ритуалов можно связать археологические свидетельства обычая «прощания» покойного с родственниками и соседями. К ним явно относятся остатки колесниц из комплексов в сарматских погребениях IV в. до н.э. – в к.1 п.1 гр. Лапасина и Марьянском кургане «Дымная могила»; III в. до н.э. в к. 19 п.31 у с. Политотдельское; III-II вв. до н.э. в к.4 п.15 группы Кривая Лука VIII; II в. до н.э. в к.12 п.19 у с. Политотдельское, к.Г5 п.2 и 5 в Усатово, к.Г5 п.2 у хут. Лебзак, к.Г2 п.3 у с. Меркель/Макаровка; I в. до н.э. в к.2 п.2 группы Барбастау II, к.17 п.12 группы Быково I, к.3 п.3 группы Антонов I, к.1 п.11 группы Ажинов III; I в.н.э. в к.1 из группы Харьковка III, к.1 из Сусловского могильника, к. VI-I из Шипово, к.13 из Верхне-Янченково, к.14 («Красного») у хут. Кудинова, к.4 Соколовского могильника и к. 29 п. 7 Каменского могильника (Балонов Ф.Р., 1980; Simonenko A., Marchenko I., 2008. taf. 116, 1a). Ф.Р. Балонов вполне обоснованно сравнил конструкцию деталей сарматских повозок с находкой из Пазырыкского к. №5 (Там же, с.78). Конструктивно близки сарматским и повозки из скифских и синдских курганов IV в. до н.э., проанализированные С.С. Бессоновой (Бессонова С.С., 1977). Обращает внимание конструкция колес и пазырыкского, и сарматских, и скифских, и синдских экземпляров с их сравнительно тонким деревянным ободом и спицами. Все они мало приспособлены к длительным передвижениям и по горному Алтаю, и по степям юга России, в отличие от сплошных колес, сколачивавшихся из трех деревянных плах, хорошо известных по находкам в степных погребениях эпохи ранней бронзы, Пазы-

рыкском к. №1, а также моделям скифских кибиток. В Пазырыкском кургане №5, скифских, синдских и сарматских курганах мы имеем дело именно с катафалками, предназначенными для сравнительно кратковременного посмертного вояжа останков погребенного.

Обычай мумификации покойного, описанный Геродотом, в савромато-сарматских, как, впрочем, и в скифских погребениях не зафиксирован в силу специфики сохранности останков умерших. Вместе с тем, он известен в тех же Пазырыкских курганах и, в принципе, логичен при необходимости сохранять останки умершего до погребения на протяжении, как минимум, сорока дней. Кроме того, возможно, именно обрядом посмертной мумификации можно объяснить частичное либо полное отсутствие ребер и грудины у некоторых погребенных, обычно связываемое с воздействием землероев и почвенных условий. Сам обряд перевозки останков на повозке может быть сродни представлениям ведийских ариев о погребемом как о жертве на жертвенной колеснице (AB. XVIII. 4. 1-15; RB. X. 13).

В свою очередь, следы костров возле погребенных, находки угольков и золы в области черепа, прослеженные, например, в Филипповских к.6 и 13, к.9 п.5 из Лебедевки V, к.18 из Кос-Обы, п.3 Линевского одиночного кургана, к.7 могильника Курпе-Бай, к.8 п.3 и к.19 п.20 у с. Политотдельского (Пшеничнюк А.Х., 2012. с.41, 51; Железчиков Б.Ф., 1998. с.23; Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В., 2006. с.13-14; Мещеряков Д.В., 1996. с.47-48; Сенигова Т.Н., 1956. с.148; Смирнов К.Ф., 1959. с.258, 280) весьма напоминают результаты описанного выше авестийского ритуала с поддержанием огня у мертвого тела на протяжении трех дней перед погребением. Те же ассоциации вызывают находки глиняных очагов в Филипповских курганах 3 и 7 (Пшеничнюк А.Х., 2012.с.35, 42). С подобным ритуалом, возможно, связаны следы огня на погребенной почве под насыпями к. 18 и 28 из Лебедевки IV, к. 4, 5, 6, 7, 41, 44 и 47 из Лебедевки V, к.18, 26 из Лебедевки VI и к.6 из Лебедевки VII (Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В., 2006. с.11-13, 19-20, 23, 26, 29).

Таким образом, некоторые детали погребального ритуала савроматов и сарматов могут быть связаны с предпогребальными действиями. Интересно, что те из них, которые нахо-

дят параллели в ведийских и скифских обрядах, прослеживаются на широкой территории от Дона до Урала. Обряды же, напоминающие авестийские, фиксируются только в Приуралье и Заволжье.

В источниках можно найти объяснение и некоторым действиям, производившимся во время похорон. Савроматы и сарматы практиковали два вида обращения с останками покойного во время похорон: ингумацию и, как исключение, кремацию. Оба они противостоят убеждениям зороастрийцев, считавших, что мертвая плоть не должна осквернять собой землю, огонь и воду, но находят параллели в скифской, осетинской и ведийских погребальных практиках.

Впрочем, Геродот, а, вслед за ним и Страбон отмечали, что принятый в зороастризме обряд выставления практиковало только одно из персидских племен – маги. Остальные же «предают земле тело покойника, покрытое воском» (Herod. Hist. I. 138, см. также Strabo. XV. III. 20). Замечание о воцелении мертвых можно объяснить возможностью присутствия у древних персов обычая длительного посмертного прощания с усопшим, подобного скифскому и савромато-сарматскому и необходимостью консервации останков на этот период.

Наличие в погребальной практике персов обряда ингумации подтверждается и обрядом погребения персидских царей, в частности, Кира Великого, гробницу и саркофаг которого в Пасаргадах упоминает Страбон (Strabo. XV. III. 7). Ингумацию описал и Фирдоуси в цитированном выше отрывке из «Шахнаме» (ШН. 1. Феридун. 4597-4606).

При этом, если скифы и осетины практиковали только ингумацию, то ведийские индоарии – и ингумацию, и кремацию, предпочитая последнюю. О том, что и они могли предавать мертвое тело земле, свидетельствуют последние четверостишья Похоронного гимна «Ригведы» (РВ. X. 18. 11-14). Намек на практику ингумации встречается и в гимне, посвященном умершим предкам:

Кто, сожженный Агни, кто несожженный Агни,
Посреди неба радуется поминальный жертве...
(РВ. X. 15. 14)

Древние персы, как указано выше, сочетали ингумацию и обряд выставления.

Практику ингумации, возможно, объясняет

упомянутый выше пассаж В.Ф. Миллера о том, что, согласно верованиям осетин, душа на небе, пройдя через семь звеньев цепи, вновь принимает человеческий облик (Миллер В.Ф., 1992а. с.479). Такие представления могли требовать сохранения телесной оболочки. Интересно, что те же представления о вторичном приобретении души телесной оболочки в царстве мёртвых содержатся и в гимне X. 14 «Ригведы» (РВ. X. 14. 8).

Ж. Дюмезиль отмечал фиксируемый в нартовском эпосе осетин обычай «не хоронить мертвых, если нет какой-то части тела» и считал сверхнадругательством над мертвыми скифские и нартовские обычаи посмертного скальпирования, сдирания кожи, отрубания голов, или правых рук у убитых (Дюмезиль Ж., 1990. с.190-193).

В.В. Струве обратил внимание на пассаж Геродота о традиции древних персов приносить в жертву подземному божеству людей путем их закапывания живыми в землю (Herod. VII. 114) и предположил, что ингумация у южных иранцев также воспринималась как жертва этому божеству (Струве В.В., 1948. с.30-31).

Ведийский обряд кремации в принципе также связан с представлением о необходимости полной «доставки» тела умершего в загробный мир. На это явно намекает гимн XVIII. 2 «Атхарваведы»:

Какой член тела твой отброшен в сторону,
Или же выдох и вдох оставили тебя,
Отцы, объединившись, собравшись,
Снова часть за частью пусть водворят их на место!
(AB. XVIII. 2. 26)

Похоронный гимн «Атхарваведы» требует именно полного сожжения останков

Да сожжет тебя на благо восточный огонь спереди!
На благо да сожжет тебя огонь домохозяина сзади!
Да сожжет южный огонь твое убежище, защиту!
С севера, из середины, с воздуха –
С любой стороны да защитит тебя Агни от ужасного!
(AB. XVIII. 4. 9)

Цитируемый фрагмент позволяет обратиться и к семантике другого элемента погребального ритуала: ориентировке погребенного. Согласно ему, покойный должен быть обращен лицом к востоку, спиной к западу, что в целом совпадает с погребальной практикой скифов и савроматов, хоронивших, обычно, затылком на запад и лицом на восток. Из это-

го же гимна следует, что в похоронном ритуале подразумевалась вертикальная схема ориентировки, аналогичная принятой в современной картографии, при которой север находится сверху (и там же царство богов), юг снизу (и там же находится загробное царство Ямы), а запад и восток, соответственно, позади и перед погребенным.

Отметим также, что в ведийской мифологии стороны света патронировались различными божествами. Так в гимне XVIII. 4 «Атхарваведы» восток ассоциируется с Ангирасами – обожествленными предками (AB. XVIII. 4. 8); а в гимне X. 9 юг связывается с Васу – богами имущества, возглавляемыми Индрой; север – с Марутами – сыновьями Рудры, богами бури, грозового дождя и ветра; а запад – с Адитьями – охранителями космического закона, сыновьями богини Адити – Варуной, Митрой, Арьяманом, Бхагой, Дакшей и Аншей (AB. X. 9. 8). Несколько иную картину рисует гимн XVIII. 2, в котором восток связывается уже с Индрой и Марутами; юг – с Дахтаром (богом – создателем), запад с Адити и Адитьями, а север – с Сомой (AB. XVIII. 2. 25-28). Но и здесь у каждой основной стороны света имеются свои небесные покровители.

Можно предполагать, что вплоть до IV в. до н.э. скифы, савроматы и их уральские родственники (дахи?), выкладывая покойных в могиле, следовали подобным представлениям. Позднее в сарматском мире они могли сохраниться в Предкавказье, где западная ориентировка у савроматов и сарматов доминирует вплоть до I в. до н.э.

С формированием прохоровской культуры в сарматском мире на полтысячи лет преобладающей становится уже южная ориентировка, распространившаяся сначала в Приуралье. Можно попытаться объяснить это обращением уже к авестийским верованиям. Как отмечалось выше, согласно верованиям зороастрийцев душа покойного в течение трех суток с момента смерти находится у головы покойного. При этом «по истечении третьей ночи, на рассвете, душа праведника носится перед растениями и благовониями. Ей навстречу является ветерок, веющий с южной стороны, с южных стран, благовонный, благовоннее иных ветров» (Яшт. XXII.7). С юга является и Вера праведника. В свою очередь, душе грешника на третью ночь «является ветерок, вею-

щий с северной стороны из северных стран, зловонный, зловоннее иных ветров» (Яшт. XXII. 25). С севера являются и безобразная душа грешника, и дэвы зороастрийского ада Асто-Видоту, Визарша и Друхш-йа-Насу, борющиеся за душу покойного и тянущие его в ад (BB. VIII. 18). С севера является и антибог Ангхра-Манью (BB. XIX. 1). Положение покойного головой на юг, таким образом, максимально удаляет вьющуюся над ней душу от малоприятных персонажей и ощущений авестийской загробной мифологии.

Распространение южной ориентировки в раннепрохоровских памятниках Приуралья (как и факты поддержания огня у головы погребенного) примерно синхронно распространению в погребениях сарматской элиты предметов ахеменидского импорта.

Возвращаясь к семантике обычая помещать останки умершего в землю, можно полагать, что у ведийских ариев она связана с представлениями о похоронах как жертве божеству земли, близкими южноиранским. Свидетельством этому может служить гимн X.18 «Ригведы»:

Сползай в эту мать-землю
Необъятную, дружелюбную землю!
Отроковица, нежная, как шерсть, для кого
даёт награждение
Да защитит она тебя от лона небытия!

Расступись земля, не дави!
Будь ему лёгким входом, лёгким прибежищем!
Как мать сына – краем одежды
Укрой его – о земля!

(РВ. X. 18. 10, 11)

Одновременно, как мы видим, в ведийских представлениях земля расценивалась и как последнее прибежище умершему, и как вход в него. Е.Е. Кузьмина, сопоставляя ведийские тексты с погребальной практикой носителей андроновской культуры, пришла к выводу о том, что могила древними индоариями рассматривалась как дом мёртвых (Кузьмина Е.Е., 1986. с.79). Свой вывод она подкрепляет словами того же Похоронного гимна «Ригведы»:

Растворяясь, пусть прочно стоит земля:
Ведь тысяча столбов должна быть воздвигнута!
Пусть покои твои сочатся жертвенным маслом!
Да будет ему убежище здесь во веки веков!

Я укрепляю землю вокруг тебя,
Да не поврежу я (тебя), кладя этот ком!
Пусть отцы держат тебе этот столб,
Пусть Яма построит тебе жильё!

(РВ. X. 18. 12, 13)

О том, что погребальное сооружение могло рассматриваться именно как посмертное жилище покойного, свидетельствует конструкция, в первую очередь, дромосных могил и погребений в больших ямах без дромоса с наземной деревянной конструкцией ранних кочевников Южного Урала, Дона и Прикубанья, иногда, практически, полностью повторяющая планировку жилищ сарматоидных гороховской и саргатской культур. Особенно интересны дромосные могилы Филипповских курганов №3 и 7, в центре которых устроены очаги (Пшеничнюк А.Х., 2012, с. 35, 42, рис. 61, 91).

С представлением о погребении как доме мёртвого, вероятно, связано и размещение погребений в курганах-кладбищах «курёном», при котором могилы располагаются вокруг центра насыпи, в котором также может располагаться погребение. Подобная планировка подкурганного пространства ассоциируется с замечанием Аммиана Марцеллина об аланских кочевьях: «Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше» (Аmm. Marc. XXXI. 18). Она аналогична размещению юрт в монгольском курене, сохранившемся до сегодняшнего дня. Близка она и «куренному» (или «таборному») размещению жилищ в хазарском Саркеле и на Правобережном Цимлянском городище (Плетнева С.А., 2003. с. 69-70, 75).

В связи с этим стоит вспомнить ведийские представления о царстве Ямы-повелителя мёртвых именно как о пастбище.

Яма первым нашел для нас выход -
Это пастбище назад не отобрать.

(РВ. X. 14. 2)

Древнейшие примеры таборной планировки подкурганного пространства фиксируются в могильниках Приуралья уже с VI в. до н.э. и встречены, например, в к.26 Ново-Кумакского могильника. Особенную же популярность она приобретает в раннесарматское время, когда фиксируется в курганах-кладбищах Южного Урала (например, в Бишунгарово, Старых Кишках, Прохоровке, Ново-Калкашево, Ново-

Мусино, Филипповке, Мечет Сае, Лебедевке V и VII, Покровке 1, 2 и 8, Шумаево и др.) и превращенных в курганы-кладбища насыпях эпохи бронзы Заволжья (Калиновка, Политотдельское, Бережновка, Краснополье и др.) и Задонья (Жутово, Новый). При этом «каноническую» ориентировку, объясняющуюся ведийской, либо иранской традициями, хоронившие могли соблюдать только в отношении основного погребения, а в периферийных, вероятнее всего, сохранялось прижизненное размещение покойного на его спальном месте в кибитке или просто его кибитки в курене. Точно также размещение погребенных в гробницах, имитировавших землянки и полуземлянки, могло диктоваться местонахождением их спальных мест при жизни.

Наконец, и состав погребального инвентаря савромато-сарматских погребений, включающий тарные и столовые сосуды, предметы вооружения и упряжи, украшения, в том числе и золотые, зеркала, иногда - красящие вещества, раковины, кости мелкого и, иногда крупного рогатого скота, удивительно совпадает с перечнем необходимых предметов домашнего обихода, упоминаемых в «Махабхарате» со ссылкой на легендарного законодателя Ману:

«Виндура сказал: ...

Козлы и быки, вина, зеркало, мёд и топленое масло, железо, медь, раковина и золото, мускус и желтая краска – все эти предметы сулят благополучие, сказал Ману, и должны находиться в доме каждого для почитания богов, брахманов и гостей, о потомок Бхараты!»

(МБ. V. 40. 8-16)

Семантику подкурганного обряда погребения, возможно, объясняет четверостишие из Похоронного гимна «Ригведы», читавшееся брахманами в Индии в момент укладки камня, символизировавшего границу между мирами живых и мёртвых.

Эту преграду я устанавливаю для живых.

Пусть же никто другой среди них

не отправится к этой цели!

Да проживут они сотню обильных осеней!

Да кроют они смерть (этой) горой!

(РВ. X. 18. 4)

Упоминание горы является весьма прозрачным намеком на курганную насыпь, которая, судя по всему, изначально и считалась рубежом, разделявшим царства живых и мёртвых.

Традиция савроматов и сарматов помещать мёртвое тело не прямо на землю, а на различного рода подстилки, подсыпки, носилки, в гробы, колоды и т.п. вполне объясняется через авестийские представления о том, что мёртвая плоть не должна осквернять собой землю, огонь и небо. Причем, зороастрийцы считали оскверненной даже ту землю, на которой возводились погребальные дахмы (ВВ. III. 8-9). Именно поэтому «Видевдат» предполагал помещение мёртвого тела до погребения на настил из кирпича, камня, сухой глины или сора, помещенного на подсыпку из золы или сухого навоза (ВВ. VIII. 8). Подсыпка из золы встречается в савроматских и сарматских погребениях. В сарматских и раннеаланских катакомбах иногда фиксируется обмазка дна и стен «зелёной глиной», которая, скорее всего, в реальности была тем самым навозом.

Наличие в савроматских и сарматских погребениях погребального инвентаря, возможно, находит объяснение в работе В.Ф. Миллера, сообщавшего о том, что «цель похоронных обрядов (осетин) проводить покойника в загробный мир и снабдить его всем необходимым для этого пути» (Миллер В.Ф., 1992а. с. 478). При этом в другой работе исследователь отмечал, что некогда и осетины помещали в могилу вещи покойных: «Если осетины теперь уже не хоронят с умершим его оружия и вещей, то память об этом сохраняется в изображении таких вещей на могильном столбе» (Миллер В.Ф., 1882. с.203).

Итак, погребальный инвентарь может быть набором средств первой необходимости для благополучной доставки умершего в мир мертвых. Об этом может говорить и осетинского ритуал посвящения коня покойному, в котором конь рассматривается как средство доставки души в загробный мир, а чурек и арака, принесенные вдовой, предназначены для того, чтобы умерший на пути в загробный мир ни в чем не нуждался. Захоронения воинов с взнузданными конями из савроматских курганов Приуралья и сиракских погребений Предкавказья, возможно, связаны с подобными представлениями.

Вместе с тем, некоторые элементы погребального инвентаря могут восприниматься не столь однозначно и упрощенно. Так в ведийской обрядности лук помещали в погребение только кшатриям (РВ. X. 18. 9а Прим.). Согласно Квинту Курцию Руфу, Александр Ма-

кедонский обнаружил в гробнице Кира Великого щит царя, два скифских лука и акинак (Kurt. X. 1. 30). То есть и у персов оружие помещалось в погребения правителей, статусно аналогичных ведийским кшатриям. Это может быть дополнительным аргументом в пользу отнесения савромато-сарматских погребений, содержащих предметы вооружения к особой группе, занимавшейся преимущественно войной и имевшей право на руководящие роли в обществе.

Осетины в XIX в. заупокойную пищу посвящали покойному, но ведийские арии считали её жертвой высшим силам:

Да усядется здесь пища из лепешек, из мяса!
Мы приносим жертву создателям мира,
создателям пути!
Кто только есть здесь с долей в возлиянии богам!

Да усядется здесь пища из лепешек, из риса!
Мы приносим жертву создателям мира,
создателям пути!
Кто только есть здесь с долей в возлиянии богам!

...Да усядется здесь пища из лепешек из воды!
Мы приносим жертву создателям мира,
создателям пути!
Кто только есть здесь с долей в возлиянии богам!
(АВ. XVIII. 4. 20, 21, 24)

При этом с жертвенными блюдами, перечисляемыми в похоронном гимне «Атхарававеды», перекликается состав погребальной пищи из савроматских и раннесарматских погребений Покровских могильников, реконструированный палеопочвововедами. Анализ почвы из сосудов в савроматских и раннесарматских погребениях свидетельствует о присутствии в них каши, либо мясного бульона, либо воды (Демкин В.А., Рысков Я.Г., 1994. с.78).

В комплексах савроматской культуры Волго-Донских степей и Прикубанья, начиная с эпохи архаики, сравнительно часто встречаются амфоры¹⁹. Фиксируются они и позднее, на всех стадиях сарматской культуры, но уже

¹⁹ Красногоровка III к.14; Бушуйка к.2 п.10; Аксай I к.3 п.3; Новоалександровка к.7 п.8; Елисаветовский могильник – свыше 128 подкурганых погребений; Сладковка к.25; Азов к.2 п.3; Радутка к.2 п.32; Ясырев к.1 п.12; Кривая Лука VI к.1 п.14; Сладковка к.4; Новочеркасск разрушенное погребение 1973 года; ПКOC-79 к. 63 п.3; Марьянская к. 1912 года;

гораздо реже²⁰. Этот обычай можно связать с развитием культа божества, родственного индоиранскому Хаоме/Соме, и готовившегося с его помощью напитка бессмертия богов - амриты. Воздействие алкоголя, в принципе, во многом аналогично воздействию наркотиков, употреблявшихся в обрядах жертвоприношения Хаоме/Соме, поэтому вино вполне могло рассматриваться северными иранцами как одна из инкарнаций этого божества, либо, собственно, амриты.

Об особом отношении к вину у скифов свидетельствуют и многочисленные сообщения античных источников от Анакреонта (LVII. Фр.1) и Геродота (VI. 84) до Клавдия Элиана (Ποικίλη Ιστορία. II. 41) об употреблении скифами и саками именно неразбавленного (то есть чистого, ничем не испорченного) вина. О том же говорят и пассажи Геродота о том, что жертвам богу войны скифы льют на голову вино; и что воину, убившему врага, вождь должен налить в чашу именно вина и допустить к участию в общем пире (Herod. IV. 62, 66); и сохраненные тем же Геродотом два мифа о происхождении скифов, в которых среди священных даров, полученных их предками, фигурирует золотая чаша (Ibid. IV. 5, 10).

Безусловно, с культом местного североиранского аналога Хаомы/Сомы можно связать описанный Геродотом обряд очищения скифов после похорон парами конопли, и находки конопли в колчанах в к.1 п.3 в Гумарово и в к.7 п.3 могильника Шумаевский I. С этим же культом ассоциируются находки комков сырца-опия²¹ в савроматских и сарматских погребениях (Новотроицкий I к.2 п.3; Жарсуат I к.3 п.3; Увак к.7 п.1; Вишнёвая Балка к.1 п.4; Бережновка II к.36; к.100; Политотдельское к.13; к.19 п.23; Харьковка III к.16; Ильевка к.21 п.2; Антонов I к.3 п.1; Холодный к.1 п.16; Дружба

к.13; Фомин I к.2 п.2; Высочино V к.18; Выездной к.1 п.5; Михайловская к.9 п.25; Успенское к.9 п.2; Селимовка к.2 п.2). Наконец, находки А.Б. Белинского в курганном могильнике Сенигилеевский-2 в 2013 году золотых орнаментированных колпачков со следами опия и конопли на стенках позволяют считать опиекурильницей аналогичный золотой колпачок из Курджипского кургана.

Соблазнительно, конечно, связать с этим же культом многочисленные находки керамических и каменных курильниц в погребениях ранне-, средне- и позднесарматского этапов сарматской культуры, однако для них, к сожалению, не проводились соответствующие анализы, и сегодня нельзя однозначно говорить о том, что в них реально воскуривалось. Ведь наряду с наркотическими веществами это могли быть и вещества ароматические в честь каких-то иных божеств.

Вместе с тем, с культом савромато-сарматского аналога Хаомы/Сомы вполне можно ассоциировать находки закопченных галек, которые на рубеже эр нередко помещались в лепные горшочки. В упоминавшемся пассаже Геродота о скифских парилках отмечалось, что скифы бросали стебли конопли именно на раскаленные камни (Herod. IV. 75).

В раннесарматское время культура кочевников трансформируется из «горшечной» в «мисочную» (особенно после освоения Прикубанья с его развитой гончарной традицией). В погребениях обычной находкой становятся кувшины, достаточно часто встречаются разного рода кубки (канфаровидные сосуды, кружки) и миски. В последних, чаще всего, обнаруживаются кости МРС в наборе с ножами, либо кубки.

Появление крупных и столовых кувшинов и разного рода кубков, возможно, является отражением тех же представлений об алкоголе как одной из инкарнаций Сомы/Хаомы. Замена импортной тары на кувшины местного производства могла быть следствием появления собственной алкогольной продукции, возможно, фигурирующей в нартовском эпосе как «ронг».

Миски могли выполнять ту же функцию, которую в культовой практике этнографических осетин выполнял своеобразный столик - фынг. От обычного стола его отличает вогнутая, как миска, столешница. Фактически – это деревянное блюдо с ножками. В.Ф. Миллер

²⁰ К раннесарматской эпохе можно отнести находки из Курджипского кургана; Ново-Мусино к.3 п.1; Новоджерелиевской к.1 п.3. К среднесарматской – из Багаевского к.14; кургана Дачи; Садового кургана; к. 14 Западной группы могильника Аккермень II; к.1 в Казаклии; к.1 п.1 в группе Пороги. К позднесарматской – в к.2 в Никольском; к.17/1901 в Казанской; к.6/1977 в Тбилисской; к.1 и к.3 п.2 у с. Корпач; к.2 п.2 у Петрепт; к.8 группы Дивизия; к.3 в Кырнаценах; разрушенном погребении из Первомайска; к.41 п.4 из Усть-Джегуты; Константиновке; к.14 могильника Северо-Восточный; к.2 п.2 из Белолесья; к.16 п.1 из Олонешт; к.16 из Виноградовки; к.7 в Градештах.

²¹ В отчетах и публикациях они часто атрибутируются как комки смолы, битума или вара.

отмечал, что именно на фынге полагалось приносить в жертву праздничного барана, положив его головой к северу и горлом к востоку (Миллер В.Ф., 1992а. с. 448). Прототипы фынгов – низенькие деревянные вогнутые столики известны в аланских погребениях VIII-IX вв., подбойно-катакомбных могильниках Средней Азии I-V вв.н.э., сарматском погребении 4 кургана 27 у с. Жутово. Они повторяют форму каменных алтариков VI-V вв. до н.э. из савроматских и сакских погребений и раннескифского бронзового жертвенника из Нартанского могильника. Интересно, что миски в погребениях савроматов и сарматов попадают в IV в. до н.э., одновременно с выходом из употребления каменных алтариков и, в общем, аналогичны каменным алтарикам без ножек из скифо-скаских погребений. При этом в них, обычно, находятся кости жертвенных животных, ножи, кубки, то есть миски являлись местом жертвенной пищи и напитков, чем, собственно, и являлся алтарь.

Как уже отмечалось выше, обычным элементом инвентаря савроматских и сарматских погребений являются зеркала, роль и семантика которых в погребальном обряде племен скифо-сарматского круга до сих пор не находит достойного объяснения. А.М. Хазанов в специальной работе, посвященной зеркалам из савроматских и сарматских погребений (Хазанов А.М., 1964), для объяснения их семантики использовал примеры из самодийской, японской, китайской этнографии, верований аборигенов Новой Гвинеи и Новой Каледонии. При всём уважении к исследователю, такие примеры вряд ли корректны для объяснения верований и ритуалов племен, которые могли и не общаться с самодийцами, вообще не общались с японцами и жителями Андаманских островов, достаточно поздно вступили в контакт с китайцами, а зеркала помещали в погребения с самого начала своего обособления. Предпочтительнее, всё-таки, возможно, менее многочисленные, но, по крайней мере, более близкие ментально, примеры из индоиранской мифологии. Выше уже отмечалось, что, согласно «Махабхарате», в Индии ведийского периода зеркало считалось обязательным атрибутом жилища верующего арьи. Та же поэма приоткрывает и природу такого отношения к зеркалу. В седьмой книге «Махабхараты» в «Сказание об убиении Джаядрахты» говорится следующее:

«Прикоснувшись к бронзовому зеркалу и преисполненный великой радости, он (Сатьяки) вдвое усилился в своей мощи, уподобившись сверкающему огню» (МБ. VII. 87. 60-65).

То есть зеркало выступает как некий сверхъестественный дубликатор, способный, отражая человека, удваивать его качества.

В свою очередь в нарттовском эпосе осетин неоднократно всплывает образ волшебного зеркала, с помощью которого некоторые женские персонажи (премудрая Сатана, «богом сотворённая девушка», дочери сына Анзора) могли наблюдать за всем происходящим на земле (Нарты. XXVII. 91; XXXII. 111; XXXVI. 123)

Находки ложечек – костяных в савроматских и раннесарматских погребениях и серебряных – в элитных среднесарматских, можно ассоциировать с ведийским обычаем возлияний жертвенного масла во время похорон.

О ложка для масла, иди на небо

вместе с жертвователем!

С маленькой ложечкой, как с телёнком, подои себе
Все стороны света, набухшие, невразумительные!

(АВ. XVIII. 4. 6)

Возможно, с представлением о загробной материализацией души посредством железной цепи, связаны находки фрагментов железных цепочек в сарматских погребениях Предкавказья I в. до н.э. – нач. I в. н.э. Впрочем, эта традиция может быть связана именно с местными представлениями о загробном мире, так как в других районах расселения сарматов пока не фиксируется.

Выше уже отмечалось, что раковины и желтая краска, встречающиеся иногда и в савроматских, и в сарматских погребениях так же, как и зеркала, в «Махабхарате» считаются обязательными аксессуарами приличного индоарийского жилища, суля благополучие.

В комплексах савроматской культуры иногда встречаются останки обезглавленных овец и, гораздо реже – овечьи черепа. В.Ф. Миллер, описывая праздничное жертвоприношение овцы у осетин, специально отмечал, что голова овцы – почетная доля стариков (Миллер В.Ф., 1992а. с.448).

Е.Е. Кузьмина обратила внимание на фрагмент из Шатапатха-Брахманы, согласно которому мясо во время похорон жертвовалось покровителю дорог Пушану, который помогал умершему попасть в страну предков (Кузьми-

на Е.Е., 1986. с.76). При этом в зависимости от варны умершего, варьировал вид жертвенного животного: при похоронах брахмана в жертву приносили чёрную корову, похоронам кшатрия соответствовал конь, а вайшьи – коза или баран (ШБ. 13. 8. 1). Таким образом, кости жертвенных животных в погребении, возможно, могут дать информацию о прижизненном статусе покойного.

Завершая обзор источников, могущих помочь в интерпретации элементов второй фазы савромато-сарматских погребальных ритуалов, можно отметить еще один нюанс. Как правило, наличие или отсутствие в погребениях оружия и золотых украшений однозначно трактуется как результат социального расслоения. Вместе с тем, ведийскими ритуалами предусматривалось изъятие из погребения кшатрия дубины и лука и передача их новому мужу его жены (РВ. X. 18. 9; АВ. XVIII. 2. 59-60) и передача наследникам золотых украшений покойного, которые также снимались с мертвого тела в процессе похорон (АВ. XVIII. 4. 56). Таким образом, комплексы, не содержащие этих предметов, могут принадлежать не малоимущим, а людям, имевшим живых наследников. В свою очередь, погребения с оружием и золотыми украшениями вовсе не обязательно принадлежат элите (особенно погребения детей и подростков). Возможно, у этих покойников просто не было наследников. Это допущение вполне относится к памятникам прохоровской культуры, для которой характерны погребения в одних и тех же курганах-кладбищах в одинаковых по объему трудозатрат могилах в одинаковых позах, но с разными по объему наборами инвентаря. Возможно, для уточнения реального статуса погребённого при жизни, имеет смысл обращать внимание именно на кости жертвенных животных, особенно, из безинвентарных погребений.

Пословица, о том, что сираки делают вождем самого рослого, приведённая Зенобием (Zenob. V. 25), заставляет при определении статуса погребённого обращать внимание и на антропологические особенности, в частности, рост погребённых. В первую очередь это касается, естественно, антропологических материалов из сиракских погребений Северо-Западного Предкавказья. Разумеется, антропологические параметры погребённого уже выходят за пределы перечня деталей погреб-

бального обряда, однако они, возможно, могут способствовать более адекватной интерпретации последних.

С третьей поминальной фазой, вероятнее всего, связана традиция возведения каменных изваяний, фиксируемая в Приуралье и Закаспии (Ольховский В.С., 2005. с. 131-151). Изваяния, не являющиеся надгробиями, подобные статуям Байте, могли использоваться в обряде, близком осетинскому «сиденью мертвых». Вместе с тем, они могут быть прототипом описанных В.Ф. Миллером и сооружающимся по сей день в погребальной практике осетин изображений умершего с оружием²². Львиная доля известных на сегодняшний день сарматских изваяний обнаружена на юге Казахстана на Устьюрте и Мангышлаке. Выявленные там погребения с сарматским инвентарем часто отличаются от «классических» сарматских ингумаций и, скорее, являются костехранилищами. Таковы склеповые могильники в Акяйла, Балаишеме, Гараязы, Дордуле, Ханылыгыре, и склепы, непосредственно связанные со скоплениями изваяний у колодцев Байтэ и на полуострове Мангышлак. Можно осторожно предположить, что изобилие изваяний сарматских воинов с подчеркнутыми атрибутами статуса – гривнами, горитами, мечами может быть связано с массовым принятием части сарматов одного из направлений зороастризма, не позволяющего, как уже отмечалось, хоронить усопших в соответствии с древними североиранскими традициями. Сарматы Средней Азии в III в. до н.э. могли, подобно крещеным осетинам XIX-XXI вв., хоронить своих сородичей по зороастрийскому ритуалу, а все необходимые по старым верованиям атрибуты изображать на изваяниях, так же, как сегодня осетины изображают на досках умерших родственников в традиционном костюме, с оружием и аксессуарами, которые христианский ритуал запрещает помещать в могилу.

Возможно, с постпогребальными действиями связаны и захоронения лошадей вне человеческих погребений в Курганинском кургане-кладбище. Здесь мы, вероятнее всего, имеем дело с одним из вариантов посвящения коня (или коней), покойному.

²² Приношу глубокую благодарность А. Кизилову, предоставившего в моё распоряжение фотоматериалы, фиксирующие проявления этого обычая в современной Осетии.

Таким образом, некоторые детали погребальных ритуалов, прослеживаемые в савромато-сарматских памятниках, могут находить объяснение в скифской, ведийской, авестийской и осетинской погребальной практике.

Можно предполагать, что в верованиях савроматов, сарматов и родственных им скифов, алан, саков и массагетов и прочих т.н. северных иранцев сочетались религиозные представления и культовые практики (либо их зачатки), которые у южных иранцев и индоариев обособились и отделились друг от друга. Именно в этой обстановке могли практиковаться ритуалы, находящие объяснения и в ведийских, и в авестийских верованиях.

ЛИТЕРАТУРА

- Балонов Ф.Р., 1980. Колесный транспорт сарматской эпохи // Археология Южной Сибири. – Кемерово.
- Бессонова С.С., 1977. О скифских повозках // Древности степной Скифии. – Киев: Наукова Думка.
- Демкин В.А., Рысков Я.Г., 1994. Реконструкция погребальной пищи в курганных захоронениях бронзового и раннежелезного веков // Курганы левобережного Илека. Вып.2. – М.
- Дюмезиль Ж., 1990. Скифы и нарты. – М.: Наука.
- Железчиков Б.Ф., 1998 Археологические памятники Уральской области. – Волгоград: Изд-во ВолГУ.
- Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В., 2006. Древности Лебедевки (VI-II вв. до н.э.). – М.: Вост. лит.
- Кузьмина Е.Е., 1986. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. – Фрунзе: Илим.
- Мейтарчян М.Б., 1999. Погребальный обряд зороастрийцев. – М.: Институт востоковедения РАН.
- Мещеряков Д.В., 1996. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на р. Илек // АПО. Вып. 1.
- Миллер В.Ф., 1882. Черты старины в сказаниях и быте осетин // ЖМНП. Ч. ССХХII. Отд. 2.
- Миллер В.Ф., 1992. Осетинские этюды. Ч.1 // В. Миллер. Осетинские этюды. – Владикавказ.
- Миллер В.Ф., 1992а. Осетинские этюды. Ч.2 // В. Миллер. Осетинские этюды. – Владикавказ.
- Ольховский В.С., 2005. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. – М.: Наука.
- Плетнева С.А., 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV– IX века). – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та.
- Пшеничнюк А.Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале // Документы и материалы по истории башкирского народа. – Уфа.
- Сенигова Т.Н., 1956. Отчёт о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года // ТИИАЭ. Т.I. Археология.
- Смирнов К.Ф., 1959. Курганы у сёл Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. № 60.
- Струве В.В., 1948. Родина зороастризма // Советское востоковедение. V.
- Хазанов А.М., 1964. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. №3.
- Simonenko A., Marčenko I., Limberis N., 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräben zwischen Unterer Donau und Kuban // Archäologien in Eurasien. 25. – Mainz.

Коцева А. А.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ГЛИНЫ И ГЛИНЯНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В БЫТОВЫХ ПАМЯТНИКАХ МЕОТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одним из малоизученных вопросов связанных с керамическим производством меотов Закубанья, является выявление и атрибуция глиняных конструкций. Во время полевых исследований авторы раскопок обращали внимание на сооружения, основным материалом при изготовлении которых являлась глина. Однако на сегодняшний день нет специальных работ, посвященных конструктивным особенностям жилищ, очагов, локальных святилищ, хозяйственных ям, культовых и других объектов меотских поселений, выполненных с применением глины. Плохая изученность глиняных сооружений обусловлена тем, что зачастую нет полномерной фиксации этих объектов: исследователи ограничиваются лишь упоминаниями о них (Раев Б. А., 2012. Стр. 207).

В настоящее время зафиксировано значительное количество памятников относящихся к меотской культуре: около 350 городищ и 170 неукрепленных поселений. В то же время большинство из них известно лишь по сборам (Каменецкий И. С. 2011. Стр.239-240, Рис.181, 182).

Меотские поселения раннего времени (VI-V вв. до н. э.) представляли собой небольшие, родовые поселки неукрепленного типа, расположенные по берегам рек. К IV в. до н. э. они расширяются, укрепляются фортификационными сооружениями и трансформируются в городища.

Наиболее полно исследованы Нововочепшійское городище (Беглова, 1991. Стр. 57), Тенгинское городище (Эрлих, 2011), Тахтамукайское городище (Анфимов Н.В., 1985. Стр. 92-107), поселение Теучежхабль (Джигунова, Дитлер, Черных. 2012. Стр. 100-142). Наибольшие участки селищ исследованы на поселении Псенафа (7000 м²) и на поселении Шенджийское (725 м²) (Кулаков А.А. 2013. Стр. 145). Правда, следует отметить, что на двух последних памятниках авторами раскопок были исследованы периферийные участки поселений, где не было зафиксировано никаких объектов.

Жилища

Крайне мало известно о планировке и типах меотских жилищ. По находкам в культурных слоях глиняной обмазки с отпечатками выгоревших деревянных конструкций можно судить о существовании наземных построек турлучного типа. В культурном слое поселений остатки жилищ определяются по цвету глины и по наличию столбовых ямок. Предположительные размеры жилищ могут достигать 40 м². (Беглова Е. А. 1991. Стр. 230).

Тип жилищ – турлучных или каркасных, в большей мере характерен для западного Закубанья. Остатки таких построек найдены на левом берегу Краснодарского водохранилища, куски глиняной обмазки и турлучная крошка обнаружены на поселении Венцы I в Краснодарском крае (Беглова Е.А., 1991, Стр.56,58) и в Приазовье. Напротив, для восточной части правого и левого бережья Кубани, от места впадения Лабы в Кубань до поворота русла Кубани в меридиональном направлении, характерно уже не турлучное, а саманное домостроительство (без деревянного каркаса). Подобная техника прослежена при исследовании городища Медовка в Шовгеновском районе Адыгеи (Эрлих В.Р. 2006. Стр. 19), на VI Кавказском городище на правом берегу Кубани (Эрлих В.Р. 2006. Стр. 19), на поселении у Ульского пенькозавода и II Тенгинском городище (Эрлих В.Р. 2006. Стр. 19). Остатки саманных (глинобитных) построек хорошо прослеживаются на черноземной пашне в виде невысоких холмиков светло-золистого цвета, насыщенных керамикой и костями (Эрлих В.Р. 2006. Стр. 19). Памятником, при исследовании которого была получена наиболее полная информация по меотскому жилищу, является Нововочепшійское городище. Городище локализуется в 1 км к северу от хутора Нововочепшійский Теучежского района РА. В результате раскопок выявлены остатки турлучных стен двух жилищ имеющих овальную в плане форму и развалы 4 очагов (Носкова Л. М. 1987. Стр. 27). Так в центре площадки Нововочепшійского жилища зафиксирована

столбовая яма диаметром 30 см - возможно, этот столб поддерживал кровлю, в отличие от других, расположенных по периметру площадки, служивших опорными столбами для турлучного каркаса стены (Носкова Л. М. 1987. Стр. 29) (Рис. 3).

На поселении Теучежхабль были обнаружены остатки площадки выполненной из желтой глины (3,0 м x 1,0 м x 0,15 м), предположительно основание какой-то постройки (Черных Е.Н., Джигунова Ф.К. 2012. Стр. 106).

Анфимов Н. В. (Тахтамукайское городище) и Эрлих В. Р. (поселение Псенафа) по находкам кусков обожженной глины с отпечатками выгоревших прутьев каркаса высказывают предположение, что это - развалы стен строений (жилищ). Вероятно, стены жилищ делали из камышовых матов, укрепленных на деревянные каркасы и обмазанных глиной. Крыша и потолок были тоже камышовые, но на потолок набрасывали глину для утепления (Анфимов Н. В. 1985. Стр. 94). Остатки глиняных конструкций говорят о наличии строений, но предназначение этих строений не выявлено. На правобережье Кубани на площади Тенгинского городища В. Р. Эрлих обнаружил, что остатки жилищ располагаются рядами - «улицами» (Эрлих В. Р. 2011. Стр. 98, Рис. 2) (Рис. 2). Таким образом мы можем говорить о двух типах жилых строений: турлучных и саманных.

Печи

К наиболее изученным глиняным сооружениям относятся меотские гончарные печи. Есть две публикации по конструкциям меотских печей (И. Н. Анфимов. 1985. Стр. 65-91, Б. А. Раев Б. А. 2012. Стр. 207-224). Н. В. Анфимовым была предпринята попытка исследования Тахтамукайского городища, расположенного на левой надпойменной террасе р. Кубань в 10 км к югу от города Краснодара. Городище состояло из «центральной» укрепленной части (цитадели) и прилегающего к ней с юга поселения. Конструктивные остатки печей представляют собой сохранившиеся площадки подов и куски от стен и сводов. По конструкции топка устраивалась снаружи, и горячий воздух через топочное отверстие поступал в жаропроводные каналы, которые разделялись перегородками и перекрывались глиняными плитами овальной формы («подушками»). Последние вместе с перегородками служили подом, на котором помещалась обжигаемая

продукция. Таким образом, по наблюдениям Н. В. Анфимова, стенки и свод небольших глинобитных печей Тахтамукайского городища, были сложены на каркасе из жердей, а под был покрыт многочисленными фрагментами сосудов (Анфимов Н. В. 1985. Стр. 95). Печи описанной конструкции характерны также и для других поселенческих памятников меотской культуры (И. Н. Анфимов. 1985. Стр. 65-91, Б. А. Раев. 2012. Стр. 207-224).

Очаги

На территории поселений отмечаются и другие объекты из глины - очаги. Отмечены два типа очажных конструкций: бытовые очаги и производственные очажные ямы.

Очажные ямы представляли собой, ямы округлой или овальной в плане формы - диаметром от 68 до 124 см, конусовидной и полусферической в разрезе формы. Такие ямы были обнаружены на поселении Венцы - I, которое располагается на краю левой надпойменной террасы древнего русла Кубани, в Гулькевичском районе Краснодарского края. С уровня 0,5 - 0,6 м в северной части раскопа было зафиксировано зольное пятно размером 2,6 x 1,6 м мощностью до 0,10 м, ориентированное СЗ-ЮВ. На этом уровне были локализованы два очажных пятна. Исследователи связывают зольную линзу с этими пятнами. У южной части раскопа на глубине 0,7 м было обнаружено третье очажное пятно. (Беглова Е. А. 1991, Стр. 57, Рис. 2) (Рис. 4). Ниже, на глубине 0,67 - 0,75 м, под очажными пятнами отмечен слой прокаленной почвы. Заполнение очажных ям - обожженный суглинок с включением известковой крошки, в заполнении встречались также камни, фрагменты керамики, обмазки, кости животных и фрагменты плиток. В двух ямах кроме хозяйственных отходов были обнаружены своеобразные предметы - конусы, крайне редко встречающиеся в материалах меотских поселений.

Очаг №1 расположен был в центральной части раскопа, ближе к восточной стене. Он представлял собой небольшое углубление с покатыми стенками, в профиле - полусферической формы, в плане - неправильно округлой формы. Размер 1,4 x 1,3 м. Яма опущена с уровня 0,5 м, т. е. с уровня зольника и слегка заглублена в материк. Слой прокала, перемешанный с золой и углями в очаге, составлял около 0,2 м и был насыщен фрагментами керамики (60 фрагментов), там же обнаружены

обломки костей животных, плитки, куски глиняной обожженной обмазки со следами выгоревших прутьев или крупных стеблей. На границе пятна прокала были зафиксированы единичные, сохранившиеся фрагментарно Г-образные плитки. 24 фрагмента плиток были сильно ошлакованы. Здесь же зафиксированы куски керамического шлака, по своему составу отличные от плиток, но аналогичные керамике. Формованные саманные плиты находились в центральной части очага, в основном в его верхнем уровне. Какой-либо определенной системы в их расположении не было. В нижнем слое, у самого дна были обнаружены конусы (Беглова Е. А. 1991, Стр. 57, Рис. 5) (Рис. 10) и их многочисленные фрагменты, сделанные из той же массы, что и плитки.

Очаг №2 находился в 1,5 м к СЗ от очага №1. Очажное пятно неправильно округлой формы, размером 1,46 x 1,30 м. Слой сильного прокала, перемешанного с золой и углями, достигал в центре 0,20 м. В этом очаге найдено 277 фрагментов керамики, некоторые фрагменты сильно пережженные и ошлакованные. В верхнем уровне найдено 52 фрагмента плиток аналогичных плиткам из первого очага. В нижнем слое найдено 10 конусов и их фрагментов. Некоторые скопления плит образовывали нечто вроде монолита и возможно являлись кусками обмазки свода или стенок. В этом очаге, как и в предыдущем, были найдены куски шлака, некоторые с зеленоватой остекленной поверхностью, а также куски турлука со следами каркаса из прутьев.

Очаг №3 расположен в 3 м к югу от очага №1. Четкие границы пятна прослежены с уровня 0,91-0,94 м. В плане оно овальной формы, размером 0,9 x 1,1 м. Мощность прокала около 0,20 м. Здесь найдены довольно крупные прямоугольные формованные плитки, размером 0,40 x 0,50 м, а также меньшего размера, аналогичные тем, которые были в других очагах. Г-образные плитки находились у края прокаленного пятна. Некоторые фрагменты довольно крупных размеров имели сильно ошлакованную поверхность, местами до стеклообразного состояния. Здесь же находились 170 фрагментов керамики, в том числе и пережженной, фрагменты сильно пережженных костей животных.

По мнению Е.А. Бегловой эти очаги служили и для обжига керамики. Исследователь

предполагает, что очаги выглядели следующим образом: обжигательная камера была совмещена с топкой; нижняя часть стен сложена из Г-образных блоков; над ними располагались прямоугольные плитки с чуть выпуклой поверхностью, выше которых находился свод, сделанный из прутьев, обмазанных глиной. Неясным остается назначение формованных конусов. О производственном назначении говорит небрежность изготовления и формовочная масса. Можно предположить, что данные конусы использовались как печной припас при обжиге небольших сосудов, диаметр горла которых не превышал диаметра конусов (10-12 см). Они могли располагаться основанием на поде, а на них донцами кверху надевались сосуды (Беглова Е.А. 1991. Стр. 57-59) (Рис. 9/1). Идентичный предмет был обнаружен Н.В. Анфимовым на Тахтамукайском городище (Анфимов Н.В. 1985, Стр.113, Табл. VII) (Рис.10/II). Однако исследователь интерпретировал его как «крышечку».

Бытовые очажки зафиксированы на поселении Теучежхабль. Так в квадрате III 10 обнаружена конструкция из обожженной глины, сцементированной золой, мелкой гальки и фрагментов плиток с остатками бортика. Размеры конструкции 0,3 x 0,6 x 0,1 м. В квадрате III 9 над засыпанной ямой 17 был сооружен небольшой очаг с бортиком в виде овальной платформы из обожженной глины 0,44 x 0,54 x 0,19 м, сохранившийся фрагмент бортика имел высоту 0,12 м. (Рис. 5).

Бытовые очаги с бортиком на поселениях распространены достаточно широко, они зафиксированы также на Елизаветинском и Нижне-Гниловском городищах (Каменецкий И. С. 2011. Стр. 235) (Рис. 6). Очаги как правило находились внутри поселения.

Ямы

Другими объектами, конструкция которых связана с физическими свойствами глины, создающей эффект термоса (Зотов Д.Г. по устному сообщению), были хозяйственные ямы. Ямы имели округлую или овальную в плане форму, диаметром от 0,8 до 2,20 м, глубиной от 0,1 до 1,0 м. В разрезе они были конусовидной, колбовидной, грушевидной конфигурации, с прямыми отвесными стенками, двухчастные, с воронковидной верхней частью, зафиксированы также ямы со ступенями. (Рис. 7).

В заполнении ям встречаются кости животных, глиняные плитки, фрагменты керамики, фрагменты бронзовых предметов. Как отмечает И. С. Каменецкий, хозяйственные ямы использовались, как кладовые: для хранения зерна и обмазанные глиной для засолки рыбы (Каменецкий И. С. 2011. Стр. 236). Количество ям на памятниках различно: на поселении Теучежхабль отмечено 17 ям, на Нововочепшійском городище – 30, на поселении Псенафа – 14, на Тахтамукайском городище I – 31 яма, на Тахтамукайском городище II, Н. В. Анфимов отмечает наличие множества ям, из которых описаны только 4, остальные, по его сведениям, размыты.

На поселении Теучежхабль содержимое некоторых ям вызывает особый интерес.

Яма № 3, в заполнении ямы – найдено 67 фрагментов керамики, кости животных, обмазка, 3 разбитые плитки. На дне ямы расчищен полный скелет собаки. (Черных Е.Н., Джигунова Ф.К. 2012. Стр. 103. Рис. 7) (Рис. 9).

Яма № 6. В яме зафиксировано два уровня засыпки. На первом уровне расчищен комплекс, состоящий из задней части лошади, (передняя смыта водой), черепов крупного рогатого животного и овцы. На скелете лошади лежал обломок глиняной призматической плитки. В засышке ямы до ее верхнего уровня обнаружен 31 фрагмент глиняных усеченно-пирамидальных плиток. На глубине 1,2 м от верхнего ее края вскрыт нижний уровень. На дне ямы лежал полный скелет овцы и 6 крупных галек. (Черных Е.Н., Джигунова Ф.К. 2012. Стр. 103. Рис. 8) (Рис. 11).

Яма 11 – в заполнении встречено 82 фрагмента керамики, 4 обломка глиняных плиток, кости животных. У дна ямы в заполнении обнаружена половина (задняя часть) зооморфной скульптурки. (Черных Е.Н., Джигунова Ф.К. 2012. Стр. 105. Рис. 14) (Рис. 11).

По береговому обнажению в квадрате О 20 отмечено зольное пятно – остатки ямы. При разборке квадрата зафиксировать яму не удалось. Однако при вертикальной зачистке берегового обнажения в зольном пятне на глубине 1,50 м от дневной поверхности была обнаружена глиняная скульптурка животного (Черных Е.Н., Джигунова Ф.К. 2012. Стр. 105. Рис. 14). (Рис. 11). Ямы располагались как внутри поселения, так и за пределами.

Меотские святилища и ритуальные комплексы.

Культовые комплексы встречаются еще в протомеотское время. Так в урочище Ленинохабль неподалеку от протомеотского могильника Пшиш I, был обнаружен культовый комплекс VII в. до н. э., представляющий собой площадку 2,5 × 3 м, где находились фрагменты челюстей и отдельные зубы свиньи и лошади (Сазонов А. А., 1995, с. 73–77).

По выражению И. С. Каменецкого честь открытия меотских «святилищ» принадлежит экспедиции Государственного музея искусства народов Востока, под руководством А. М. Лескова (Каменецкий И. С. 2011. Стр. 244). Как категория археологических памятников они выделены в 1981 г. при раскопках подкурганых ритуальных площадок в ауле Уляп.

При раскопках Тенгинского городища В. Р. Эрлих выявил ритуальные подкурганные площадки, относящиеся и к бытовому памятнику. Исследователь выделяет четыре основных вида меотских святилищ (Эрлих В.Р., 2006. Стр. 25):

1. Скопление (бессистемное расположение) жертвенных вещей, костей животных без какой-либо деревянной конструкции под небольшой насыпью.

2. Конские жертвоприношения (целые костяки, черепа коней или только уздечка) (бессистемное расположение) без деревянной конструкции под небольшой насыпью.

3. Жертвоприношения совершаются в определенной системе, конские костяки или черепа лошадей выкладываются по кругу или полукольцом вокруг жертвенника.

4. Деревянные конструкции — шатры или полушатры, оградки предскифского и раннескифского времени.

Признаками **ритуальных комплексов** являются жертвоприношения крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней, собак, бронзовых предметов, галек, битой посуды, зооморфной пластики. Авторы, исследовавшие некрополи у аула Уляп указывают на отчетливо проявляющиеся признаки культа собаки: ритуальные захоронения собак были зафиксированы в курганах, святилищах и грунтовых могилах. В кургане-святилище I Тенгинского городища у захороненной собаки были намеренно сбиты верхушки зубов; в погребении «жрицы» (могила 177) Тенгинского

грунтового могильника скелет маленькой собачки находился поверх бронзового зеркала. В остеологических материалах поселения эпохи бронзы Лесное обнаружена пястная кость собаки, имеющая залощенность, которую Е.Е. Антипина атрибутирует как культовый предмет (Антипина Е. Е. 2011. Стр. 186). Этот автор указывает также, что на поселениях эпохи раннего железа кости собаки как культовые предметы встречаются чаще, чем в эпоху бронзы. В Великобритании в графстве Нортгемптоншир в 2004 году раскопано погребение женщины VII века, в ногах которой также находилась маленькая собачка (<http://doskado.ru / blog/ 2013-02-28-97>)

Скелет собаки в полной анатомической сохранности из ямы № 3 поселения Теучежхабль в связи с вышесказанным наводит на мысль о не-случайности его нахождения в ней. Яму № 6 этого же поселения с жертвенными комплексами, расположенными на двух уровнях, в одном из которых находились шесть ритуальных галек, следует атрибутировать как ритуальный комплекс (Рис. 7). В заполнении двух ям (№ 11 и остатки ямы в квадрате О 20) кроме обломков призматических плиток находились зооморфные фигурки, поверхность одной из которых была залощена до зеркального блеска (Рис. 10). К ритуальным объектам, по-видимому, следует отнести и яму № 2, где не обнаружено следов захоронения, однако в комплекс предметов из этой ямы входили: череп лошади, железные двуколычатые удила, три треугольные подвески, выполненные из клыка, подвеска подквадратной формы из раковины, железное кольцо и железный наконечник копья. Все эти признаки говорят в пользу того предположения, что на поселении отправление культовых ритуалов в некоторых случаях совершалось с использованием ям. Можно привести очень отдаленную аналогию. В Великобритании в графстве Йоркшир в городе Бартон в 2000 году на территории поселения железного века обнаружено ритуальное захоронение женщины IV века до н.э. именно в хозяйственной яме (<http://doskado.ru/blog/2013-02-28-9717>). Можно предположить, что ямы на поселениях играли роль локальных святилищ.

Культовые предметы

Из глины выполнялись и некоторые культовые предметы: ритуальные сосуды-курильницы, вотивные миниатюрные сосуды,

вотивные колеса, плитки со знаками, миниатюрная пластика.

На Тахтамукайском городище, расположенном на левой надпойменной террасе р. Кубани в северо-восточной части аула Октябрьского, на площади VIII в яме (яма № 1) были найдены глиняное колесо диаметром 12 см и стенки глинобитных сооружений высотой 15 см. На двух обломках стенок по верхнему краю был нанесен орнамент в виде небольших ямок, напомнивших автору раскопок Анфимову Н. В., детали жертвенника Елизаветинского городища (Анфимов Н.В. 1985. Стр. 103). В фондах НМРА хранятся фрагменты вотивных колес диаметром до 30 см, обнаруженных Н. В. Анфимовым на Ладожском городище. Изображения колес, по независящим от автора причинам, в настоящее время, к сожалению, не могут быть предоставлены вниманию читателей.

Плитки

На равнинной части левобережной Кубани между реками Белой и Афином располагаются памятники, где в значительных количествах обнаруживаются глиняные плитки. Самое большое скопление плиток со знаками - 240 шт., сконцентрированных на площади 50 x 50 м, обнаружено на поселении Нечерезий. В собранной коллекции представлены плитки разбитые практически пополам. (Ловпаче Н.Г. 2005. Стр. 6). На городищах хутора Слепого, Ново-Пчасовском, Барсучьем, Ассоколаевском, Тахтамукайских городищах №1 и №2, на поселении Теучежхабль также было найдено множество плиток, расколотых аналогичным образом. Археологический контекст, в котором находились плитки, авторами практически не изучался. Исключение составляет поселение Теучежхабль, при раскопках которого авторами была прослежена концентрация плиток в местах хозяйственной деятельности населения, при этом плитки не являлись частью очажных конструкций. (Черных Е.Н., Джигунова Ф.К. 2012. Стр. 111).

Всеми исследователями признается что плитки, в особенности плитки - «таблетки» являются предметами культа. Возможно, косвенным подтверждением этого тезиса являются множественные находки плиток в хозяйственных ямах (Черных Е.Н., Джигунова Ф.К. 2012. Стр. 111. Рис. 15, 21).

Авторами выделяется два типа плиток: призматические с расширенным основанием

(«стоячие») и плитки - «таблетки» (Крушкол Ю. С. 1971, Соломоник Э.И. 1979, Ловпаче Н.Г. 2005) (Рис 12, 13). Отмечаются плитки неорнаментированные и плитки со знаками на одной из сторон. Знаки чаще всего геометрического характера: линии параллельные и перекрещивающиеся, кресты, окружности, концентрические окружности, овалы, дуги, иногда криволинейные фигуры, вдавления. По мнению Э. И. Соломоник назначение плиток различно. Некоторые из них носили характер апотропеев и служили для магических заклинаний и гаданий. Плитки с различным количеством ямок и черточек могли использоваться при гаданиях и заклинаниях, связанных с какими-то числами, что могло относиться к урожаю, улову рыбы или числу убитых врагов. (Соломоник Э. И. 1979. С. 176). Однако И. С. Каменецкий выражает сомнение по поводу счетных документов. Он полагает, что контекст, в котором находятся плитки, все-таки свидетельствует об их культовой функции (Каменецкий И. С. 2011. Стр. 313).

Кроме плиток - «таблеток», на городищах и поселениях встречаются глиняные плитки с широким основанием, которые носят название «стоячих». Размеры плиток различны. У большинства плиток имеется отверстие в верхней части. На поселении Теучежхабль плитки этого типа были обнаружены в ямах вместе с культовыми скульптурками, или с ритуальным жертвенным комплексом, который содержал скелет коня, бараньи головы, скелет овцы и шесть крупных галек. Ни один домашний или производственный очаг на поселении Теучежхабль не имел в своей конструкции плиток. Но плитки концентрировались к местам производственной деятельности, что возможно свидетельствует о ритуалах предшествующих или сопровождающих эту деятельность (Джигунова Ф.К., Дитлер П.А., Черных Ел. Н. 2012.С. 111).

Пластика

Отмечена целая серия небольших антропоморфных статуэток, как правило, изображающих женское божество (высотой 8—12 см). Они изготовлены вручную, без применения формы, из грубого глиняного теста, обожжены. Изображения очень схематичны — выделена голова, с обозначением носа и глаз, и грудь, подчеркивающая женское начало. Женские статуэтки связаны с культом матери-земли, плодородия, на что указывают под-

черкнутые женские черты — выделение груди, при общем схематизме и условности изображения самой фигуры. Не исключено, что некоторые из этих статуэток могли быть изображением богини-покровительницы домашнего очага. Основания у статуэток несколько расширены, что придает им устойчивость (Каменецкий И. С. 2010, Стр. 204, Рис. 23). В ямах поселения Теучежхабль найдены две глиняные фигурки животных, одна из которых была залощена (Джигунова Ф.К., Дитлер П.А., Черных Ел. Н. 2012.С. 111. Рис. 14) (Рис. 11).

Миниатюрные сосуды

Только в поселенческом керамическом материале меотской культуры встречаются миниатюрные сосуды. В количественном соотношении эти сосуды значительно уступают всем остальным видам керамики. Выделяются несколько групп миниатюрных сосудов:

- вазочки; размеры вазочек колеблются от 5 до 10 см (Рис. 15);
- миски; диаметр венчика мисочек от 3 см до 6 см. (Рис. 15);
- сосуды баночной формы; размеры этих сосудов колеблются от 3 до 8 см. (Рис. 17).

Интерес представляет миниатюрный сосуд из поселения Чишхо на плоском поддоне, с туловом баночной формы из светло-коричневой глины. На стенках процарапаны изображения знаков - овал, ромб неправильной формы, и треугольник. (Рис. 17)

На поселении Псенафа, в яме 4 был обнаружен миниатюрный сосуд, внутри которого находилась галька (Эрлих В. Э., 2011-2012, Стр.48). (Рис. 16). На Псекупском кургане в святилище (раскопки Джигуновой Ф. К. 2006 года) найдено большое количество миниатюрных сосудов. О.26 южная пола, что является косвенным подтверждением о сакральном характере этих сосудов.

Все миниатюрные сосуды, найденные на поселениях левобережья Кубани, местного производства и относятся к позднему этапу меотской культуры. Функциональное назначение миниатюрных сосудов неизвестно. Нет оснований предполагать, что они использовались в быту, так как ни по форме, ни по технологическим особенностям не похожи на бытовую посуду. С другой стороны они не участвовали и в погребальном обряде. Найденные на городищах миниатюрные сосуды локализовались вблизи гончарных печей. Возможно, ми-

ниатюрные сосуды также относятся к вотивным предметам.

Культы и верования меотов в настоящее время не известны. Фиксируются только признаки и черты неких ритуалов. Ряд предметов можно отнести к культовым. Это лепные, глиняные курильницы с горизонтальными ручками-упорами, в которых находили уголь и золу, глиняные плитки, миниатюрные сосуды, вотивные колеса, зооморфная и антропоморфная пластика, пряслица. (Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2006. Стр.89).

Выводы:

1) Уже на сегодняшнем уровне исследований можно говорить о двух типах жилых строений: турлучных и саманных.

2) С большой вероятностью можно предположить, что меотские очаги существовали двух типов: плиточные с бортиком и очажные ямы и располагались внутри жилища.

3) Предположительно, ямы на поселениях функционировали и как локальные святилища. Это подтверждается находками ям с вотивными предметами как внутри поселений так и за их пределами.

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов Н. В. Тахтамукайское первое городище (По раскопкам экспедиции АНИИ 1956, 1958 и 1960 гг.). Вопросы археологии Адыгеи. 1985

Античное наследие Кубани часть II, Древние культуры Кубани, Каменецкий И. С. Том I, М. Наука, 2010

Антипина А. А. Osteологические материалы из раскопок поселения Лесное эпохи бронзы (Адыгея, Майкопский район). Аналитические исследования лаборатории. Выпуск 2. Москва. 2011

Анфимов И. Н. Меотские гончарные печи I – III вв. н.э. (Старокорсунское городище). Вопросы археологии Адыгеи. 1985

Беглова Е. А. Венцы I – поселение эпохи раннего железа в Закубанье. Древности Северного Кавказа и Причерноморья. 1991

Джигунова Ф.К., Дитлер П.А., Черных Ел. Н. Археологическое наследие Республики Адыгеи: поселение и могильник Теучежабль раннего железного века // Социально-гуманитарные и экологические проблемы развития современной Адыгеи. Ростов-на Дону. 2012.

Каменецкий И. С. История изучения меотов, Москва, 2011 Кантарович А. Р., В. Р. Эрлих. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи, Государственный музей Востока, 2006 г.

Крушкoл Ю. С. Древняя Синдика. М., 1971

Кулаков А. А. Средневековый слой поселения Октябрьское 1 // Хазарские древности. Аксай. 2013

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Выпуск 6. Краснодар. 2006.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Меоты. Античное наследие Кубани. 2010.

Ловпаче Н. Г. Послание из древнего города Хатыпсы. Майкоп. 2005

Соломоник Э. И. Кубанские керамические плитки // Археология СССР, 1979, № 4

Раев Б. А. Гончарные печи меотских городищ Прикубанья и Подонья. Tyrgelia/ Vol/VI [XXI] nr.1. Chisinau/ 2012

Сазонов А. А., Протомеотский культовый комплекс в урочище Ленинхабль на реке Пшиш // Археология Адыгеи. Майкоп. 1995

Эрлих В. Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. М. 2006.

Эрлих В. Р. Древности «долины яблонь». Каталог выставки. 2014

Эрлих В.Р. Святилища некрополя Тенгинского городища II IV в. до н.э. Москва. Наука. 2011

<http://doskado.ru/blog/2013-02-28-9700>

<http://doskado.ru/blog/2013-02-28-9717>

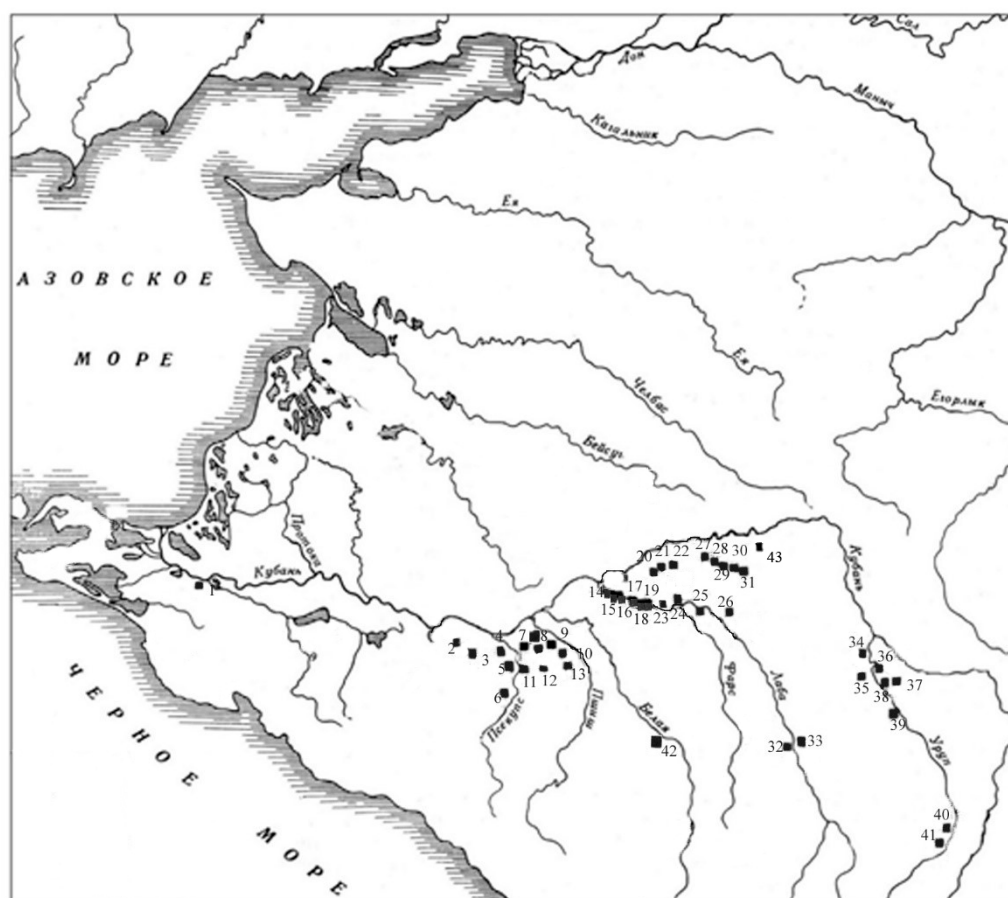

Рис. 1 - Карта меотских поселений закубанья:

- 1- Семибратнее городище; 2 – Тахтамукайские городища I - II; 3 – Шинджийское городище;
 4 – Гатлукаевское поселение 2; 5 - Гатлукаевское поселение – 1; 6 – поселение Маяк, 7 – Пшикуйхабль-
 ское; 8 – Ново-Пчасское; 9 – Теучежхабль; 10- городище у села Красное; 11 - Ново-Вочепшийское;
 12 - городище в хуторе Слепом; 13 – Ассоколаевское; 14 – Некрасовское; 15- Некрасовское I;
 16 – Ново-лабинское; 17 – Новолабинское II; 18 – Ново-Лабинское III; 19 – Семеновское; 20 – Заречное;
 21 – Новоселовское; 22 – Калининское; 23 – Тенгинское; 24 – поселение Мамхег правобережный;
 25 – поселение Мамхег левобережный; 26 – Усть-Синюха; 27 – Старокубанское II; 28 – Советское;
 29 – Шапка; 30 – Батарея; 31 – поселение на реке Рубфабго; 32 – Владимирское 2; 33 – Владимирское VI;
 34 – 38 – поселения Успенские; 39 – Заурупское; 40 - Романчук ; 41 – Мокрянка; 42 – Псенафа,
 43 – Венцы I.

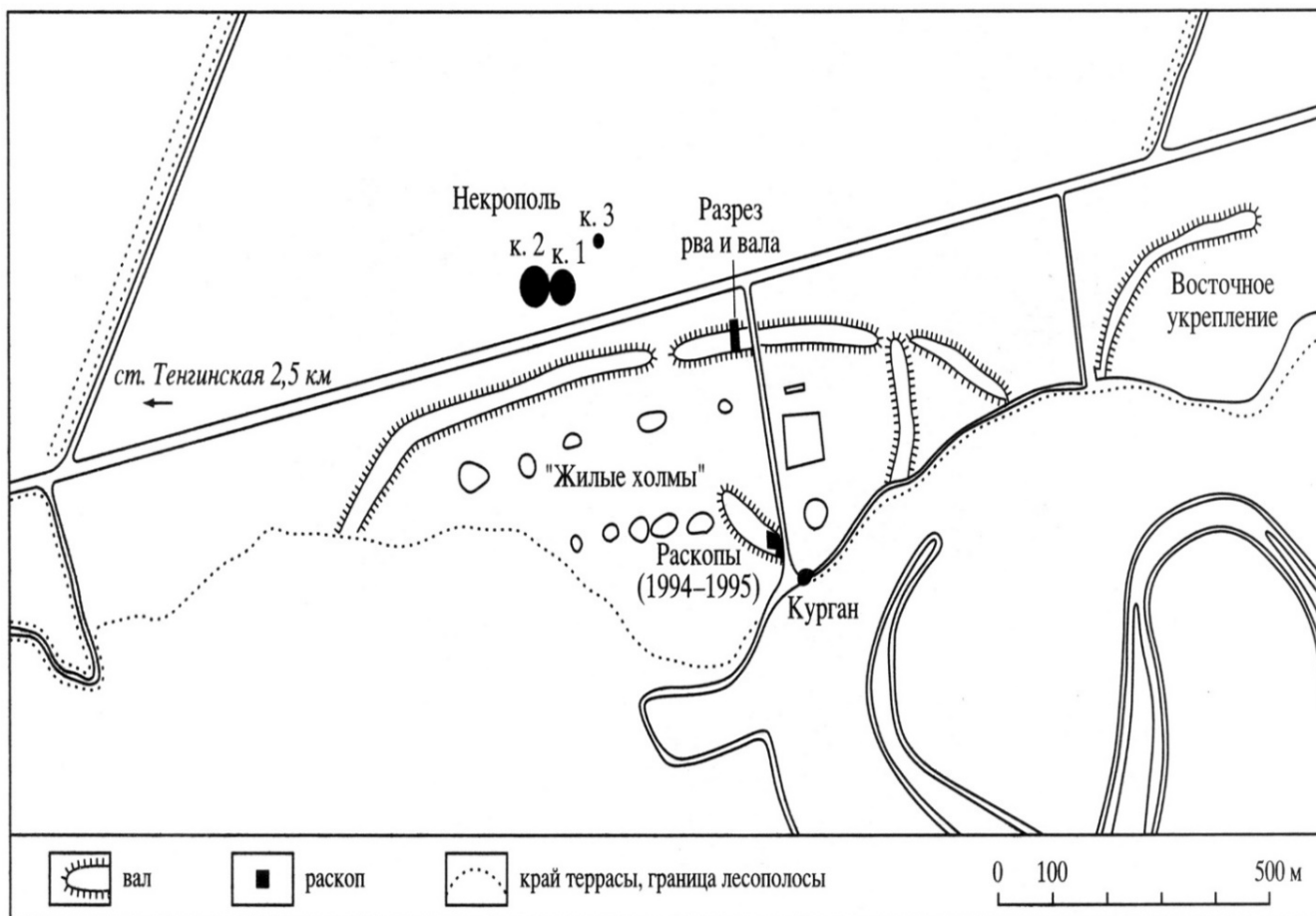

Рис.2. План Тенгинского городища II (по Эрлиху В.Р. 2011)

Рис. 3. Ново-Вочепшийское городище, жилище 1 (из фондов НМРА)

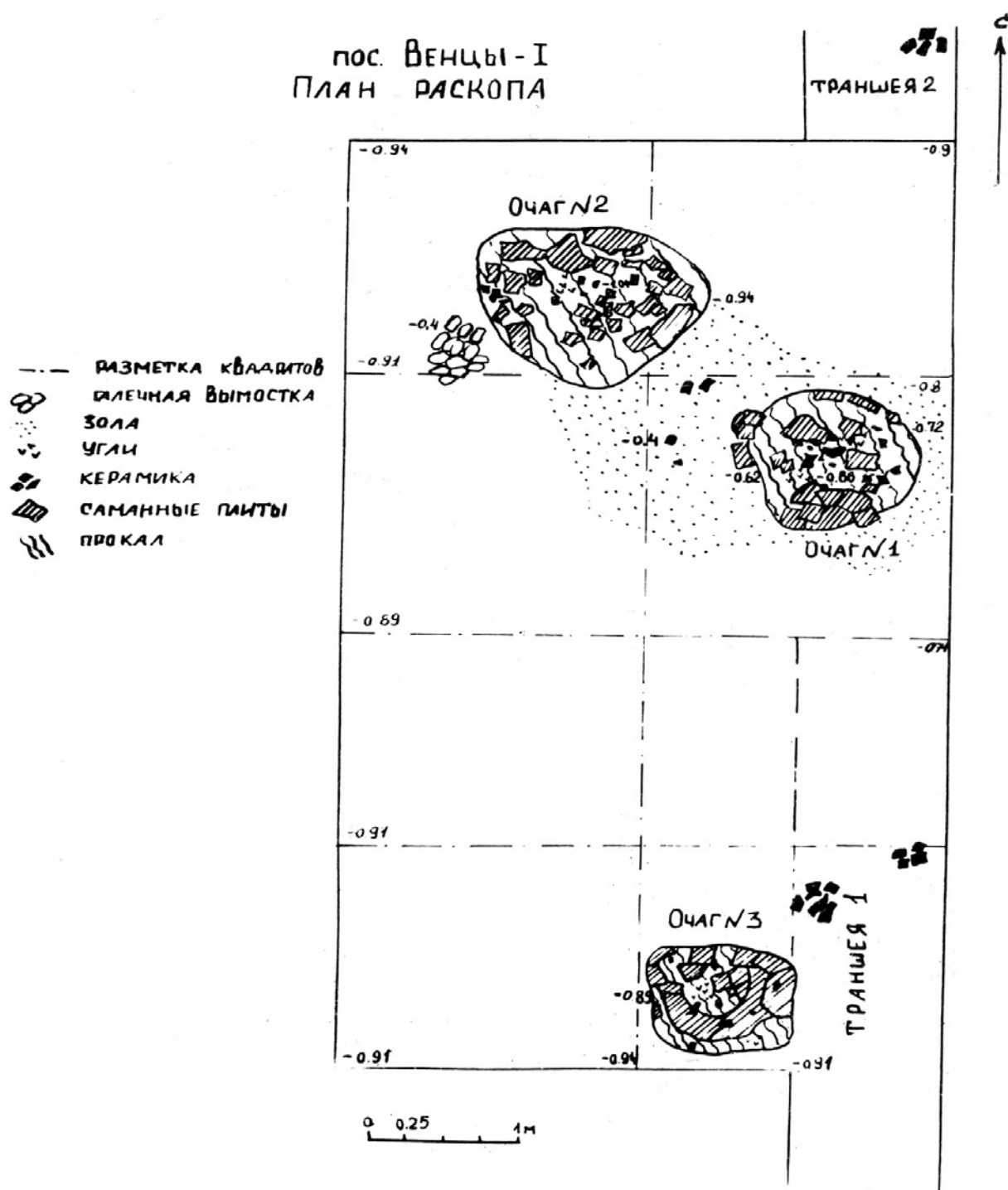

Рис.4. План поселения Венцы – I (по Бегловой Е. А. 1991)

Рис. 5. Очаг (фото из фондов НМРА). Поселение Теучежхабль.

Рис. 6. Нижне – Гниловское поселение очаг у лежанки (по Каменецкому И.С. 2011)

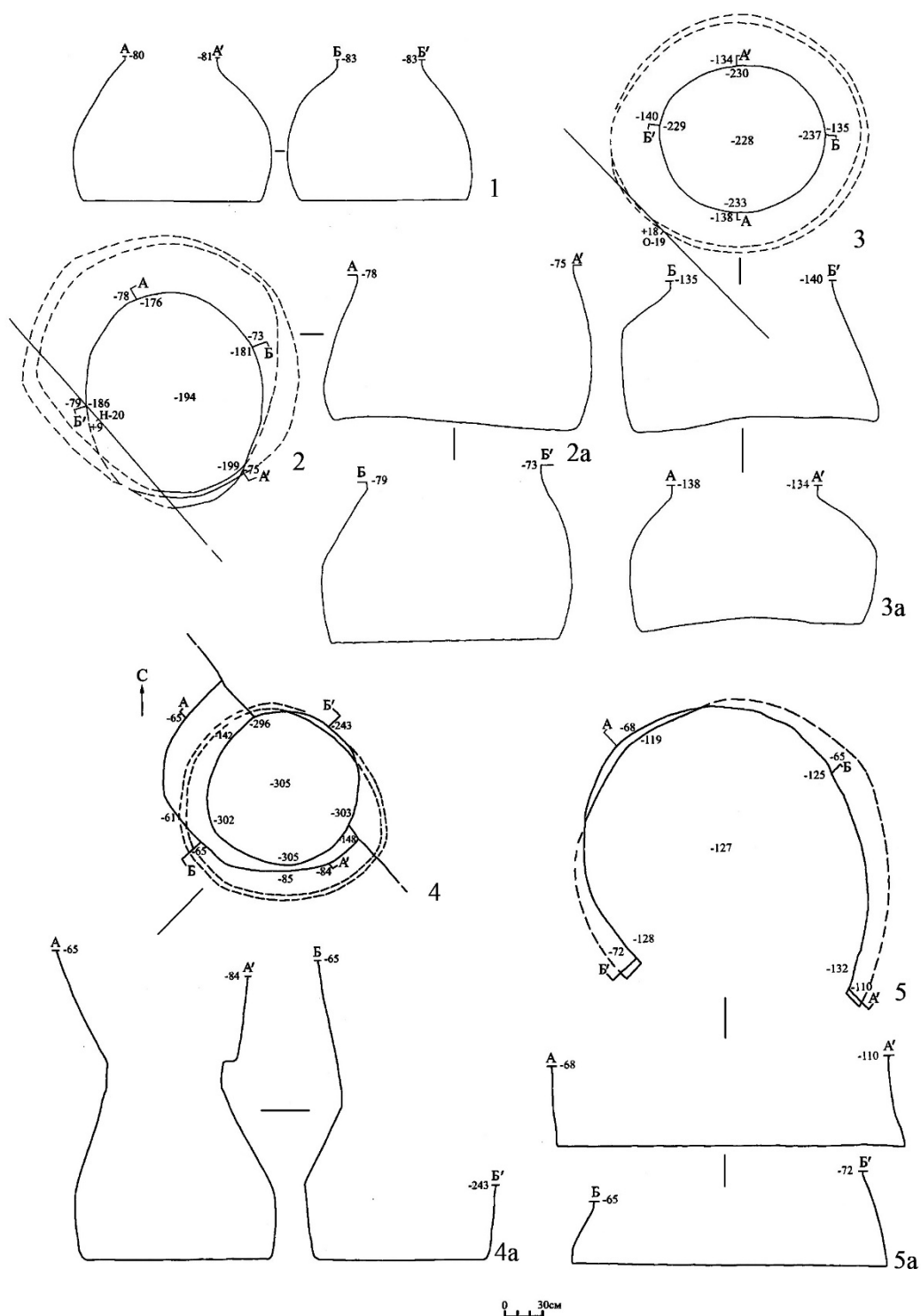

Рис. 7. Виды ям поселения Теучежхабль: 1- яма 8, М-21 (разрезы), 2 – яма 9, квадрат Н-20 (план), 2а – яма 9 (разрезы), 3 – яма 12, О-19 (план), 3а – яма 12 (разрезы), 4 – яма 16, квадраты Ф-14, Ф-13, Х-13 (план), 4а – яма 16 (разрезы), 5 – яма 14, Ш-8 (план), 5а – яма 14 (разрезы) (по Джигуновой Ф.К., Дитлеру П.А., Черных Ел. Н. 2012)

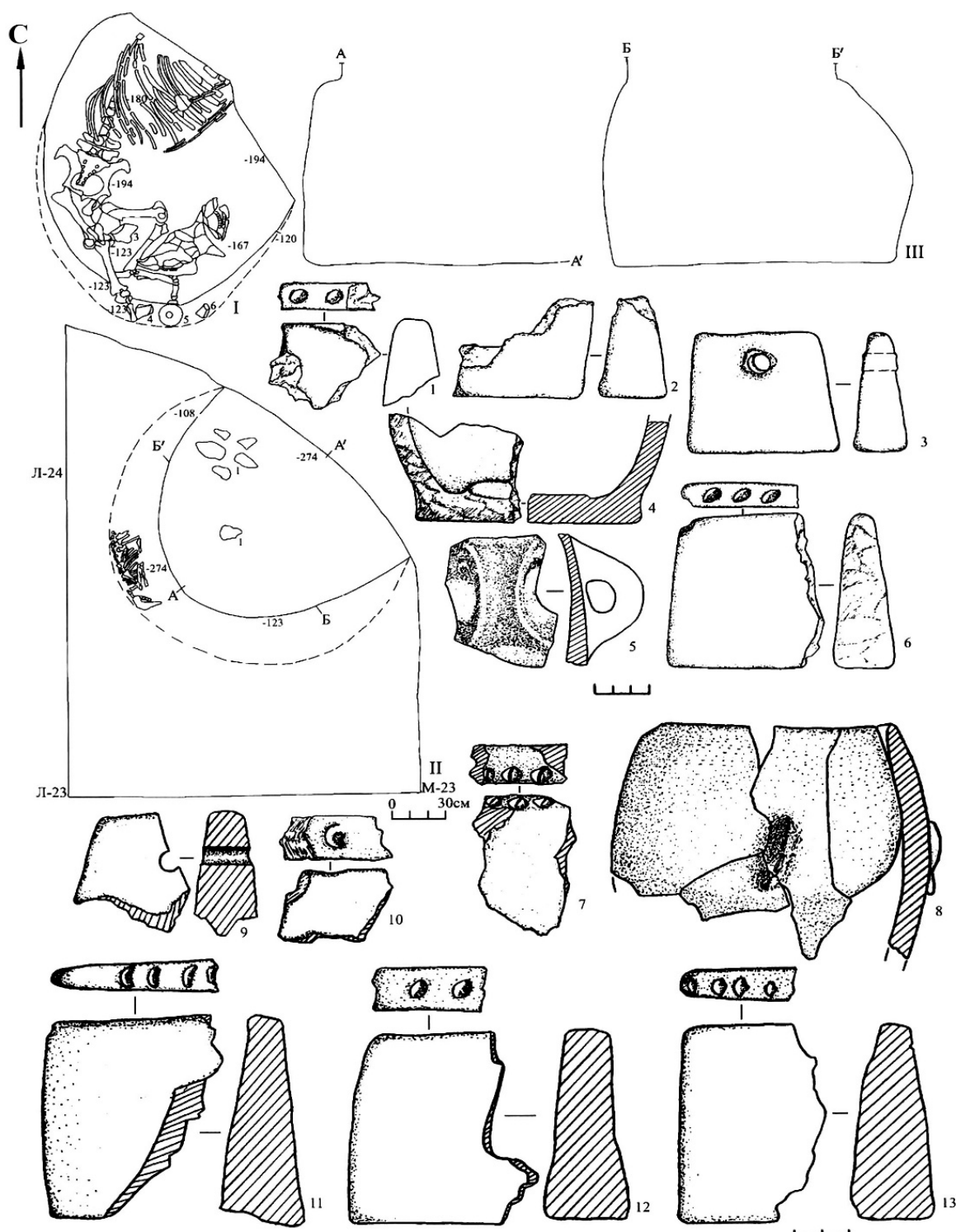

Рис. 8. I – яма 6 (верхний уровень): 1 – фрагмент плитки; 2 – плитка керамическая; 3 – фрагмент сосуда; 4 – фрагмент плитки; 5 – сосуд стеклянный; 6 – фрагмент плитки. II – яма 6 (нижний уровень): 1 – камни. III – яма 6 (разрезы): 1-6 – находки верхнего уровня: 1 – 3, 6 – фрагменты плиток; 4 – фрагмент дна сосуда; 5 – ручка. 7 – 13 – находки в засыпке ямы: 7, 9 – 13 – фрагменты керамических плиток; 8 – фрагмент сосуда баночной формы (по Джигуновой Ф.К., Дитлеру П.А., Черных Ел. Н. 2012)

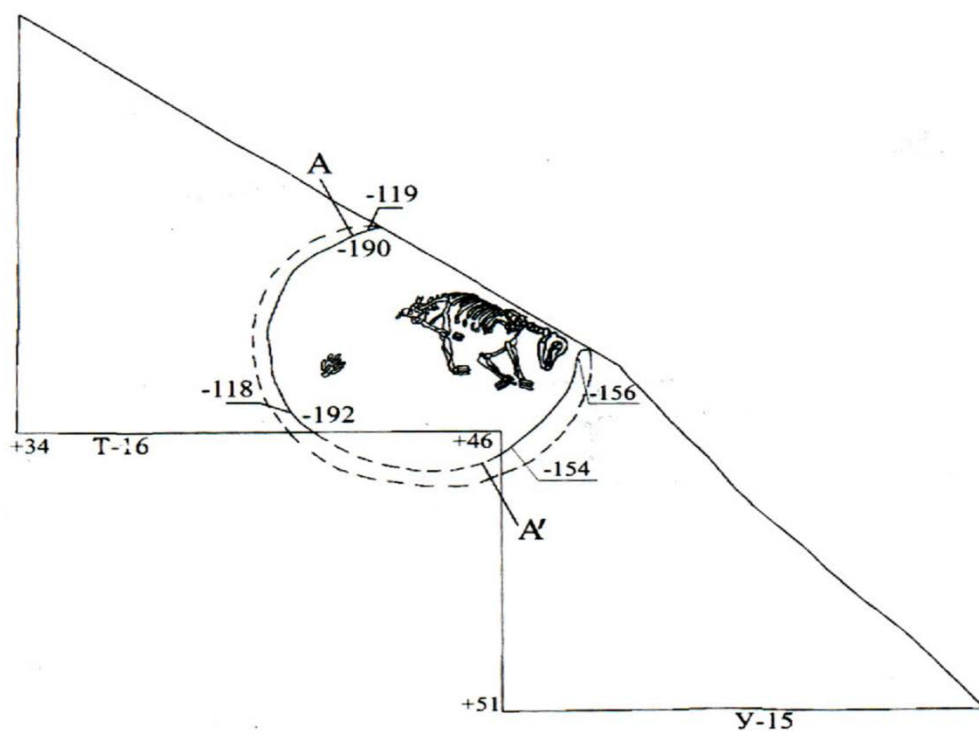

Рис. 9. Яма 4 – скелет собаки (по Джигуновой Ф.К., Дитлеру П.А., Черных Ел. Н. 2012)

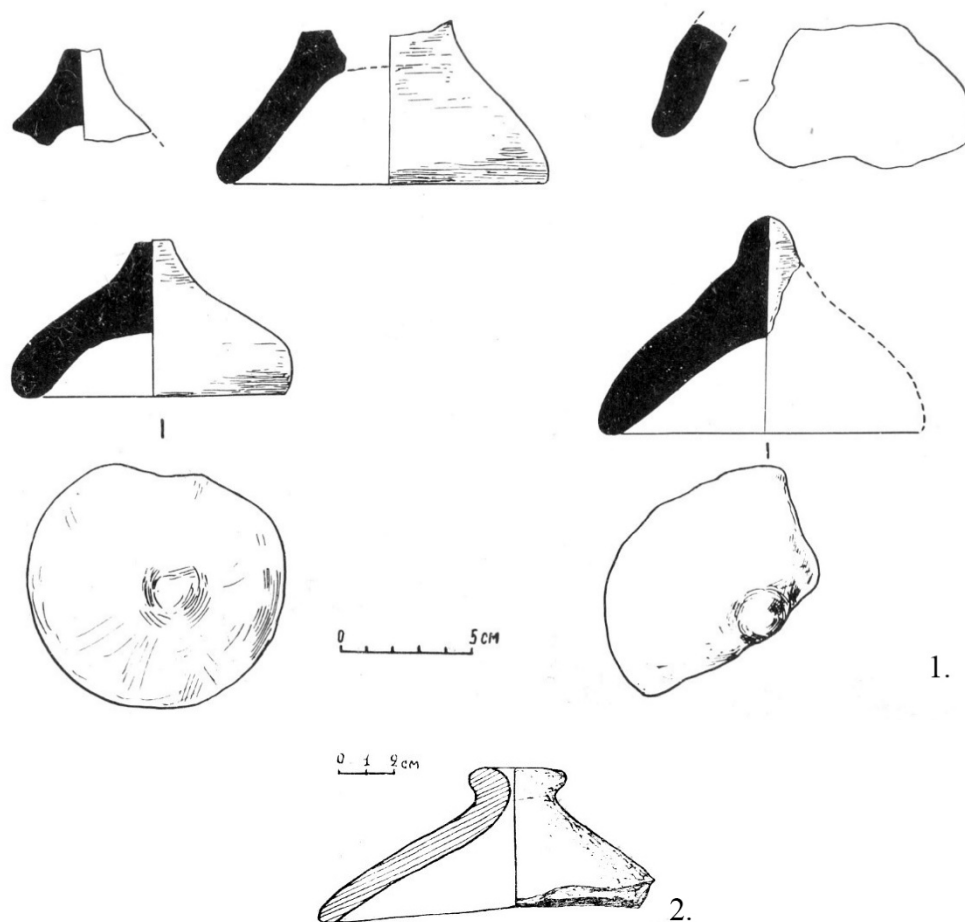

Рис. 10. 1 – Конусы глиняные поселение Венцы – I (по Бегловой Е.А. 1991);
2 – «крышечка» глиняная Тахтамакское городище (по Анфимову Н.В. 1985)

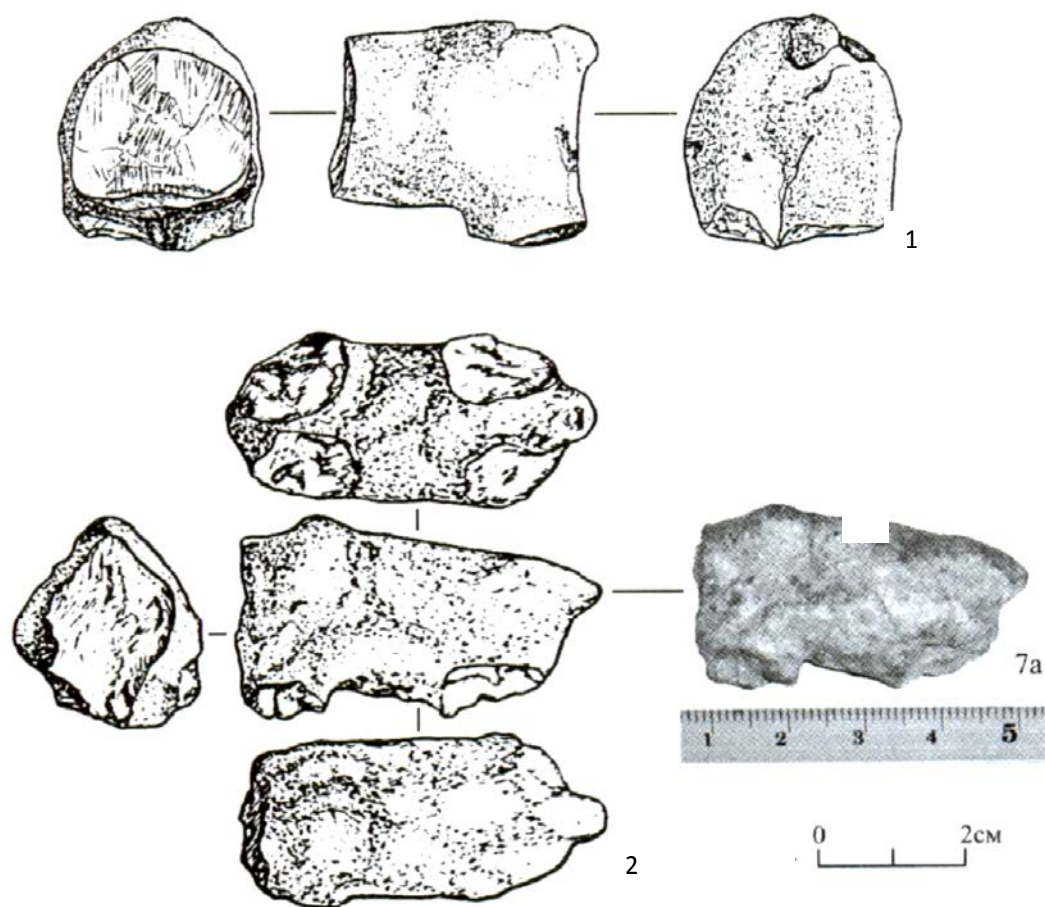

Рис. 11. Поселение Теучежхабль. Яма 11: 1 – фрагмент керамической фигурки. Ям в профиле по береговому обнажению: 2 – керамическая фигурка. (по Джигуновой Ф.К., Дитлеру П.А., Черных Ел. Н. 2012)

Рис. 12. Антропоморфная фигурка Старокорсунское городище №2 (по Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2010)

Рис. 13. Плитки – «таблетки» Тахтамукайского городища №1

Рис.14. Плитки «стоячие» с трапециевидными боковыми поверхностями из меотских поселений

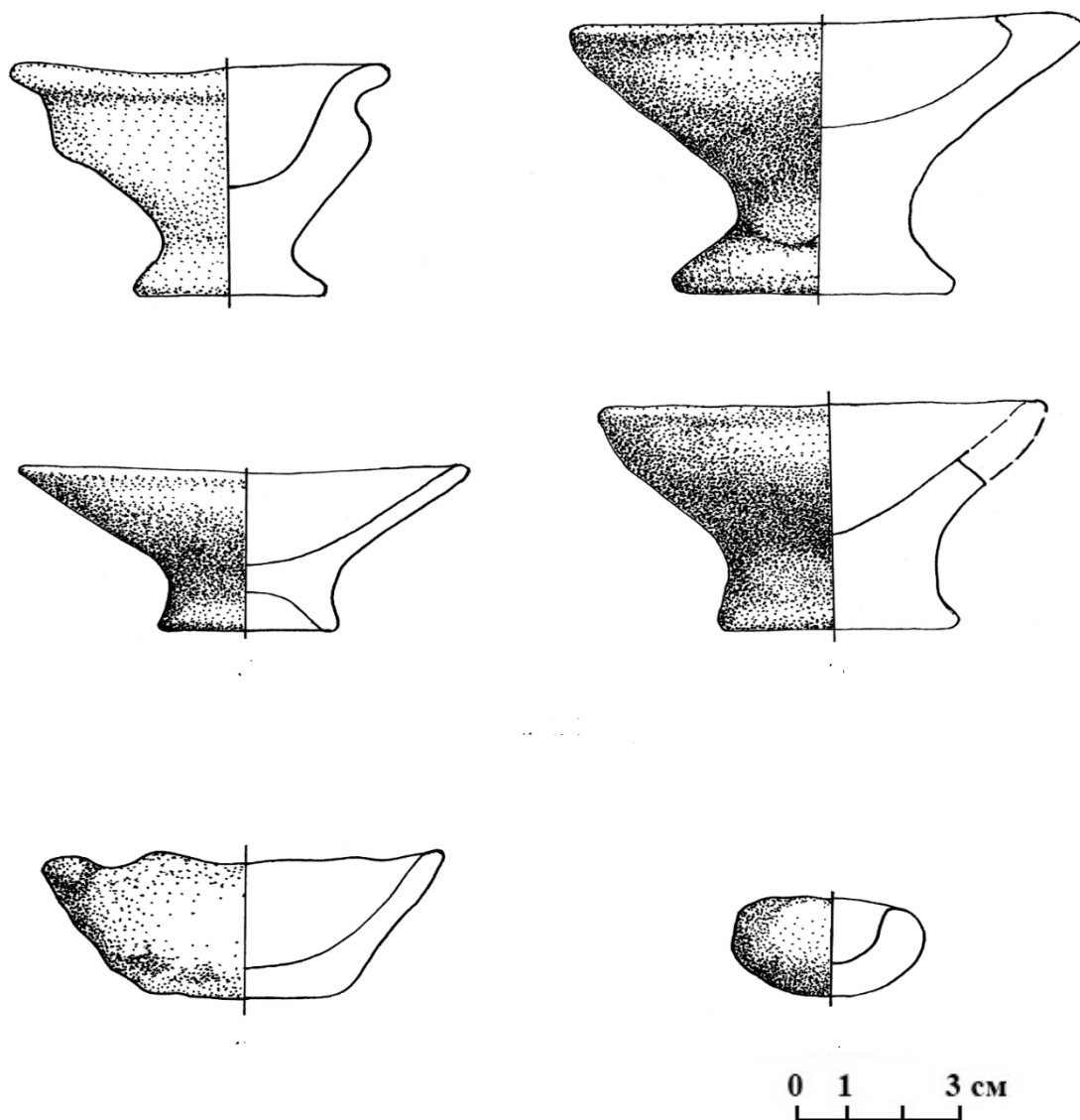

Рис. 15. Миниатюрные сосуды – вазочки, миски

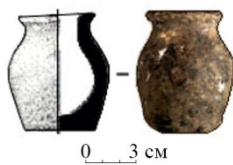

Рис. 16. Сосудик с галькой. Поселение Псенафа (по Эрлиху В.Р. 2014)

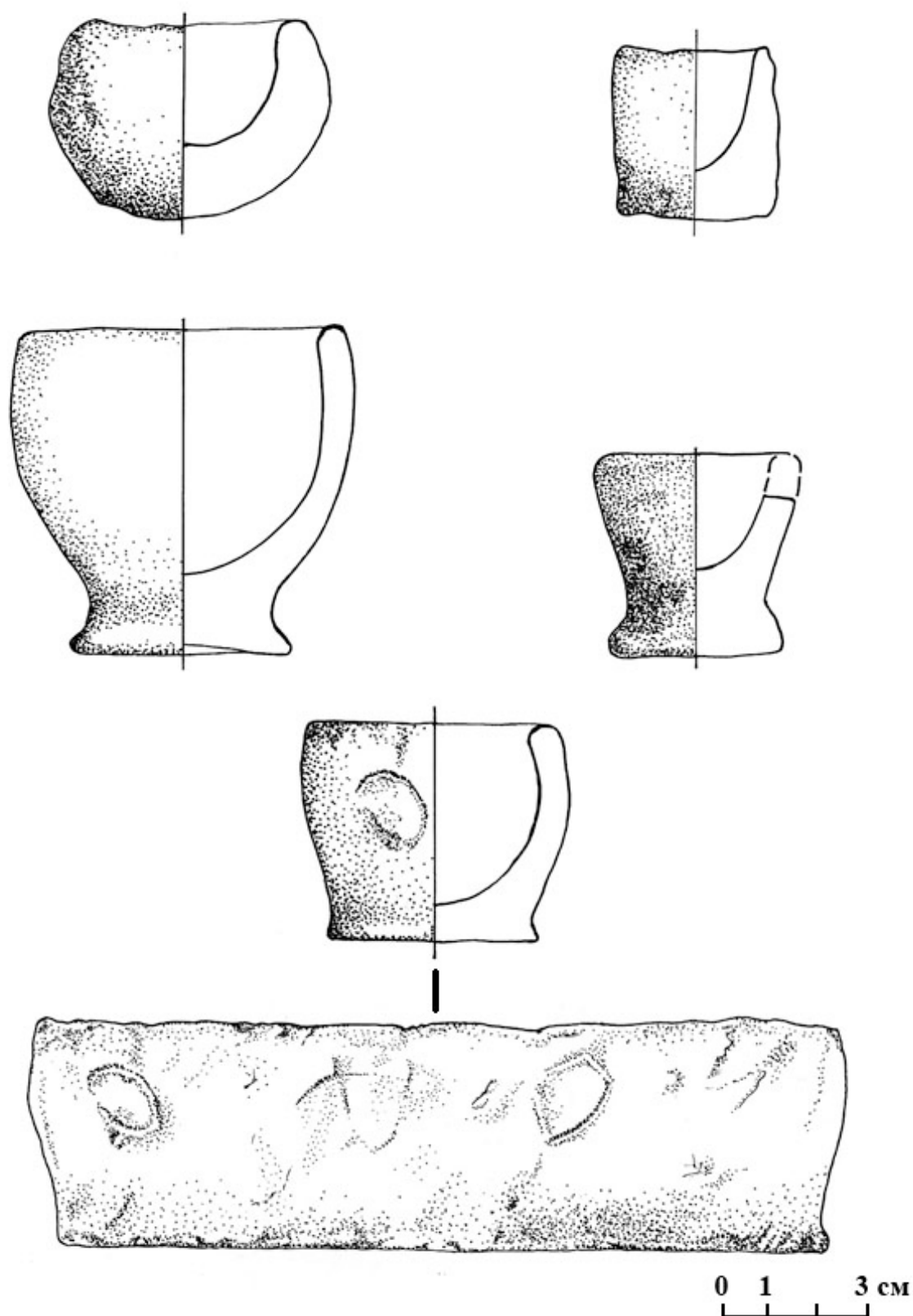

Рис. 17. Миниатюрные сосуды баночной формы из меотских поселений

Р.Б. Схатум

ШЛЕМ ХАЛКИДСКОГО ТИПА С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Представленный в публикации шлем, вероятно, был добыт в ходе грабительских раскопок или найден случайно. Он, как и ряд других боевых наголовий, был приобретен одним частным музеем, где и экспонировался до 2017 года¹. Всего в музей попало три шлема рассматриваемого типа. Публикуемое боевое наголовье, судя по его состоянию, – один из наиболее хорошо сохранившихся экземпляров².

Шлем цельнокованый, выкован из одного листа бронзы (?), с заостренной продольной верхней частью и близкой к овоидной в плане формой, с подвижными нащечниками на шарнирах (рис. 1, 3, 1, 4, 1, 5). Вверху читается круглое отверстие для крепления «плюмажа» или гребня (рис. 3, 1, 5, 2). За боковыми стенками обозначены ярко выраженные округлые вырезы для ушей, край кромки которых по арке на 2 мм загнут горизонтально наружу (рис. 2, 4, 2). Они переходят в выделенный назатыльник, задний нижний край которого также отогнут наружу в форме горизонтального небольшого выступа (рис. 1, 2, 2, 1–2, 4, 2, 5, 1). Глубина назатыльника от задней стенки до края горизонтального выступа – около 2 см. Его боковые округлые края сильно опущены вниз по диагонали. С левой стороны выступ слегка деформирован и немного вогнут вовнутрь (рис. 1, 2, 5, 1). Вырезы в шлеме для глаз выделены сверху выпуклыми «бровями», переходящими в псевдонаносник с прямым нижним краем (рис. 1, 1, 4, 1). Размеры вырезов для глаз: 6,5 × 3 см.

Максимальная высота от «макушки» до нижнего края нащечника – 30,5 см, а до линии шарнира их крепления – 19 см (и справа, и слева), до бокового края «волос» – 13,5 см.

¹ Шлем был изъят в 2017 г. в ходе спецоперации сотрудниками ФСБ из частного музея Сафари-Парк (г. Геленджик). После судебных разбирательств, шлем поступил вместе с сотнями других предметов в КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына и получил номер КМ 14318/535.

² Всего было изъято три шлема данного типа, в том числе и наиболее ранний экземпляр с неподвижными нащечниками. Однако у остальных двух экземпляров значительная часть металла не сохранилась, и насколько верно была восстановлена их форма, еще необходимо выяснить.

Внутренняя ширина и длина шлема: 20,5 × 18,5 см, объем головы – 62,5 см. Вес всего шлема – 1 кг.

Подвижные нащечники однотипные, подпрямоугольной формы со скругленным нижним краем, крепились к нижним краям боковых стенок с помощью шарниров. По переднему краю (со стороны лица) у них имеются небольшие неглубокие рельефные волнообразные выступы, расстояния между которыми по 2,8 см. В 0,3 см от нижнего края имеются по одному круглому отверстию диаметром 0,4 см для ремешков (скорее, шнурков), завязывавшихся под подбородком и фиксировавших шлем плотно на голове во время боя. При этом на правом нащечнике в этом месте имеется вылом, и край частично утрачен, но наличие отверстия определенно читается в этом месте.

Метрические параметры нащечников несколько разнятся.

Размеры правого нащечника: ширина по верхнему краю – 7,8 см, высота – 11,3 см (ближе к нижнему краю он слегка загнут поперек вовнутрь).

Размеры левого нащечника: ширина по верхнему краю – 7,3 см³. Высота – 12 см (почти прямой).

Шарнирное крепление имеет следующую конструкцию. В нижней части боковых стенок шлема были сделаны вырезы прямоугольной формы, и 4 полосы, образующие их, были загнуты внутрь в форме цилиндра, а края каждой скреплены с основанием с помощью заклепки. Аналогичный принцип изготовления петель был и на верхних краях нащечников, с той лишь разницей, что тут их было 3, которые вставлялись между 4-мя верхними. Таким образом, через 7 петель проходил прут, соединявший боковые края стенок шлема с нащечниками.

Однако в конструкции петель у обоих нащечников наблюдается некоторое отличие. На левом сегменте читается узкая прямо-

³ У него отбит уголок, и ширина была не менее 7,6–7,7 см.

угольная пластина, загнута внутрь, в которой были проделаны прямоугольные прорезы, образующие шарниры. Она крепилась тремя заклепками изнутри к верхнему краю нащечника (рис. 2, 1, 3, 1). У правого сегмента, по всей видимости, можно наблюдать следы ремонта, так как каждый из трех шарниров нащечника образован отдельными пластинками, формирующими отдельную петлю, которые скреплены с помощью одной заклепки каждая (рис. 2, 2, 3, 2). Последние читаются с обеих сторон обоих нащечников. Диаметр шляпок гвоздиков изнутри – 0,3–0,4 см, снаружи – 0,2 см.

Высота верхних петель у левого нащечника по 0,5 см, а ширина от виска в сторону уха – 0,8 см, 0,7 см и 0,8 см; по нижнему краю левой боковой стенки – 1,4 см, 0,8 см, 1 см и 1,3 см. Размеры шарниров с правой стороны, от виска в сторону уха, следующие: по верхнему краю нащечника – 1,2 см, 1 см и 0,8 см; по нижнему краю боковой стенки – 1,2 см, 1 см, 0,8 см и 1 см.

Размеры ушных вырезов на шлеме по линии шарниров – 3 см. Ширина на том же уровне с правой стороны – 3,4 см, с левой – 3 см. Такая разница в ширине, вероятно, связана с деформацией заднего бокового выступа с левой стороны назатыльника, который слегка вогнут внутрь.

По типологии Г. Пфлуга рассматриваемый шлем относится к группе халкидских боевых наголовий к типу V [Pflug, 1988. S. 138. Abb. 2].

В общей сложности на сегодняшний день мне известно уже более 20 экземпляров данного типа боевых наголовий, происходящих с территории Северо-Западного Кавказа [ОАК за 1907 г. С. 128. Рис. 185; Лунин, 1939. С. 210, 215. Рис. 4; Дитлер, 1964. С. 315–316, 319. Рис. 1, 2, 3; Рабинович, 1941. С. 145. Табл. XXII; Воронов, 1979. С. 64, 67. Рис. 33, 1, 2; Галанина, 1980. С. 50. Рис. 66–68; Анфимов Н.В., 1981. С. 106. Рис. 1, 1; Анфимов И.Н., 1981. С. 97. Рис. 3–4; Шевченко, Зайцев, Мордвинцева, 2011. С. 122. Рис. 6, 2; Овчинникова, 2011. С. 130–131. Рис. 3-3; Чандрасекаран, 2013. С. 395–396. Рис. 1–4]⁴. Кро-

ме того, еще несколько шлемов рассматриваемого типа происходят из грабительских раскопок, например, в Апшеронском районе за последние, по крайней мере, 10 лет.

Греческие шлемы встречены на сопредельных территориях, например, в Крыму и в Абхазии [см. напр.: Древности Боспора..., 1854. С. IV, XIX; Воронов, 1975. С. 224–226. Рис. 6].

Недавно, Д.П. Алексинским было отмечено заметное различие между шлемами внутри рассматриваемого типа. Часть из них действительно древнегреческого производства и относится к боевым наголовьям халкидского типа, другая – местные подражания, выделенные в так называемый «тип Майкоп». Они отличаются иными пропорциями, оформлением налобной части и наносника, у оригинальных экземпляров они массивные, изготовленные из литой заготовки оловянистой бронзы. У подражаний они выкованы из одного тонкого листа меди [Алексинский, 2013. С. 59]. В нашем же случае мы наблюдаем псевдонаносник, по сути дела «обрезанный», точнее не выделенный, где заканчиваются внутренние концы выделенных «бровей».

Если исходить из данных характеристик, то публикуемый шлем относится не к классическим халкидским шлемам (тип V по Г. Пфлугу), а к их подражаниям. Однако все же следует отметить, что толщина металла в разных местах рассматриваемого наголовья несколько разнится: нащечников – до 0,1 см, назатыльника – 0,2 см, наносника – 0,3 см, боковых стенок – 0,1 см, в месте перехода в «волосы» – примерно 0,2–0,3 см, надбровных дуг – 0,1 см, у купола – 0,5 мм.

Шлемы халкидского типа датируются в целом V–IV вв. до н.э., хотя на Северо-Западном Кавказе могли использоваться и позднее, например, в III в. до н.э. Если рассматриваемый экземпляр является более поздним подражанием, то его можно датировать ориентировочно в пределах III–I вв. до н.э. Однако и «классические» халкидские шлемы встречаются в более поздних погребениях. Например, такое боевое наголовье встречено в так называемом «княжеском» богатом захоронении в могильнике Мезмай-1. Этот комплекс по сопроводительным вещам был датирован в пределах второй половины III – первой половины II вв. до н.э. [Шевченко, Зайцев, Мордвинцева, 2011. С. 149]. По всей видимости, у местного оседлого населения оригиналы халкидских

⁴ Для сравнения: 20 лет назад мне было известно только 18 экземпляров [Схатум, 2001. С. 54]. Данные по основной части боевых наголовий данного типа были собраны мной более 20 лет назад (1998–2000 гг.). С докладом, посвященным им, я выступил на семинаре «Античная цивилизация и варварский мир» в середине июня 2001 г., а статья на основе доклада должна была выйти в сборнике материалов этого семинара в 2002 году, но по техническим причинам не попала в него.

шлемов использовались на протяжении, по крайней мере, IV–II вв. до н.э., возможно, и в первой половине I в. до н.э.

Основная масса находок шлемов рассматриваемого типа концентрируется на Черноморском побережье (Пшада – Сочи) и в районе перевала (Курджипис, Мезмай, Темнолесская, Тульская, Пхия), а также в Закубанье (напр. пос. Северный).

Черноморское побережье южнее Геленджика и до района рек Сочи, Мзымта, Псоу, а также территорию современной Абхазии заселяли ахеи и гениохи, а с I в. до н.э. и «вклинившиеся» между ними зихи. Многие из шлемов рассматриваемого типа и так называемых их подражаний являются случайными находками, нередко они добыты в результате грабительских раскопок погребений, а также обнаружены в «кладах» (святилищах?). Однако не вызывает сомнений, что они принадлежали знати и ее дружинному окружению горцев Северо-Западного Кавказа – ахеев, зихов и гениохов [см. напр.: Схатум, 2001. С. 80, 81]. Однако могильник Мезмай-1 предварительно был отнесен к «кругу меотских древностей» [Шевченко, Зайцев, Мордвинцева, 2011. С. 149]. Вероятно, нельзя исключать некоторое меотское влияние, тем более, оно подтверждено и археологическим материалом. Однако меотские племена проживали в основном на равнине правого берега Кубани, Лабы, а также в Закубанье и в Восточном Приазовье, между тем как в горах, на перевалах и на Черноморском побережье господствовали, скорее всего, ахеи, зихи и гениохи. В районе Мезмая, Тульской, Темнолесской, в верховьях Курджиписа в IV–II вв. до н.э. могли проживать как раз зихи, которые впоследствии, примерно в начале I в. до н.э. (?) заняли Черноморское побережье между ахеями и гениохами.

В целом, ареал находок данных боевых

наголовий концентрируется в горной и предгорной зонах Северо-Западного Кавказа и на Черноморском побережье. Это свидетельствует о том, что халкидские шлемы и их подражания использовались оседлым местным населением, в основном горцами, в IV в. до н.э. и позднее в эпоху эллинизма.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексинский Д.П. Античное вооружение в собрании Государственного Эрмитажа. СПб., 2013.
- Анфимов И.Н. Новые находки бронзовых античных шлемов IV–III вв. до н.э. на Северо-Западном Кавказе // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.
- Анфимов Н.В. Погребение IV в. до н.э. на реке Пхия // Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Тбилиси, 1981. X.
- Воронов Ю.Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н.э. // Скифский мир. Киев, 1975.
- Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.
- Дитлер П.А. Атгический шлем из станицы Темнолесской // СА. 1964. № 1.
- Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.
- Лунин Б. Археологические находки в 1935–1936 гг. в окрестностях станицы Тульской и Даховской близ Майкопа // ВДИ. 1939. № 3(8).
- Овчинникова Б.Б. Сокровища древнего города Сочи (случайные находки и поступления) // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2011. Вып. 7.
- Рабинович Б.З. Шлемы скифского периода // Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. 1941. Т. 1.
- Схатум Р.Б. Из истории военного дела предков адыгов. Краснодар, 2001.
- Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ) // ВДИ. М., 2011. № 1(276).
- Чандрасекаран С. Античный шлем халкидского типа в коллекции Новороссийского исторического музея-заповедника // Шестая международная кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар, 2013.
- Pflug H. Chalkidische Helme // Antike Helme. Monographien des RGZM. Bd. 14. Mainz, 1988.

1

2

Рис. 1. Бронзовый шлем: 1 – вид спереди, 2 – вид сзади.

1

2

Рис. 2. Фотография шлема: 1 – вид слева, 2 – вид справа.

1

2

Рис. 3. Бронзовый шлем: 1 – вид сверху; 2 – вид снизу.

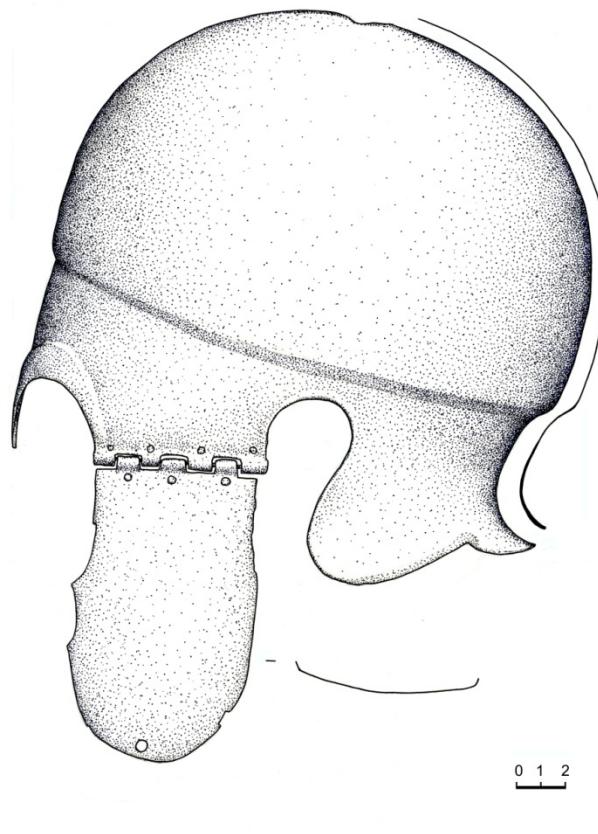
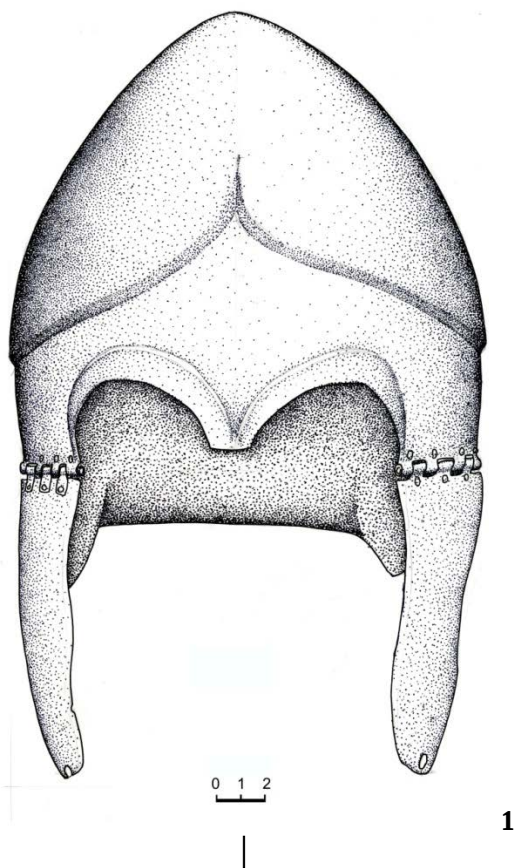

Рис. 4. Бронзовый шлем: 1 – вид спереди, 2 – вид слева.

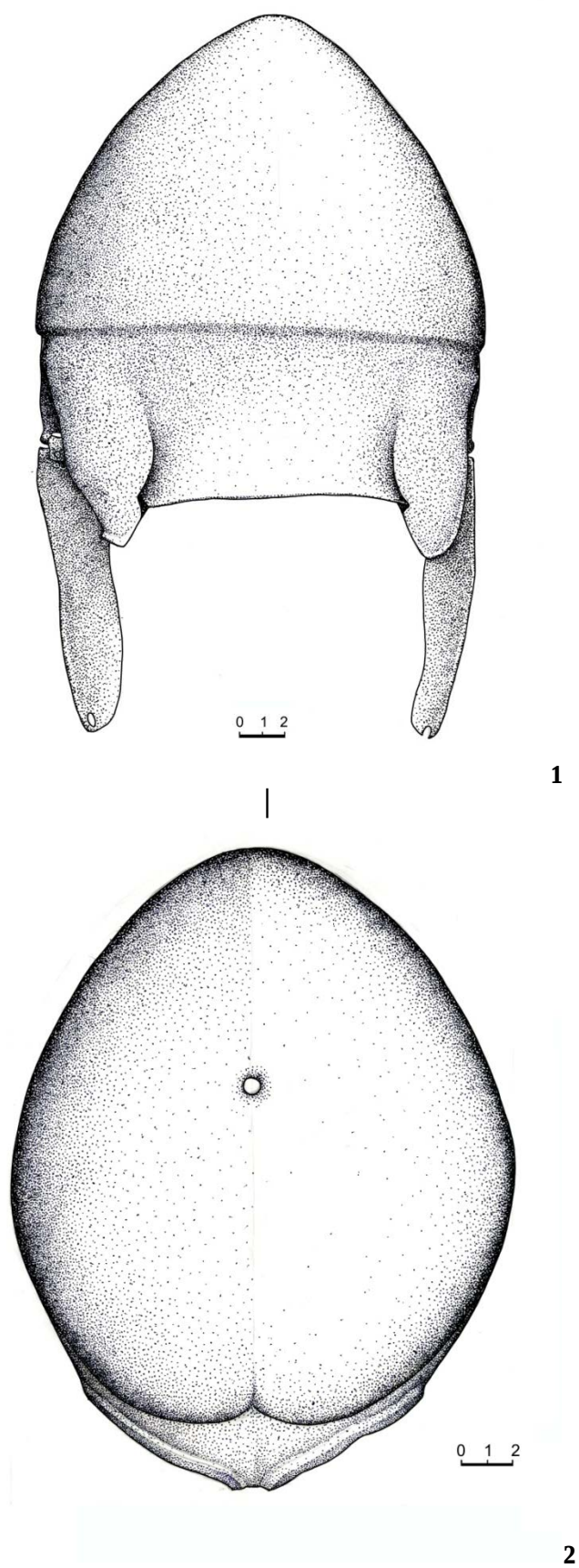

Рис. 5. Бронзовый шлем: 1 – вид сзади, 2 – вид сверху.

Ф.К. Джигунова

САСАНИДСКАЯ СЕРЕБРЯНАЯ ЧАША ИЗ СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ

В 2019 г. коллекция Национального музея Республики Адыгея пополнилась уникальным экспонатом – это декорированная серебряная чаша. Чаша была изъята у грабителей в результате оперативно-розыскных действий сотрудников УФСБ по Республике Адыгея и в результате решения суда передана в музей. Ее выкопали в результате грабительских раскопок одного из памятников юга России, более точное происхождение установить не удалось.

Чаша диаметром 15 см, высотой 2,4 см (Рис. 1, 4). Стенки гладкие, расширяются кверху. Толщина стенки чаши 1 мм. На внутренней стороне края – валикообразное утолщение в 3 мм. Диаметр дна - 6 см. Вероятно у сосуда имелся кольцевой поддон от которой сохранился след. На тыльной поверхности видны расчесы от механического волочения. В некоторых местах имеются трещины вдоль стыков частей чаши.

Чаша изготовлена из трех спаянных частей: донная часть – металлический круг, диаметром 6 см, к нему примыкает придонная часть стенки в виде концентрического круга, и третья часть – стенка.

Внутренняя поверхность декорирована. На местах соединения частей чаши выгравированы двойные концентрические круги так, что орнамент разделен на три сектора.

На центральной пластине дна медальон. Внутри - гравированное погрудное изображение мужчины обращенной головой вправо. У мужчины длинные волнистые волосы до плеч собраны со спины в пучок и взбиты. Волнистая борода перевязана. На голове – кулах с округлой тульей и двумя развешивающимися лентами. Одежда человека покрыта орнаментом в виде кружков, выделена горловина и оторочки ворота. В секторе придонной части стенки – шесть лучей в виде изображений растений: три тюльпана и три крупных бутона на ножке. Их внутренняя поверхность заполнена косой штриховкой.

В верхней части чаши – фриз из 24-х перевернутых арок, их концы наложены друг

на друга. В местах, где дуги перекрещиваются, изображены трилистники.

Весь декор выполнен гравировкой с внутренней стороны, так что на тыльной стороне имеется продавленный след (Рис. 2). Изображение человека, растений, а также полосы, разделяющие чашу на три сектора – покрыты позолотой.

На внешней стороне поверхности чаши, под краем, напротив головы мужчины – гравированный знак – тамга: трискелион с сильно загнутыми влево концами, оканчивающимися волютами (Рис. 3).

Даная чаша имеет аналогии в круге древностей сасанидской эпохи. Так как условия находки не известны, для атрибуции предмета привлекались аналогии в торевтике, нумизматике, глиптике. Факт стилистического сходства на изображениях этих категорий предметов давно отмечен исследователями (Борисов А. Я., Луконин В. Г., с. 13).

Конструктивные особенности, мотив изображений и элементы декора чаши в разных сочетаниях встречаются в серебряной посуде в течение нескольких веков. Чаши и блюда III-IV вв. с изображением мужских бюстов в медальоне хранятся в Музее Грузии, Метрополитен музее, музее Михо, Художественном музее Цинциннати и других (Рис. 5-9). Представленные здесь экземпляры изготовлены в технике литья,ковки. Поле могло быть гладким или заполнялось гравированными радиальными лучами, концентрическими кругами, чеканными кружками. Их объединяет изображение царя или вельможи в медальоне на дне сосуда, выполненное невысоким рельефом с гравировкой и позолотой (Маршак, 2017 г. С. 272). В монографии Б.И. Маршака есть подобная, но более поздняя серебряная хорезмийская чаша VI-VII вв. (Маршак, 2017 С. 75; С. 631. Рис. 173, 173а.). Ее дно представляет собой медальон с изображением царя или божества в головном уборе с лентами и цветком в руках. При очевидной

разнице с чашей из Национального музея Адыгеи ее объединяют несколько элементов: наличие изображения в медальоне, сходная идея трехчастного деления декора; изображение элементов одежды.

В иконографии в той или иной мере наблюдается сходство с персонажами на других предметах. Кулах с лентами и одежда, а также прическа и перевязанная борода встречаются при изображении шахиншахов III-V вв. на серебряных и золотых монетах (Рис. 10-12). Подобным же образом изображались высшие сановники – наместники провинций, вельможи и жрецы на сасанидских геммах IV-V вв. (Борисов А.Я., Луконин В.Г., кат. № 1, 7, 9, 10, 12, 14, 46, 47, 51, 52).

Полные аналогии трискелеону, выгравированному на стенке чаши встречены на памятниках и предметах разных регионов и имеют широкую датировку (Драчук, С. 166, Таб. VIII, рис. 555; Яценко, с. 141-142, С. 156, рис. 6/92).

Несомненно, публикуемая чаша входит в число произведений декоративно-прикладного искусства сасанидского круга. О ее более точном происхождении делать выводы сложно, так как подобные сосуды изготавливались мастерами на территории империи и ее провинций. В качестве объекта торговли и дарения они распространялись на широкой территории, в том числе попадали на Кавказ (И.А. Орбели, К.В. Тревер. 1935; Маршак, 2017 г., с. 426.).

На изображении человека в медальоне отсутствуют корона и какие-либо другие инсигнии верховной власти, но имеется тамга.

Предварительно можно сделать вывод, что чаша из собрания Национального музея Республики Адыгея принадлежала представителю местной аристократии. Дальнейшие исследования позволят более точно определить ее место в контексте синхронных древностей.

ЛИТЕРАТУРА

Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. Л., 1963.

Драчук В.С. 1975. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопафтийской периферии античного мира первых веков нашей эры.

Маршак. Б.И. История восточной торевтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности. Санкт-Петербург. Академия исследования культуры 2017.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М. 2001 г.

И.А. Орбели, К.В. Тревер. Сасанидский металл. Художественные изделия из золота, серебра и бронзы. Л., 1935 г.

Чаша с мужским бюстом в медальоне из галереи Фрир <https://asia.si.edu/object/F1957.20/>

Чаша с мужским бюстом в медальоне Метрополитен музей. <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/324414>

Царское блюдо с изображением питиакша Папака. Музей Грузии. https://www.pinterest.ru/pin/531847037227659438/?nic_v2=1a7ec5YBm

Чаша с мужским бюстом в медальоне. Художественный музей Цинциннати https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Bowl_with_portrait_medallion,_Iran,_early_Sasanian_period,_late_3rd_or_4th_century_AD,_hammered_silver_with_cast_and_chased_medallion_-_Cincinnati_Art_Museum_-_DSC03955.JPG

Блюдо с бюстом царя. Музей Михо, Япония. <http://www.miho.or.jp/booth/html/artcon/00000924e.htm>

Рис. 1.

Рис. 2.

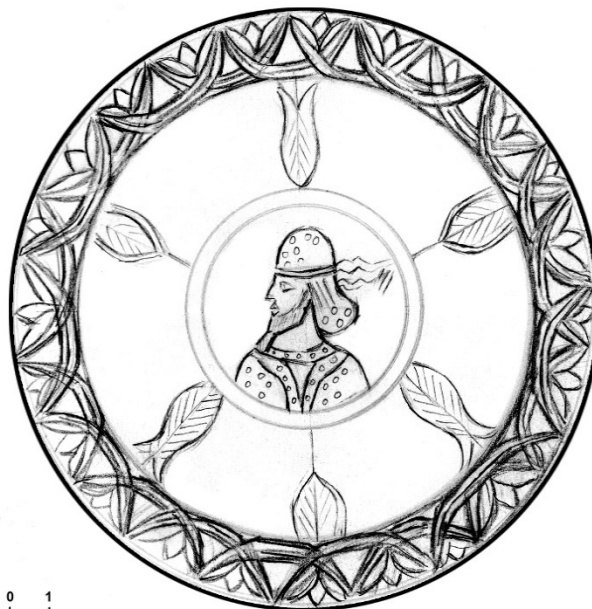

Рис. 4.

Рис. 3.

Рис. 5. Чаша с мужским бюстом в медальоне. Галерея искусства Фрир.

Рис. 6. Чаша с мужским бюстом в медальоне. Метрополитен музей.

Рис. 7. Царское блюдо с изображением питахша Папака (224-651 гг. н. э.). Серебро. Музей Грузии.

Рис. 8. Чаша с мужским бюстом в медальоне. Серебро. Художественный музей Цинциннати

Рис. 9. Блюдо с бюстом царя. Серебро, позолота. Музей Михо, Япония.

Рис. 10. Серебряная драхма Шапура I. 240-244 гг.

Рис. 11. Золотой динар Шапура I.
260-272. гг.

Рис. 12. Серебряная драхма Шапура II.
320-379 гг.

Рис. 13. Золотой динар Шапура II.
320-379 гг.

Рис. 12. Серебряная драхма Варахрана IV.
389-394 гг.

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А.И. Джопуа, В.А. Ньюшков

ПРИМОРСКАЯ БАШНЯ ВЕЛИКОЙ АБХАЗСКОЙ СТЕНЫ

Великая Абхазская стена (ВАС) – рунированное оборонительное сооружение, протянувшееся по одной версии от устья р. Кяласур по ущельям и горам Абхазии предположительно до пос. Анаклия (устье Ингура), по другой – Ткуарчала, по реке Аалдзга до г. Очамчыра. Воздвигнута, вероятно, в VI в. Её протяжённость составляет около 160 км. Сложена из булыжного камня на прочном известковом растворе. Стена отличается большим количеством башен, каждая из которых была настоящей крепостью. Расстояние между башнями достигало 40–120 метров, на участках со сложным рельефом – 300 метров и более. Абхазы её называют – Ацсуа баагуара ду – Великая Абхазская стена.

Следует отметить, что в середине 30-х гг. XX столетия первым кто прошёл вдоль ВАС был абхазский краевед И.Е. Адзинба. Он зафиксировал её архитектурные объекты, составил план карты. После него уже в 60-гг., изучением стены занимался Л. Н. Соловьёв, описавший 90 башен. Потом Ю.Н. Воронов. Он прошёл вдоль около 100 км стены от башни №1 (Приморской) до Ткуарчала, впервые нанеся её всю на карту – вместе с 279 планами башен. Далее, с тем же маршрутом но дальше минуя разрозненные башни (относящиеся не исключено к ВАС) до реки Ингур и её устья прошёл один из авторов данной статьи – А. И. Джопуа. Уже в наше время российский археолог Г.В. Требелева дала точную локализацию местонахождения всех объектов ВАС с помощью GPS координат и определила число башен на участке от реки Кяласур до реки Улыс в количестве 185 башен. И сегодня молодые абхазские археологи (Ш.Г. Кайтан, Д.А. Счастный, Д.З. Авидзба) продолжают исследовать участки ВАС, активно проводя на них археологические раскопки.

Между тем, наиболее хорошо сохранившийся и изученный участок ВАС находится в 5 километрах от Сухума. Это Приморский участок. Расположен он в с. Тхубын (Каштак) Гулрыпшского района. Данный участок состоит из фортификационного объекта, а именно из 3 башен (1 – Приморская, 2, 3 гарнизонные башни), а также непосредственно из четырехметровой сложенной из булыжников стены,

связывающей крепостные сооружения. Общепринято считать началом стены Приморскую башню (№1) на левом берегу реки Кяласур. (рис. 1).

Её описание имеется у Ф. Дюбуа де Монперэ, В.И. Сизова, П.С. Уваровой, А.А. Миллера, В. И. Стражева, М.М. Иващенко, Ю.Н. Воронова, О.Х. Бгажба, Г.В. Требелевой и у др.

Так, Дюбуа писал: «Эта стена начинается в Келасури; башня, покрытая плющом и приклоненная к развалинам большого строения, которое тянулось вдоль берега моря, представляла начало этой высокой стены; уцелевшая здесь и сейчас, стена поднимается на вершину горы, соединяясь с другими руинами» (Дюбуа Ф., 1937, с. 147, рис. 2).

После на него на Приморскую башню обратил внимание В.И. Сизов. Он заключил, «самый массивный характер её постройки, правильность и солидность башни у моря свидетельствуют, по моему мнению, никак о строительной технике мингрельцев. При том, судя по башне близ моря, стена эта обращена фасом своим к Мингрелии или Грузии, что именно и указывает на пограничный оборонительный характер этой стены для византийских владений» (Сизов В.И., 1889, с. 47).

Считая Приморскую башню не начальным, а конечным укреплением, П.С. Уварова указала, что стена «сложена из огромных глыбшей или галек тесно сложенных и подобранных между собой и связанных тою же местною, весьма крепкою, известью. Внутренние стены в башни обтёсаны и представляют довольно гладкую поверхность. Башня уходит глубиной своей в противоположную от нас сторону стены, что заставляет Никитина¹ предполагать, что она назначалась для обстреливания внутренней её стороны» (Уварова П.С., 1891, с. 93).

В 20-х гг. XX столетия исследования ВАС и конкретно Приморской башни интенсивно продолжались. В феврале 1926 г. М.М. Иващенко был осмотрен береговой участок у р. Кяласур и отмечено, что «около моря у самой прибрежной гальки, куда достигают волны во время сильного волнения, подымается узкая

¹ Фотограф, сопровождавший П.С. Уварову.

(8 шагов ширины), но высокая до 3-х сажень, башня, имеющая в длину шагов 20. Сохранились все стены. Лучше всех обращенная к морю. Помещение внутри башни очень узко, всего три аршина шириной; в стене противоположной морю (восточной) сохранились остатки окна; у стены обращенной к Сухуму – небольшая цистерна. В башню можно проникнуть как со стороны стены обращенной к Сухуму (северной), так и с противоположной; решить, где был вход сейчас трудно. Перед башней никаких заметных следов крепости нет. Непосредственно от башни начинается стена» (Иващенко М.М., 1926, с. 63). То, что здесь начиналась оборона, т.е. от грани приморского песчаного пляжа, указывал А.С. Башкиров: «Широким фасом к морю стоит в руинном состоянии узкая башня, расколовшаяся на две части. От этого башнеобразного сооружения с фасадом к морю идёт к С.В. почти по прямой линии стена...» (Башкиров А.С., 1926, с. 22). (рис. 3).

Здесь же стоит заметить, что некоторые авторы в описании Приморской башни были лапидарны. В частности, К.Д. Кудрявцев, считая приморское укрепление началом Келасурской стены, которая от Кяласура поворачивала к югу, в 1922 г. писал, «по левому берегу реки Келасури, в нескольких десятках сажень от неё, на берегу моря, у самого пляжа стоит башня. От башни параллельно реки идёт стена...» (Кудрявцев К.Д., 2009, с. 31). Вслед за ним В.И. Стражев подметил: «Вдоль левого берега р. Келасури, спускаясь по северо-западному склону ближайшей горы, перерезывая Драндское шоссе и оканчиваясь у моря большой полуразрушенной башней, тянется этот фрагмент "Великой Абхазской стены"» (Стражев В.И., 1925, с. 156). И.Е. Адзинба также был лаконичен в отношении Приморской башни: «Стена начинается у самого моря, в 5 км к юго-востоку от Сухуми, на левом берегу р. Келасури. Она начинается большой полуразрушенной башней, стоящей на самом берегу моря» (Адзинба, И.Е., 1958, с. 106).

Далее описание, параметры башни №1 даются у Л.Н. Соловьёва (Соловьёв Л.Н., 1940, с. 29). В своих путеводителях В.П. Пачулия также касался Приморской башни. «На берегах Сухумской бухты у древнего абхазского селения Келасури (Келашир), стоит старая башня. Её полутораметровые стены сложены из громадных окатанных валунов. В штормовую по-

году огромные волны, омывая подножие башни, с шумом разбиваются о морской берег» (Пачулия В.П., 1968, с. 35). «На берегу моря, в 5 км. от Сухуми, возле устья р. Келасур, высятся развалины огромной прямоугольной башни из окатанных валунов, связанных известняковым раствором. Густой кустарник взбирается по её разрушенным стенам, плющ цепляется на выступы камней, штормовые волны с грохотом разбиваются о её подножье и окатываются назад, злобно шипя пеной... А башня, обезглавленная и осыпающаяся, гордо возвышается над равниной и морем, почти шагнув в него» (Пачулия В.П., 1969, с. 15).

Подробные размеры башни №1 Ю.Н. Воронов. По его данным, на уровне почвы они составляют 6,5х14,8 м., высота башни 10,5–11 м., что её делает самой высокой в системе ВАС при общей высоте башен 4–6 м. в отдельных случаях до 8 м. её высота 10,5–11 м. Также им было отмечено, что стены башни №1 отвесны полностью. Облицовочный камень, как правило, обработке не подвергался. Лишь в башне 1 лицевая часть булыжников скелета, а северо-восточный угол снаружи облицован тёсаными известняковыми квадрами (Воронов Ю.Н., 1973, с. 111).

Нельзя не сказать, что данному сооружению внимание было уделено и в диссертациях. В частности, О.Х. Бгажба отметил, что ВАС начинается «на левом берегу р. Келасури приморской башней, а затем полукругом тянется на восток и выходит к Ингури в 20 км. от её устья», продолжив далее «основная часть стены, так же как и приморская башня, построена из простого булыжника на густом растворе с преобладанием извести над песком. Стены приморской башни вертикальные, что отличает её от большинства башен Великой Абхазской стены, имеющих закруглённые углы и слегка сужающиеся пирамидально кверху стены. Расстояние между ними колеблется от 40 до 120 м.» (Бгажба О.Х., 1972, с. 13).

Отдельно стоит остановиться на описании Приморской башни А.А. Миллером. Он первый в 1907 г. провёл археологические раскопки ВАС, а именно у башни №1. На уровне её фундаментов он обнаружил керамику XI–XIV вв.: «Башня выстроена из булыжного камня на цементе и обращена широкой частью к морю. Она имела два или даже три этажа и боковые пристройки, от которых в настоящее время сохранились лишь фундаменты. Окна вы-

ходят в сторону моря. Со стороны гор башня имеет одно большое окно. Откуда был вход в башню, – сказать трудно, так как обе стены в узкой части постройки развалились. С внутренней стороны стены булыжники оббиты и сглажены в одну плоскость, крыши нет. В северо-западном углу с внутренней стороны был выступ прямоугольных очертаний». Как показал раскоп, это была пристройка в виде ящика чисто оцEMENTИРОВАННОГО внутри.

Как признаётся археолог, «раскоп был чрезвычайно затруднителен, так как внутри башня была засыпана обвалившейся крышей и стенами. Углубиться более 2 метров было трудно вследствие того, что стены мешали выбрасыванию земли и раскоп не был доведён до материка и фундамента, вскопана была часть башни» (Миллер А.А., 1909, с. 75).

Из обнаруженных здесь находок А.А. Миллер указывает следующие вещи, представленные, по его словам, мусор - обломки больших глиняных сосудов, фрагменты поливной посуды: кусок тарелки с вдавленными линиями и дно чашечки, тоже поливной внутри с такими же с вдавленными линиями и клеймом в середине (Миллер А.А., 1909, с. 75).

В тоже время надо констатировать, что специализированных раскопок по ВАС пока не проводилось, если не считать локальных (разведочных) работ, произведённых на разных её участках с начала 90-х гг. XX в., выявившие слои как раннего, так и позднего средневековья в основном на участках Приморском и прилегающий к нему Багмаранском.

В этом плане необходимо отметить археологические исследования, которые были проведены в 2017 г. в рамках экспедиции на нескольких участках ВАС, в том числе и на Приморском (О.Х. Бгажба - научный руководитель). Было отмечено, что Приморская башня отстоит в 27,5 м. от уреза воды, и представляет собой узкое (2,7 м) помещение. (рис. 4).

Так, экспедицией были заложены 2 раскопа у Приморской башни ВАС. Первый раскоп был заложен на углу образованном у стыка 1 башни со стеной. Параметры раскопа 2х2 и делились на 4 квадрата, второй раскоп был заложен в 12 м. от башни, вдоль стены, с теми же параметрами и квадратами. Один на глубину 1,8 м, второй на 0,5 м. Был найден в основном керамический материал: ножка пифоса с выемчатым основанием, поливная керамика (XI–XIV вв.), основание первого раскопа

было вымощено известковым раствором, а также керамические обломки сосудов пифосов, кувшинов, амфор, блюдца поливной керамики коричневого и зелёного цвета. Здесь же во втором раскопе было найдено большое количество остеологического материала и множество металлических предметов (Бгажба О.Х., Кайтан Ш.Г., Джопуа И.А., 2018, с. 17).

Ранее, в 2013 г., исследования были проведены у башни №3 Тхубынского гарнизона (О.Х. Бгажба - научный руководитель, Г.А. Сангулия - начальник экспедиции и др.). По итогам данной экспедиции выявлена керамика, как позднего, так и раннего времени - тарная амфорная посуда с остродонной ножкой (VI–VII вв.) (Бгажба О.Х. и др., 2015; Кайтан Ш.Г., 2014, с. 253), что позволяет датировать Приморскую башню и саму ВАС на указанных участках ранним средневековьем. Данный период подтверждает и материал из шурфа, заложенного в 2013 г. возле стены, отходящей от башни к северу, глубиной 0,5 м.² Выявленная керамика насчитывает 17 фрагментов: два венчика, три донца и 12 фрагментов стенок сосудов (Требелева Г.В., 2019, с. 15-16). Как указывается: «В целом, такая керамика для территории Абхазии имеет широкие границы датировки от поздней античности до развитого средневековья» (Требелева Г.В., 2019, с. 16).

В ходе изучения экспедицией Института археологии РАН и Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА в Приморской башне было взято в 2010 г. 3 образца кладочного (связующего) раствора для анализа двух параллельных стен, в 2013 г. ещё 6 образцов, два из них из фундамента, для чего был заложен, выше отмеченный шурф возле стены (Требелева Г.В., 2019, с. 15). Данные анализа состава связующего раствора различных частей кладки стены показывают, что они на нескольких участках ВАС различны, что может говорить, возможно, как о разновременности их сооружения, так и об иных технологиях, различных мастерах, технологических приёмах и т.д. (Скаков А.Ю., 2016, с. 101).

В результате исследования также было замечено, что башня №1 (Приморская) имеет

² Экспедиция Института археологии РАН и Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, работавшая в прибрежной части Сухумского района и на приграничной к Сухумскому району, части Гульрипшского района (вдоль реки Кяласур) (в 2010 и в 2013 гг.). (Научный руководитель Г.В. Требелева).

интересную планировку; развалины, именуемые башней, представляют собой фактически две параллельные стены – внешнюю, обращённую к морю, длиной 11,2 м, и внутреннюю, длиной 13 м. Внутренняя стена слегка заворачивает к морю, но не смыкается с внешней. При этом расстояние между стенами всего 2,5 м, т.е. она отличается от всех остальных имеющих квадратную или близко к этому планировку. Башня №1, с длиной стен 11 м и шириной в 2,5 м, обычной башней, скорее всего, не является и можно говорить о разновременности построек двух этих стен. Есть предположение, что внешняя стена башни была разрушена морем и для укрепления оставшейся стены, позднее возведена вторая стена, что косвенно подтверждается анализом кладочного раствора, указывающего на разный состав примесей в стенах, что значит, песок брался из разных источников (Требелева Г.В., 2019, с. 15; Требелева Г.В., Юрков Г.Ю., 2015, с. 369).

Таким образом, подводя итог сказанному, необходимо отметить характерные особенности Приморской башни (№ 1), которая по своей планировке, типу, технологическому приёму существенно отличается от всех остальных башен, входящих в оборонительную систему ВАС., например, вертикальными стенами (Бгажба О.Х., 1972, с. 13). Не ясен, где у неё был фас, одни полагают, он был обращен в сторону центральной Абхазии (Сизов В.И., 1889, с. 47) другие – к морю (Башкиров А.С., 1926, С. 22) остальные предпочитают данную тему не затрагивать или отмечают, что в башню можно было проникнуть с двух сторон, поэтому, где был вход трудно сказать (Иващенко М.М., 1926, с. 63, Миллер А.А., 1907, с. 75)³. При этом сама башня представляет собой узкое внутреннее пространство три аршина шириной (т.е. 2 метра 13 сантиметров) (Иващенко М.М., 1926, с. 63) или 2,7 м. (Бгажба О.Х., Кайтан Ш.Г., Джоуа И.А., 2018, с. 17), или 2,5 м, (Требелева Г.В., 2019, с. 15). Неслучайно, Приморская башня характеризуется узкой, напоминающей башнеобразное строение (Иващенко М.М., 1926, с. 63), представляющее собой развалины, именуемые башней (две па-

раллельные стены – внешнюю и внутреннюю) (Требелева Г.В., 2019, с. 15). Само строение башни тоже интересно, она имеет со стороны гор довольно большое углубление – окно (Миллер А.А., 1909, с. 75) (что сомнительно), а также два или даже три этажа и боковые пристройки, крышу (Миллер А.А., 1909, с. 75). Насчёт боковых пристроек стоит заметить, что во время шторма и разлива р. Кяласур обнажается что-то в виде сооружений у данной башни (Бгажба О.Х., Кайтан Ш.Г., Джоуа И.А., 2018, с. 17) (рис. 5). Отмечается, что перед башней никаких заметных следов крепости нет (Иващенко М.М., 1926, с. 63) при этом указывается, что с северной стороны у стены башни есть небольшая цистерна (Иващенко М.М., 1926, с. 63) на уровне цокольного этажа изнутри она была встроена, частично облицована (Воронов Ю.Н., 1973, с. 112).

Может показаться не понятным, как считать данное сооружение башней или же нет? Если эта обычная, скажем, постройка, которая раскололась на две части (Башкиров А.С., 1926, С. 22), тогда где её будет внутренне пространство? а может быть, эта разновременная постройка? тем более химический анализ показывает, что внешняя сторона стены была разрушена морем и позднее возведена вторая стена (Требелева Г.В., 2019, с. 15), а для чего?

Для нас же очевидно, данное сооружение следует считать башней – приморской, от которой в сторону гор тянется ВАС. Поскольку ряд вещественных находок указывают на раннее средневековье, то само собой за прошедшие века Приморская башня многократно перестраивалась, не исключено, что она имела более широкую площадь и вплоть до начала XIX в. вместе со стеной ещё продолжала функционировать (разрушаясь и вновь восстанавливаясь): «Стеной этой, как готовым и довольно солидным укреплением, пользовались в очень недавнее сравнительно время и наши (русские) и турецкие войска» (Прогульбицкий В., 2011, с. 510)⁴. О её продолжительном использовании говорят и народные абхазские предания.

В частности, замечающиеся отверстия как бойницы подтверждают перестройку не только башни, но всего крепостного сооружения. У башни №3, входящей в состав «Тхубынского

³ Если считать, что стена своим фасом была направлена в сторону гор, на участках в Очамчырском районе, то, следовательно, считал М.М. Гунба, вся стена от Кяласура до Ткуарчала должна была иметь одно направление и защищать определённую территорию (Гунба М.М., 1977, с. 144).

⁴ Составлено в 1892 г. описание Кяласурского участка ВАС В. Прогульбицкий, Приморскую башню он называл сторожевой.

гарнизона», имевшей овальную форму, на восточной стене сохранились бойницы, расположенные на высоте около 4 м. (Требелева Г.В., Юрков Г.Ю., 2015, с. 369). Обращает внимание также и современное состояние бойниц и в Приморской башни, которые были намеренно позже выдолблены для стрелкового оружия. Это показывают бесформенные выемки со следами убранных булыжников (Джопуа А.И., Ньюшков В.А., 2014, с. 76).

В заключение скажем, данный фортификационный объект – Приморская башня (№1), как, впрочем, и вся ВАС, нуждаются в бережном отношении и охране, они, как машина времени, окунают нас в прошлое, заставляя забыть современность.

ЛИТЕРАТУРА

- Адзинба И.Е., 1958. Архитектурные памятники Абхазии. – Сухуми.
- Баширов А.С., 1926. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. // ИАНО. Вып. IV. – Сухум.
- Бгажба О.Х., 1972. Материальная культура средневековой Абхазии (VI–XIII вв.). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – М.
- Бгажба О.Х., Сангулия Г.А., Головина Л.П., Кайтан Ш.Г., 2015. Первые гарнизоны Великой Абхазской стены в свете новейших исследований / «Республика Абхазия». №15.
- Бгажба О.Х., Кайтан Ш.Г., Джопуа И.А., 2018. Проблемы локализации объектов Великой Абхазской стены // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. – Краснодар.
- Воронов Ю.Н., 1973. Келасурская стена // СА. 2. – М.
- Джопуа А.И., Ньюшков В.А., 2014. Великая Абхазская стена: Члоуский участок // Четвёртые Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. – Краснодар.
- Дюбуа-де-Монтерэ Фр., 1937. Путешествие вокруг Кавказа. – Сухум. Гунба М.М., 1977. Келасурская стена // ИАИЯЛИ им. Д.И. Гулиа. Выпуск VI. – Тб.
- Иващенко М.М., 1926. Великая Абхазская стена // ИАНО. Выпуск IV. – Кайтан Ш.Г., 2014. Проблемы хронологии Великой Абхазской стены // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. (Москва). 21–25 апреля 2014. – М. Сухум.
- Кудрявцев К.Д., 2009. Сборник материалов по истории Абхазии. Второе издание. – Сухум. (Первое издание, Сухум, 1922.).
- Миллер А.А., 1909. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году // ИАК. Выпуск 33. – М.
- Пачулия В. П., 1968. В краю золотого руна. – М.
- Пачулия В. П., 1969. По древней, но вечно молодой Абхазии. – Сухуми.
- Прогульбицкий В., 2011. Поездка в Цебельду. Путевые заметки впечатления в книге «Абхазия – Страна души». Том I. Составители, авторы проекта, предисловия, комментариев М. и В. Котляровы. – Нальчик.
- Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Чёрного моря. Археологическая экскурсия // МАК. Выпуск II. 1889.
- Скаков А.Ю., 2016. Археология в Абхазии в начале XXI века // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Памяти Владислава Григорьевича Ардзинба. К 70-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции. – Сухум, – М.
- Соловьёв Л.Н., 1940. Древние оборонительные рубежи феодальной эпохи на Черноморском побережье Западной Грузии (Гагрская крепость, Иверская гора, Келасурская стена). – Сухуми. (Рукопись).
- Стражев В.И., 1925. Руинная Абхазия // ИАНО. Выпуск I. – Сухум.
- Требелева Г.В., 2019. Великая Абхазская (Келасурская) стена: результаты исследования. – М.
- Требелева Г.В., Юрков Г.Ю., 2015. По Великой Абхазской (Келасурской) стене: от р. Келасур до р. Улыс и проблема восточного конца // ПИФК. №1. – М.: Магнитогорск-Новосибирск.
- Уварова П.С., 1891. Кавказ (Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок). Путевые заметки. Т. II. – М.

Рис. 1. Авторы на фоне Приморской башни № 1 в Кяласуре.

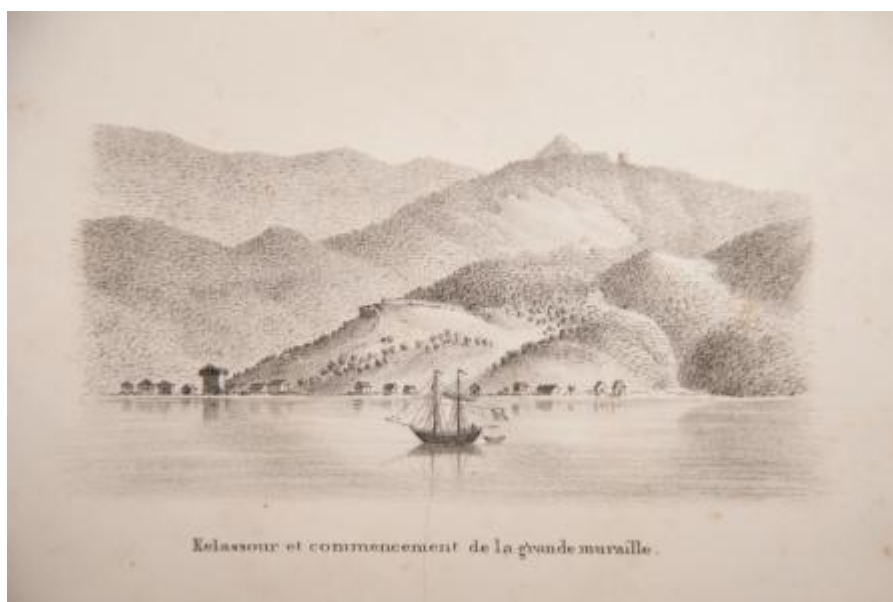

Рис. 2. Приморский участок долины р. Кяласур с видом на Приморскую башню и ВАС (из иллюстрированного атласа Фр. Дюбуа-де-Монперэ).

Рис. 3. Приморская башня № 1 и от отходящая от неё в сторону гор ВАС.

Рис. 4. Вид на узкое внутреннее пространство в Приморской башне № 1.

Рис. 5. Приморская башня № 1, вид с моря и на остатки сооружения впереди неё.

В.А. Ньюшков

ОБ ОДНОЙ ИНТЕРЕСНОЙ НАХОДКЕ ИЗ АЧМАРДЫ (ГАГРСКИЙ Р-Н, АБХАЗИЯ)

На территории Абхазии были обнаружены эпиграфические памятники различных эпох, которые имеют большую научную ценность и проливают определённый свет на многие проблемы исторического прошлого Республики Абхазия. Вместе с тем, приходится констатировать, что эпиграфические памятники по ранней и поздней античности на территории нынешней Абхазии были встречены в малом количестве, как на греческом так и на латинском языках. Поэтому любая находка, сопровождаемая с надписью на её поверхности, имеет научную ценность, интерпретация которой ни в коем случае не должна искажать историческую константу, касающуюся развития древнеабхазского этноса. К сожалению, ряд специалистов в угоду политическим и конъюнктурным факторам отвергают данную константу, давая ей необъективную оценку. В частности, это касается надписи на интересной находке из Ачмарды.

Сосуд был найден на одном из неповрежденных погребений античной эпохи — № 5. тогдашним Гос. Управлением по охране памятников в 2005 г., во время исследования могильника (после того как там побывали грабители) у с. Ачмарда Гагрского района Республики Абхазия. По наличию инвентаря захоронение это, очевидно, относится к статусным.

Приведём его описание:

«Погребение было обнаружено на площадке между погребениями №1 и №2, на глубине 0,8 м. от поверхности. Погребальная яма имела форму вытянутого овала размером 2,0 x 0,65 м. Костяк вытянут на спине, головой к ЮЗ, руки слегка согнуты, кисти - на тазовых костях. В заполнении могилы и на дне встречались угольки. Инвентарь: у черепа, слева – свернутая серебряная пластина и небольшая игла. Под черепом – удлинённо-овальная, золотая бусина с вставками из сердолика. У челюсти найдена серебряная фибула, так же украшенная полудрагоценными камнями. У шеи собраны 43 гранёные бусины из тёмно-синего стекла. На груди скелета - железный ножичек с костяной орнаментированной ру-

коятью, серебряное зеркальце, железный наконечник посоха. На тазовых костях обнаружен серебряный сосуд... (рис. 1, 1)» (о нём подробно ниже). «Рядом с серебряным сосудом, на запястье правой руки серебряный круглопроволочный браслет, изогнутой змеевидной формы, в изгибах которого вставлены полудрагоценные камни. Рядом, у кисти правой руки – стеклянный флакон с плоской широкой ручкой у горловины (рис. 1, 2). На поясе скелета обнаружена серебряная поясная обойма. Ниже тазовых костей – 11 керамических грузил пирамидальной формы. Между берцовыми костями ног найдены бронзовое колечко и дисковидное известняковое пряслице. У правой голени ног, с обеих сторон найден златостеклянный бисер (17 шт.). У костей стоп обнаружено скопление костей жертвенного животного. За стопами ног стояли два керамических горшка. Один из них украшен на плечике орнаментом в виде двух горизонтальных линий зигзага. Во втором найдена кость животного» (Бжания В.В., Агумаа А.С. и др., 2007, с. 568.-569).

Теперь о самом серебряном сосуде. На нём есть надпись на древнегреческом языке. Она нанесена под венчиком точечной гравировкой и выполнена пунсоном, буквы вытянуты по вертикали. Мастер, вероятно, хотел разместить текст вокруг горлышка в одну строку, однако, увидев, что это не получится, перешёл на строку ниже, причём посреди слова. Чтение надписи (без аутопсии) следующее: $\epsilon\upsilon\theta\omicron$ $\Pi\acute{\alpha}\kappa\upsilon\rho\omicron\varsigma$ $\acute{o}$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$ $\tau\omicron\iota\varsigma$ $\acute{\alpha}\mu\upsilon\nu\omicron\iota\varsigma$ $\epsilon\delta\omega\kappa\alpha$ «Я, царь Пакур, овцам [своим] дал». Также, на корпусе сосуда под горловиной, нанесен гравированный горизонтальный ряд изображений кинжалов, а под ними идут крупные вертикальные изображения, которые пока трудно определить из-за густой патины.

Находка по палеографическим данным может датироваться первой пол. III в. н.э. (Бжания В.В., Агумаа А.С., 2007, с. 568.-569), но может также и второй половиной II в. н.э. Кто он, царь Пакур? Изучением этого сложного вопроса (отождествлением царя Пакура) занялся А.Ю. Виноградов. Сложность заклю-

чается, в том, что данное имя было популярно среди восточных и закавказских монархов в течении многих веков.

Согласно А.Ю. Виноградову, надпись, возможно, имеет восточное происхождение и отражает модель взаимоотношения царя с подданными как пастуха с овцами, которым (подданным) был послан серебряный сосуд. Проведя сравнительный анализ и отмечая близость в географическом пространстве, А.Ю. Виноградов, приходит к выводу, что самым вероятным претендентом на место автора ачмардинской надписи следует считать царя соседней Лазики Пакора, подчиненного Антонином Пием (римским императором – В.Н.). Здесь же он объясняет появление серебряного сосуда в районе Ачмарды с вассальным подчинением этой территории царю Колхиды-Лазики, от которого апсилы и абасги периодически находились в вассальной зависимости (Виноградов А.Ю., 2013, с. 45-67.).

Данная точка зрения не осталась без внимания со стороны наших оппонентов в Тбилиси и была, конечно, ими поддержана само собой не без ошибочной теории двуаборигенности. По их словам, во II в. н.э. в Гагрском районе не было апсиров и абасгов, но было царство лазов, которое благодаря Пакору – царю лазов и римскому клиенту, включало всю Колхиду, в том числе Санигию (в III в. н.э.). Именно туда Пакор послал своим подданным серебряную чашу (Dundua T., Chikobava A., 2013, р. 9-13; Dundua T., 2017, р. 269), «факт обнаружения, привлечшего наше внимание кувшина говорит о том, что Пакор/Бакур контролировал район современных Гагр» (Phiphia N., 2019, с. 484).

Вместе с тем, для грузинской историографии стало аксиомой, говоря о древней истории Абхазии подчеркнуть усиление западно-грузинского Лазского царства и отрицать автохтонность абхазов (апсиров, абасгов, санигов) и т.д. Появление серебряного сосуда с древнегреческой надписью из Ачмарды, её интерпретация стало ещё одним доводом для аргументации нашими оппонентами якобы сильного Лазского царства (хотя никаких реальных оснований для этого нет). Надо сказать, о подданстве апсиров, абасгов Лазскому царству, а также о его расцвете, достигшего своего апогея в IV–VI вв., отмечают и некоторые российские исследователи.

Остановимся на недавно изданной моно-

графии С.Ю. Сапрыкина. В ней отражена концепция социально-экономической и политической истории причерноморских государств, в том числе в эпоху Римской империи на территории Восточного Причерноморья (Колхиды). При написании данного параграфа автор использовал в основном литературу грузинских историков (Н. Ломоури, О. Лордкипанидзе, Г. Меликишвили и др.), видимо, этим объясняется его настойчивость представить местные причерноморские царства на кавказском побережье слабыми образованиями, а царство лазов – Лазикку сильным, занимавшим наиболее обширную территорию, простиравшуюся «от Диоскурии-Себастополиса до реки Апсар», в то время как практически все независимые прежде племенные образования (апсиров, абасгов, санигов и др.) вошли в состав этого царства. «Местные правители признавали над собой протекторат царя лазов и считались его вассалами. Они платили дань и по его требованию выставляли войска» (Сапрыкин С.Ю., 2018, с. 628, 635).

Довольно странно выглядит и другое положение С.Ю. Сапрыкина, что царство лазов сопровождалось развитием ремесла, торговли и сельского хозяйства, остававшегося основой экономики и, в том числе, на территории современной Абхазии, связанной с функционированием обжигательных керамических печей в Себастополисе и Питиунте, развитием стеклоделия, металлургического производства, строительного и каменотесного дела (Сапрыкин С.Ю., 2018, с. 633), не обратив внимания на сильный подъём Цебельдинской (древне-абхазской) культуры с IV в. н.э. Как видно, исследователь ошибочно отмечает превалирование в данном конкретном регионе лазского этноса, вслед за С. Н. Джанашиа, Г. А. Меликишвили, Н. Ю. Ломоури и др. Между тем, ещё Прокопий Кесарийский указывал, что по правую сторону р. Фасиса до р. Ингура живут как апсилы, так и лазы, которые постепенно оттесняют первых к Ингуру, начиная со II в. н.э. (Бгажба О.Х., 2007, с. 111).

Не отрицая взаимопроникновения культур, Г.К. Шамба считал, что между апсилами и лазами в начале нашей эры, что в развитии материальной культуры среди местного населения Кавказского Причерноморья больших успехов добились апсилы и абасги (Шамба Г.К., 2005, с. 92). На этот факт ещё в далёком в 1939 г. обратила внимание Н. Хопштария, по-

сле проведенных раскопок в Западной Грузии, в Чхороцку. Выявленный там могильный материал, а именно: керамика с чашечкообразными венчиками, кинжалы, мечи, фибулы, бляшки, а также погребальный обряд в сочетании ингумации и кремации был её назван апсильским. Работы И. Гзелишвили в Цебельде подтвердили и показали, что найденный материал, в частности керамический, ни чем не отличается от комплекса их Чхороцку (Шамба Г.К., 2005, с. 92). Изучая позднеантичную цебельдинскую керамику К.И. Бердзенишвили пришла к выводу, что большая часть этой керамики «стоит совершенно изолированно от синхронной глиняной посуды, распространённой на территории Грузии» (Бердзенишвили К.И., 1959, с. 108). В начале 60-х гг. XX столетия данная культура в результате продолженных работ под руководством М.М. Трапш получила название Цебельдинской. Надо отметить, что её материалы легли в основу кандидатских и докторских диссертаций (М.М. Трапш, Г.К. Шамба, В.А. Логинов, Ю.Н. Воронов, Л.Г. Хрушковой, О.Х. Бгажба и др.) (Бгажба О.Х., 2003, с. 64).

Так, подчёркивая уникальность цебельдинской керамики, как неотъемлемую часть древнеабхазской культуры (Инал-ипа Ш.Д., 2017, с. 267), весьма нелепым в тоже время выглядит утверждение А. Кахидзе и Ш. Мамуладзе, что под эгидой процветавшего Лазского (Эгриского) царства, охватывавшего районы проживания апсильцев и абасгов, формировалась Цебельдинская культура. Данный вывод они сделали после обследования пяти погребений в 1998 г. в Пичвнари (Аджария), отнеся их к IV в. Авторами были обнаружены параллели с цебельдинскими памятниками, прежде всего, по ориентировке, размерам и расположению инвентаря, представленным кувшинами, краснолаковыми блюдами, графинообразным бальзамарием, железными копьями, топорами, железными ножами, украшениями (мозаичные бусы, браслет, геммы-инталио, железные фибулы) (Кахидзе А., Мамуладзе Ш., 2001, с. 86).

Между тем, наоборот, выявленные материалы в Пичвнари указывают на высокий уровень развития материальной культуры древних абхазов и в этой части Южного Кавказа. Уже «в эпоху античности, а затем и раннего средневековья, на территории как Колхиды в целом, так и в Абхазии сложился и успешно функционировал симбиоз, основанный на

взаимодействии интернационального, античного в своей основе города и многоликой самобытной периферии. Таким образом, была заложена основа формирования полиэтнического абхазского общества» (Скаков А.Ю., 2011, с. 128). В IV–VI вв. носители Цебельдинской культуры (по данным археологии) находились на крайне высокой ступени производственного развития (металлообработка) (Маан О.В., 2014, с. 65), в отличие от бедной Лазики, не производившей необходимых для жизни продуктов (Успенский Ф.И., 1996, с. 308).

Очевидно, появление серебряного сосуда в Ачмарде являлось случайной находкой, которая могла попасть в данный район Абхазии в результате военной добычи, связанной с морским пиратством (нам известно, ещё Страбон отмечает его в прибрежных водах Причерноморья), возможно, она была получена в качестве военного трофея в результате морского набега или грабежа чужой территории. Не исключено также, что сосуд был приобретён неким состоятельным лицом в результате торговых операций. Этого не исключает и А.Ю. Винигорадов, считая, что сосуд мог быть как предметом торговли, а также военной добычей или может быть передаренным подарком (Виноградов А.Ю., 2013). Говоря откровенно, нет решающих доказательств в пользу лазского происхождения сосуда и считать о том, что царь лазов «Пакурос / Расогос посылает серебряную чашу Ачмарда своим подданным, живущим возле реки Бзипи (Бзыбь – В.Н.)» (Dundua T., Chikobava A., 2013, р. 9-13) нет никаких оснований. Возможно (а почему и нет) сосуд из Ачмарды был армянского происхождения! Данное предположение, основывается на найдённой в середине 30-х гг. XX в. в погребении около станицы Даховской Майкопского района серебряной чаше.

На этой серебряной чаше, на её стенках «изображены различные театральные сцены, а на дне имеется пунктирная, пунсоном нанесенная надпись: «*Παρά ᾧ ἀσιλῆος Πακόρου* от царя Пакора» (Тревер К.В., 1953, с. 242). Чаша, согласно надписи, датируется второй половиной II в. н.э., т.е. 161–163 гг., временем правления армянского царя Пакора. Появление чаши в столь отдалённом географически регионе к северу от Кавказского хребта, по мнению К.В. Тревер, могло быть связано тем, что чаша входила в состав даров, полученных от Пакора кем-либо из аланских вождей, в могилу которого ей суждено было вскоре по-

пасть. Не допуская сомнений, что данный сосуд принадлежал армянскому царю Пакору, исследователь считает, что «чаша попала из Армении в Майкопский район не столь мирным путем, а в результате грабежа, сопровождавшего нападение аланов на Закавказье. В конце II в., в 197 г. имело место очередное вторжение аланов на территорию Армении, и может быть, тогда-то находившаяся в чьем-то владении чаша – подарок Пакора – была захвачена в числе прочей добычи и увезена на Северный Кавказ» (Тревер К.В., 1953, с. 244-245), а ачмардинский сосуд, например, дальше на юг.

Думаем не стоит исключать такой сценарий и для нашего серебряного сосуда его появления в Ачмарде. Само собой увязывать общее происхождение этих двух сосудов (ачмардинского и майкопского) мы не можем, но и «совершенно исключать возможной связи ачмардинского кувшина с армянским царем нельзя» (Виноградов А.Ю., 2013). Некоторый интерес может представлять находка в Восточной Грузии в Жинвали (в прошлом Иберия). Там была найдена гемма с именем царя Бакура, но как она туда попала, возможно, это мог быть подарок, добыча с поля битвы или случайное приобретение (Phiphia N., 2019, с. 487).

Как известно, из сообщения Арриана об апсилах, абасгах и санигах, их этнополитические образования - «царства» были созданы не одновременно. Царство апсиров образовалось раньше абасгского, поскольку, по словам Арриана, апсильский «царь» Юлиан получил свое царство от отца римского императора Адриана, в то время как «царь» абасгов Ресмаг, подобно «царю» санигов Спадагу, получил власть позже от самого Адриана.

Римские правители преследовали в Абхазии главным образом свои военно-стратегические и политические цели (Габелия А.Н., 2020, с. 56). Главную роль в торгово-экономических и политических отношениях прибрежных районов, безусловно, в то время играли римские укрепленные поселения Питиунт, Фасис, Себастиополис (Сапрыкин С.Ю., 2018, с. 633). В это примерно время (II в. н.э.), видимо, после царя лазов Малласы (получивший свою власть от Адриана) «лазский царь Пакор (по-персидски Бакур) был признан императором Антонином Пием» (Рейфилд Д., 2017, с. 42) (время правления римского императора Антонина Пия 138 по 161 года).

Вместе с тем, не кажется ли странным, что в

условиях укрепления римской власти на Черноморском побережье Кавказа, лазский царь Пакор, отправляет серебряный сосуд «моим овцам»? Какую власть он вообще имел, как ставленник Антонина Пия? Тут стоит согласиться с мнением, что личность царя лазов Пакора/Бакура стала в последние годы предметом интересной историографической дискуссии (Phiphia N., 2019, с. 484). Действительно нет конкретной информации о нём, также как и нет сведений (римские и византийские источники молчат) об усилении Лазского царства (III–IV вв.) (Воронов Ю.Н., 1975, с. 142; Маан О.В., 2014, с. 65), по своей сути ничем не отличавшегося от других политических образований Восточного Причерноморья, зависящих от Римской, а потом Византийской империй. «Важно отметить, что в источниках ни разу не упоминается о каких-либо самостоятельных санкциях лазских царей по отношению к «вассальным» апсилам и абасгам» (Бгажба О.Х., 2003, с. 65). Считаем, тезис о мирном проникновении лазских царей в Абасгию и Апсилию с согласия Рима для защиты горных переходов представляется необоснованным (Гунба М.М., 1989, с. 162).

Между тем, исследуя тему взаимоотношений, в частности, апсиров и лазов нами был сделан вывод, что Апсилия в IV–V вв. не подчинялась Лазике, а находилась в довольно сильной политической, экономической и культурной зависимости от римско-византийской империи, как, впрочем, и сама Лазика (Ньюшков В.А., 2016, с. 118-121). В последующие века зависимость древнеабхазских политических образований от Лазики, навязчиво, с явным подтекстом подчёркиваемая византийскими авторами, в действительности носила скорее символический характер (Воронов Ю.Н., 1975, с. 149). «В условиях ромейского (византийского – В.Н.) военного присутствия говорить о подчинённости населения этой части Восточного Причерноморья (Северная Колхида – В.Н.) вряд ли возможно. Земли Северной Колхиды, в отличие от лазских, где наличие византийских военных в VI в. не фиксируются, надёжно контролировались империей» (Касландзия Н.В., 2017, с. 48). Важно, что «всякая экспансия со стороны лазов в отношении апсиров и абасгов шла вразрез с интересами империи, должна была негативно восприниматься византийцами и пресекаться ими» (Касландзия Н.В., 2017, с. 48). Следовательно, благодаря усиленным контак-

там апсиров с римским миром через Себастиполис, можно однозначно утверждать о подчинённости Аписии и Абасгии только Византии и более никому.

Итак, находка серебряного сосуда с греческой надписью из Ачмарды, несомненно, представляет большой интерес по древней истории Абхазии. Можно привести ряд причин (в работе они есть), по которым данная вещь могла попасть в Северо-Западную часть Абхазии (в Санигию). Видимо, это была случайная находка и, соответственно, увязывать надпись на ней с «вассальной зависимостью или вассальным подчинением» от Лазики в эту означенную часть Абхазии (Санигию) лишается смысла. Возможно, она могла принадлежать местному абхазскому базилевсу, имя которого не сохранилось в письменных источниках.

ЛИТЕРАТУРА

- Бгажба О.Х., 2003. Где проходила «Клисура» Джунхера? // Абхазоведение. Вып. 2. – Сухум.
- Бгажба О.Х., 2007. Ранние этапы этнической истории абхазов // Археология, этнография и фольклористика Кавказ: Материалы международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». – Махачкала.
- Бердзенишвили К.И., 1959. Позднеантичная керамика из Цебельды // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. II. – Тб, 1959.
- Бжания В. В., Агуаа А. С., Бжания Д. С., Виноградов А. Ю., Канделаки Д. А., Сакания С. М., Хондзия З. Г., 2005. Охранные исследования в Гагрском районе // Археологические открытия 2005. – М.
- Виноградов А.Ю., 2013. Кувшин царя Бакура – новый источник по ранней истории Кавказа // Interdisciplinary Archaeology. II. – Tbilisi.
- Воронов Ю.Н., 1975. Тайна Цебельдинской долины. М.
- Габелия А.Н., 2020. Вопросы истории позднеантичной Абхазии в трудах З.В. Анчабадзе // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию выдающегося историка З.В. Анчабадзе (Ачба). – Сухум.
- Гунба М.М., 1989. Абхазия в первом тысячелетии н.э. (социально-экономические и политические отношения). – Сухуми.
- Инал-Ипа Ш.Д., 2017. Труды в XI-ти томах. Т. IV. – Сухум.
- Касландзия Н.В., 2017. Генезис и становление Абхазского царства. – Сухум, 2017.
- Кахидзе А., Мамуладзе Ш., 2001. Погребения ранне-средневекового периода из Пичвнари // РА. №1. – М.
- Маан О.В., 2014. Культурно-этнические контакты абхазов в раннем средневековье. – Сухум.
- Нюшков В.А., 2016. История и культура апсиров (II в. до н. э. – вторая половина VIII в. н. э.). – Сухум, 2016.
- Рейфилд Д., 2017. Грузия. Перекрёсток империй. История длиной в три тысячи лет. – М.
- Сапрыкин С.Ю., 2018. Древнее Причерноморье. – М., С-Пб.
- Скаков А.Ю., 2011. Абхазия в эпоху античности: страна на перекрёстке культур и коммуникаций // Материалы Первой Международной научной конференции, посвященной 65-летию В.Г. Ардзинба. – Сухум.
- Тревер К.В., 1953. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э. – IV в. н.э.). – М., Ленинград.
- Успенский Ф.И., 1996. История Византийской империи (VI–IX вв.). Т. I. – С-Пб.
- Шамба Г.К., 2005. Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племён в сборнике грузинских авторов («разыскания по истории Абхазии/Грузия»). Тб., 1999 // Вестник АНА. № 1, – Сухум.
- Dundua T., 2017. Georgia - early origin and antiquity. Тб. (на груз. яз с английским резюме)
- Dundua T, Chikobava A., 2013. Pacorus, the Lazi King, Who Was Overlord of Colchis/Western Georgia. Тб. (на груз. яз с английским резюме)
- Phiphia N., 2019. King Pacorus/Bakur of Lazi // Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Причерноморья. М., Тюмень, Нижний Новгород (на английском яз с русским резюме).

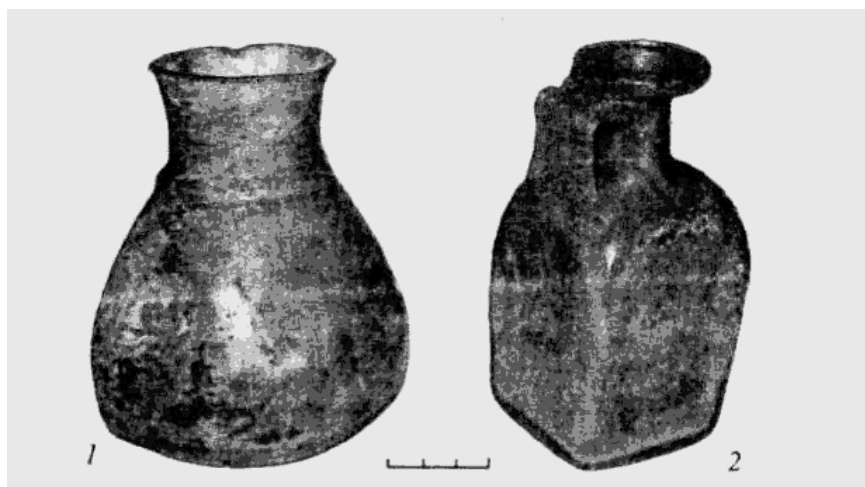

Рис. 1. серебряный сосуд (1), стеклянный флакон (2).

А.В. Пьянков

АБАЗИНСКАЯ ГИПОТЕЗА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КРЕМАЦИЙ КУБАНО- ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА

Восемнадцать лет назад в тезисах ростовской конференции был опубликован доклад «К вопросу об абазинском происхождении кремационных погребений III–XIII вв. из Кубано-Черноморского региона» (Пьянков А.В., 2002, с. 127–130). Тезисы содержали аргументы против такой версии этногенеза кремаций. Однако краткая тезисная форма и небольшой тираж издания стал причиной того, что многим исследователям эта работа осталась просто неизвестной, хотя абазинская идея ими не поддерживалась (см. списки литературы в диссертациях: Успенский П.С., 2015. С. 229; Дружинина И.А., 2018, с. 465, 466). Другие поддерживавшие ране абазинскую гипотезу, продолжили её поддерживать, как аргументированную идею достойную обсуждения (см. Шамба Г.К., 1965, с. 265; Ловпаче Н.Г., 1997, с. 113, 114) и лагерь их пополняется (см. Сивер А.В., 2014, с.36).

В результате моя уверенность, что гипотеза Е.П. Алексеевой о происхождении кремационного обряда перестала быть актуальной, не оправдалась. На неё продолжают ссылаться и воспринимают, как действующую, игнорируя при этом правило «последнего слова в науке».

Поэтому возникла необходимость перепубликовать старую работу, но в расширенном виде. Обратимся к тексту.

Первые погребения в Северо-Восточном Причерноморье совершённые по обряду трупосожжения стали известны уже во второй половине XIX века, когда В.И. Сизов раскопал курганы с урновыми кремациями в Геленджикской бухте и на бывшем хуторе Кобзы у ст. Раевской (Сизов В.И., 1889, с. 65–67, 100–102). В начале XX века В.В. Саханевым был открыт первый грунтовый могильник с трупосожжениями в каменных ящиках и грунтовых ямах (Саханев В.В., 1914, с. 75–206). В советскую эпоху количество открытых могильников с кремационными погребениями значительно увеличилось. В сводке средневековых памятников адыгов-черкесов Северо-Западного Кавказа, составленной Е.П. Алексеевой в 1962 году, учтены десятка известных к тому времени могильников с кремациями (Алексеева

Е.П., 1964, с. 195–214). Позднее автор, дважды публиковала отдельные сводки средневековых трупосожжений (Алексеева Е.П., 1970, с. 318–321; 1971, с. 192–194). Более поздние сводки можно найти в работах А.В. Пьянкова и В.А. Тарабанова, а также П.А. Успенского (см. Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 2008, с. 277–279, рис. 2; Успенский П.С., 2012, рис. 1; 2015, с.310–313; приложение 1) К концу XX века в Кубано-Черноморском регионе выявлено около сотни средневековых могильников с кремациями, большая часть которых частично или полностью раскопаны, но не опубликованы.

Относительно этнической атрибуции кремационного обряда у исследователей по мере накопления новой информации были высказаны разные мнения. Так В.В. Саханев отнес погребения из биритуального Борисовского могильника и более поздние подкурганые кремации к предкам адыгов (Саханев В.В., 1914, с. 175, 206). В последствии, возобладало мнение, что кремационный обряд занесен в регион извне, поскольку этот обряд не был знаком местному населению Кубано-Черноморского региона в раннем железном веке (см. Алексеева Е.П., 1970, с. 328, 329; Дмитриев А.В., 1978, с. 48, 49; Дитлер П.А., 1985, с. 134; Пьянков А.В., 1990, с. 163, 164; Тарабанов А.В., 1994, с. 58, 59).

Существуют два принципиально разных подхода к проблеме происхождения кремационного обряда. Часть исследователей разделяет кубано-черноморские кремации на две хронологические группы, не связанные между собой общим происхождением (Дмитриев А.В., 1978, с. 48, 49; Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1998, с. 18–24; 2008, с. 275–295). Сегодня сторонников такого подхода больше, поскольку к этой группе надо причислить почти всех высказавшихся в пользу привнесённости кремационного погребального обряда в Кубано-Черноморский регион извне в VIII в. (см. Пьянков А.В., 2018, с. 264–266).

По гипотезе Е.П. Алексеевой кремационный обряд оставлен предками абазин (Алексеева Е.П., 1964, с. 169; 1970, с. 314–329; 1971, с.

196-198; 1980, с. 49). Некоторые исследователи без критики приняли идеи Е.П. Алексеевой (Шамба Г.К., 1965, с. 265; Ловпаче Н.Г., 1997 с. 110, 111, 113, 114). Поскольку последняя гипотеза не получила в научной литературе объективной оценки, обратимся к ее основным положениям, изложенным в статьях 1970 и 1980 гг. (Алексеева Е.П., 1970, с. 299-335; 1980, таб. 1-3).

На территории Абхазии с X в. до н.э. до VI в. н.э. бытовал погребальный обряд кремирования умерших на стороне с последующим захоронением праха в урнах или без них в грунтовых ямах. Этот обряд аналогичен кремациям Северо-Западного Кавказа V–XIV вв. Предки абазин (Е.П. Алексеева связывает с абазинами цебельдинскую археологическую культуру) с V в. н.э. проникали небольшими группами в среду зихов Причерноморья, а с VII–VIII вв. и в Закубанье.

В качестве доказательства абазинского происхождения кубано-черноморских кремаций приведены следующие аргументы: во-первых, сходен сам погребальный обряд двух регионов; во-вторых, отдельные категории погребального инвентаря из цебельдинских некрополей находят аналогии в инвентаре кремационных погребений Северо-Западного Кавказа V–VII вв. (мечи и крестовидные фибулы, умбоны для щитов), в погребениях VIII–IX вв. (наконечники копий), в погребениях X–XIV вв. (керамические урны, ножницы, вилки для вытягивания мяса из котлов) (Алексеева Е.П., 1970, с. 325, 326; 1980, с. 51, таб. 1-3).

Погребальный обряд в могильниках Кубано-Черноморского региона в могильниках III–VII вв. преимущественно ингумационный и кремации для этого времени составляют не более 10 процентов от общего числа захоронений, часто меньше (мы не учитываем случайно разрушенные или доследованные единичные погребения на не исследованных некрополях) (см. Пьянков А.В., 1998, с. 103–105).

Сегодня известно около 25 кремационных погребений, в которых решительно преобладают безурновые кремации (99%). А в цебельдинских м-ках кремации в урнах составляют около 18% от всех погребений. Безурновая кремация там встречена лишь однажды (Трапш М.М., 1971, с. 123). Кремирование умерших у цебельдинцев прекращается в конце VI или в начале VII вв. (Он же, с. 124; Воронов Ю.Н., 1975, с. 106).

Кроме того, кремационный погребальный обряд III–VII вв. по своим деталям значительно отличается от особенностей кремационного погребального обряда VIII–X вв. Вспомним, что в ранний период умерших сжигали на стороне, обычно, без инвентаря, а прах ссыпали на дно могилы (грунтовая яма или ящик, сооружённые по форме и размерам покойника) в виде округлого зольного пятна с кальцинированными и измельчёнными костями. Инвентарь раскладывался по всей яме, как на несожжённом теле (оружие вдоль зольного пятна, серьги у головы, гривны на месте шеи, ременные детали на месте пояса, обувные пряжки в ногах и т.д.) (Пьянков А.В., 1998, с. 103).

В то же время, кремационный погребальный обряд VIII–IX–X вв. состоял из следующих деталей: умерших сжигали на стороне с сопутствующим инвентарем, кальцинированные кости собирались вместе с золой, угольками, вещами и захоранивали в неглубоких ямах или в каменных ямах (до 1 м), которые имели в плане форму овальную, подпрямоугольную или круглую, но яма имела меньшие размеры, чем необходимо для погребения целого трупа. Прах помещали в керамические урны или на дно ямы. Урнами служили кухонные лепные или круговые горшки, корчаги, реже кувшины и амфоры. Фрагменты керамических сосудов играли роль крышек. Часть вещей укладывалась рядом с урной (оружие, детали снаряжения коня и орудия труда) Часть инвентаря ритуально портилась (преимущественно металлического). На могильниках присутствуют тайнички в небольших ямках, устроенные рядом с отдельными погребениями. Здесь находят оружие, детали снаряжения коня и другие металлические предметы. В погребениях регулярно фиксируется обычай, принесения даров умершим, как в мужских, так и в женских погребениях.

Вопреки мнению Е.П. Алексеевой, кремации Кубано-Черноморского региона оставлены разными племенами. Кремационный обряд второй половины VIII–XIII веков резко отличается от предшествующего. Кроме уже описанных деталей позднему погребальному обряду присуще наличие в погребениях большого количества оружия и деталей снаряжения боевого коня. Заметим, что кремации составляют в могильниках второй половины VIII–IX вв. Кубано-Черноморья от 50 до 100% погребений.

Что касается рассмотренных Е.П. Алексеевой параллелей в инвентаре, то это следствие невнимательности, ошибок или не корректного подхода к археологическим материалам. Это можно увидеть на таблицах, приведенных исследовательницей в своей работе 1980 г. (табл. 1–3).

Так мечи и крестовидные фибулы характерные для цебельдинской культуры попадали в Кубано-Черноморский регион не только вместе с переселенцами или, как предметы торговли, но их могли копировать на месте по привозным образцам (см. Пьянков А.В., 2006, с. 297–303). Наконечник копья из пог. 134 Борисовского могильника из раскопок В.В. Саханёва (Саханёв В., 1914, с. 119 рис. 30, 2), приведенный Е.П. Алексеевой в работе 1980 г. (Алексеева Е.П., 1980, табл. 3, 7) не имеет аналогий в цебельдинских могильниках. Это не копье аналогичное абхазскому, а узколезвийная пика аварского типа с ромбическим сечением пера, которая ритуально испорчена: втулка сплюснута, перо согнуто дугой, а на фотографии дан вид с боку (рис. 1, 1). У нас есть возможность показать более качественный и информативный рисунок этой пики и убедить читателей в нашей правоте (рис. 1, 2)³¹.

Заметим, что сопоставление многих цебельдинских вещей с предметами из могильников X–XIV вв. на таблице Е.П. Алексеевой является не корректным, поскольку одни предметы происходят из родственных цебельдинской археологической культуре: абазской и санигской (Сочинский район), которые мало чем отличаются друг от друга (Алексеева Е.П., 1980, табл. 3, 1, 3 и 6, 8), а другие вещи живут долго на обширных территориях, включая Абхазию и Кубано-Черноморский регион (Алексеева Е.П., 1980, табл. 3, 4, 5 и 9, 10). Для удобства читателя, эта же таблица дана в приложении данной статьи (рис. 2, Б, 1–10).

Что касается керамических урн, то попытка сравнения сосудов, предложенная Е.П. Алексеевой, вызвала эффект противоположный ожидаемому автором (см. Алексеева Е.П., 1980, табл. 2, 1–3). В глаза бросается, что цебельдинская урна имеет близкую форму тулова кубанским, но отличается формой горла и местом крепления ручек (рис. 2, А, 1–3). Заметим, что в тексте не приводится описание те-

ста. Эти факты не убеждают читателей в идентичности керамических урн.

Таким образом, массовое распространение кремаций во второй половине VIII–XIII вв. в Кубано-Черноморском регионе явно, не связано с цебельдинской археологической культурой.

В заключении следует признать, что кремации второй половины III–VII вв. представляют собой ограниченную инфильтрацию отдельных семей и групп в местную среду из какого-то сопредельного региона (Пьянков А.В., 1998, с. 103–105). Нельзя полностью исключить их цебельдинское происхождение, как и предполагала Е.П. Алексеева. Кремации второй половины VIII века по материальному облику принадлежат к салтово-маяцкой археологической культуре, и находят аналогии погребальному обряду и инвентарю в материалах синхронных им могильников бассейна Северского Донца (тип Новопокровки) (Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 2008, с. 275–295). Носители кремаций этого типа, как на Кубани, так и на Северском Донце имеют, скорее всего, тюркское или угорское происхождение (Дмитриев А.В., 1978, с. 49; Тарабанов В.А., 1994, с. 58, 59). Имеются серьезные основания отождествлять этот народ с касогами/касаками/кашаками письменных источников (Пьянков А.В., 2001, с. 198–213).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.П., 1964. Материальная культура черкесов в средние века (по данным археологии) // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. IV. Ставрополь.
- Алексеева Е.П., 1970. К вопросу о происхождении абазин по данным археологии // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. VI. Ставрополь.
- Алексеева Е.П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М.
- Алексеева Е.П., 1980. О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. Черкесск.
- Воронов Ю.Н., 1975. Тайна Цебельдинской долины. М.
- Дитлер П.А., 1985. Могильник Колосовка № 1 // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Дмитриев А.В., 1978. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII–IX века в районе Новороссийска – Геленджика // VIII «Крупновские чтения». Нальчик.
- Дружинина И.А., 2018. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.

³¹ Приношу благодарность И.О. Гавриухину за разрешение использовать его рисунок из материалов, хранящихся в фондах ГИМа.

Ловпаче Н.Г., 1997. Этническая история Западной Черкессии. Майкоп.

Пьянков А.В., 1990. Новый средневековый могильник у аула Казазово // Древние памятники Кубани. Краснодар.

Пьянков А.В., 1998. Новые материалы из могильника Бжид 1 и проблема появления ранних кремаций на Кубани и Черноморье // XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Железноводск.

Пьянков А.В., 2001. Касоги / казахи / кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар. Вып. 1. 2001.

Пьянков А.В., 2002. К вопросу об абазинском происхождении кремационных погребений III–XIII вв. из Кубано-Черноморского региона // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы X международной научной конференции. Ростов-на-Дону.

Пьянков А.В., 2006. Юго-Восточные связи населения Краснодарского Причерноморья в III–VII вв. н. э.: по материалам могильников // Первая Абхазская международная археологическая конференция. / Отв. ред. В.В. Бжания. Материалы. Сухум.

Пьянков А.В., 2018. К истории и археологии казагов: ответ на не профессиональную критику // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневеко-

вые: Материалы международной археологической конференции (г. Анапа, 30 мая – 1 июня 2018 г.). Краснодар: ИП Шлепнев М.В.

Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 2008. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: опыт сопоставления // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина / Рос. акад. наук; [отв. ред. Г.Е. Афанасьев]. М.: Ин-т археологии РАН: ТАУС.

Саханев В.В., 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911 – 1912 гг. // ИАК, вып. 56. СПб.

Сивер А.В., 2014. Этническая история шапсугов Причерноморья. Краснодар: КубГУ.

Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // МАК. М., II.

Тарабанов А.В., 1994. Кремационные погребения VIII–X вв на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.

Трапиш М.М., 1971. Культура цебельдинских некрополей. Труды в четырех томах. Том 3. Тбилиси.

Шамба Г.К., 1965. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии // СА, № 2.

Успенский П.С., 2015. Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник. Диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: ФГБУН ИА РАН.

Успенский П.С., 2012. Погребения по обряду трупосожжения курганного могильника на р. Жане // Историко-археологический альманах. / Отв. Ред. Р.М. Мунчаев. Армавир, Краснодар, М. Вып. 11.

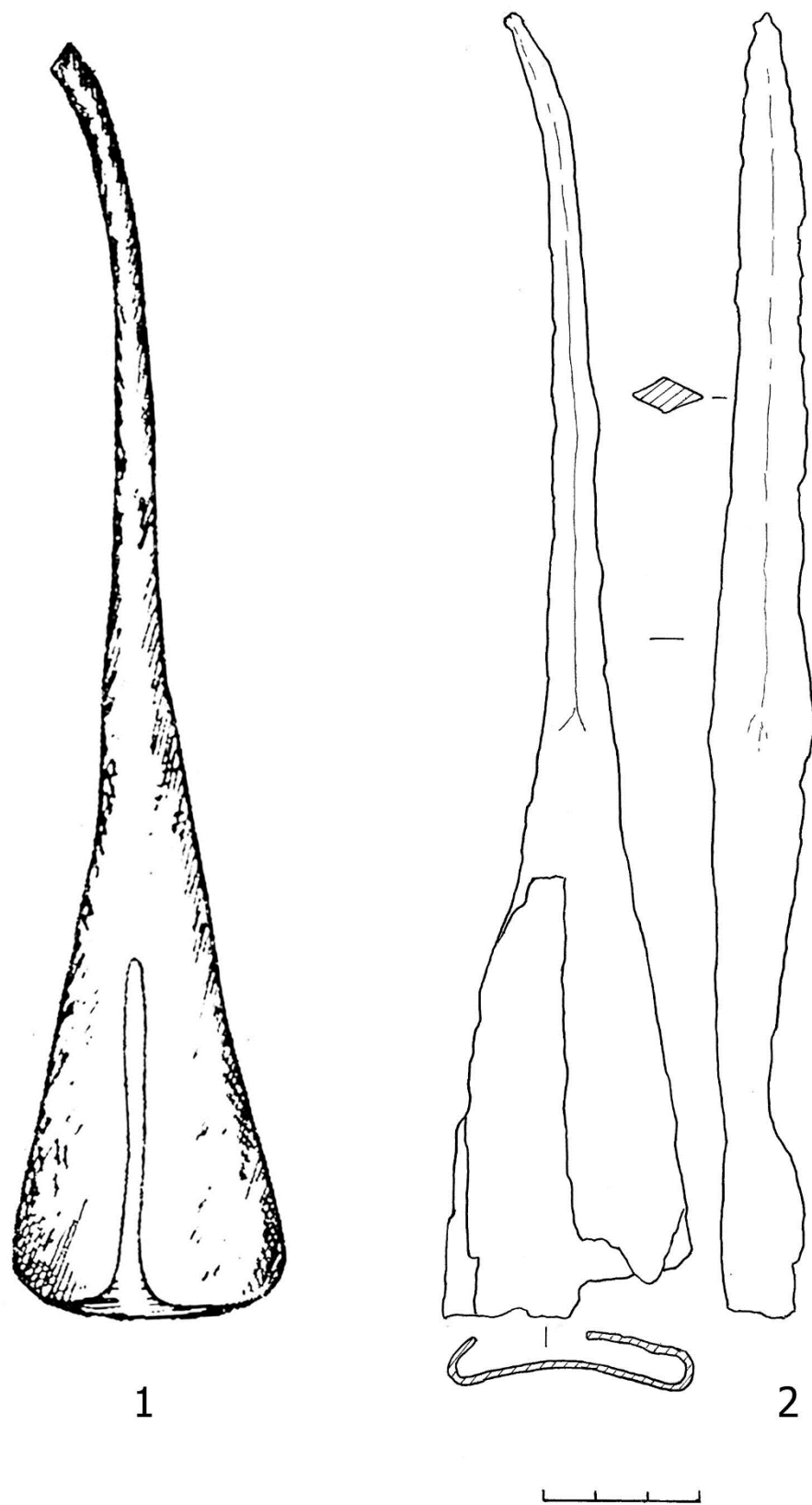
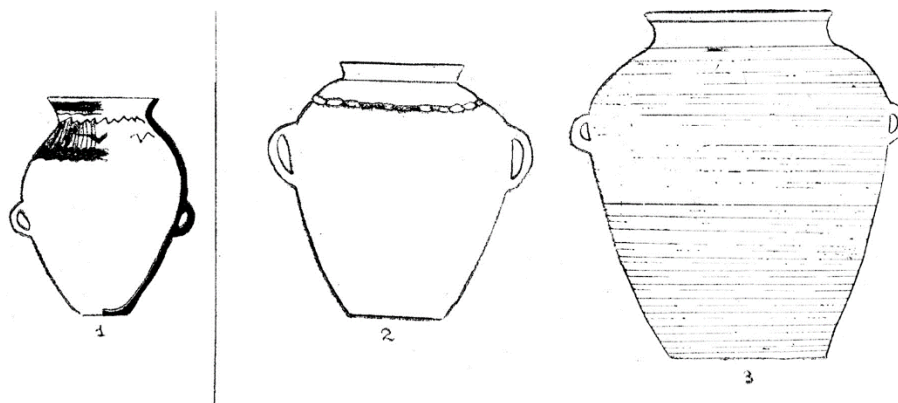
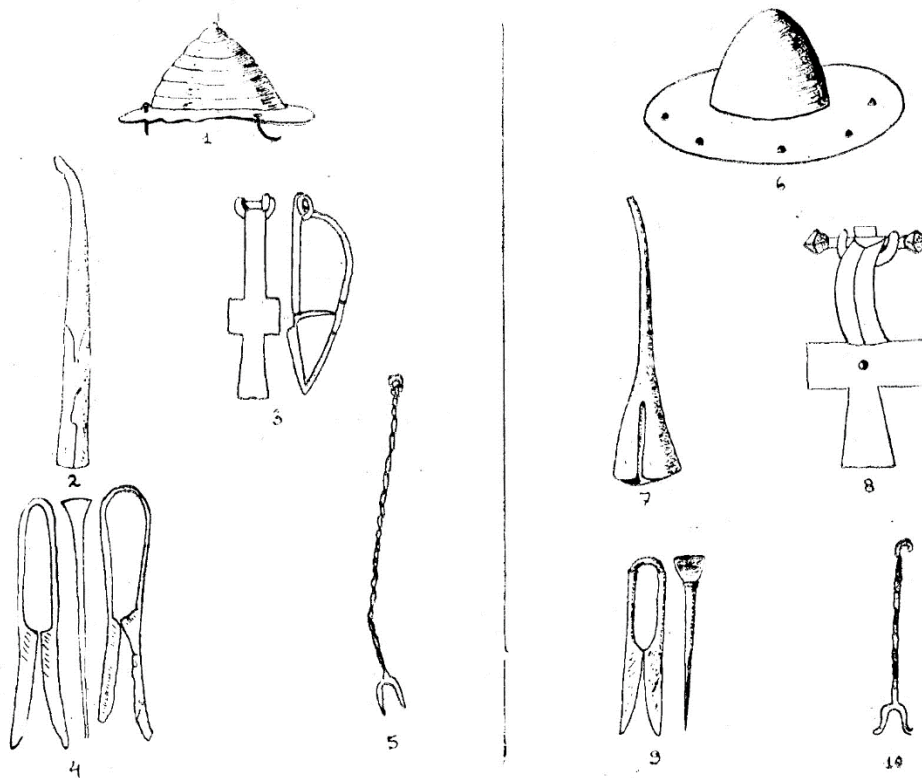

Рис. 1. Борисовский могильник: 1 – прорисовка фото копья (пики) из пог. 134 (Саханёв В., 1914, рис. 30, 2) из работы Е.П. Алексеевой 1980 г. (Алексеева Е.П., 1980, табл. 3, 7);
2 – рисунок кавалерийской пики из пог. 134 (фонды ГИМ).

А

Б

Рис. 2. А, 1 – Цебельдинские могильники: керамическая урна (по М.М. Трапшу);

2 – Убинский могильник: керамическая урна (по А.Л. Монгайту);

3 – Колосовский могильник: керамическая урна (по П.А. Дитлеру).

Б, 1-5 – Цебельдинские могильники: 1 – умбон от щита, железный, 2 – наконечник копья, железный,

3 – фибула бронзовая, 4 – ножницы железные, 5 – вилка для мяса, железная (1-3,5 – по М.М. Трапшу;

4 – по М.М. Трапшу и Ю.Н. Воронову); окрестности г. Сочи: 6 – умбон от щита, бронзовый,

8 – фибула серебряная; Борисовский могильник: 7 – наконечник копья (пики), погр. № 134;

окрестности г. Новороссийск: 9 – ножницы железные; Даховская: 10 – вилка для мяса, железная

(6,8 – Сочинский музей, 7 – фонды ГИМ, 9 – Новороссийский музей, 10 – Майкопский музей).

(Алексеева Е.П., 1980, табл. 2, 1-3; 3, 1-10).

Верещагин В.В., Голубев Л.Э.

ВСАДНИКИ «ШЕГАКОВ»

Данная публикация является развернутой версией доклада, подготовленного авторами для конференции XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа, проходившей в Карачаево-Черкесской республике в 2018 г. (Верещагин, Голубев, 2018, с. 411). И за ограничения объемов текста и иллюстраций для сборника материалов конференции в него вошёл сокращенный вариант доклада.

В 2014 и 2015 годах, в рамках охранно-спасательных археологических работ, в зоне строительства магистрального газопровода «Южный Поток» были изучены несколько средневековых памятников, расположенных на территориях современных районов городов Анапы и Новороссийска Краснодарского края. В числе исследуемых памятников выделяются курганные могильники, содержащие отдельные погребения воинов и верхового коня. В данной публикации будут представлены всаднические погребения с конем из курганных могильников «гос.№258» близ ст. Натухаевской МО г.-г. Новороссийск и «Гостагаевская-1» около г.-к. Анапа, предварительно датированных концом XII – XIII вв. Практически все мужские погребения без сопровождения туши коня и деталей конской упряжи исследованные в курганных группах «Гостагаевская-1» и «гос.№258» имели «дружинные» признаки: сабли, наконечники стрел, железные петли от колчанов, костяные детали лука, фрагменты кольчуг, кольчужные капюшоны, четырехчастный шлем, что конечно подразумевало их как кавалеристов (Армарчук, 2004). Представленные нами материалы раскопок являются собой лишь небольшую часть исследуемых нами погребальных комплексов из этих обширных могильников. В представленной работе мы рассмотрим наиболее информативный инвентарь, найденный в погребениях с верховым конем. К сожалению, из-за пока слабо разработанной хронологии средневековых древностей Северо-Восточного Причерноморья мы обратимся лишь к рассмотрению тех предметов, хронология которых наиболее разработана и имеет более точную датировку. Большая часть средневековых предметов быта

найденных за более чем столетие изучения памятников археологии региона утилитарны и имеют очень широкое хождение вплоть до начала XX в.

Современные районы Анапы и Новороссийска в эпоху средневековья и «нового времени» были территориями расселения прото-адыгского а затем и адыгского племени «шегаков» (хегайк, хеку)³² (Волкова, 1974, с.20; Гадлю, 1984, с.70; 2004, с. 204). Согласно древним преданиям записанным Н.Л. Каменевым в 1867 г. со слов адыгских старейшин территория окрестностей современной Анапы называлась «Хекужж» (Хакуч,) – родина – отечество. Именно отсюда началось расселение адыгских племен по территории Северного Кавказа (Каменев, 1867, № 14). Мощное и воинственное средневековое племя «шегаков» в новое время встречается под искажёнными названиями. В европейских известиях о них сообщают как о небольшом племени до середины XIX в., после Кавказской войны о «шеках» больше не упоминают.

Погребальный обряд средневековых предков адыгов весьма разнообразен и имеет множество локальных вариантов. В основном это касается погребальных сооружений: безкурганные захоронения, земляные курганные насыпи³³, насыпи с каменной наброской или каменной крепидой – оградкой, представляющей собой каменную кладку от одного до нескольких рядов по периметру, в том числе и подпрямоугольной формы. Погребение человека тоже имеет небольшие различия, погребения могло быть совершено в гробу, деревянной колоде, в «каменном ящике», в земляной яме или на «горизонте». В погребениях присутствует древесный уголь – от значительной подсыпки до нескольких угольков. Погребенные, как правило, всегда лежали головой на запад с небольшими сезонными отклонениями. В средневековых могильниках предков

³² Название племени искажено, наиболее часто употребляемая форма в литературе «шегаки».

³³ Захоронения в курганах в некоторых причерноморских шапсугских селениях производились вплоть до недавнего времени (аулы Агой-Шапсуг, Тхагапш).

современных адыгов встречаются кремационные погребения, совершённые в урнах параллельно с ингумациями (Стрельченко, 2003, с.30-37; Алексеева, 1971, с.182-185; Тешев, 1985, с.142-148; Нагоев, 1987, с.207; Армарчук, Дмитриев, 2014, с.13). Особый интерес представляют погребальные комплексы всадников включающие конские скелеты, собственно, об этих погребениях и пойдет речь в данной публикации. Такие захоронения могут быть как ингумационные, так и кремационные и совершаться в одном могильнике. Всаднические погребения могли совершаться и без сопровождения коня, основным признаком таких захоронений является наличие кавалерийской длинной сабли, и набор лучника.

Курганные могильники «гос.№258» близ ст. Натухаевской и «Гостагаевский 1» расположены в 7 км друг от друга. Они имеют одинаковые планиграфические характеристики курганов. Главное их различие – использование каменных крепид - оградок в курганных насыпях в первом могильнике. Во втором могильнике из числа исследованных насыпей каменные крепимы-оградки не были зафиксированы.

В могильнике у станицы Натухаевской было исследовано пять комплексов с погребениями коня. В четырех из них животные лежали на левом боку головой на запад, ногами от покойного: к. 95, п. 4 (рис. 1, 1-3); к.98, п.2 (рис. 3, 1-3); к.103, п.1 (рис. 5, 1-3); к.104, п.1 (рис.7, 1-3). В к. 100, п. 2 (рис. 9, 1-3) лошадь лежала к югу от покойного на левом боку головой на восток (Верещагина, 2015).

Похожие воинские погребения с конями были исследованы в могильнике «Гостагаевская-1». Всего их было пять: к. 57, п. 2 (рис. 11, 1-3) (вероятно, кремация или кенотаф); к.10, п.1(рис. 12, 1-3); к.9, п.2 (рис. 13, 1-3); к.49, п.3 (рис. 14, 1-3); к. 14 п. 2 (рис. 15, 1-3). Два из них были сильно повреждены строителями газопровода. Еще одно погребение взнузданного коня из к. 14 было либо кенотафом, либо относилось к воинскому погребению 1, но располагалось на расстоянии 2 м к СВ от него (Голубев, 2015). Туши взнузданных коней из этого могильника во всех случаях лежали слева, т.е. к северу от покойника, в яме на приступке или сверху на погребенной почве рядом (параллельно) с погребальной ямой. За исключением погребения лошади из к. 14 где

она лежала на правом боку головой на запад.

Комплексы погребений человека и лошади не всегда были центральными. В курганной группе «гос.№258» в насыпях № 100 и № 103 погребения человека и лошади были, вероятно, впускными. В насыпях № 95 и № 98 они располагались по центру насыпи. Курган № 104 был индивидуальный, содержал всего одно погребение человека и лошади.

В могильнике «Гостагаевский 1» практически все комплексы человека и лошади располагались в центральной части насыпи, за исключением погребения из кургана № 49. В индивидуальном кургане № 10 погребение человека и лошади располагалось на краю насыпи в юго-восточном секторе. Погребение из кургана № 10 дает нам возможность предполагать, что первое захоронение в насыпи не всегда в обязательном порядке должно было располагаться в центре.

Предметы конской упряжи. Представленные удила в наборе конской упряжи из обеих курганных групп кольчатые без псалий (рис.: 2,1; 4,1; 6,1; 8,1; 10,1 в «Гос. №.258» и рис.: 11,4; 12,4; 14,4; 15,4 в «Гостагаевский 1»), согласно классификации Г.А. Федоров-Давыдов относит такие удила в своей классификации к типу «Г» который делит на 3 подтипа и дает им широкую датировку от IX в. по XIV в. (Федоров-Давыдов 1966, с.20). А.Н. Кирпичников эти изделия конской упряжи относит к XII в. - первая половина XIII в. (Кирпичников, 1973, с. 26, 193 рис. 57). Для материалов конской упряжи Северо-Восточного Причерноморья более четкую атрибуцию дает Е.А. Армарчук относятся к наиболее распространённому типу удил Б1-2б и датируются X-XIII вв., а вот бытование такого типа удил в XIV в. этот автор оставляет под вопросом (Амарчук, 2006, с. 54).

Стремена в погребениях составляли одинаковые пары. Изделия курганной группы «Гос. № 258» представляют пары одного типа (рис. 2, 2,2а; 4, 2,2а; 6, 2,2а; 10, 2,2а), все кроме одной пары из К.104, п. 1 (8, 2,2а) которые немного отличались слегка выдвинутой вверх дужкой. Согласно классификации Г.А. Федорова-Давыдова большинство относится к типу «Е» датируются XIV в (Федоров-Давыдов, 1966, с.12, 16), и одна пара относится к типу «В» датируется XII- XIII вв. (Федоров-Давыдов, 1966, с.15). Согласно типологии А.Н. Кирпичникова основное количество стремян

относится к типу VII датированного XII-XIII вв. Пара из К.104, п. 1 относится к типу VIIa и датируется второй половиной XII в. – XIV в. (Кирпичников, 1973, с.99-102). Согласно типологии разработанной Е.А. Армарчук представленные стремяна относятся к типу IV-5 и датирует их XIII в., кроме пары стремян из К.104, п. 1 который согласно ее классификации относится к типу III и датируются XII-XIV вв. (Армарчук, 2006, с.34).

Стремяна из курганный группы «Гостагаевская-1» найдены в трех из пяти захоронений лошадей, которые хотя согласно разработанной типологии Е.А. Армарчук рознятся, но укладываются во временные рамки XII-XIII вв.: К.9, тип. IV-5, XIII в. (рис. 13, 4,4a); К.14, тип. III-1, XII в. (рис. 15, 5,5a); К.57, тип. IV-4, XII-XIII вв. (рис. 11, 5,5a) (Армарчук, 2006, с.34).

Железные подпругные пряжки седла были найдены в К. 95, п. 4 «Гос. № 258» (рис. 1, 4), в К.100, п. 2 (рис. 10, 3) и в погребениях лошадей из «Гостагаевская-1», где они шли в паре большая и малая: К.9, п.2 (рис. 13, 30a, 30); К. 10, п.1 (рис. 12, 5); К. 57, (рис. 11, 6,6a). Такие предметы упряжи широко датируются и часто находятся на памятниках XI-XIII вв. (Армарчук, 2006, с.185, рис. 21,1,6).

Костяные детали обкладок седла были найдены в К.9, п.2, могильника «Гостагаевская-1» (рис. 13, 5-10), представляли собой три костяных прямоугольных щитка украшенных геометрическим узором и христианской символикой в виде креста. Две детали украшали наружную (с крестом) и наружную луку седла, задняя лука была украшена одним щитком. Также среди костяных деталей седла были торцевые декоры полок седла, украшенные циркульным орнаментом (готовится отдельно к печати). Седла практически не сохраняются в земле, реконструкции которых можно осуществить благодаря сохранившимся декоративным деталям лук (Армарчук, 2006 с. 36). Схожие орнаментированные костяные обкладки лук седла были найдены Н.И. Веселовским в 1894 г. В непосредственной близости от могильника «Гостагаевская 1» в курганном могильнике урочища Макитра (Веселовский, 1896, с. 84, рис.134-136; Крым..., 2003, тбл.97,47-49; Армарчук, 2006, с.37, рис.20, 6-11).

Костяные детали пут - цурки костяные застёжек пут были найдены в К.100, п.2 курган-

ной группы «Гос. № 258» (рис. 9, 4,5). они предназначались для стреножен ног коней при их выпасе, датировка этих предметов достаточно широкая, включая современность (Федоров-Давыдов, 1966, с.17, рис. 2, 3,4; Кирпичников, 1973, с.162 рис. 44, 45; Армарчук, 2006, с.39, рис. 20, 1-5; Дмитриев, Дружинина, 2018, с. 445). Находки цурки были зафиксированы в «Борисовском» могильнике (Саханев, 1914, с.177, рис.51,1), в «Цемдолинском» могильнике (Армарчук, Малышев, 1997, с. 104, рис.6).

Группа утилитарных предметов, имеющих широкое временное хождение: детали одежды представлены бронзовыми грибовидными пуговицами (рис. 1, 8,9; рис. 3, 4; рис. 13, 11-14; рис. 15, 6-11), и бронзовыми (реже железные) кольцами от шаровар (рис. 1, 5,6; рис. 4, 5,5a; рис. 5, 4; рис. 7, 4,5; рис. 9, 6,7; рис.12, 6,7; рис. 13, 15; рис. 14, 4,5; рис. 15, 12,13); Предметы обихода в погребениях были в основном небольшие ножи (рис. 3, 5; 5, 5; 7, 6; 11, 10; 13, 29; 14, 6; 15,14) и калачевидные кресала (рис. 14, 7; 15, 14).

Частой находкой в обоих курганных групп были костяные часто украшенные резным геометрическим орнаментом пуговицы пронизи. В представленных в данной публикации погребениях эти украшения были найдены следующих погребениях: «гос.№258»: К.95, п.4 (рис.1, 13); К.100, п.2 (рис.10,6); К.103, п.1 (рис.5, 8,9); К.104, (рис. 7,16). «Гостагаевская-1»: (рис. 11,12); Подобные пуговицы пронизи были распространены и у кочевников (Федоров-Давыдов, 1966, с. 66, рис. 12, 3; Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003, с.203, рис.4, 3,6,10,11). Близлежащие находки таких костяных пуговиц были совершены в Цемдолинском могильнике (Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 51, рис. 57, 25), в могильнике «Лобанова Щель» (Козюменко, Раев, 2002, с.233, рис. 10,5), в могильнике «Бжид-1» (Пьянков, Сторчевой, 1992, с. 66, рис.2,7,8), в «Кабардинском» могильнике близ Геленджика (Носкова, 2010, с. 188, рис.5,14,15), в могильнике «Сидоренкова щель» (Дмитриев, Дружинина, 2018, с. 445). Известный археолог В.Е. Флерова связывает распространение этого декоративного изделия с провинциально-византийском импорта так и с подражанием им, и широко датирует X-XIV вв. (Флерова, 2001, с.103).

Находки серпов в воинских погребениях Северо-Восточного Причерноморья не редкая находка. По мнению В.К. Михева складные серпы в воинских погребениях «хазарского» времени был маркером воинского дружинного сословия (Михеев, 1985, с. 47). На наш взгляд нахождения орудия труда говорит о пережитках, родоплеменного строя которые долго сохранялись у адыгских племен этого региона вплоть до Кавказской войны. В К.103, п.1 курганной «гос.№258» был найден обыкновенный серп (рис. 6, 6). Чаще встречаются складные удобные в транспортировке серпы, два таких инструмента были найдены в погребениях с тушей коня в курганной группе «Гостагаевская-1» в погребении 2 К.9 (рис. 13, 24) и в К. 10, п.1 (рис. 12, 12). Черешковые серпы утилитарной формы не частая находка в погребениях эпохи средневековья, аналогичные серпы были найдены в курганном могильнике «Гостагаевская-1» XII-XIV вв. и окрестностях станицы Гостагаевской (Новичихин, 1993, с.141, рис.1,2, 4,6), в Большом Шапсугском курганном могильнике (Успенский, Пономарев, 2008, с.116, рис.12,7), схожие серпы были найдены «Кабардинском» могильнике близ Геленджика (Носкова, 2010, с. 191, рис.8,29,36). Наиболее распространёнными в этом регионе были серпы складни, которые появившиеся в Восточной Европе и Северном Кавказе в VIII в. и бытовали до XIII в. (Мнасян, 1978, с. 81) а на Северо-Западном Кавказе эти орудия труда бытовали до второй половины XIV в. (Василиненко, Пьянков, 2013, с. 22, рис.2,11, 3,9; Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 31).

Предметы вооружения в основном были представлены саблями и наконечниками стрел. Сабли были во всех погребениях (рис. 1, 7; 4, 3; 6, 3; 7, 7; 11, 7; 12, 14; 13, 16; 14, 8; 15, 15) кроме комплекса из К.100 курганная группа «гос.№258», где она, вероятно, была украдена черными копателями. Сабли лежали слева от покойников острием к голове и рукоять к бедру. В кремационном погребении из кургана 57 курганной группы «Гостагаевская-1» сабля находилась между передних ног лошади острием к голове, похожее погребение было зафиксировано М.Г. Минеевым при раскопках могильника «Потомственный» в погребении № 8 вблизи Геленджика на правом берегу р. Догуаб (Королева, Схатум, 2020). Молоканова щель (Дмитриев, Нарожный, Соков, 2018, с.

39-46). В «Цемдолинском» курганно-грунтовым могильнике близ Новороссийска в кургане 4 в двух захоронениях лошадей сабли лежали вдоль холки острием к крупу (Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 79, рис.10). Е.А. Армарчук отмечает, что класть оружие возле туши коня сугубо местной традицией сохранившейся с «салтовского» времени (Армарчук, 2001, с. 40).

Все сабельные полосы однотипные, слабо изогнутые, острие в последней четверти четырехгранные. Клинки имеют технологическое еле заметное ребро жёсткости, идущее от острия до пяты, в сечении выглядит ромбически усеченной со стороны обуха что предаёт сабле упругость. Черен орудия имеет легкий наклон к лезвию по правой стороне рукояти идет жёлоб – дол, предающий жесткость изделию. К черену крепились как правило на две заклепки деревянные накладки. Сабельные полосы ковались сложным кузнечным пакетом, поэтому сохранность клинков всегда лучше, чем отдельные детали рукояти. Перекрестия в плохом состоянии сохранились лишь на двух саблях из могильника «Гос. № 258» и одной сабли из могильника «Гостагаевская-1», остальные были в очень плохом состоянии. Также не сохранились или плохо сохранились уплотнительные накладки - обоймы гард, крепящиеся на пята клинка служившие одновременно крепежом перекрестия со стороны клинка и плотного «входа» в устье ножен. Также уплотнительная накладка - обойма имела удлиненный конец – язычок со стороны лезвия что предохраняла те же ножны от повреждения и защищала указательный палец при хвате под перекрестие (Горелик, 2008, с. 161).

По мнению А.Х. Нагоева чем сильнее изогнут клинок, тем изделие имеет более позднюю датировку (Нагоев, 1986, с. 134). Другое мнение высказывают А.В. Евглевский и Т.М. Потемкина, согласно которому кривизна клинка не может быть решающим фактором при датировке (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 25, 155). М.В. Горелик отмечал, что увеличение кривизны сабельного клинка в золотоордынское время нужно рассматривать как «мощную тенденцию, нежели как абсолютную закономерность» (Горелик, 2008, с. 163). Важной деталью для датировки являются перекрестия. Схожие перекрестия сабель найден-

ным в данных курганных могильниках в погребениях с лошадьми были зафиксированы и ряде других погребениях без коня. Так расположенных рядом курганных могильниках «Цемдолинском» (Армарчку, Малышев, 1997, с.108, рис.18,4), в «Гостагаевский 1» (Голубев, 2015; Голубев, Схатум, 2016, с. 75), В могильнике «Андреевская щель» (Новичихин, 2014, с.81,1), в одном из погребений курганного могильника «Шизе IV» относящегося к XII- первой половине XIII вв. (Успенский, 2009, с. 378, рис.1,1; Кочкаров, Успенский, 2019, с. 87), среди подъемного материала «Большого Шапсутского» могильника (Успенский, Пономарев, 2008, с.112,рис. 4,4, с. 113, рис.5,7), в «Борисовском» могильнике близ Геленджика (Саханев В. 1914, с.196, рис. 50,6), в могильнике «Насовцева Поляна» на р. Мзымта (Василиненко, 2007, с.255, рис.8,1), в одиночном кургане «Иль 2» на реке Иль которую автор раскопок Д.А. Яцюк датировал второй половиной XIII- первой половиной XIV вв. (Яцюк, 2013, с. 166, рис. 2,1), в курганном могильнике в пос. Кабардинка в кремационном погребении (Носкова, 2010, с.199, рис. 16,16). Согласно разработанным классификациям, перекрестия с шаровидными окончаниями относятся к ранним типам. Так, согласно А.Н. Кирпичникову такие перекрестия относятся к типу I датированного X-XI вв., хотя этот автор и допускает шаровидные окончания и для ряда перекрестий ромбических с шаровидными окончаниями для типа IIb датированного XII-XIII вв. (Кирпичников, 1966, с. 61-70). Согласно типологии Евглевского, Потемкиной такие перекрестия относятся также к типу I к вариантам 2 и 3 в большей степени датируются XII в. – первая половина XIII в. (Евглевский, Потемкина, 2000, с.129,130, рис. 4, 2,3). Классификация разработанная У.Ю. Кочкаровым дает более четкую датировку перекрестий данных сабель, он их относит к типу IIa X-XII вв. и к типу IIb X-XI вв. (Кочкаров, 2008, с.32), сами же сабли снабженные такими перекрестиями этот автор датирует соответственно X-XIII вв. и XI-XIII вв. (Кочкаров, 2008, с.64, табл. XVIII,4, табл. XIX,6).

Важным датировочным предметом являются и другие дополнительные детали сабли, например навершия рукояти, но, к сожалению, в исследуемых нами могильниках они не были зафиксированы в трех погребениях с ко-

нем в могильнике «Гостагаевская-1»: К. 9 (рис. 13, 16а), К. 10 (рис. 12, 15), К.14 (рис. 15, 15а). Все они однотипные и, согласно классификации А.В. Евглевского, Т.М. Потемкиной, такие навершия относятся в своем большинстве к XII в. - первая половина XIII в., хотя и встречаются в XIV в. (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 132, рис. 5, 7-9). По У.Ю. Кочкарову такие навершия относятся к типу III имеют широкую датировку XII-XIII вв. (Кочкаров, 2008, с. 38, табл. XVI).

Ножны сабель представляли собой деревянную конструкцию стянутой кожей, также жесткость конструкции придавала металлическая фурнитура в виде обойм и наконечников. Железные наконечники ножен сабель были зафиксированы во всех погребениях с лошадьми. Все наконечники однотипные, за исключением найденном в К.14 (рис. 14, 13) курганной группы «Гостагаевская-1», остальные высокие с треугольными вырезами в устье, овальные в сечении, с тыльной стороны по центру вдоль располагался запаиванный технологический шов. Нижняя торцевая часть ножен округлая, все сабли снабженные такими наконечниками ножен сочетаются с вышеприведенными перекрестиями с шаровидными (и грибовидными) окончаниями (рис. 2 3; 4, 4; 11, 7а; 12, 17; 13, 16б; 15, 15б). В типологии разработанные А.Н. Кирпичниковым и А.В. Евглевским, Т.М. Потемкиной эти детали фурнитуры не вошли. Согласно типологии разработанной У.Ю. Кочкаровым они относятся к типу III и датируются широко XII-XIV вв. (Кочкаров, 2008, с. 34). Такие наконечники были найдены в комплекте в вышеперечисленных могильниках Северо-Западного Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья (Саханев В. 1914, с.196, рис. 50,10; Пьянков, 1989; Носкова, 2010, с.199, рис.16,19; Василиненко, 2007, с.255, рис.8,3; Успенский, 2009, с. 378, рис.1,1; Успенский, Пономарев, 2008, с.113, рис. 6,1,2; Кочкаров, Успенский, 2019, с. 89). В К.14, п.1 из Гостагаевской был зафиксирован наконечник ножен сабли отличающийся от приведенных выше, который был короче с резным фестом в устье с внешней стороны и лимонной змейкой «W» по нижнему краю (рис. 14, 13). Торцевой наконечника был тупой и завальцованный по краю, в сечении овальный. Похожие наконечники ножен не были нами зафиксированы на раско-

панных участках курганной группы «гос.№258», и в могильнике «Гостагаевская-1» в погребениях не содержащих туши коней. Все найденные наконечники были в крайне плохом состоянии наиболее близкий к этому со лманой змейкой находился в К. 55, п.1, где сабля была украдена «черными копателями» (Голубев, 2015). А.Н. Кирпичников датирует такого типа наконечники ножен XII- первой половиной XIII вв. (Кирпичников, 1966, табл. XXXV, 7). На наш взгляд, этот тип наконечника ножен бытует шире с конца XII в. по конец XIV в. и согласуется с клинками снабжёнными и более поздними асимметричными гардами с двухсторонними ромбовидными мысами, и расплюснутыми ромбовидными окончаниями, которые начинают распространяться со второй половины XIII в. Похожие наконечники были найдены в Большом Шапсугском могильнике (Успенский, Понамарев, 2008, с. 113, рис. 6, 3-5), в могильниках «Носовцева Поляна» и «Медовеевка-1» район Большого Сочи (Василиненко, 2007, с.257, рис. 7,4; 2008, с.275, рис. 2). В могильнике «Дровяная щель» (Василенко, Пьянков, 2013, с. 25, рис.2, 50). В могильнике «Аушедз» (Белов, 2011, с.124, рис.1,2). В «Цемдолинском» курганном могильнике (Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 113, рис.44, 21). В могильнике «Джубга-1» (Голубев, Федосов, Федосова, 2012, с. 136). Нужно отметить, что такой тип наконечников ножен характерен для населения Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья.

К сожалению, обоймы, которые стягивали ножны и к которым при помощи прикрепленным петлям крепились портупей или перевязи практически не сохранились в могильнике «Гос. № 258». В курганной группе «Гостагаевская-1» на ножных были зафиксированы обоймы ножен с петлями для подвешивания К.57, п.2 (рис. 11, 8), К.10, п.1 (рис. 12, 16), К.13, 25 (рис. 13, 25), К.15, п.14 (рис. 15, 16). Обоймы крепились как «хамут» следующим образом: одна стягивала обойму по центру конструкции, вторая стягивала конструкцию ближе к устью ножен в 7-10 см от края. Верхние края обоймы скреплялись сквозным шарниром лицевой стороны край которого был заклепкой, с внутренней стороны шарнир был петлей для крепления портупей.

На наш взгляд совокупность сабельных клинков перекрестий с шаровидным (или

грибовидными) окончаниями, длинными наконечниками ножен с одним мысовидным выступом на рукоять, является «генетическим» продолжением сабель алао-венгерских типов получившие свое развитие на Северо-Западном Кавказе в домонгольского времени и датируются второй половиной XII в. – первой половиной XIII в.

Вооружение лучников представлено небольшим количеством наконечниками стрел в погребениях и колчанными петлями, которые также имеют широкое хождение на Северо-Западном Кавказе. Лук и стрелы находились на вооружении местных племен вплоть до конца Кавказской войны. Железные черешковые наконечники стрел находились почти во всех мужских погребениях обеих могильников могильника от 1 до 11 штук. Плохая сохранность не позволила их полностью четко идентифицировать, однако все они помещаются в одни хронологические рамки XI-XIV вв. Все найденные наконечники стрел были черешковыми.

Ромбические наконечники с расширением в середине были найдены в погребениях с конем курганной группы «гос.№258» в К.98, п.2 плохой сохранности (рис. 3, 6,8); К.95, п.4 (рис. 1, 9,12; рис. 2, 5-10); К.104, п.1 (рис. 7, 15; рис. 8, 3,4). В курганной группы «Гостагаевская-1», К. 9, п. 2 (рис. 13, 18-20); К.10, п. 1 (рис. 12, 11); К. 49, п. 3 (рис. 14, 11,12). Датируются эти изделия X-XIV вв. (Медведев, 1966, с. 64,88, табл. 28, рис. 33, 34).

Ромбические с расширением в нижней части пера схожие примерно размерами с ромбическими, были найдены: в «гос.№258», К.95, п.4 (рис. 1, 10); К.104, п.1 (рис. 7, 9-13). В «Гостагаевская-1», К. 49, п. 3. (рис. 14, 10). Возможно, к ним относятся и несколько наконечников из К. 57, п. 2 но они очень уж плохой сохранности (рис. 11, 19,14,15). Датируются эти изделия X-XIV вв. (Медведев, 1966, с. 73, с. 73, табл. 26, рис.14,15).

Оба представленных выше образца наконечников стрел имеют одинаковые тактико-технические характеристики и, вероятно их визуальное различие является следствием эстетического или технического предпочтения мастера-кузнеца при их изготовлении, подобные наконечники стрел были на вооружение адыгов вплоть до конца XIX в. (Асвацатурян, 2004, с. 57).

Крупные, лавровидные с широким пером, были найдены: в «гос.№258», К. 95, п.4 (рис. 2, 4); К.104, п.1 (рис. 7, 8). В «Гостагаевской-1», К. 49, п. 3 (рис. 14, 9), К. 57, п. 2 (рис. 11, 18). Похожие наконечники были найдены в «Цемдолинском» могильнике (Армарчук, Дмитриев, 2014, с.22, рис. 52,5), согласно классификации А.Ф. Медведева такие наконечники стрел относит к типу 63. Который имеет широкую датировку IX-XIII вв. (Медведев, 1966, с. 74, табл. 21, рис.10).

Листовидный узкий схожий с предыдущим образцом только уже перо, были найдены в К.95, п.4 (рис. 2, 6,9,10). Похожие наконечники были найдены в этом же могильнике в «гос.№258», К. 97, п.3; К.97, п.4 (Верещагина, 2015), в «Цемдолинском» могильнике (Армарчук, Дмитриев, 2014, с.22, рис.60, 22.23).

Килевидный, ромбический в сечении наконечник из кремации в «гос.№258», К. 100, п. 2 (рис. 9, 8). В могильнике «Гостагаевская-1», в К. 10, п.1 были найдены два таких наконечника (рис. 12, 9,10), который Медведев датирует XIII-XIV вв. и связывает с появлением монголов в Восточной Европе и на Северном Кавказе (Медведев с. 64, табл. 23, рис.17-19). Схожие наконечники стрел были найдены в одном из кочевнических погребениях у ст. Дмитриевской погребения которых датировались авторами раскопок широко XII-XIV вв. (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003, с. 193, 198, 205, рис. 6, 5).

В погребении 2, К.9 могильника «Гостагаевская-1», был найден ромбовидный наконечник с широким острием (рис. 13, 17) близки к типам 52, 53 по типологии А.Ф. Медведева датируемый широко VIII-XIII вв. (Медведев с. 69, табл. 30, рис. 48, 49).

Двурогий срезень был найден в могильнике «гос.№258», К.104, п.1 (рис. 7, 14). Такие наконечники были найдены в кочевнических погребениях датируемое XII-XIV вв. (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003, с. 193), один такой наконечник был найден в курганном могильнике «Гостагаевский 1» К.58, п.1 (Голубев, 2015) и «Сидоренкова щель» (Дмитриев, Дружинина, 2018, с. 445).

В курганной группе «Гостагаевская-1» в К. 9, п.2 был найден крупный наконечник стрелы точной аналогии которого нам не удалось найти (рис. 13, 22), но он близок к типу 72 «кунжутолистным» типологии А.Ф. Медведева

которую он связывает с монгольским нашествием и датирует XIII-XIV вв. (Медведев с. 78, табл. 27, рис.11-12, табл. 30Г, рис. 69).

Не исключено, что все погребения с находящимися в них стрелами были снабжены луками, которые целиком были деревянными и в связи с этим они не сохранились. Отдельные находки костяных накладок этого сложного изделия были зафиксированы в погребениях курганной группы «гос.№258» не попавшие в эту тематическую подборку. Костяные детали ручек лука были найдены и в погребениях, не содержащих туши коня могильника «Гостагаевская-1» (Голубев, 2015). Сложносоставной лук был достаточно дорогим изделием требующего «долгого» изготовления от просушки древесины до склейки требовало несколько лет (Медведев, 1966, с. 10-14; Каминский, 1982, с. 48-51). Костяные детали лука были найдены в могильниках, расположенных в районе представленных могильников «Лобанова Щель» (Марченко, Пьянков, 2002, с.183), «Цемдолинском» (Армарчук, Дмитриев, 2014, с.19). По мнению И.И. Марченко, А.В. Пьянкова, в могилу могли положить и votивные аналоги этого оружия (Марченко, Пьянков, 2002, с.183). В кочевнических погребениях также не редки такие костяные накладки луков (Нарожный, 2005, с. 105; Нарожный, Плютов, 2009, с. 275).

В комплект войн лучника входил деревянный футляр – колчан изготовлялся из древесины твердых пород (Каминский, Каминская-Цокур, 1997, с. 65, рис. 5) вероятно, что в погребениях с наконечниками стрел находились эти футляры, но не сохранились. Футляры колчана иногда декорировались костяными накладками в виде полос с циркульным орнаментом, такие детали были зафиксированы в могильнике «гос.№258» в погребениях: К. 100, п.2 (рис. 9, 9; рис. 10, 4, 5), К.98, п.2 (рис. 3, 9) и в могильнике «Гостагаевская-1» (рис. 11, 9). От колчанов часто находят специальные железные петли для портупей или перевязи, такие детали были зафиксированы в могильнике «гос.№258» в К.98, п.2 (рис. 4, 4), К.103, п.1 фрагмент (рис. 5, 7), а также в нескольких погребениях, не содержащих туши коня. В могильнике «Гостагаевская-1» в погребении с конем была найдена петля в К. 9, п.1 (рис. 13, 23) и еще в нескольких погребениях этого могильника.

Схожие железные кольчанные петли были зафиксированы в «Гостагаевском 1» курганном могильнике (Голубев, 2015), «Цемдолинском» (Армарчук, Малышев, 1997, с. 102, рис. 10, 10,11; Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 21), в «Большом Шапсутском» (Успенский, Пономарев, 2008, с.105).

В комплект инвентаря погребения кавалериста из К. 14 курганной группы «Гостагаевская-1» стрелы не входили.

В эпоху средневековья среди племен Северо-Западного Кавказа в комплекс защитного вооружения входили шлемы, щиты и кольчуги (Схатум, 2011, с. 189), тем не менее эти предметы редкая находка в погребениях воинов обусловленное дороговизной этих изделий и, поэтому они часто переходили по наследству. Из зашитого вооружения из представленных погребений могильников был найден корродированный тлен вероятно кольчужной рубашки, постеленной под торс покойника в К. 95, пг.4. «гос.№258». К сожалению, кольчужное изделие было очень в плохом состоянии «пыли», конструктивные детали не прослеживались (рис.1,3). Еще две «кольчужные шапочки» - «капюшона» из «гос.№258» надеты на головы погребенных из К.98, пг.2 (рис. 3, 10), и в погребении К.106, пг.1 без находящейся в ней туши коня (Верещагина, 2015) Сохранность наголовий плохая при снятии погребений рассыпались, кольца изделий, кованные с заклепкой. Несколько таких наголовий были найдено в «Цемдолинском» курганном могильнике (Армарчук, Малышев, 1997, с. 100; Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 24; Каинов, ...). Подобные наголовья встречаются и в кочевнических погребениях, вероятно, что в комплекс вооружения средневековых предков адыгов этот вид защитного вооружения по мнению Р.Б. Схатума перешёл из степи (Схатум, 2008, с.56; Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003, с.189). Из-за плохой сохранности трудно определить длину «тулии» этих кольчужных изделий – выполняла ли еще функции бармицы прикрывающей шею как кольчужный капюшон. Вероятно, что эти изделия прикрывали лишь верхнюю часть головы, не исключено, что под кольчужную шапочку надевался еще дополнительный головной убор, также, как и поверх защитного наголовья.

В курганной группе «Гостагаевская-1» та-

кие кольчужные капюшоны не были найдены, однако в К. 6, п.3 был найден четырехчастный железный шлем (Голубев, Схатум, 2016, с. 69).

Костные остатки лошадей принадлежали дикой степной лошади – тарпан «Equus caballus»³⁴, на основе этого вида были выведены практически все современные породы лошадей. В дикой природе этот вид лошади водился до конца XIX в. Представленные в погребениях могильников особи были как жеребцы, так и кобылы среднего роста или около него в среднем в холке равнялись 136 – 144 см. Лошадям такого роста более свойственны открытым ландшафтам — лесостепным или степным зонам. Они обладают более мощным костяком, т.е. кости конечностей у них более широкие и толстые, и менее длинные нежели, чем у лошадей, приспособленных к лесным или горным зонам. Таким образом, можно констатировать, что представленные в материале лошади были не выше среднего роста, соответственно имели более мощный костяк, т.е. относились к формам, приспособленным к длительному и дальнему бегу по степным ландшафтам. Костяки лошадей, найденные в курганных группах «Гос. № 258» и «Гостагаевская-1» по своим показателям достаточно близки лошадям из Северного Причерноморья и тарпану. По мнению Ю.Н. Спасовского расхождения в значениях индексов для бедренных костей, скорее всего можно объяснить индивидуальными особенностями или определенной селекционной работой. Необходимо отметить, что курганный могильник «Гостагаевская-1» частично перекрывал грунтовый II-III вв. который также содержал костяки лошадей такой же породы. На основании схожести остеологического материала коней II-III вв. и XII-XIII вв. можно сделать вывод что «Equus caballus» водился в дикой природе Северо-Западного Кавказа и подвергался одомашниванию и селекции.

* * *

Представленные комплексы принадлежат воинам входящим в дружинные сословия племен Северо-Восточного Причерноморья

³⁴ Авторы выражают благодарность специалисту Кавказского биосферного заповедника Ю.Н. Спасовскому, за подготовленную экспертизу костного материала лошадей и консультации.

(Армарчук, 2004, с. 9-11; Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 57). Большинство могильников содержащих погребения сопровождающиеся захоронением коня сосредоточены в округе современных городов Анапы и Новороссийска (Армарчук, 2006; Армарчук, Дмитриев, 2014, с.13). Рядом с этими памятниками были частично исследованы и другие похожие могильники, так, судя по описанию Н.И. Веселовского, по схожему обряду были осуществлены погребения в могильнике в урочище Макитра (Веселовский, 1896, с.83). В могильнике «Натухаевский-4» из 26 погребений лошадей сопровождающие как ингумационные так и кремационные погребения 23 лежали на правом боку преимущественно головой на запад с сезонными отклонениями (Шишлов, Колпакова, Федоренко, 2016, с. 257). Захоронения взнузданных коней зафиксированы и в Убинском могильнике, расположенном в Западном Закубанье. По мнению Е.И. Нарожного, дружинные могильники региона могут относиться к поздним тюркским захоронениям «Черных клобуков» (Нарожный, 2000А, с. 23; 2010, с. 38; Нарожный, Плютов, 2009, с. 277-279).

По авторитетному мнению, Г.А. Фёдорова-Давыдова, отдельные погребения XIII-XV вв., содержащие погребения коня и конской упряжи, в контексте протоадыгских могильников свидетельствуют о проникновении в среду местных племен кочевников (Фёдоров-Давыдов, 1966, с.250-251). Согласно разработанной классификации Г.А. Фёдорова-Давыдова подобные погребения относятся к типу XIV, когда лошадь, находящаяся на приступке, и человек ориентированы на запад (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 125). Обряд захоронения с конем рассматривался как кочевнический и С.А. Плетневой (Плетнева, 1958, с.173). Схожие погребальные конструкции с приступком (когда конь находится слева и выше покойного, с преимущественно западной ориентировкой) С.А. Плетнева относила к племенам торков, входившим в «Черно-клобукский» союз (Плетнева, 1958, с.139, 223, рис.47). Известный кавказовед Е.П. Алексеева рассматривала погребения с конем как половецкие, считая, что такой обряд не характерен для оседлого населения Северного Кавказа. Вместе с тем эта исследовательница считала, что погребения с отдельной оснасткой верхов-

ного коня могли принадлежать предкам современных адыгов (Алексеева, 1964, с. 183). Тем не менее обряд захоронения с конем у средневековых предков современных адыгов встречается задолго до появления на Северо-Западном Кавказе половцев (Зеленский, Пьянков, Схатум, 2011, с.187) и не может быть основным признаком кочевнического происхождения этих погребений. По мнению В.Н. Чхаидзе Причерноморский ландшафт Кавказа никак не мог подходить для ведения кочевого хозяйства (Чхаидзе, 2009, с.419-422). И.А. Дружинина проанализировав археологические материалы и данные антропологии приходит к выводу, что в Нижнем Закубанье в XIII веке из нескольких этнических групп обитавших в этом регионе до прихода монгольских завоевателей, на базе единой материальной культуры и взаимного проникновения обрядов в том числе и погребальной культуры начинает формироваться новая полиэтническая группа «черкесов» (Дружинина, 2016, с. 217). На наш взгляд смешение кочевой и местной оседлой культурами началось еще в «хазарское» время и уже ко времени монгольского нашествия адыгская народность уже была вполне сложившейся хотя и сохранялись локальные культурные и социальные особенности. Анализ рассмотренных нами всаднических погребений дает нам возможность датировать их второй половиной XII – первой половиной XIII вв. Человеческие остатки из могильников «гос.№258» и «Гостагаевская-1» находятся в обработке специалистов антропологов исследований будут опубликованы в ближайшее время. Полностью материалы раскопок из этих могильников готовятся к публикации.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.П., 1964. Материальная культура черкесов в средние века //ТКЧИНИИ. Серия историческая. Вып. IV. – Ставрополь.
- Алексеева Е.П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. – М.
- Армарчук Е.А., 2001. О половцах на Северо-Западном Кавказе // Поволжье в средние века: тезисы докладов всероссийской научной конференции посвященной 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931-2000). – Нижний Новгород.
- Армарчук Е.А., 2004. Археологические признаки дружинного сословия по материалам могильников Северо-Восточного Причерноморья XI-XIII вв. // XXIV

Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докладов. – М.

Армарчук Е.А., 2006. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья в X–XIII вв. – М.

Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. Средневековый могильник в Цемдолинской долине // ИАА. Вып. 3.

Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014. Цемдолинский курганный-грунтовой могильник. М. – СПб.

Асвацатурян Э.Г., 2004. Оружие народов Кавказа. – СПб.

Баринов Д.Г., 2018. Отчет о раскопках курганов в Темрюкском районе Краснодарского края 2017 г. – Саратов.

Белов М.А., 2011. Могильник «Аушедз» в системе средневековых древностей // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Великий Новгород – Старая Русса.

Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С., 2003. Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып. 3. – Краснодар.

Василиненко Д.Э., 2007. Средневековый курганный могильник Носовцева Поляна 1 в долине реки Мзымта (г. Сочи) // МИИХНСК. Вып. VII. М.

Василиненко Д.Э., 2008. Средневековый курганный могильник «Медовеевка-1» в долине реки Мзымта (г. Сочи) // Наследие Кубани. Вып. 1. – Краснодар.

Василиненко Д.Э., Пьянков А.В., 2014. Складные серпы из средневекового курганного могильника «Тешевс-1» (г. Геленджик, Краснодарский край) // Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. – Краснодар.

Веселовский Н.И., 1896. Отчет о раскопках, произведенных в 1894 г. старшим членом Императорской Археологической Комиссии Н.И. Веселовским // ОАК за 1894. – СПб.

Верещагина Е.Л., 2015. Отчет об археологическом исследовании курганного могильника «Гос. № 258» в МО городе-герое Новороссийске Краснодарского края в 2015 году. – М.

Верещагина Е.Л., 2015. Отчет об археологическом исследовании курганного могильника «Гос. № 258» в МО городе-герое Новороссийске Краснодарского края в 2015 году. – М.

Верещагин В.А., Верещагина Е.Л., 2017. Средневековые курганы с каменными оградками под Новороссийском // Археологические записки. Вып. 9. – Ростов-на-Дону.

Верещагин В.В., Голубев Л.Э., 2018. Военские погребения с лошадьми из курганных могильников «Гостагаевская-1» и «Гос. № 258» // XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. – Карачаевск.

Волкова Н.Г., 1974. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. – М.

Гадлю В.А., 1984. К этнической истории адыгских племенных объединений (сагины-шегаки) // XIII Крупновские чтения. Майкоп.

Гадлю В.А., 2004. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории Русского княжества на Северном Кавказе. – СПб.

Горелик М.В., 2008. Черкесские войны Золотой Ор-

ды (по археологическим данным) // Вестник гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РА. Вып. 15. – Нальчик.

Голубев Л.Э., 2015. Отчет об археологических раскопках курганного могильника «Гостагаевская 1» в МО городе-кроте Анапа Краснодарского края в 2014 год. – Краснодар.

Голубев Л.Э., Федосов М.Ю., Федосова Ю.Н., 2011. Раскопки двух средневековых курганов группы «Джубга-1» // ИАА. Вып. 11. – Армавир – М. – Краснодар.

Голубев Л.Э., Схатум Р.Б., 2016. Военское средневековое захоронение из могильника «Гостагаевская 1» // VI Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. – Краснодар.

Дмитриев А.В., Дружинина И.А., 2018. Курганный могильник Сидоренко шель // XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековья. – Черкесск.

Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018. Средневековые курганы урочища «Молоканова шель» (Геленджикск – сел. Прасковеевка) // Археология Евразийских степей. Средневековая археология. Материалы международной научной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященной памяти Г.А. Федора-Давыдова. № 4. – Казань.

Дружинина И.А., 2016. Нижнее Закубанье в XIII–XIV вв.: на границе культур и природных зон // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. – Казань; Ялта; Кишинев.

Дружинина И.А., 2018. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 1. – Донецк.

Зеленский Ю.В., Пьянков А.В., Схатум Р.Б., 2011. К вопросу о происхождении кочевников в Северо-Восточном Причерноморье и Западном Закубанье в XI–XV вв. // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю.Н. Воронова). – Сухум.

Каменев Н.Л., 1867. Бассейн Псекупса // газ. Кубанские войсковые ведомости. № 14. – Екатеринодар. https://aulassoki.ucoz.ru/load/biblioteka/kamenev_chast_2/2-1-0-89

Каинов С.Ю. Кольчужное наголовье из собрания Исторического музея. https://www.youtube.com/watch?v=LD_hDumMhoY

Каминский В.Н., 1982. О конструкции лука и стрел средневековых аланов // КСИА. Вып. 170. – М.

Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В., 1997. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // ИАА Вып. 3.

Кочкаров У.Ю., 2008. Вооружение воинов Северо-Западного Кавказа VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). – М.

- Кочкаров У.Ю., Успенский П.С., 2019. Средневековый могильник Шизе IV в Западном Закубанье. – М.
- Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Мечи и сабли XI-XIII вв. САИ. Е1-36. – М.-Л.
- Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжения всадника и верхового коня на Руси в IX-XIII вв. // САИ, вып. Е1-36. – Л.
- Козюменко Е.В., Раев Б.А., 2002. Курганный могильник Лобанова Щель (по раскопкам 2002 г.) // МИАК. Вып.2. – Краснодар.
- Королева И.А., Схатум Р.Б. 2020. К этнической и хронологической атрибуции средневекового могильника «Потомственный» // ДК. Вып. 24. – Ростов-на-Дону.
- Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. Курганный могильник Лобанова Щель (по раскопкам 1989 г.) // МИАК. Вып.2. – Краснодар.
- Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII-XVI вв. // САИ. Вып. Е1-63. – М.
- Минасян Р.С., 1978. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСТЭ, № 9. – Л.
- Михева В.К., 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.
- Нагоев А.Х., 1986. К истории военного дела средневековых адыгов // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. – Орджоникидзе.
- Нагоев А.Х., 1987. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. 3. – Нальчик.
- Нарожный Е.И., 2000. Черные клобуки на Северном Кавказе. О времени и условия переселения // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Археология восточноевропейских лесостепей. Вып.14. – Воронеж.
- Нарожный Е.И., 2005. Средневековые кочевники Северного Кавказа. – Армавир.
- Нарожный Е.И., 2010. Северный Кавказ в XIII-XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореф. док. диссертации. – Владикавказ.
- Нарожный Е.И., Плютов В.И., 2009. Костяные орнаментированные накладки на луки из средневековых кочевнических захоронений XI-XV вв. (некоторые аспекты изучения) // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар.
- Нечипорук А.А., 2019. Средневековые курганы на селении Мухортова Поляна 2 // Археологическое наследие: материалы и интерпретации. – Владикавказ.
- Новичихин А.М., 1993. Новые данные о средневековых археологических памятниках в окрестностях станицы Гостагаевская // Древности Кубани и Черноморья. Studia Pontocavcasica. Вып. I. – Краснодар.
- Новичихин А.М., 2014. Предметы вооружения, венского и конского снаряжения из разрушенных погребений могильника Андреевская щель // ВА. Вып.3. – М.-Тула.
- Носкова Л.М., 2010. Средневековый могильник в поселке Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 года) // МКВ. Вып.5. – М.
- Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА № 62.
- Пьянков А.В., 1989. Отчет о раскопках курганов в урочище Цеплиевский кут в Абинском районе Краснодарского края в 1988 году. НА КГИАМЗ № 464.
- Пьянков А.В., Сторчевой А.А., 1992. Раскопки средневекового могильника Бжид 1 // Археологические раскопки на Кубани в 1986-1990 годах. – Ейск.
- Саханев В.В., 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911-1912 гг. // ИИАК. Вып. 56. – С.Пг.
- Схатум Р.Б., 2008. Военное дело адыгов в средние века (вторая половина VIII-XVII вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Краснодар.
- Схатум Р.Б., 2011. Защитное вооружение адыгов в золотоордынское время (вторая половина XIII-XIV вв.) // Военная археология. Вып. 2. – М.
- Стрельченко М.Л., 2003. Особенности погребального обряда могильников Северо-Западного Кавказа XIII-XV вв. // ДК. Вып. 19. – Краснодар.
- Тешев М.К., 1985. Адыгейские погребальные сооружения в развитии и позднем средневековье в Туапсинском районе и на Черноморском побережье Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп.
- Успенский П.С., 2008. Исследования средневекового могильника Шизе IV в 2008 г. // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар.
- Успенский П.С., 2016. Погребения всадников на территории Северо-Западного Кавказа (по материалам кремационных некрополей VIII-XIII вв.) // РА. № 4.
- Успенский П.С., Понаморов В.П., 2008. Большой Шапсутский могильник (Западное Закубанье) публикация материалов // МИАК. Вып.9. – Армавир.
- Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М.
- Флёрова В.Е., 2001. Резная кость Юго-Восточной Европы IX-XII веков: искусство и ремесло. – С.Пг.
- Чхаидзе В.Н., 2009. Кочевники XI-XIV вв. в степном Предкавказье: вопросы терминологии и этнической принадлежности // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар.
- Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2016. Средневековые погребения курганно-грунтового могильника Натухаевский-4 под Новороссийском (предварительное сообщение) // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье. – Краснодар.
- Яцюк Д.А., 2013. Средневековое погребение война в Западном Закубанье // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. – Краснодар.

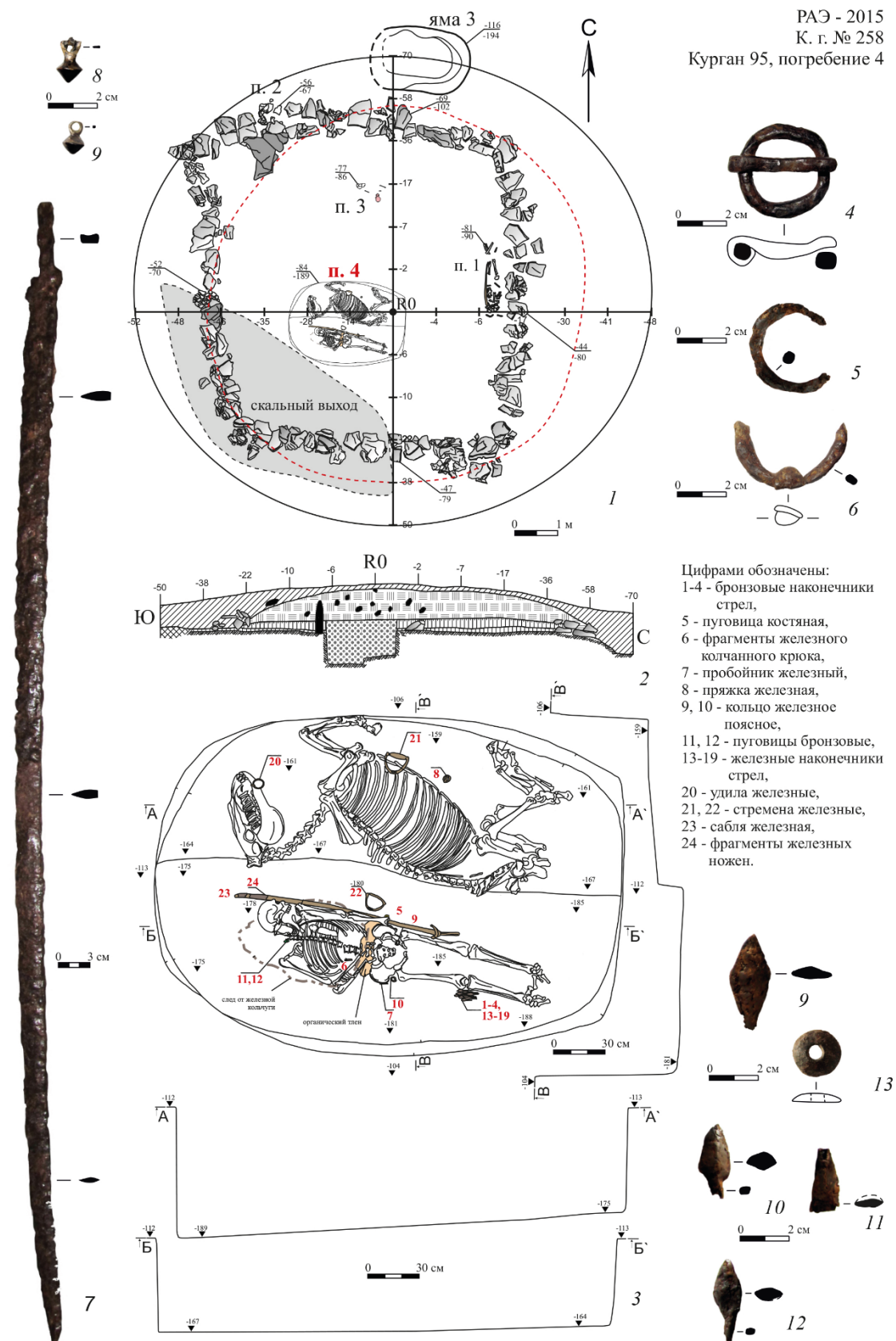

Рис. 1.

Рис. 1.

1. План кургана. 2. Стратиграфический разрез насыпи. 3. План погребения. 4. Пряжка, железо.
5. Кольцо, железо. 6. Фр. пряжки, железо.
7. Сабля, железо. 8, (8А). Пуговицы, бронза. 9-12. Наконечники стрел, железо.

РАЭ - 2015
К. г. № 258
Курган 95, погребение 4

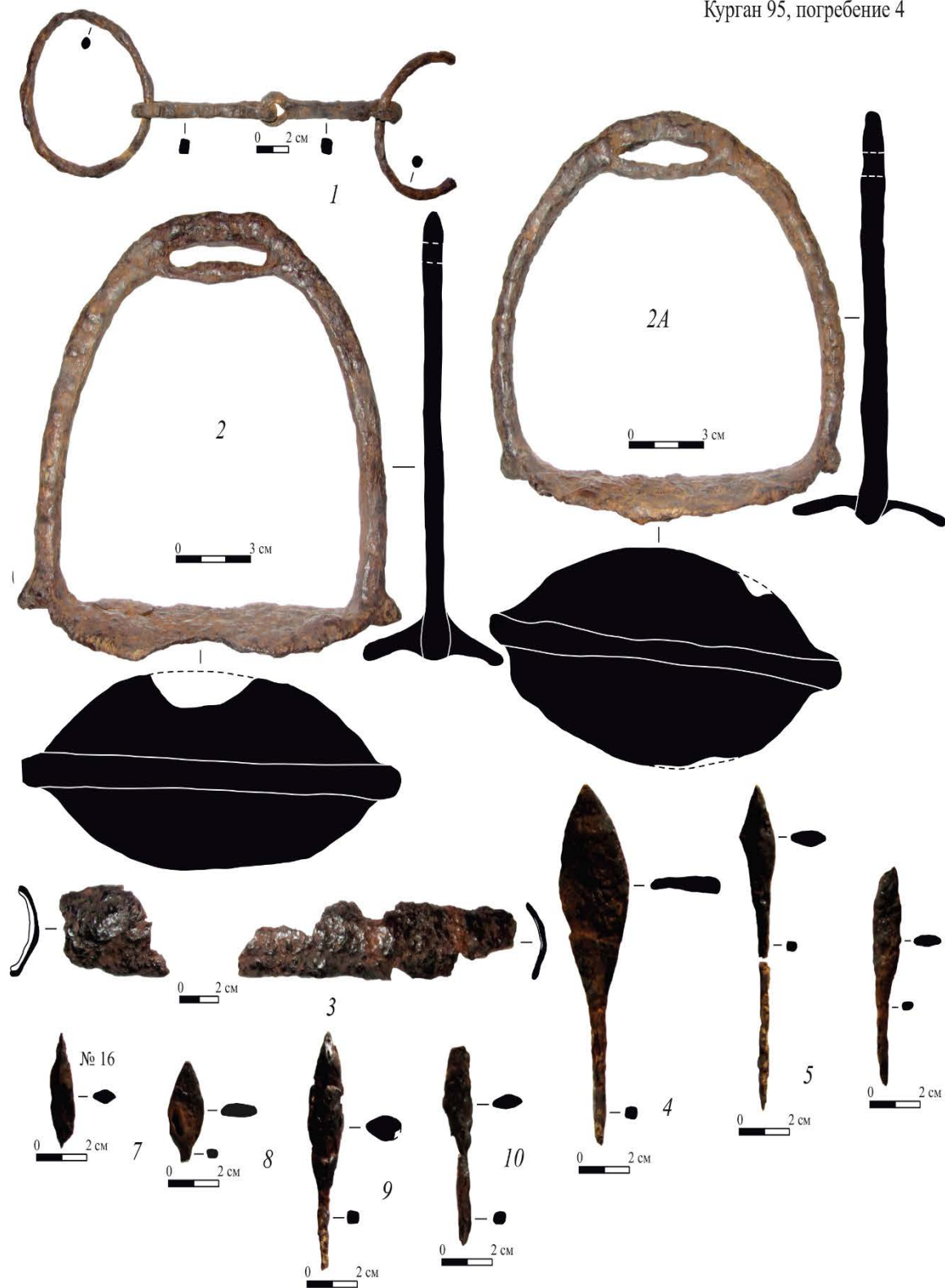

Рис. 2.

Рис. 2.

1. Удила, железо. 2, 2А. Стремена, железо. 3. Фрагмент наконечника ножен сабли, железо.
4-10. Наконечники стрел, железо.

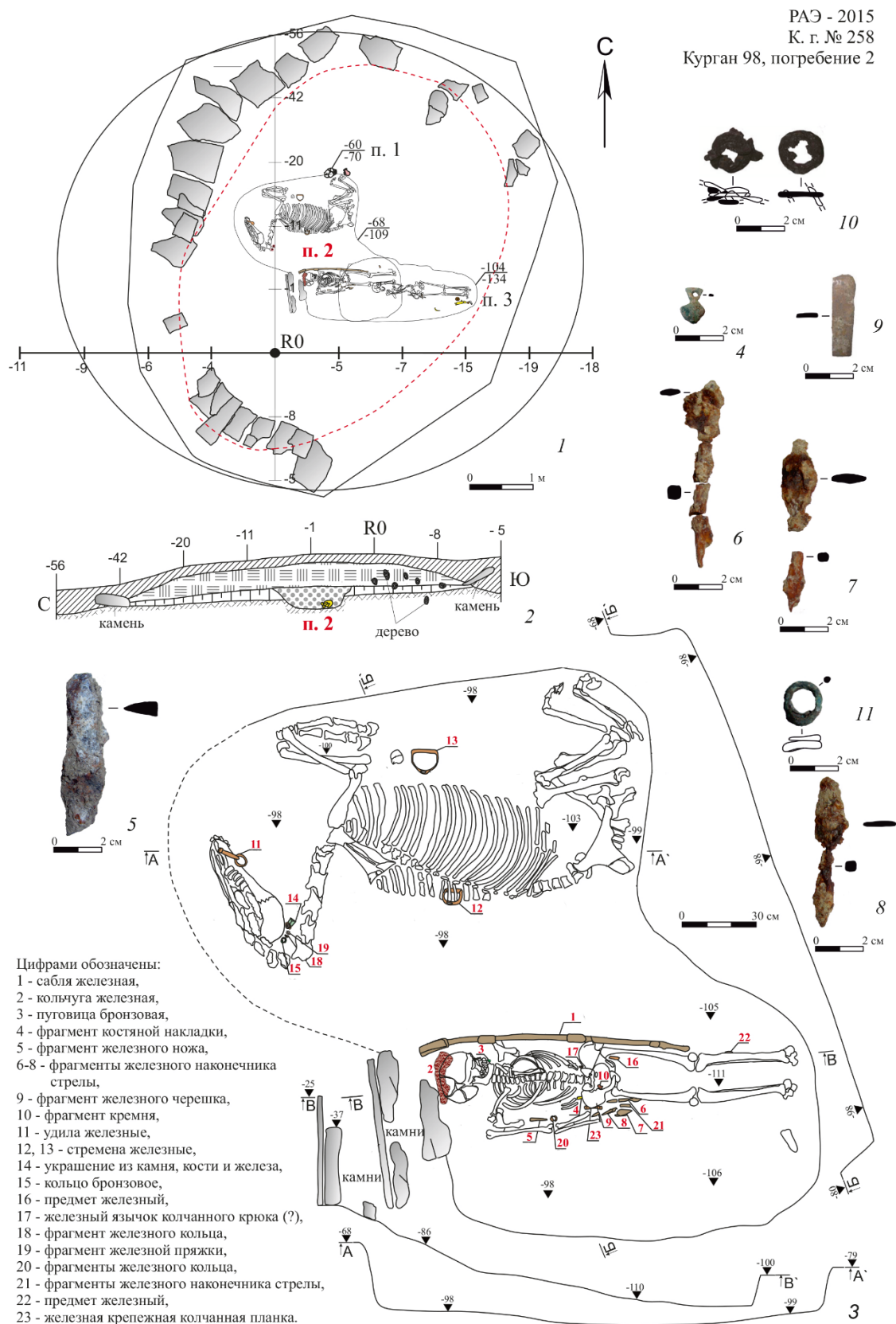

Рис. 3.

Рис. 3.

1. План кургана. 2. Стратиграфический разрез насыпи. 3. План погребения. 4. Пуговица, бронза.
5. Фр. ножа, железо. 6-8. Наконечники стрел, железо. 9. Предмет, железо.
10. Кольчужное кольцо, железо. 11. Кольцо, железо.

РАЭ - 2015
К. г. № 258
Курган 98, погребение 2

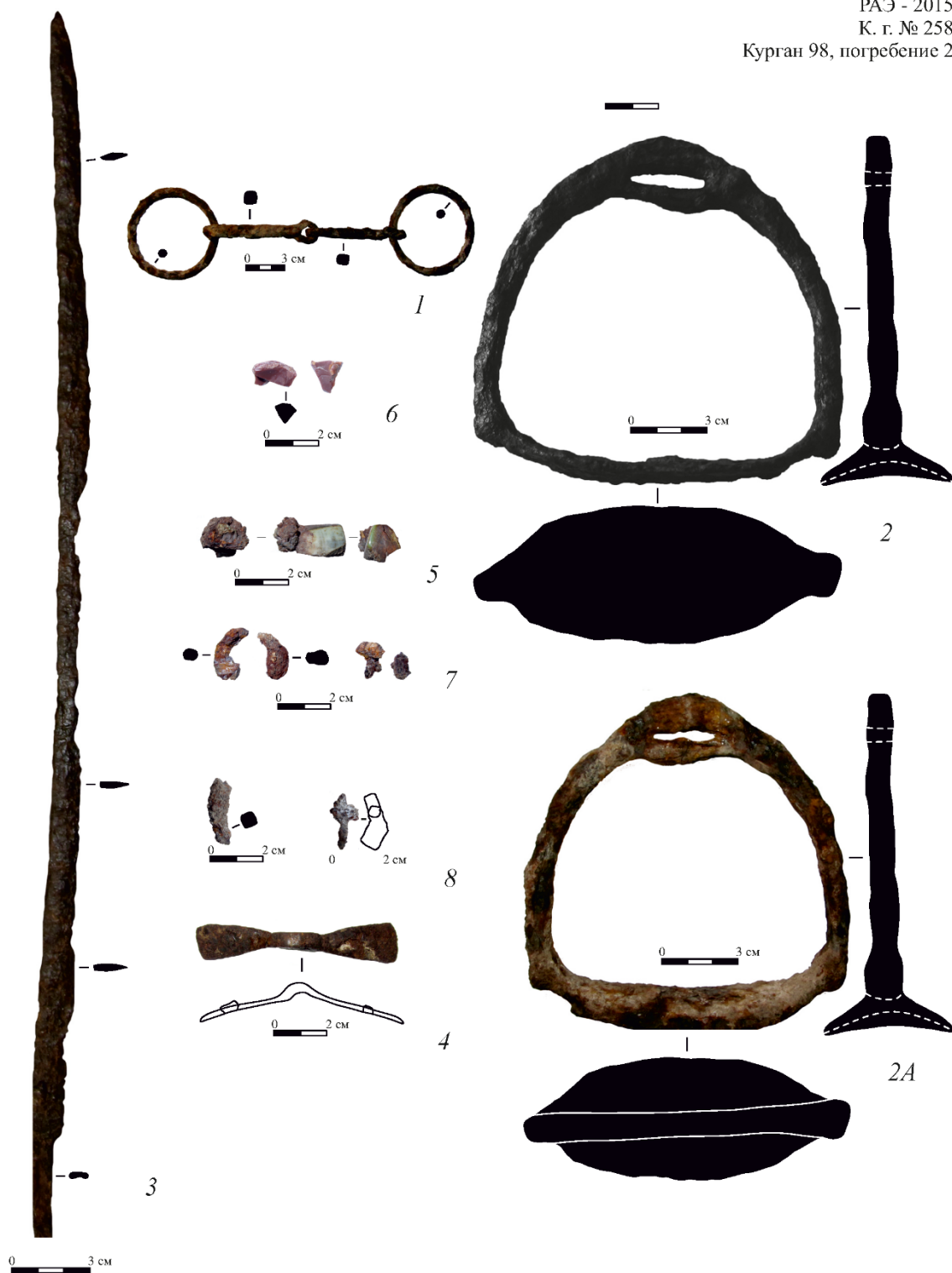

Рис. 4.

Рис. 4.
1. Удила, железо. 2, 2А. Стремена, железо. 3. Сабля, железо. 4. Колчанная петля, железо.
5, 6. Кремень. 7, 8. Фр. кольцо, железо.

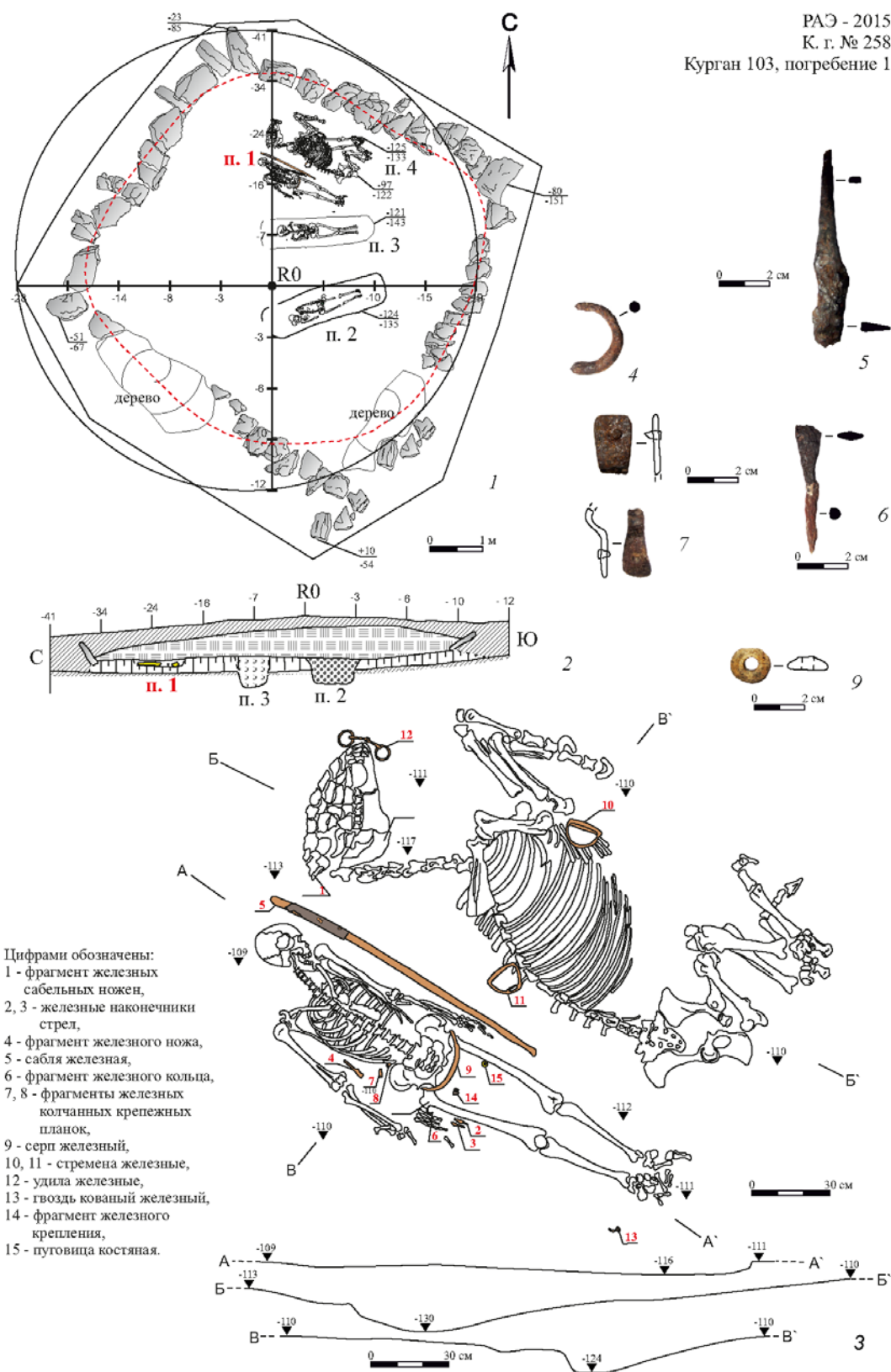

Рис. 5.

- Рис. 5.
1. План кургана. 2. Стратиграфический разрез насыпи. 3. План погребения. 4. Фр. кольцо, железо.
5. Фр. нож, железо. 6. Фр. наконечника стрелы, железо. 7. Фр. колчанной петли, железо.

РАО - 2015
К. г. № 258
Курган 103, погребение 1

Рис. 6.

Рис. 6.

1. Удила, железо. 2, 2А. Стремена, железо. 3. Сабля, железо. 4. Наконечник нож сабли, железо.
5. Наконечник стрелы, железо. 6. Серп, железо.

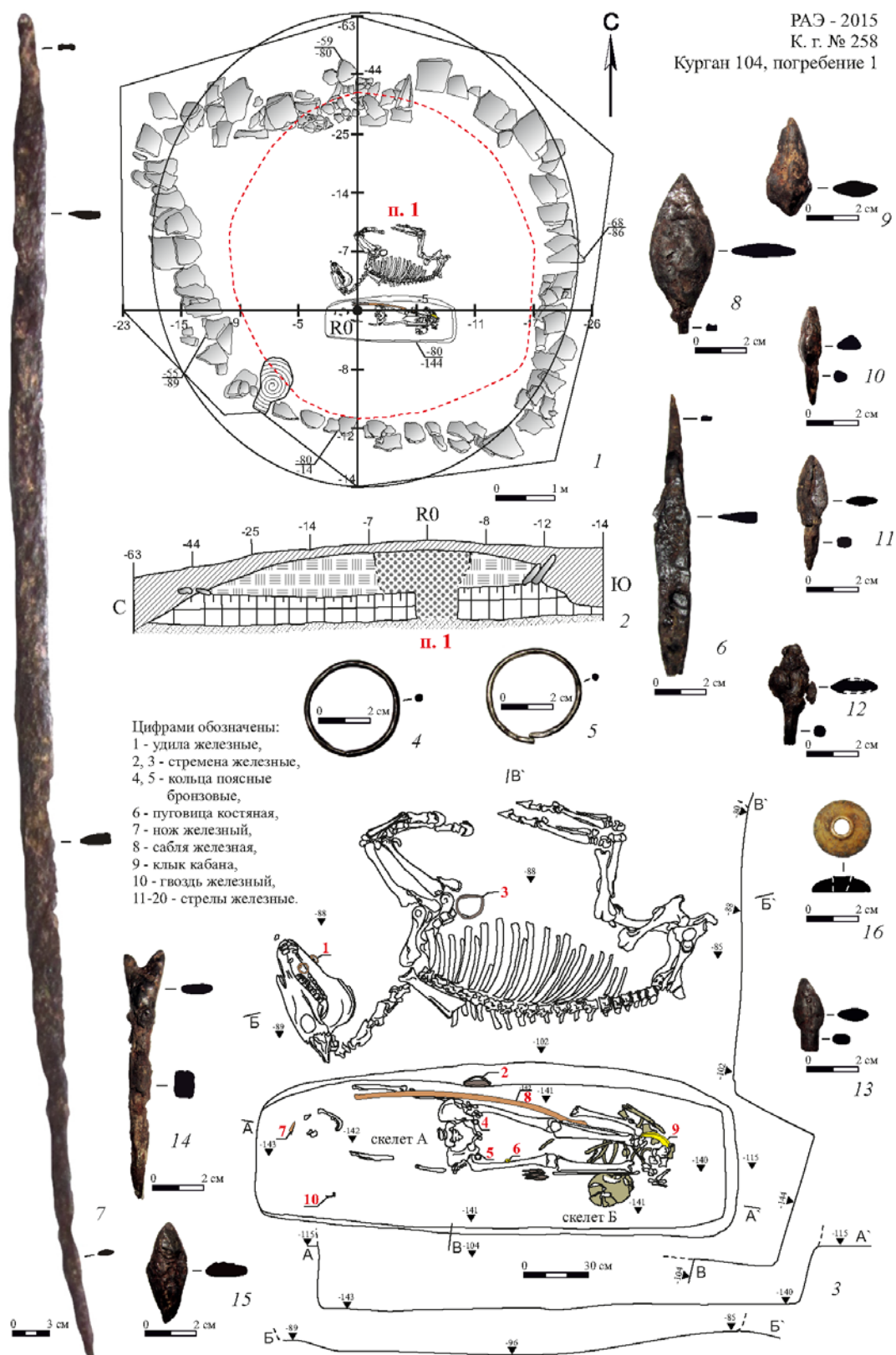

Рис. 7.

1. План кургана. 2. Стратиграфический разрез насыпи. 3. План погребения. 4,5. Кольца, бронза.
6. Нож, железо. 7. Сабля, железо. 8-15. Наконечники стрел, железо. 16. Пуговица, кость.

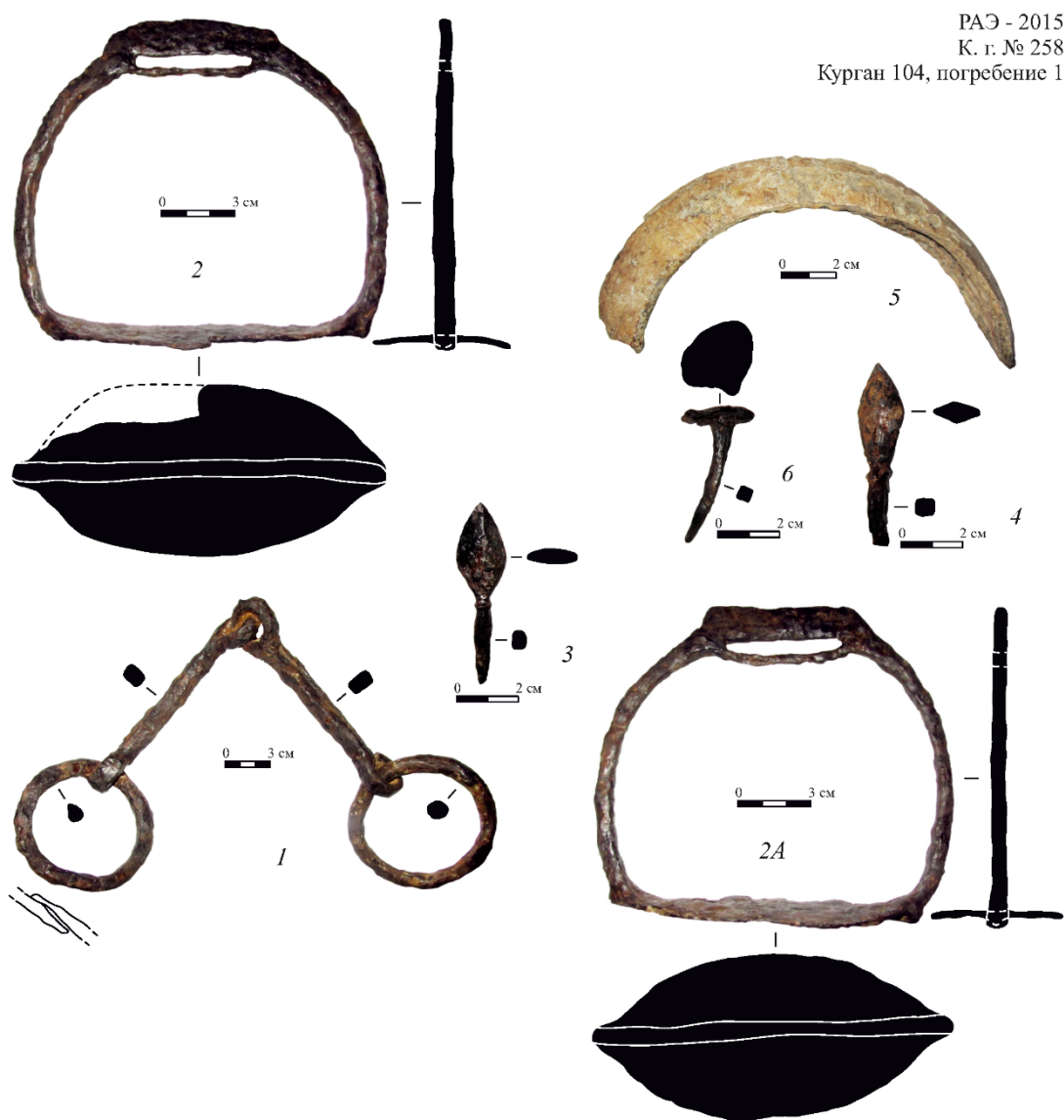

Рис. 8.

Рис. 8.

1. Удила, железо. 2, 2А. Стремена, железо. 3, 4. Наконечники стрел, железо. 5. Клык кабана.
6. Гвоздь, железо.

РАЭ - 2015
К. г. № 258
Курган 100, погребение 2

Цифрами обозначены:

- 1 - кольцо бронзовое,
- 2 - кольцо бронзовое,
- 3 - фрагменты костяной колчанной накладки,
- 4 - фрагменты костяной колчанной накладки,
- 5 - костяная колчанная накладка,
- 6 - железный наконечник стрелы,
- 7 - железный наконечник стрелы,
- 8 - железное стремя,
- 9 - железное стремя,
- 10 - железные удила,
- 11 - костяная пуговица,
- 12 - костяная пурка,
- 13 - костяная пурка.

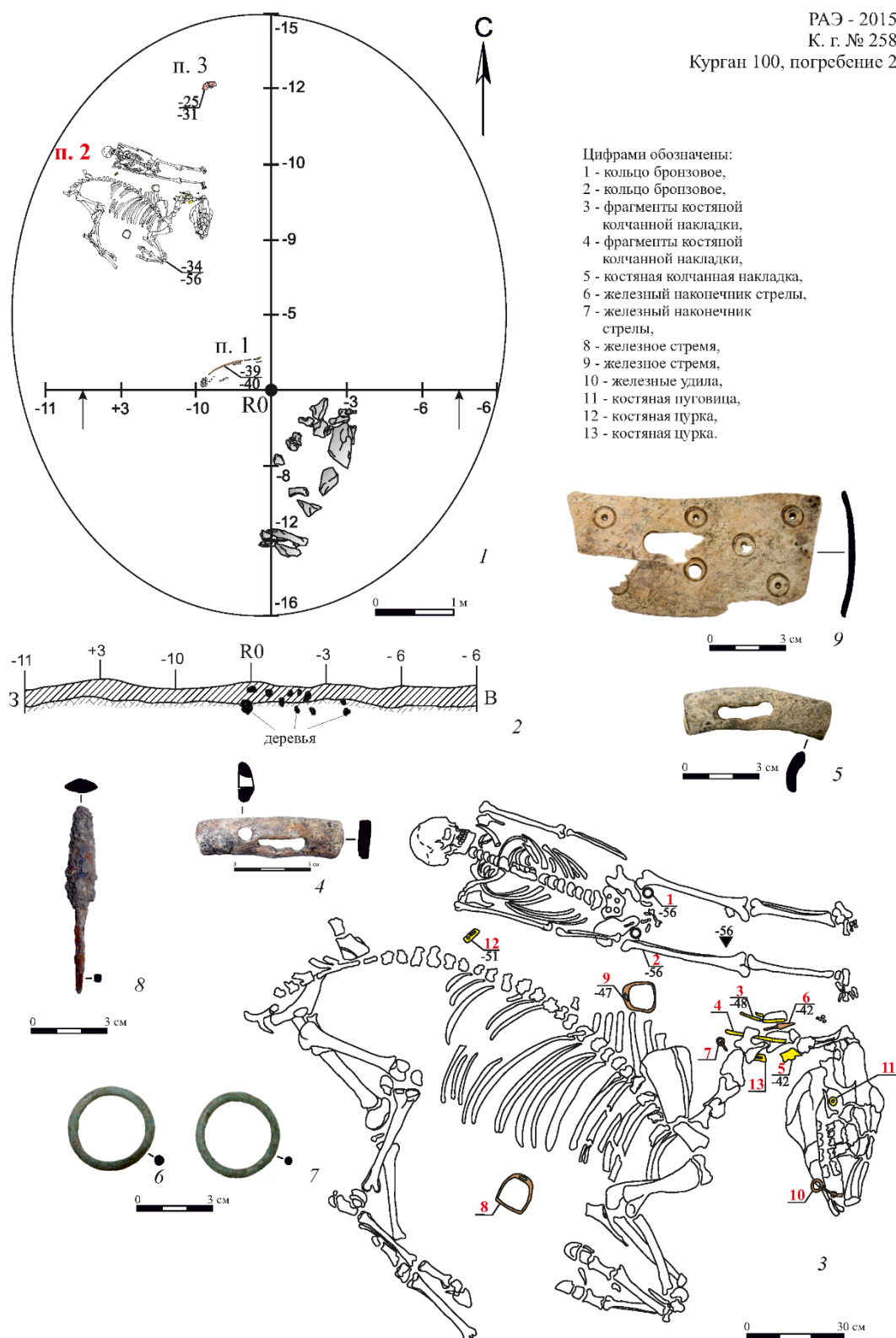

Рис. 9.

Рис.9.

1. План кургана. 2. Стратиграфический разрез насыпи. 3. План погребения. 4,5. Цурки, кость. 6,7. Кольца, бронза. 8. Наконечник стрелы, железо.

РАЭ - 2015
К. г. № 258
Курган 100, погребение 2

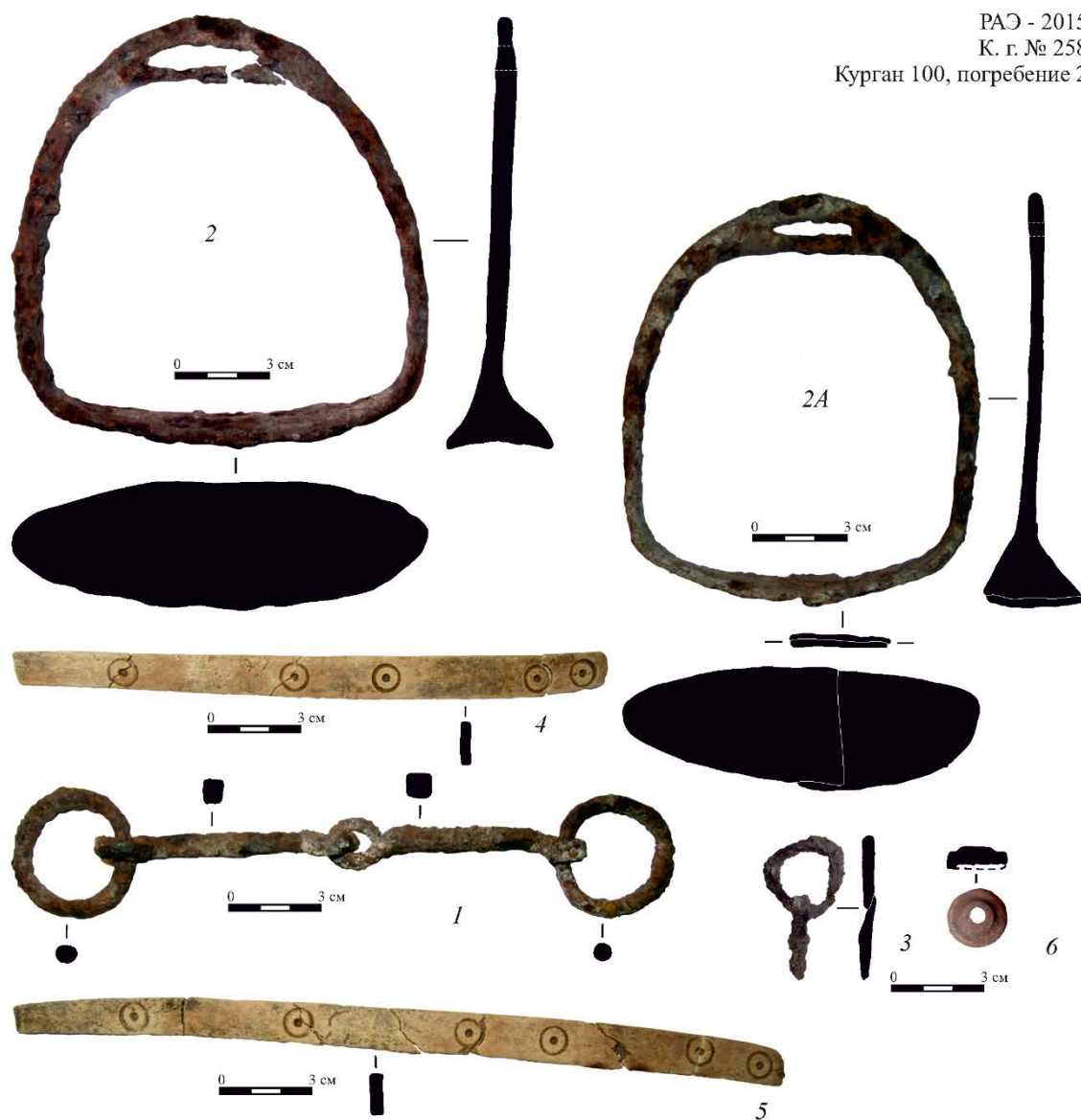

Рис. 10.

Рис. 10.
1. Удила, железо. 2,2А. Стремена, железо. 3. Пряжка, железо. 4,5. Костяные накладки колчана. 6. Пуговица, кость.

к.г. Гостагаевская - 1
к.57, пог. 2

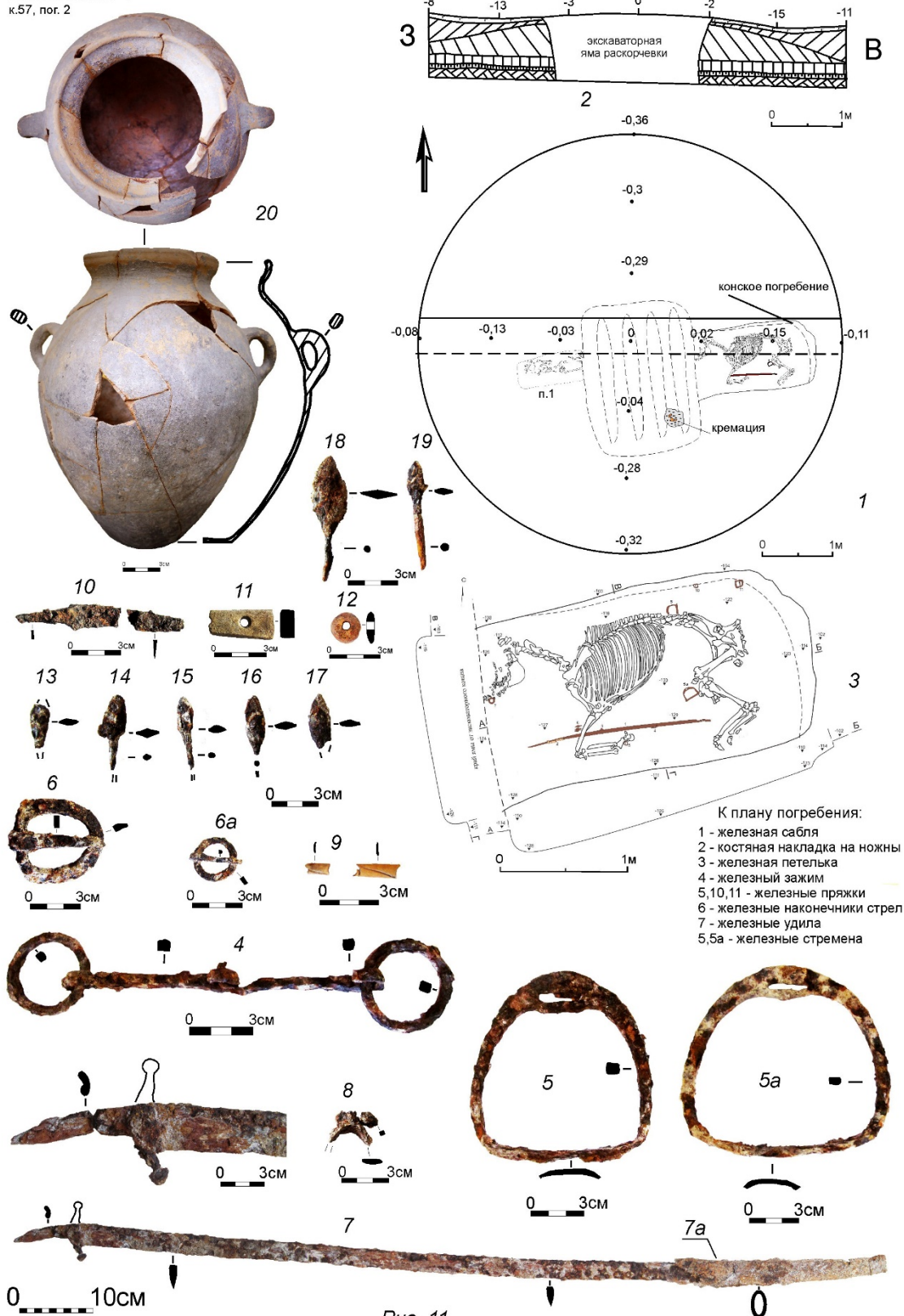

Рис. 11

Рис.11.

1. План кургана. 2. Стратиграфический разрез насыпи. 3. План погребения. 4. Удила, железо.
- 5, 5А. Стремена железо. 6, 6А. Пряжки, железо. 7. Сабля, железо. 7А. Наконечник ножен сабли, железо.
8. Фрагмент обоймы ножен сабли, железо. 9. Фрагменты накладки колчана, кость. 10. Нож, железо.
11. Оселок, камень. 12. Пуговица, кость. 13-19. Наконечники стрел, железо. 20. Урна, керамика.

к.г. Гостагаевская - 1
к.10, пог.1

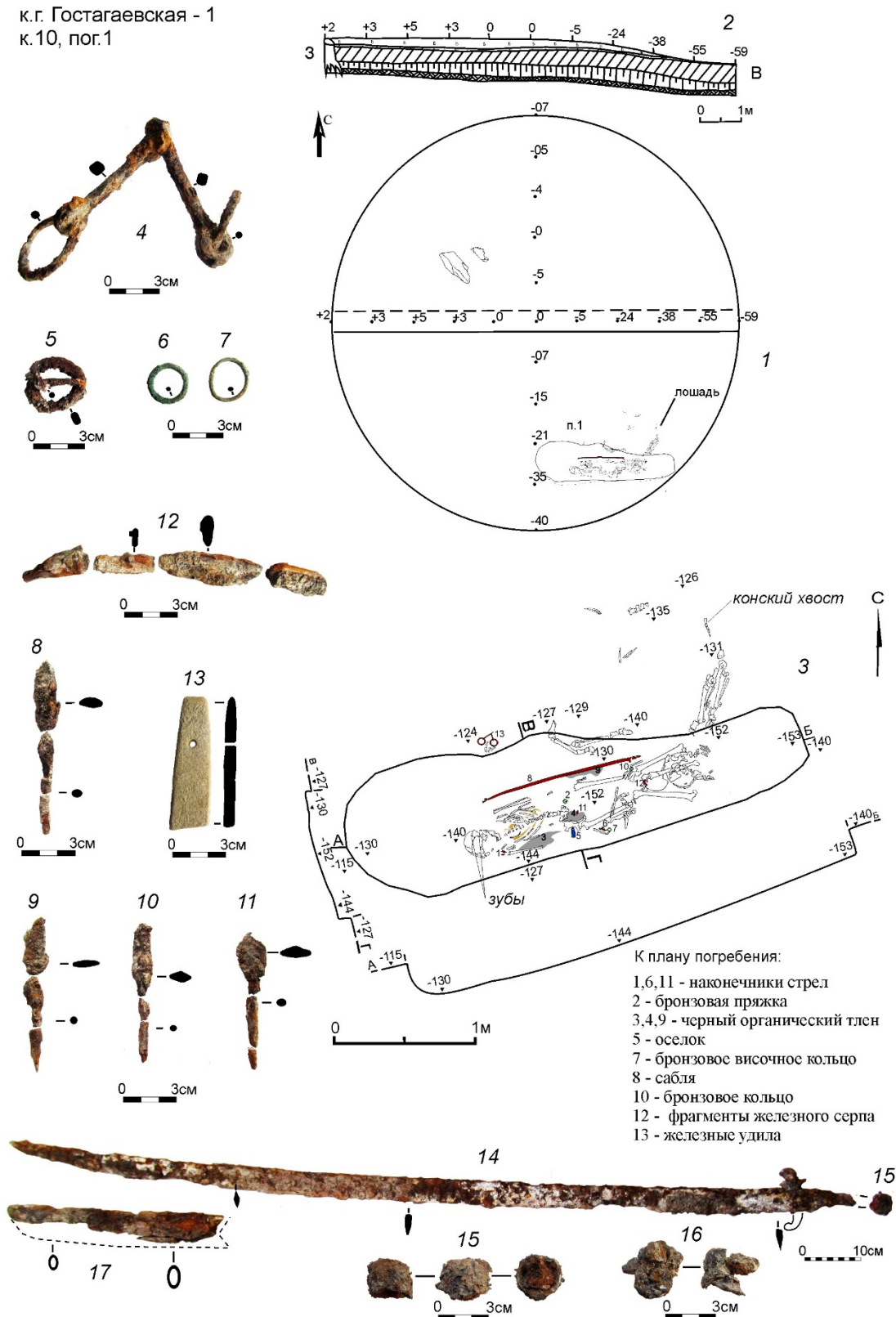

Рис. 12

Рис. 12.

1. План кургана. 2. Стратиграфический разрез насыпи. 3. План погребения. 4. Удила, железо.
5. Пряжка, железо. 6, 7. Кольца, бронза. 8-11. Наконечники стрел, железо. 12. Фрагмент серпа, железо.
13. Оселок, камень. 14. Сабля, железо. 15. Навершие рукояти сабли, железо. 16. Фрагмент обоймы ножен сабли, железо. 17. Наконечник ножен сабли.

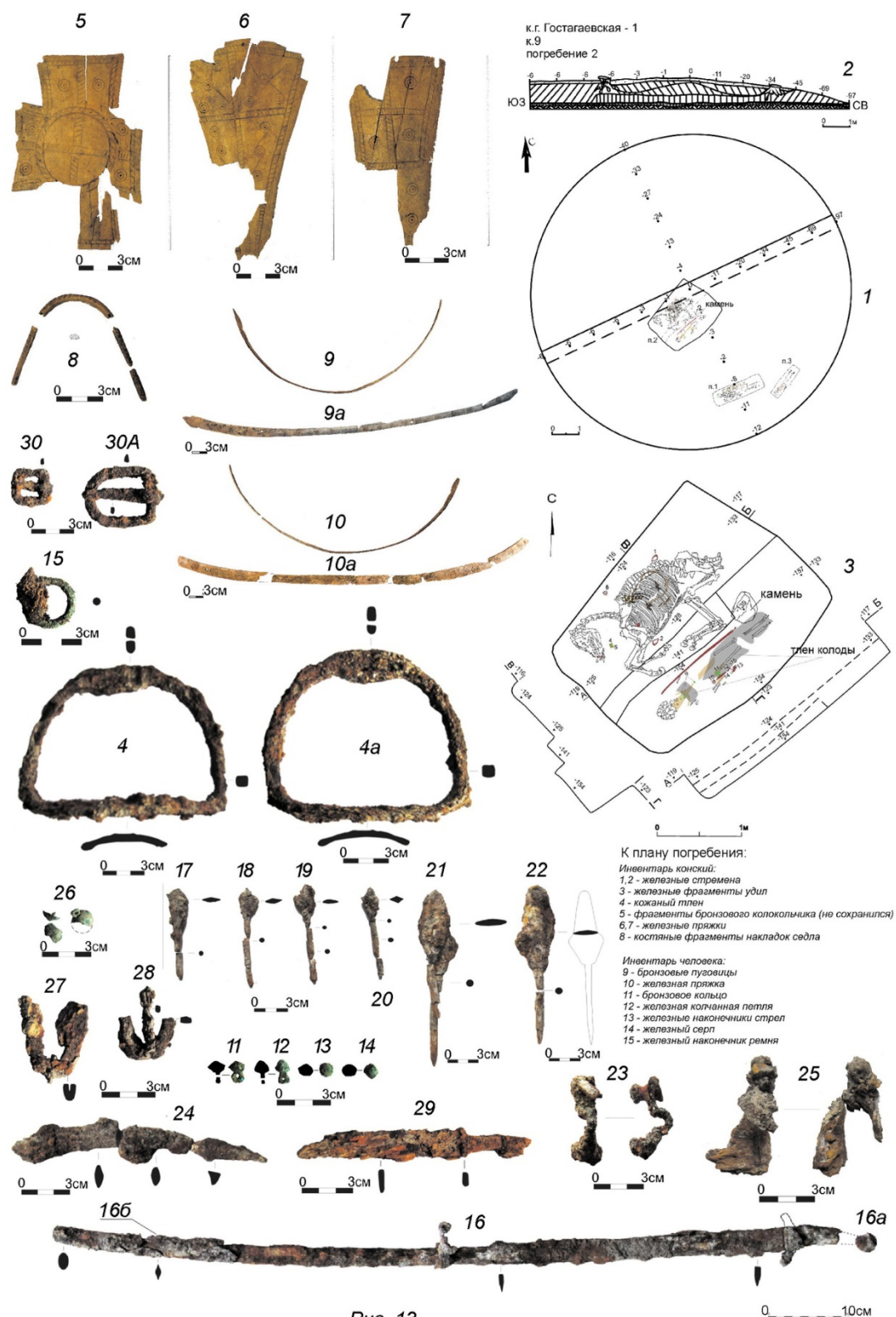

Рис. 13

Рис. 13.

1. План кургана. 2. Стратиграфический разрез насыпи. 3. План погребения. 4,4А. Удила, железо. 5-7. Детали луки седла, кость. 8-10. Детали полок седла, кость. 11-14. Пуговицы, бронза. 15. Кольцо, бронза. 16. Сабля, железо. 16А. Навершие рукояти сабли, железо. 16Б. Наконечник ножен сабли, железо. 17-22. Наконечники стрел, железо. 23. Колчанная петля, железо. 24. Серп, железо. 25. Обойма наконечников ножен сабли, железо. 26. Подвеска (бубенчик), бронза. 27. Наконечник ремня, железо. 28. Пряжка, железо. 29. Нож, железо. 30,30А. Пряжки, железо.

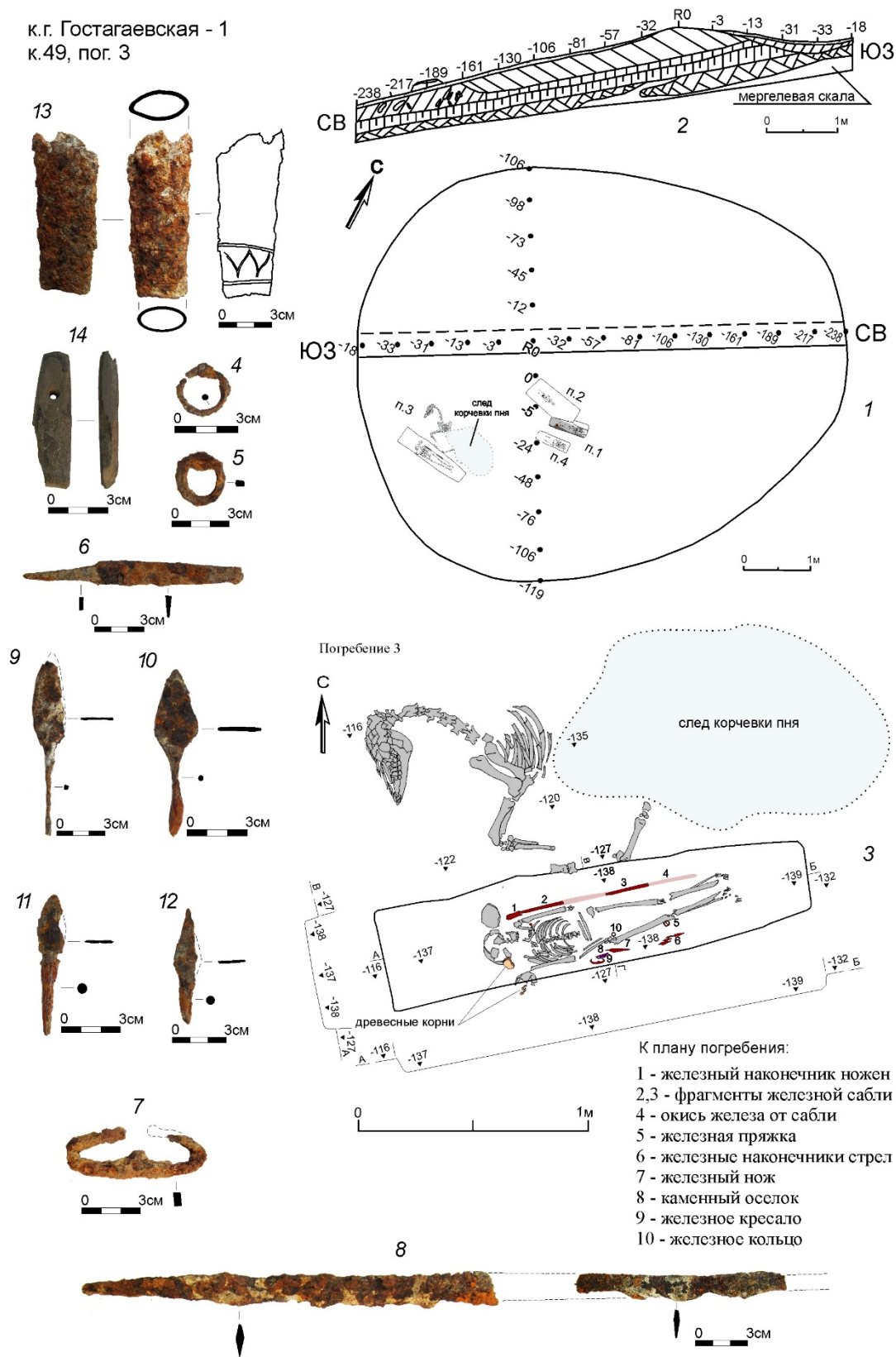

Рис. 14

Рис. 14.

1. План кургана. 2. Стратиграфический разрез насыпи. 3. План погребения. 4,5. Кольца, железо.
6. Нож, железо. 7. Кресало, железо. 8. Сабля, железо. 9-12. Наконечники стрел, железо.
13. Наконечник ножен сабли, железо. 14. Оселок, камень.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У СТАНИЦЫ ГУБСКАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК Н.И. ВЕСЕЛОВСКОГО НА КУБАНИ)

В 1897 г. Н.И. Веселовский исследовал курган между станицами Губская и Хамкетинская Майкопского отдела Кубанской области (ныне – Мостовской район Краснодарского края).

Под насыпью, возведенной из камней, высотой немногим более 2 м, выявлено мужское погребение в четырехугольной могильной яме. Судя по находкам скоб (пяти целых и семи фрагментов, по-видимому, еще пяти скоб), захоронение было совершено в массивной деревянной конструкции. Погребенный был уложен на спине, головой на запад.

Перечисляя находки, Н.И. Веселовский указал, что «при костяке обнаружены: сабля, 2 ножа в серебряной оправе, костяной стержень, золотой набор от пояса, серебряная чаша, находившаяся у головы, железный топор, железные скобы, железный нож, одна золотая проволоочная серьга, агатовая буса близ шеи костяка, два серебряных спиральных кольца, серебряные ножны» (ОАК за 1897 г. С. 20-21).

Изучение материалов раскопок данного комплекса, находящихся на хранении в фондах Государственного исторического музея (Москва), выявило некоторое несоответствие перечней предметов из отчета Н.И. Веселовского, музейной коллекционной описи (№347«В») и состава самой коллекции находок.

Так, в ГИМе хранятся не одна, а две фрагментированные серебряные чаши из комплекса у станицы Губская. С другой стороны, костяной стержень упоминается только в отчете Н.И. Веселовского, ни на каталожной карточке, ни в коллекционной описи информации об этом предмете нет. Ни в описи, ни в музейном каталоге находок нет информации о выявленной в погребении сабле. Кроме того, в описи отсутствуют сведения о деталях золотого поясного набора и золотой проволоочной серьге. По всей вероятности, по решению Императорской Археологической Комиссии, золотые находки из этого комплекса были отправлены на хранение в Эрмитаж, тогда как “менее ценные” предметы оставлены в ГИМе (такое дробление постигло большую часть коллекций находок, полученных Н.И. Веселовским

при раскопках средневековых курганов на Кубани в 1896–1897 гг. (см.: Левашева В.П., 1953. С. 165).

Ниже приводится описание находок из воинского комплекса у станицы Губская, находящихся на хранении в ГИМе³⁵.

1. Нож железный (Рис. 1,1) с остатками деревянных ножен, черешковый, с горбатой спинкой, с выраженным перекрестием (обойма утрачена), общая длина предмета – 21,2 см, при этом конец клинка обломан и утрачен, толщина спинки (вместе с остатками ножен): у рукояти – 1,3 см, у острия – 0,5 см, ширина у рукояти – 2,4 см. Сечение лезвия треугольное. При переходе к рукояти – порожек высотой 0,25 см. Длина рукояти до порожка – 6,2 см, наибольшая ширина рукояти – 1,5 см, толщина спинки рукояти – 1,15 см, сечение рукояти подпрямоугольное.

2. Бусина шаровидная (Рис. 2,3), белая, халцедоновая, высота – 1,5 см, диаметр – 1,6 см, сквозное отверстие диаметром 2 мм.

3. Фрагмент донца серебряной чаши (Рис. 2,6), диаметр – 4,7 см, толщина стенки – 0,3-1,0 мм. Чаша плоскодонная. Орнамент не выявлен. На внешней и внутренней сторонах чаши сохранились остатки кожи от чехла.

4. Фрагмент донца серебряной чаши (Рис. 2,5), диаметр – 4,7 см, толщина – 0,3-0,5 мм. Чаша плоскодонная. На внутреннем дне круглый медальон с растительным гравированным орнаментом.

5. Четыре фрагмента стенки и два фрагмента ободка серебряной чаши (Рис. 2, 7-12).

6. Топор железный (Рис. 1,3,3а), проушной, с узким и сильно оттянутым книзу лезвием, длиной 12,4 см, с округлым и скошенным нижним краем (ширина внизу полотна – 2,15 см, вверху – 4,7 см), на трапецевидном в плане обушке пять выступов-шипов – по углам (шипы с подтреугольным основанием) и в центре (основание центрального шипа ромбическое). Длина обушка без шипов – 4,6 см,

³⁵ Автор сердечно благодарит научного сотрудника отдела археологических памятников ГИМ Сергея Сергеевича Зозулю за помощь в работе с коллекцией.

ширина обуха – 2,8 см, ширина при переходе в шейку – 2,0 см. Сохранились два шипа – в верхнем левом углу и центральный (его длина – 3,2 см). Проушная часть топора четко профилирована (отделена от лезвийной части, а не плавно переходит в нее), имеет подтрапециевидную в плане и прямоугольную в продольном и поперечном разрезе форму, прямоугольный и узкий проух (2,3х1,2 см).

7. Рукоять кинжала (Рис. 2,1), деревянная основа с фигурной разомкнутой серебряной обоймой ойнохоевидной формы, длина 3,7 см, ширина 1,8 см.

8. Фрагмент кинжала (Рис. 2,2) в ножнах из тонкого не орнаментированного серебряного листа, с ойнохоевидным в плане плоским донцем, длина – 9,8 см, ширина 1,4 см.

9. Описание наконечника ножен кинжала, перемещенного на спецхранение, содержащееся в коллекционной описи находок: «Наконечник железный, обтянут листовым серебром, с тремя кольцами, разомкнутыми, с двумя отверстиями, с одной стороны пустой. 26х2 см» (ГИМ. Опись №347«В». Л. 1. №19).

10. Два серебряных спиральных кольца, диаметром 2 см (перемещены в спецхран, описание – по коллекционной описи) (ГИМ. Опись №347«В». Л. 1. №15,16).

11. Скобы железной фрагмент, длина спинки – 13 см, ширина спинки – 1,5 см, толщина – 0,7 см, длина костылька – 8,7 см, ширина у перегиба – 1,2 см, у концов – 0,3 см, толщина костыльков – 0,7 см, сечение подпрямоугольное.

12. Скоба железная, длина спинки – 16,2 см, ширина спинки – 1,6 см, толщина – 0,6-0,76 см, длина костыльков – 7,5 и 8,3 см, толщина костыльков – 0,7 и 0,8 см, у перегиба – 1,3 см, у концов – 0,5 см, сечение подпрямоугольное.

13. Скоба железная, длина спинки – 11 см, длина костылька – 4,5 см, толщина костылька – 0,5 см, ширина спинки – 1,1 см, ножек – 0,8 см, сечение подпрямоугольное.

14. Скобы железной фрагмент, длина спинки – 5 см, ширина спинки – 1 см, длина костылька – 4,6 см, толщина костылька – 0,4 см, сечение подпрямоугольное.

15. Скоба железная, длина спинки – 17,8 см, ширина спинки – 1,5 см, толщина – 0,6-0,9 см, длина костыльков – 9 см и 10,1 см, толщина костыльков – 0,6-0,7 см, сечение подпрямоугольное.

16. Скоба железная, длина спинки – 13,8 см, толщина – 0,6-0,7 см, ширина – 1,3 см, длина костыльков – 7,7 см и 8 см, толщина – 0,6 см и 0,7 см, сечение подпрямоугольное.

17. Скоба железная, длина спинки – 11 см, толщина – 0,5 см, ширина – 0,8 см – 1 см, длина костылька – 7,2 см, ширина костылька – 0,85, у концов – 0,6 см, толщина – 0,5 см, сечение подпрямоугольное.

18. Скобы железной фрагмент, длина спинки – 8,1 см, ширина – 1 см, толщина – 0,5 см, длина костылька – 6,5 см, толщина – 0,2-0,4 см, ширина – 0,75 см – 0,3 см, сечение подпрямоугольное.

19. Скобы железной фрагмент, длина спинки – 11,3 см, ширина – 1,1-1,2 см, толщина – 0,5-0,6 см, длина костылька – 8 см, толщина – 0,2-0,4 см, ширина – 0,5-0,7 см, сечение подпрямоугольное.

20. Скоба железная, длина спинки – 12,8 см, толщина – 0,5 см, ширина – 1 см, длина костылька – 6,2 см, толщина – 0,4 см, ширина – 0,8-0,4 см, сечение подпрямоугольное.

21. Скоба железная, длина спинки – 13,5 см, ширина – 1,3 см, толщ – 0,5-0,65 см, длина костыльков – 7,5 см и 4,5 см, толщина – 0,6-0,7 и 0,8 см, ширина – 1,2 см, 0,5 см, сечение подпрямоугольное.

22. Скоба железная, длина – 17,5 см, толщина – 0,65-0,7 см, ширина – 1,2-1,35 см, длина костыльков – 9 см и 4,5 см, толщина – 0,76 см и 0,7 см, сечение подпрямоугольное (Рис. 1, 4-15).

Погребальный инвентарь.

Поясные чаши и ковши из ценных металлов XIII–XIV вв. являются ярким атрибутом монгольской всаднической культуры. На территории Восточной Европы ныне известно более 30 кочевнических погребений этого времени с находками престижной серебряной и золотой посуды. Как предмет погребального инвентаря такие сосуды символизировали принадлежность погребенного к родовой и племенной аристократии Золотой Орды, демонстрировали высокое социальное (еще при жизни) положение владельца (Чхаидзе В.Н., 2017. С. 275–289). Особая роль престижной посуды в ритуалах (в том числе и погребальном) и различных церемониях (прежде всего, в парадных пирах), проводившихся в государствах Чингисидов, была воспринята социально-знаковыми системами и на их вассальных территориях. В предгорья Северо-Западного

Кавказа эта традиция в золотоордынское время была привнесена из кочевой степи, в том числе и самими носителями. Поясные серебряные чаши являются частой находкой в элитарных подкурганных погребениях Закубанья XIV–XV вв. Только в курганах могильников XIV–XV вв., исследованных Н.И. Веселовским в окрестностях станицы Белореченская в 1896–1898, 1906–1907 гг., таких чаш выявлено 20 экземпляров (всего в белореченских погребениях находились 67 предметов пиршественной посуды – золотых и серебряных чаш, ковшей, кубков, блюд) (Левашева В.П., 1953. С. 171), они помещались в могилы воинов-ветеранов и представителей местной элиты (Крамаровский М.Г., 2001. С. 83). При этом семантическое значение и роль престижной посуды в погребальном обряде черкесов приобрели какие-то местные, локальные смыслы, что внешне нашло выражение в специфическом расположении этих предметов в погребении – около черепа или под ним, около рук или под ними, у колен.

Обнаруженная в воинском погребении у станицы Губская серебряная орнаментированная чаша имеет довольно значительный ряд аналогий (Рис. 3, 2-10). Близкая по стилю и композиции орнамента серебряная чаша происходит из кургана 12 у станицы Андрюковская (ОАК за 1896 г. С. 55-56. Рис. 275 а, б) (Рис. 3, 2-3), на которой, как и на губской чаше, в центральном медальоне на точечном фоне изображены два склонившихся друг к другу побега, исходящих из одного корня. Корень укрыт тремя небольшими длинными приостренными листьями. От побегов расходятся пышные сдвоенные и строенные листья, поверхность которых оживляют небольшие штрихи. От растительных пальметт андрюковской чаши листья побегов губской находки отличаются более мягкие, округлые очертания. Подобные листья изображены на чаше из кургана 53 у станицы Белореченская (ОАК за 1896 г. С. 28-29. Рис. 153 а, б) (Рис. 3, 4, 5), на ковше из Закубанья (Крамаровский М.Г., 2019а. С. 179. Кат. 91). Едва ли не тождественны фрагментированные изображения на внутренних стенках губской чаши сердцевидным медальонам с растительным орнаментом на бортике поясного ковша, обнаруженного Н.И. Веселовским в кургане у станицы Белореченская в 1897 г. (Крамаровский М.Г., 2001. С. 89. Рис. 38), датированного XIV–XV вв. (Крамаров-

ский М.Г., 2019б. С. 180. Кат. 92) (Рис. 3, 6-10). В ряду ближайших аналогий и серебряный ковш XIV в. (Крамаровский М.Г., 2019. С. 175. Кат. 87).

Детали костюма.

Накладки золотого *поясного набора* (Рис. 1, 2) по форме и орнаментации, основным элементом которой является заключенная в ромб розетка из соединенных в симметричный крест четырех трилистников, находят прямые аналогии в погребениях XIV–XV вв. могильников Северо-Западного Кавказа: из кургана №3 у станицы Белореченская (ОАК за 1896. С. 24-25. Рис. 120, 122) (Рис. 3, 11-13), из кургана №8 у станицы Костромская (ОАК за 1896. С. 59-60. Рис. 290а, б, г) (Рис. 3, 14-16), из грабительских раскопок у станицы Андрюковская (ОАК за 1896 г. С. 125. Рис. 446, 447). Близкий по форме накладок, но с другим орнаментом поясной набор происходит из воинского комплекса у станицы Новосвободная (Днепровский К.А., Носкова Л.М., 1991. С. 52, 55. Рис. 3, 2-8) (Рис. 3, 17), который может быть датирован концом XIV – XV в.

В ряду аналогий накладкам губского поясного набора, пожалуй, самой значимой для датировки является пластинчатый браслет из Симферопольского клада (Рис. 3, 18), в состав которого также входят монеты 1298/99–1353 гг. и пайцза с именем Кельдибека (1361–1362), что позволяет отнести время сокрытия клада ко второй половине XIV в. (Крамаровский М.Г., 2000. С. 289). Помимо круглых медальонов с розетками из четырех трилистников, пластины браслета содержат зооморфные и эпиграфические элементы декора: стилизованные львиные морды, а также – персидскую надпись: «Да будет творец мира покровителем Владельца сего [предмета], где бы он ни находился» (прочтение А.А. Иванова). Близкий браслет, но с более сложным орнаментом и более тщательной его проработкой, вместе с монетами делийского султана Муххамада II ибн Тоглука, чеканенными в 741 г.х. / 1340–1341 гг. от имени египетского халифа ал-Мустакфи II, был обнаружен в составе клада в Джуке-тау (на р. Кама) (Мальм В.А., 1979. С. 248–249; Крамаровский М.Г., 2000. С. 242–243). В вопросе о происхождении этих браслетов мнения исследователей разнятся: В.А. Мальм пришла к выводу об их производстве мастерами Ирана или Средней Азии (Мальм В.А., 1979. С. 248–249). В пользу этой версии

свидетельствуют иранские медные и бронзовые изделия XIV–XV в. с аналогичным благопожеланием (Иванов А.А., 2014. С. 74. Кат. 2; и др.), широчайшее распространение в Иране и на Ближнем Востоке на изделиях из металла, дерева, стекла, ткани, глины, а также на миниатюрах рукописей орнаментального элемента – заключенной в ромб розетки из четырех трилистников. М.Г. Крамаровский связывает происхождение находок с ювелирными мастерскими золотоордынского Крыма или Малой Азии на основании находок керамики с подобными благопожеланиями, а также технической и стилистической близости этих браслетов большой группе золотых и серебряных украшений из могильников и кладов европейской части Золотой Орды (Крамаровский М.Г., 2000. С. 88, 322; 2001. С. 194–195).

Халцедоновая бусина (Рис. 2, 3) относится к типу VIII-XAI (Федоров-Давыдов, 1966. С. 77), типу AI (Мыськов Е.П., 2015. С. 167. Табл. XXIX, 23), типу I-IIA 1 (Курышова, 2012. С. 206. Рис. 1,4). Аналогичные бусы известны в погребениях золотоордынского времени, при этом их датировка широкая. Нахождение единственной бусины в погребении, обычно в районе шеи, под подбородком умершего, характерно для воинских захоронений степняков и оседлых жителей Предкавказья. Такая бусина выполняла функцию пуговицы, в том числе и для фиксации ворота кольчуги (Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. 2010а. С. 115).

Спиральные кольца, скрученные, судя по фотографии на каталожной карточке, в 2 оборота, в материалах Северо-Западного Кавказа служат хроноиндикатором древностей XIV вв., но доживают и до XV в. Например, два серебряных с позолотой спиральных кольца в 2 оборота находились в подкурганном погребении конца XIV – первой половины XV в. в юрте станицы Ярославской (ОАК за 1895 г., 1897. С. 162).

Предметы вооружения.

Боевой нож относится к типу AIIa1 (Мыськов Е.П., 2015. С. 112, 115. Табл. XVIII). Аналогичный боевой нож или кинжал длиной 26 см со слегка изогнутым лезвием, с наборным перекрестием, состоящим из железного упора, двух тонких медных и одной золотой пластин, в деревянных ножнах, обнаружен в элитарном погребении монгольского воина конца XIII – начала XIV в. из к. 7 мог. Олень-Колодезь (Ефимов К.Ю., 1999. С. 95, 99. Рис. 2,6; 2000.

С. 174. Рис. 2,6) (Рис. 4,15), близкий нож обнаружен в кочевническом погребении XIV в. Царев 37/1 (Мыськов Е.П., 2015. С. 117. Рис. 14,6) (Рис. 4,13). Нож с упором у перекрестия, но уступающий по длине (14 см) обнаружен в погребении 10 могильника Новопавловский (Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2007. С. 80. Рис. 21,3) (Рис. 4,17). Боевой нож длиной 27,5 см в деревянных ножнах с горбатой спинкой и упором у основания лезвия выявлен в кочевническом погребении Арпачин II, 42/1 XII–XIII вв. (Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2010. С. 178, 184, 201. Рис. 15,4) (Рис. 4,14). Близкий нож происходит из элитарного воинского кочевнического погребения Калиновская-82, 10/1 второй половины XIII – начала XIV в. (Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. 2008. С. 83. Рис. 3,9). В погребении 78 могильника Жукова также находился нож длиной 43,5 см с горбатой спинкой и овальным упором у основания клинка (Кулешов Ю.А., 2015. С. 208. Рис. 5) (Рис. 4,16). Несколько ножей с бортиком у основания клинка для упора накладок рукояти выявлены в ингумационных погребениях в каменных гробницах второй половины XIV – начала XV в. могильника Кабардинка. На одном из них (к. 36) сохранилась узкая костяная обойма с бронзовой пластиной (Носкова Л.М., 2010. С. 177. Рис. 14,26) (Рис. 4,18). Боевые ножи длиной от 17 до 25 см, в том числе с упором у основания клинка, выявлены в погребениях Ленинахабльского могильника (Тарабанов В.А., 1984. С. 166) (Рис. 4,19–20).

Аналогии губским кинжалам, а также их серебряным ножнам выявлены в Белореченских курганах (ОАК за 1896. С. 9, 21–22. Рис. 57, 59, 108 а,б; Левашева В.П., 1953. С. 176), в погребении у станицы Костромская (ОАК за 1896. С. 59. Рис. 289), близ Туапсе, Псекупский №5 (Ловпаче Н.Г., С. 28. Таб. XXXI, 9), у станицы Новосвободная (Днепровский К.А., Носкова Л.М., 1991. С. 52, 55. Рис. 3, 2–8) (Рис. 4,1–11), а также в к.4 могильника Жако (Карачаево-Черкесия) (Алексеева Е.П., 1971. С. 351. Табл. 40, 11а–в). Эти находки датируются концом XIV–XV в. В.А. Тарабанов указывает на обнаружение десяти кинжалов в грунтовых погребениях Ленинахабльского могильника, все они однолезвийные, с длинными (20–30 см) узкими клинками, с небольшими перекрестиями (Тарабанов В.А., 1984. С. 166. Рис. II, 5,6). Ближайшей аналогией одного из губских кинжалов (Рис. 4,2) является стилет длиной

20 см, диаметром 1,7 см из Белореченского кургана (ближе не известно, ныне в Эрмитаже), датированный XIV–XV вв. (Крамаровский М.Г., 2005. С. 53, 196. Кат. 48) (Рис. 4,10).

Появление кинжалов-стилетов в черкесской панолии М.В. Горелик связывал с присутствием в регионе итальянских колонистов (Горелик М.В., 2008. С. 164). Действительно, аналогичный выявленным в комплексе у станицы Губская (Рис. 4,1,2) и в к. 38 у станицы Белореченская (Рис. 4, 3,7) кинжал стилетного типа, в ножнах с характерным серебряным окладом (вертикальная планка, проходящая по центру пенала и несколько горизонтальных рядов тонких колец-обойм, точки пересечения с планкой которых отмечены маленькими кружками или квадратами) изображен на фреске XIV в. монастыря Сан-Франческо (Крамаровский М.Г., 2005. С. 196) в капелле семейства Bonghi (Бергамо)³⁶ (Рис. 5,1,1а). На нем, как и на кинжале из станицы Губская ножны с серебряным наконечником, увенчанным шариком.

Именно такой формы ножны, но богато декорированные тонкой гравировкой, известны в памятниках белореченского круга (Рис. 4,4-6,11). Традицию гравировки серебряных приборов золотоордынского клинкового оружия предположительно связывают с Западной Европой (Кулешов Ю.А., 2015. С. 200). Если в отношении клинков в ножнах первой группы (с серебряным окладом в виде «решетки») вполне можно допустить европейское происхождение, то в случае кинжалов в ножнах второй группы – с гравировкой в восточном стиле – это сделать сложнее. Подобные кинжалы стилетного типа в ножнах с тонкими кольцами-обоймами и наконечником, увенчанным шариком, изображены на множестве персидских миниатюр XIV–XVI вв. (Рис. 5,3; 6). Стиль, мотив и конкретные элементы гравированного орнамента обнаруживают многочисленные аналогии в восточной торевице, на керамике, стекле и тканях. Поэтому более вероятным представляется либо конвергентное развитие данной традиции на Востоке и в Западной Европе, либо ее заимствование западными оружейниками у мастеров Востока, в первую очередь, Ирана или Малой Азии.

О связи кинжалов-стилетов в серебряной оправе, известных по памятникам Закубанья конца XIV–XV вв., с восточной традицией указывает и география их распространения в более позднее время. В XVI–XVII вв. в центральных и северо-западных районах Северного Кавказа, прежде всего, среди адыгов и кабардинцев, данный тип клинка не получает большой популярности, здесь пальма первенства, безусловно, принадлежит обоюдоострому клинку – кама (къамэ) (Панеш Э.Х., 1989. С. 63-64, 65, 67; Холодное оружие, 2006. С. 64-75 и др.; Предметы..., 2016. С. 118-123), и, напротив, дериваты «белореченских» кинжалов лучше известны в Дагестане, Закавказье, Турции, а также в Средней Азии (Холодное оружие..., 2006). Что касается стиля оформления приборов клинков, еще В.П. Левашева отметила сходство орнамента ножен из Белореченских курганов и кинжалов кубачинских (Левашева В.П., 1953. С. 176) и, добавлю, лакских мастеров. Это сходство обусловлено многовековым влиянием Ирана на традиции изготовления холодного оружия в Дагестане (Аствацатурян Э.Г., 2009. С. 24-25 и далее).

Интересно, что в губском погребении выявлены сразу два кинжала в серебряной оправе, а также боевой нож. В Белореченских курганах кинжалы были обнаружены в 9 погребениях, причем лишь дважды кинжал и нож оказались в одном комплексе (в кургане №7, 1896 и в элитарном воинском захоронении из кургана №1, 1897, где в том числе был найден и боевой топор (Левашева В.П., 1953. С. 176; Горелик М.В., Дружинина И.А., 2010). В Ленинахабльском могильнике выявлено 10 кинжалов, из них в двух погребениях они находились вместе с саблями, в одном случае – с булавой, в двух – со стрелами, в четырех случаях являлись единственным видом оружия (Тарабанов В.А., 1984. С. 166). Отметим, что порой кинжалов-стилетов – длинным и коротким – вооружены монгольские или тюркские воины на персидских миниатюрах XVI в. (Рис.7).

Особый интерес представляет обнаруженный в погребении *топор* (Рис. 1, 3,3а). По основным параметрам – длине лезвия, ширине, размерам обушного отверстия, весу (Алешковский М.Х., 1960. С. 74-75; Кирпичников А.Н., 1966. С. 27), а также по наличию ударных выступов на обухе, губский топор, несомненно, является боевым.

³⁶ Автор выражает искреннюю признательность Денису Викторовичу Каштанову, любезно предоставившему фотографии фресок монастыря Сан-Франческо из личного архива.

Суммарная комбинация таких признаков, как четко профилированная проушная часть, ее подтрапециевидная в плане и прямоугольная в профиле форма, прямоугольный узкий проух, короткая шея топора (практически сразу переходит в полотно) и, наконец, особой конструкции обух, снабженный пятью шипами-выступами, позволяет рассматривать губский топор как уникальный образец ударно-рубящего оружия.

Несмотря на то, что по форме лезвия он принадлежит к группе широколезвийных или так называемых бородавчатых топоров (Bartaxt), получивших широкое распространение в XI–XIII вв. в западной части Евразии (Кирпичников А.Н., 1966. С. 28), прямой аналогии ему отыскать не удалось.

Однако отдельные признаки или их различные комбинации встречаются на топорах XIII–XV вв.

Бородавчатая форма лезвия. Топоры с широким, сильно оттянутым книзу лезвием составляют едва ли не самую значительную группу топоров XI–XIII вв. в Северной Европе, считающейся родиной бородавчатых топоров, на Руси, в Юго-Восточной Европе (Кирпичников А.Н., 1966. С. 28, 35–38; Брмболић М., 2000; Dumitriu L., 2001). На Северном Кавказе бородавчатые топоры – боевые, хозяйственные и универсальные – широко распространяются в золотоордынское время и, сверх того, по крайней мере, до начала XVI в. остаются здесь наиболее часто встречаемыми.

При этом по территории края их находки распределяются не равномерно, что, даже принимая во внимание различную степень археологической изученности региона, представляется не случайным.

Сегодня известно не менее 23 экземпляров (включая губский топор), обнаруженных на территории Северного Кавказа. Семь из них найдены вне археологического контекста в Чечне (Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., 1983. С. 72) (Рис. 8, 1–2, 5–9). Наиболее близкими губскому топору выступают топоры типа IIА (по Мамаеву Х.М., Чахкиеву Д.Ю.): со сравнительно небольшой длины лезвием, незначительно сужающимся внизу, с плоским обухом, практически без щекавиц, с проухом четко выраженной прямоугольной формы (Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., 1983. С. 71–72. Рис. 1, 2–3) (Рис. 8, 1, 6). Отличаются данные топоры от губского наличием длинной и широкой шейки

и слабопрофилированной проушной частью. Топоры типа IIБ (по Мамаеву Х.М., Чахкиеву Д.Ю.) (Рис. 8, 7, 9) сближает с губским экземпляром наличие короткой шейки, но их полотно заострено внизу в клин, а проушная часть снабжена щекавицами. Среди топоров, поднятых на территории Чечни, выделим два, безусловно, боевых. Первый (Тип IIГ – по Мамаеву Х.М., Чахкиеву Д.Ю.) с прямым, заостренным вверху и ровно срезанным внизу лезвием, длиной 12,5 см, весом 700 г, с плоским обухом, обнаружен вместе со шлемом (утрачен) у сел. Кулары (Урус-Мартановский район) (Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., 1983. С. 68, 74. Рис. 2, 1) (Рис. 8, 5). Второй топор (Тип I) обнаружен в окрестностях села Майртуп (Шалинский район), имеет массивное слегка выступающее вверху и косо срезанное внизу лезвие длиной 17,8 см, короткую шейку и небольшой прямоугольный обух, вес – 1250 г. Данный экземпляр находит прямые аналогии среди болгарских топоров, датирован XIII–XIV вв. (Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., 1983. С. 71–72. Рис. 1, 1; Фахрутдинов Р.Г., 1981. С. 259. Рис. 11) (Рис. 8, 2). Происхождение топоров типов IIА, Г исследователи связали с местным северокавказским кузнечным производством и датировали не ранее золотоордынского времени (Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., 1983. С. 73). Топоры типа IIБ исследователи отнесли к более позднему времени, допуская, в том числе и возможность влияния на их развитие бердышей XVI в. (Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., 1983. С. 74).

Два бородавчатых топора, с массивными лезвиями, овальными обухами с втулкой, также из случайных сборов, происходят с территории Кабардино-Балкарии (Кузнецов В.А., 1971. С. 70–71. Рис. 4, 2) (Рис. 8, 11), три – из Пятигорья: две случайные находки (Кузнецов В.А., 1971. С. 70–71. Рис. 4, 1) (Рис. 8, 10) и один топор обнаружен среди материалов поселения «Козьи скалы», длина лезвия – 24 см (Кузнецов В.К., Рудницкий Р.Р., 1998. С. 303. Рис. 12, 6) (Рис. 8, 12). Исследователи интерпретируют находки как древосечные хозяйственные топоры (Кузнецов В.А., 1971. С. 70–71; Кузнецов В.К., Рудницкий Р.Р., 198. С. 303). Наиболее близок к губскому топор с поселения «Козьи скалы», различает топоры наличие полукруглых щекавиц у пятигорского экземпляра.

Случайный характер обнаружения бородовидных топоров при том, что на территории Чечни и Ингушетии раскопано представительное количество погребений XIII–XIV вв. Паметского, Келийского могильников, склепов у сел. Верхний Лейми, Оздик и других памятников, содержащих воинские захоронения, обращает на себя внимание. Нет топоров и в погребениях кочевников эпохи Золотой Орды, исследованных на территории Ставрополя (в том числе и в районе Пятигорья) (Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2013. С. 173).

Не менее трех бородовидных топоров – случайная находка и артефакты из слоя поселений – происходят из степного Закубанья. Один из топоров с прямым, заостренным вверху и прямо срезанным внизу полотном, с округлыми щекавицами обнаружен в окрестностях ст. Крымская (Стрельченко М.Л., 1968. Л. 28. Рис. 23,2) (Рис. 9,14); несколько бородовидных топоров обнаружено на поселении Железнодорожное-1 и 2 (Нарожный Е.И., Соков П.В., 2017. С. 284–285. Рис. 1; Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., 2019. С. 617). Один из них – с прямым верхним и косо срезанным нижним краем, с полотном оттянутым в сторону рукояти, с высокими круглыми щекавицами, профилированным проухом и подпрямоугольным отверстием в нем, с плоским обухом и не слишком длинной шеей (Рис. 9, 10).

Совершенно иную картину демонстрируют памятники Северо-Восточного Причерноморья. На сегодняшний день здесь известны не менее 7 бородовидных топоров, при этом 6 из них выявлены в погребениях.

Все находки из закрытых комплексов локализуются в окрестностях Геленджика. Два топора с прямым, заостренным вверху и чуть скошенным внизу полотном, с округлыми щекавицами и плоским обухом происходят из курганов, раскопанных в окрестностях пос. Кабардинка (ГИМ, Описание 988, №1–2) (Рис. 9,11–12). Проушной плоскообушной топор с прямым лезвием, приостренным вверху и сужающимся внизу, с длинной шеей и округлыми щекавицами обнаружен в погребении к. 1 могильника в 1 версте от Геленджикской бухты (Сизов В.И., 1889) (Рис. 38, 4,4а) (Рис. 9,8–8а). Близкий ему, но с более короткой шеей топор выявлен в каменном ящике кургана 35 Борисовского могильника (Саханев В.В., 1914. С. 196, 199. Рис. 50,2) (Рис. 9,7). Пятый топор с прямым лезвием с почти горизон-

тальным верхним и нижним краем, с округлыми щекавицами, профилированным проухом, овально-подпрямоугольным проушным отверстием, чуть выпуклым округлым обухом, широкой шеей обнаружен в погребении № 3 кургана 7 группы 4 курганного могильника «Молоканова щель» (Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., 2019. С. 607, 617. Рис. 5,2) (Рис. 9,15). Аналогичный ему, судя по схематичному рисунку Казнакова, бородовидный топор происходит из каменного ящика, исследованного на территории Геленджика (Дружинина И.А., 2018. Рис. 38,5) (Рис. 9,13).

Еще один топор с округлым обухом, без щекавиц, с круглым или овальным проушным отверстием, с прямо скошенным по нижнему краю лезвию обнаружен в районе Ново-Михайловского – Туапсе: между имениями Дузу и Дузу-Кале (Миллер А.А., 1909. С. 95–102) (Рис. 9,9).

Известные находки бородовидных топоров, происходящие из памятников Северо-Восточного Причерноморья, имеют довольно явную территориальную локализацию – окрестности Геленджика. В других районах побережья и в предгорьях Закубанья в XII–XIV вв. были распространены топорыных типов (Рис. 9, 1–6), на фоне которых находка бородовидного топора в кургане у станицы Губская выглядит, скорее, исключением из правил.

На соседних с северо-кавказским Причерноморьем территориях ситуация с находками бородовидных топоров также отличается от выявленной в окрестностях Геленджика. Одним из ранних бородовидных топоров является экземпляр из печенежского погребения у ст. Старотитаровская на Тамани (Яцук Д.А., 2017. С. 283–285. Рис. 1,3) (Рис. 10,4), который можно отнести к типам IV (Кирпичников, 1966. Рис. 6. Табл. XIII) и ДIII (Измайлов, 1997. С. 78. Рис. 44). От губского топора таманскую находку отличает длинная узкая шея, обух с выступами, округлое проушное отверстие и плавный переход обушной части в лезвийную. Бородовидные топоры известны в Крыму, в частности на территории золотоордынского Солхата (Гаврилов А.В., Майко В.В., 2014. С. 85) (Рис. 10,5).

В золотоордынском Азаке в слое XIV в. выявлен топор (Масловский А.Н., 2010. С. 195,198. Рис. 8,2), который можно отнести к поздним вариантам бородовидных топоров

типа V (Кирпичников А.Н., 1966. С. 29. Рис. 6) (Рис. 10, 6). У этого экземпляра широкое плотно, оттянутое вниз, но не слишком сильно, округлый обух с выступами, круглая проушина, бородка в нижней части обуха. Возможно, XIV в. датируется и топор, который происходит из траншеи, заложенной В.Н. Ястребовым к северу от места обнаружения надгробной плиты Иакоба Корнарио, графа Арбского, венецианского консула и посла в Танае и во всей империи Газарии, скончавшегося 18 августа 1362 г. (Волков И.В., 1990. С. 136-138, 143. Рис. 2)³⁷ (Рис. 10,9). Другие известные нам топоры из Азака не принадлежат группе бородавчатых. Из них лишь одна находка происходит из погребения – это массивный лесорубный топор с широким прямым горизонтальным полотном, выявленный в ритуальном захоронении ребенка – Пер. Красноармейский 88Б. (Масловский А.Н., 2010. С. 237, 241. Рис. 42,3). Остальные найдены: в городском слое XIV в. (Кравченко С.А., 2018. С. 148, 155. Рис. 28,1), другой – узколезвийный с чуть расширяющимся книзу лезвием, круглой проушиной, с выделенным подпрямоугольным молотовидным обухом – в нижней части заполнения подвала купеческого дома XIV в. (Широченко Э.Б., Масловский А.Н., 2011. С. 172-173. Рис. 7,8) (Рис. 10,8) – этот экземпляр близок двум узколезвийным плоскообушным топорам с чуть расширяющимся книзу полотном из слоя XIV в., выявленного в ходе раскопок в Азове на ул. Толстого (Белинский И.В., Масловский А.Н., 2001. С. 45. Рис. 5,5-6), а также топору из Майртупа (Чечня) (Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., 1983. С. 70-71. Рис. 2,3) (Рис. 8,4). Промежуточным звеном между ними выступает топор с чуть намеченным обушком и симметричным лезвием из элитарного воинского погребения XIV в. к. 1 у ст. Белореченская (Закубанье) (Горелик М.В., Дружинина И.А., 2011) (Рис. 9,6).

Серия бородавчатых топоров (случайные находки) обнаружена на Азовском побережье: два – на Белосарайской косе, один – в Новоазовском районе, предположительно эти находки могли маркировать места военных столкновений золотоордынского времени

(Кравченко Э.Е., 2015. С. 431, 470. Рис. 40,1-3).

Таким образом, подавляющее большинство бородавчатых топоров, обнаруженных на соседних Северо-Западному Кавказу территориях, найдены случайно или при раскопках бытовых памятников. Погребения, где выявлены бородавчатые топоры, принадлежат кругу кочевнических памятников: в рассмотренном выше печенежском погребении на Тамани и погребении Царев 37/1 (на р. Ахтуба), откуда происходит топор (длина – 22 см) с узким, заостренным в верхней части лезвием и высоким цилиндрическим обушком с прямоугольной проушиной (Мыськов Е.П., 2015. С. 117. Рис. 14,2). Помимо этих комплексов, известны и другие погребения кочевников Восточноевропейских степей, в которых были выявлены топоры иных типов – печенежско-торческие погребения Северо-Западного Причерноморья (Добролюбский А.О., 1986. С. 109. Таб. III, 2,6); погребения золотоордынского времени Волго-Донского региона: Зубовка 37/1, где обнаружен топор с утолщенным сверху обухом, овальным проушным отверстием, несколько скошенным клиновидным острием, длина 13,5 см, ширина ударной части – 5,7 см (в этом комплексе найдены монеты ханов Узбека и Джанибека, в том числе самая поздняя – отчеканенная в 1346–1347 гг.) (Мамонтов В.И., 1992. С. 18, 30. Рис. 2,1; Мыськов Е.П., 2015. С. 117); Олень-Колодезь 7/1 (XIII – начала XIV в.), где выявлен топор (длина – 14 см), инкрустированный серебром (Ефимов 2000, С. 174. Рис. 5,1, 6,3), принадлежащий кругу балтоскандинавского культового оружия (Кулаков В.И., Скворцов К.Н., 2000). Помимо находок боевых топоров, в женских и детских кочевнических погребениях (Ленинск 39/ насыпь, Скотовка 11/1) выявлены топоры хозяйственного назначения (Мыськов Е.П., 2015. С. 117).

До накопления новой фактической информации, которая качественно изменит сложившуюся на сегодняшний день картину, можно сделать вывод, что боевые бородавчатые топоры были специфической особенностью вооружения части населения Северо-Западного Кавказа, в том числе настолько, чтобы войти в число ритуальных погребальных предметов. В этой же связи обратим внимание на специфические предметы вооружения, встречающиеся преимущественно на Северо-Западном Кавказе, в том числе в погребениях – это копия с подтреугольными упо-

³⁷ Следует указать, что в публикации топор отнесен к турецкому периоду существования крепости по контексту культурного слоя, насыщенного в том числе и находками Нового времени (Волков И.В., 1990. С. 136-137).

рами при переходе во втулку (обзор находок и литературы см.: Дружинина И.А., 2014), четырехчастные шлемы (обзор см.: Схатум Р.Б., 2011), щиты «с мишенью» (обзор находок и основных версий см.: Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., 2019).

Такой признак губского топора, как *короткая шея*, является, по-видимому, хронологически диагностирующим. Он выявлен у бородовидных топоров из комплексов XIV в. и более позднего времени: один из них происходит из каменного ящика кургана 35 Борисовского могильника (Саханев В.В., 1914. С. 196, 199. Рис. 50,2); из комплекса Царев 37/1, в котором также были выявлены 2 монеты хана Джанибека, в том числе одна отчеканена в 1346–1347 гг. (Мысков Е.П., 2015. С. 117. Рис. 14,2); бородовидный чекан из Акимовки (Лесостепной Алтай) (Горбунов В.В., 2006. С. 84, 85, 216. Рис. 70,4) с чуть намеченной прямоугольной в плане проушной частью с округлыми щекавицами, с подпрямоугольным проухом и лезвийной частью, верхний край которой оттянут кверху, а нижний приострен и скошен в сторону рукояти, датируемый XIV вв. (Рис. 10,1). К постзолотоордынскому времени отнесен топор, найденный у сел. Новые Атаги (Грозненский район) (Рис. 8,9), а также секировидный топор (тип II–В) – случайная находка А.П. Круглова у с. Ца-Ведено в 1937 г. (Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., 1983. С. 71, 74. Рис. 2,4) (Рис. 8,3), аналогии последнему экземпляру можно провести с мамлюкскими чеканами XV в.

Четко профилированная проушная часть выявлена на топорах из слоя поселения Железнодорожное – 1 и из могильника Молоканова щель (Рис. 9,9,15). В данном контексте интересен боевой топор, обнаруженный на территории могильника Андреевская щель близ Анапы. Топор имеет небольшой боек трапецевидной формы с округленной лезвийной частью и вогнутым брюшком, с отверстием для крепления чехла. Тыльная часть бойка резко утолщается, образуя порожек проушной части, снабженной сверху и снизу треугольными щекавицами. Проух в форме широкого овала. Обух топора снабжен выступами. Длина топора 11 см, ширина проушной части 3,2 см, высота по обуху 6,8 см. А.М. Новичихин отмечает близость данного образца древнерусским боевым топорам X–XII вв. типа «Д» (по М.Х. Алешковскому) или типа IV

(по А.Н. Кирпичникову) и предполагает, что топор из Андреевской щели создан местными кузнецами, знакомыми с формами древнерусского оружия (Новичихин А.М., 2014. С. 61–62, 87. Рис. 7,1). Отметим, что, несмотря на присутствие выступов на обухе и выпуклых щекавиц, проушная часть анапского топора четко профилирована и имеет в своей основе трапецевидную в плане форму, как и у губского топора, что, в свою очередь, может указывать на позднюю датировку находки из Андреевской щели – XII или рубеж XII–XIII вв.

Прямоугольная проушина. Среди северокавказских образцов этот признак отмечен во всех бородовидных топорах, поднятых на территории Чечни (Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., 1983. С. 71–72) (Рис. 8,1–9), из Пятигорского музея краеведения (Рис. 8,10), а также у топора из слоя поселения Железнодорожный-1 (Рис. 9,10), у топоров из памятников других регионов: из комплекса Царев 37/1 на Ахтубе (Рис. 10,1) и из Акимовки (Лесостепной Алтай) (Рис. 10,3). Таким образом, этот признак фиксируется на топорах с XIV в. и в более позднее время.

Отличительным признаком губского топора является его *прямоугольная в продольном и поперечном разрезе проушная часть*. И по этому признаку прямой и пока единственной северокавказской и ближе – закубанской – аналогией выступает топор из воинского погребения курганного могильника у ст. Тульская конца XIV – XV вв. (ОАК за 1900. С. 38. Рис. 99). Аналогия эта тем более явная, что оба топора являются чеканами.

Еще одна уникальная отличительная черта губского топора – *специфичный обух* в виде пяти шипов. Подобная конструкция обуха характерна для образцов комбинированного оружия Европы XV–XVI вв. – полэксов (Рис. 14,8–9), однако как представляется, происхождение губского топора вряд ли связано с западноевропейскими традициями. В свете информации письменных источников о поставках ближневосточного оружия в Золотую Орду (Кулешов Ю.А., 2010), а также находок в памятниках Закубанья элитарного импортного вооружения с Ближнего Востока, Византии и ее бывших провинций (перначей и булав (Дружинина И.А., 2017), валашских коротких мечей – «кордь» (Дружинина И.А., 2018. С. 203–204) именно эти регионы представляются наиболее перспективным направлением для

поиска аналогий. Так, ряды шипов присутствуют на обухе мамлюкского железного топора XV в. (Aydin Hilmi, 2012. S. 26) (Рис. 14,6).

Находки чеканов золотоордынского времени на Северном Кавказе единичны, одно это обстоятельство позволяет всех их рассматривать в качестве аналогий губскому топору. Лишь один из них обнаружен в Притеречье – это боевой топор, найденный у с. Майртуп (Шалинский район), датированный XIII–XIV вв. (Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., 1983. С. 69, 71, 72. Рис. 1,1) (Рис. 8,2). Остальные чеканы обнаружены в предгорьях Закубанья: помимо губского топора и чекана из погребения у станицы Тульская, это – топор с чуть намеченным обушком, и симметричным веерообразным лезвием, обнаруженный в кургане 1 Белореченского могильника (раскопки Н.И. Веселовского 1897 г.) середины – третьей четверти XIV в. (Горелик М.В., Дружинина И.А., 2011, с. 39-63) (Рис. 9,6).

Из находок на соседних Северному Кавказу территориях отметим чекан с прямоугольным бойком на обухе, обнаруженный в нижней части заполнения подвала купеческого дома XIV в. в Азове (Широченко Э.Б., Масловский А.Н., 2011. С. 172-173. Рис. 7,8). Топоры «с подчетырехугольным обушком типичной «болгарской» формы» хорошо известны в памятниках Волжской Булгарии, в том числе и бородовидные топоры (поздние варианты типов А и Б) (Измайлов И.Л., 1997. С. 78, 82-87. Рис. 44). От губского экземпляра их отличает округлые щекавицы, овальное проушное отверстие, плавный переход от проушной части в полотно. Интересно, что топорик-чекан с симметричным полулунным лезвием, профилированной проушной частью и прямоугольным проухом, датированный XII-XIII в., (тип AIV), является редким, не характерным образцом для Волжской Булгарии (Измайлов И.Л., 1997. С. 81, 83. Рис. 48,1). Отметим и упомянутый выше чекан из Акимовки, который, в свою очередь, восходит к болгарско-золотоордынской традиции (Горбунов В.В., 2006. С. 84, 85, 216. Рис. 70,4).

Подытоживая анализ отдельных характеристик топора из воинского комплекса у станицы Губская и их аналогий, можно с уверенностью сказать, что губский экземпляр моложе, чем большинство бородовидных топоров, выявленных на Северо-Западном Кавказе, на

что указывают такие его признаки, как короткая шея, четко профилированная прямоугольная в поперечном и продольном сечении проушная часть, прямоугольный проух, а также плоский обух, снабженный пятью ударными выступами. Выявление на одной локальной территории – в Закубанье, в синхронных воинских погребениях у станицы Губская и Тульская двух чеканов, с одинаковой конструкцией проушной части, оказавшейся уникальной не только для Северного Кавказа и соседних территорий, но и для Волго-Донского степного пояса, позволяет рассматривать эти находки как предметы восточного импорта и, по-видимому, как продукцию одного или близких центров производства оружия.

Известные восточные топоры XIV–XVI вв., а также изобразительные источники Византии, Ирана, мамлюкского Египта и Сирии (Рис.11-14) точных аналогий также не выявили, хотя в целом, показали явное преобладание секир и топоров с оттянутым книзу лезвием, близких к бородовидным.

В верхнем орнаментальном ряду богато украшенного латунного кувшина (Египет или Сирия), инкрустированного серебром, справа от центрального медальона со сценой соколиной охоты, изображен воин в монгольском костюме – в халате с запахом на правую сторону, островерхой с отворотом шляпе, волосы сплетены в косички и свернуты в кольца за ушами. Воин вооружен широколезвийным топором или секирой. Кувшин датирован началом XIV в. (<https://www.metmuseum.org>, AN:91.1.571) (Рис. 11, 1,1a). Среди фигур, изображенных на основании подсвечника конца XIII–XIV вв. из Сирии или Ирака (Accession Number:91.1.596), сразу трое воинов вооружены топорами, причем разнотипными, но все три топора широколезвийные – с симметрично расширяющимся лезвием или с оттянутым нижним краем (Рис. 11, 2,a-в).

На центральном медальоне боковой стороны ларца, изготовленного мастерами Северной Джазире первой половины XIII в. (Khalili Nasser D. (2008), P. 114), изображен правитель на троне, телохранители по обеим сторонам трона и пирующие вельможи у ног правителя. Один из телохранителей, стоящий справа от трона, вооружен топором с широким и сильно оттянутым книзу лезвием (Рис. 12,4).

На довольно редких изображениях топоров в персидской миниатюре (в сравнении с изображениями других видов наступательного вооружения) представлены образцы широколезвийных топоров с оттянутым книзу лезвием с прямыми или изогнутыми ребрами лезвийной части (Хилленбранд К., 2008. С. 63. Рис. 2.14) (Рис. 12,5).

По конструкции проушной части губский и тульский чеканы соотносимы с индоперсидскими табарами позднего средневековья и Нового времени (Образцов Вс.Н., 2015. С. 104; Карлова Е.М. и др., 2015. С. 241-245). Так, церемониальный топор – богато украшенный, с кольцом на обухе, изображенный на миниатюре XIV в., по абрису лезвийной части, профилированному обуху и подпрямоугольному проуху близок чекану, обнаруженному у ст. Тульская (Nicolle D., 2016. P. 241).

Однако губский топор скорее тяготеет к оружейным традициям Византии – и по форме лезвия как «наследник» бородовидных топоров и секир варанги – варяжской гвардии византийских императоров, и по конструкции обуха, который можно рассматривать как часть булавы – традиционного и характерного для Византии и ее провинций вида оружия. Здесь отметим, что в отличие от византийских источников, где изображения подобных булав столь же часты, что и перначей, на иранских миниатюрах булавы с шипами встречаются крайне редко.

Таким образом, представляется, что губский топор был создан в конце XIV – начале XV в. в самой империи или на землях ее бывших провинций, как комбинированное оружие, совмещающее функции топора с оттянутым книзу лезвием и шиповидной булавы.

В целом, датировка воинского комплекса у станции Губская по сохранившимся предметам устанавливается в пределах конца XIV – первой половины XV в.

Погребальный обряд.

Прежде всего, следует отметить, что представленной Н.И. Веселовским информации об особенностях погребального обряда для однозначных выводов об этнокультурной атрибуции рассматриваемого комплекса не достаточно.

Каменные насыпи не характерны для могильников оседлых племен Закубанья XIV–XV вв. Насыпи Белореченских курганов, могильников Центрлаба 1 и 2, Шенджий и др. возве-

дены из земли (Левашева В.П., 1953). В данной связи сооружение высокого (выше 2 м) каменного кургана очевидно должно рассматриваться как специфическая особенность обряда, носителями которого являлась социальная группа, совершившая погребение у станции Губская. Здесь уместно вспомнить «не похожие на белореченские» (Веселовский Н.И.) насыпи близ ст. Кужорская, где также были выявлены воинские захоронения, содержавшие находки, рассматриваемые специалистами в качестве этнокультурных маркеров кочевнических погребений (орнаментированные костяные обкладки на колчан и др.) (Дружинина И.А., 2013. С. 127-133).

Скобы в погребальных памятниках Закубанья известны не ранее XIV в. Они выявлены в подкурганных погребениях у станций Абинская, Белореченская, Шенджий (Носкова Л.М., 1991), в материалах грунтовых могильников 1 и 2 поселения Железнодорожное-1 (Нарожный Е.И., Соков В.П., 2017).

Обращает внимание большое количество скоб в погребении у станции Губская – не менее десяти, явно для крепления массивной конструкции. Скобами обычно скрепляли крышку гроба с боковыми стенками. Чаше всего скобы находят вместе с гвоздями, которыми сбивали доски самой гробовины. Если гроб был массивным или его поверхность обшивали дополнительными материалами (тканью, медными листами и др.), использовалось большое количество гвоздей. Так, в кочевническом погребении XII–XIII вв. Арпачин II, 42/1 (Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2010. С. 178, 184, 201. Рис. 15,4) было обнаружено 45 гвоздей. В погребениях золотоордынской элиты Новопавловского могильника XIV в. гробы сбивали гвоздями, С- и П-образными скобами. Гвозди вбивались с интервалом 10-18 см в 2–4 параллельных ряда, причем такие ряды были прослежены не только на крышке, но и на донной части гроба (Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2007. С. 15-16, 47).

В погребении у станции Губская гвозди выявлены не были. Вполне вероятно, что большое количество скоб понадобилось для крепления бревен не сохранившегося склепа или сруба. Срубы выявлены в пятнадцати из 84 раскопанных Н.И. Веселовским Белореченских курганов (в основном на горизонте, в трех случаях впущены в материк) (Левашева В.П., 1953. С. 166-168. Таб. 1). Боковые стенки

таких срубов сооружали из толстых отесанных с внутренней стороны бревен, уложенных одно на другое и скрепившихся пазами. Бревна поперечных стенок были не одинаковой длины, устанавливались вертикально и образовывали по верхнему контуру полукруг, задавая двусторонне-покатую форму сложенной из продольных брусков крыше. Иногда бревна крепились железными наугольниками или скобами, которые прибивались железными гвоздями со шляпками (ОАК за 1896 г. С.).

Традиция сооружения срубов не имеет в Закубанье местных корней. Высказывались различные версии о ее происхождении. Аналогии деревянным срубам (а также и сырцовым перекрытиям могил) Белореченских курганов исследователи находили в погребальных памятниках мусульманских некрополей Золотой Орды, в частности на некрополе Водянского городища (Нарожный Е.И., Скубина И.А., 1995. С. 8-9; Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 2002. С. 150-151). В более поздней работе авторы предложили версию о связи белореченских срубов со склепами славян среднего Дона VIII–XI вв. (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 2002. С. 150-152).

Имеющиеся аналогии – синхронные по времени и территориально близкие – указывают на то, что появление традиции возведения срубов на Кубани, несомненно, связано с золотоордынской элитой и, по всей видимости, с элитой кочевой.

В 1911 г. под Геленджиком К.К. фон-Мерс исследовал курганы с земляными насыпями, под которыми были выявлены богатые воинские захоронения в грунтовых ямах и впущенных в них подпрямоугольных срубках из бревен, обложенных с внешней стороны крупным булыжником. Размеры сруба из кургана 1 – около 2,9х2,9х1,45 м. В центре камеры этого сруба находились два мужских скелета, ориентированные по линии ЮЗ-СВ, а также 2 конских костяка, уложенных один – на правый и другой – на левый бок, хребтами к умершим. Погребенных сопровождал богатый инвентарь: на головах были надеты шлемы, вдоль тел лежали сабли, при погребенных также были выявлены мотыжки, топор, красноглиняные кувшины и стеклянный сосуд, при лошадях – удила и детали серебряной упряжи. Во втором кургане в аналогичном срубке находилось погребение мужчины, ориентированного головой на СВ, и сопровождающее его

захоронение лошади. При погребенном были выявлены сабля, наконечники стрел, мотыжка, железные ножницы, оселок, костяная пуговица и другие находки, рядом с лошадью – железные фрагменты упряжи (ф.-Мерс К.К., 1911. Л. 82-84). Оба комплекса могут быть датированы концом XIII – первой половиной XIV в.

На соседних с Северо-Западным Кавказом территориях, в свою очередь, известны погребения в срубках. Несколько срубов выявлено в золотоордынском Азаке (Чалый В.В., Рогачева А.Ф., Перевозчиков В.И., 1982. С. 11; Перевозчиков В.И., 1985. С. 14; Бойко А.Л., 1990. С. 4; Волков И.В., 1989. С. 9 и др.).

На северо-восточной окраине города Старый Крым (Солхат), в кургане, известном как «Мамайское старое кладбище», содержащем 72 погребения, в том числе 66 впускных средневековых и 1 наземное сооружение – мавзоль (?), в одном из погребений (№7) в значительной по размерам яме (длина – 2,9 м, ширина 1,4х1,1 м, глубина 1,05 м) обнаружен сруб в три венца (сечение деревянных брусков 10х10 см). Могильная яма была перекрыта поперечными плахами, а они, в свою очередь, были присыпаны слоем щебня на 15-20 см. Над могилой было зафиксировано надгробие из двух плит с малоазийским орнаментом. Эти плиты вторичного использования, первоначально, вероятно, принадлежали облицовке портала медресе Солхата, которое погибло к концу XIV в. М.Г. Крамаровский предположительно связывает это погребение с могилой беклярибека Мамая (Крамаровский М.Г., 1996. С. 39-41).

В срубке из «погребения Мамая» солхатского кургана было совершено мусульманское погребение (безынвентарное, поворот лица погребенного к югу). В отношении погребений в белореченских срубках такой вывод сделать мешает обилие и роскошь сопровождающего инвентаря.

Рассмотренные аналогии позволяют утверждать, что традиция возведения срубов появилась на Кубани в эпоху Золотой Орды и была привнесена этнокультурными группами, осевшими в регионе в ходе или в результате монгольских завоеваний. Показательно, что ни адыгская, ни кабардинская позднесредневековая знать эту особенность погребального обряда не переняла, а в кочевнических погребениях Северо-Восточного Причерноморья (предположительно, ногайских) срубы встре-

чаются, по крайней мере, до XVII столетия (Сизов В.И., 1889. С. 134-136).

Примечательно также, что в Закубанье выделяется несколько воинских комплексов с практически одинаковым составом погребального инвентаря, при этом с однотипными вещами: рассмотренные в данной статье погребения у ст. Губская, к. 3 у ст. Тульская, к. 12 у ст. Андрюковская, к. 8 у ст. Костромская, у ст. Новосвободная и др.

Завершая анализ материалов из погребения у станицы Губская, следует отметить, что специфика исторического и археологического контекста рассматриваемого комплекса указывает на принадлежность погребенного правящей прослойке местных оседлых племен (прежде всего предков современных адыгов или абазин) или кочевой знати – в обоих случаях почти наверняка можно утверждать, что этот воин был частью элиты *золотоордынской*.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.
- Алешковский М.Х., 1960. Курганы русских дружинников XI–XII вв. // СА. №1. С. 70-90.
- Амиранашвили Ш.Я., 1966. Грузинская миниатюра. М.: Искусство. 208 с.
- Аствацатурян Э.Г., 2009. Оружие народов Дагестана. М.
- Белинский И.В., Масловский А.Н., 2001. Раскопки в г. Азове по улице Толстого в 2000 году // ИАИАИАНД в 1999–2000 гг. Вып. 18. Азов. С. 38-47.
- Бойко А.Л., 1990. Спасательные раскопки в г. Азове в 1898 г. // ИАИАИАНД. Вып. 9. Азов. С. 3-6.
- Бренд Б., 2008. Искусство ислама. М.: Издательство ФАИР. 336 с.
- Брмболић М., 2000. Средњовековна оруђа од гвођа у Војводини (IX–XVI век). Панчево. 165 стр.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 2002. Об аналогиях погребальному обряду Белореченских курганов // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар. С. 148–157.
- Волков И.В., 1989. Охранные раскопки мусульманского могильника в г. Азове // ИАИАИАНД в 1988 году. Вып. 8. Азов. С. 7-11.
- Волков И.В., 1990. Гостевая церковь – мечеть Баезида Вели в Азове // ИАИАИАНД. Вып. 9. Азов. С. 136-149.
- Гаврилов А.В., Майко В.В., 2014. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ. 212 с.
- Горбунов В.В., 2006. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Издательство Алтайского университета. 232 с.
- Горелик М.В., 2002. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие / Гл. ред. А.Н. Перевозчиков. М: ООО «Восточный горизонт». 84 с.
- Горелик М.В. 2008. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 15. Нальчик. С. 158-189.
- Горелик М.В., Дружинина И.А., 2011. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1 (№ 2). М. С. 39–63.
- Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., 2019. Два захоронения воинов-кочевников XIII–XIV вв. из Северо-Восточного Причерноморья (к истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. II. Казань – Кишинев. С. 599-639.
- Днепровский К.А., Носкова Л.М., 1991. Некоторые аспекты развития Северо-Западного Кавказа в древности и средневековье // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. Вып. 18. М. С. 44–59.
- Добролюбский А.О., 1986. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев. 140 с.
- Дружинина И.А., 2013. Два воинских погребения из курганного могильника у станицы Кужорская (Адыгея): по материалам раскопок Н.И. Веселовского // Историко-археологический альманах. Вып. 12. Армавир; Краснодар; М. С. 127–133.
- Дружинина И.А., 2014. Два типа древкового оружия Северо-Западного Кавказа // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной конференции. М. С. 340–343.
- Дружинина И.А., 2017. Шестопер из кургана у станицы Абинская (по материалам раскопок В.Г. Тизенгаузена в Кубанской области, 1879 г.) // Археология евразийских степей. № 5. Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. Казань. С. 99–107.
- Дружинина И.А., 2018. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Институт археологии РАН. М. 622 с.
- Ефимов В.Ю. 1999. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. № 3-4. С. 93-108.
- Ефимов В.Ю. 2000. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // РА. № 1. С. 167-182.
- Завьялов В.И., 2017. Работы Переяславль-Рязанской археологической экспедиции // АО 2015. С. 182-184.
- Иванов А.А., 2014. Медные и бронзовые (латунные) изделия Ирана второй половины XIV – середины XVIII века : каталог коллекции. СПб.: Государственный Эрмитаж. 304 с.
- Измайлов И.Л., 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань-Магадан: СВНЦ ДВО РАН. 212 с.
- Карлова Е.М. и др., 2015. Карлова Е.М., Пастухов А.М., Попов А.Ю., Успенская Е.Н. Смертельная красота. Оружие Индии и Китая. Каталог выставки. М.: ГМВ. 368 с.
- Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени

// САИ. Е1-36. 181 с.

Королькова Е.Ф., 2012. Кочевники восточноевропейских степей в эпоху Средневековья // Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Государственный Эрмитаж. С. 224-233.

Кравченко Э.Е., 2015. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая орда. Кишинев: Stratum Plus. С. 411-478.

Кравченко С.А., 2018. Археологические исследования в г. Азове и Азовском районе в 2015 году // ИАИАНД в 2015-2016 гг. Вып. 30. С. 122-178.

Крамаровский М.Г., 1996. Погребение беклярибека Мамая (?): археологические наблюдения и исторический контекст // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб. С.38-41.

Крамаровский М.Г., 2001. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб: Славия. 364 с.

Крамаровский М.Г., 2005. Стиллет в ножнах // Золотая Орда. История и Культура. СПб. С. 196.

Крамаровский М.Г., 2019. Ковш поясной. Кат. 87 // Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки. Гос. Эрмитаж. М.: Фонд Марджани. С. 175.

Крамаровский М.Г., 2019. Ковш поясной. Кат. 91 // Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки. Гос. Эрмитаж. М.: Фонд Марджани. С. 179.

Крамаровский М.Г., 2019а. Ковш поясной. Кат. 92 // Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки. Гос. Эрмитаж. М.: Фонд Марджани. С. 180.

Кузнецов В.А., 1971. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе. 248 с.

Кузнецов В.К., Рудницкий Р.Р., 1998. Поселение «Козьи скалы» у горы Бештау // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь. С. 297-331.

Кулаков В.И., Скворцов К.Н., 2000. Топорик из Варген (Ранговое оружие последних язычников Европы) // *Slavia Antiqua*. Т. XLI. Poznań. С. 173-189.

Кулешов Ю.А., 2010. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань. С. 73-97.

Кулешов Ю.А., 2015. Об одной разновидности золотоордынских боевых ножей // Золотоордынская цивилизация. № 8. С. 197-212.

Курышова Н.П., 2012. Классификация бус из кочевнических погребений золотоордынского времени // Поволжская археология. № 1. Казань. С. 204–215.

Левашева В.П., 1953. Белореченские курганы // Археологический сборник. Труды государственного историко-этнографического музея. Вып. XXII. М. С. 163-213.

Ловпаче Н.Г., 1985. Могильник в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгей. Майкоп. С. 16–64.

Мальм В.А., 1978. Золотой браслет с персидской надписью // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М. С. 247-249.

Мамаев Х.М., Чаккиев Д.Ю., 1983. О назначении железных позднесредневековых топоров из Чечни // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный. С. 68-77.

Мамонтов В.И., 1992. Курганный могильник Зубовка // Древности Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград: Перемена. С. 17-49.

Масловский А.Н., 2010. Археологические исследования в городе Азове и Азовском районе в 2007-2008 годах // ИАИАНД в 2007–2008 гг. Вып. 24. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника. С. 182-242.

Миллер А.А., 1909. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ИИЯК. Вып. 33. СПб. С. 71–102.

Мысков Е.П., 2015. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград. 484 с.

Нарожный Е.И., Скубина И.А., 1995. Об аналогиях погребальному обряду Белореченских курганов // Археология и краеведение Кубани. Материалы Третьей межвузовской студенческой-аспирантской научной конференции (Аннотации докладов Армавирской делегации). Краснодар – Армавир. С. 8-9.

Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2007. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей / МИАСК. Вып. 7. Монография в журнале. Под ред. С.Н. Савенко. Армавир – Ставрополь. 173 с.

Нарожный Е.И., Соков П.В., 2017. Предметы вооружения из культурного слоя поселений Железнодорожное-1 и 2 (XIII–XV вв.) (Крымский район Краснодарского края) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Сборник научных статей. Том II. Барнаул. С. 284-285.

Нарожный Е.И., Чаккиев Д.Ю., 2003. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII-XV вв.) // МИА Северного Кавказа. Вып. 2. С. 126-153.

Новичихин А.М., 2014. Предметы вооружения, воинского и конского снаряжения из разрушенных погребений могильника Андреевская щель // Военная археология. Вып. 3. М. С. 55-93.

Носкова Л.М., 1991. Позднесредневековый курганный могильник близ аула Шенджий // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Носкова Л.М., 2010. Средневековый могильник в поселке Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 года) // Материальная культура Востока. Вып. 5. М. С. 167–200.

ОАК за 1895 г., 1897. – СПб.

ОАК за 1896 г., 1898. – СПб.

ОАК за 1897 г., 1900. – СПб.

Образцов Вс. Н., 2015. Оружие Востока в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 232 с.

Панеш Э.Х., 1989. Холодное оружие адыгов (к вопросу об эволюции) // Памятники традиционной-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Л. С. 61-71.

Перевозчиков В.И., 1985. Раскопки средневекового грунтового могильника на территории г. Азова // Итоги исследований объединенной Азово-Донецкой археологической экспедиции в 1984 году (тезисы докладов к семинару). Азов. С. 14-15.

Предметы..., 2016. Предметы культуры адыгов в собрании Российского этнографического музея. СПб.: «Славия». 268 с.

Саханев В.В., 1914. Раскопки на северном Кавказе в 1911–1912 гг. // ИАК. Вып. 56, СПб., 1914.

Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологическая экскурсия // МАК. Вып. II. М.

- Стрельченко М.Л., 1968. Материальная культура адыгейских племен Северо-Западного Кавказа в XIII–XV вв. Краснодар. Диссертация на соискание уч. степ. канд. исторических наук. Архив ИИМК РАН. Ф-35. Опись 2-д. Ед. хр.176.
- Схатум Р. Б. Защитное вооружение адыгов в золотоордынское время (вторая половина XIII – XIV вв.) // ВА. Вып. 2. М.: «Русская панорама», 2011. С. 189–201.
- Тарабанов В.А. 1984. Средневековые погребения Ленинохабльского могильника (по раскопкам 1975 г.) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. С. 164–172.
- Фахрутдинов Р.Г., 1981. Исследования болгарских городищ в Татарии и Ульяновской области (по разведкам 1967, 1970, 1971 гг.) // СА. №1. С. 242–260.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ. 274 с.
- Хилленбранд К. 2008. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. СПб.: «ДИЛЯ». 672 с.
- Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. Сост. Альбома Лютов А.М. СПб., 2006. 248 с.
- Чалый В.В., Рогачева А.Ф., Перевозчиков В.И., 1982. Археологические исследования в г. Азове // Итоги исследований Азово-Донецкой археологической экспедиции в 1982 году (материалы к семинару). Азов. С. 9–11.
- Чхаидзе В.Н., 2017. Серебряная посуда из погребений кочевников Восточно-Европейской равнины XIII–XIV вв. // Поволжская археология. № 4 (22). Казань. С. 275–296.
- Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. 2008. Средневековое кочевническое погребение из Калиновского курганного могильника в Ставропольском крае // Археологический журнал. № II. Армавир, 2008. С. 79–88.
- Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2010. Средневековые кочевнические погребения в Нижнем Подонье (курган-ный могильник Арпачин II) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.11. Армавир. С. 170–206.
- Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. 2010а. Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. М. С. 110–125.
- Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2013. Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии // Поволжская археология. № 2 (4). Казань. С. 171–178.
- Широченко Э.Б., Масловский А.Н., 2011. Археологические исследования в Азове и разведки в Азовском районе в 2009 году // ИА ИАНД в 2009 г., Вып. 25. С. 164–189.
- Яцук Д.А., 2017. Об одном кочевническом комплексе из раскопок кургана у ст. Старотитаровская на Тамани // VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. С. 283–285.
- Aydin Hilmi. Sultanların Silahları. Topkapı Sarayı Silah Koleksiyonu. Ankara. 2012. 228 s.
- Dimand M.S., 1940. Persian Miniatures: A Picture Book. 30 p.
- Dumitriu L., 2001. Der mittelalterlich Schmuck de un-teren Donaugabietes im 11-15 Jahrhundert. București.
- Ettinghausen R. 1975. "Islamic Art": The Metropolitan Museum of Art Bulletin, v. 33, no. 1 (Spring, 1975). 59 p.
- Farrokh K., 2017. The armies of the Mongols. Military History, July Issue 82, pp. 36–41.
- Khalili Nasser D. (2008), Islamic art and culture. Time-line and history. Cairo. 189 p.
- Nicolle D., 2016. The Iconography of a Military Elite: Military Figures on an Early Thirteenth-Century Candlestick (Part II) // Mamlūk studies review. Vol. 19, 2016 195P. 193–299.
- Persian Art, 1931. An illustrated souvenir of the exhibition of Persian art at Burlington House London. 102 p.: Captive Turcoman chief, c. 1500. № 556, p. 42

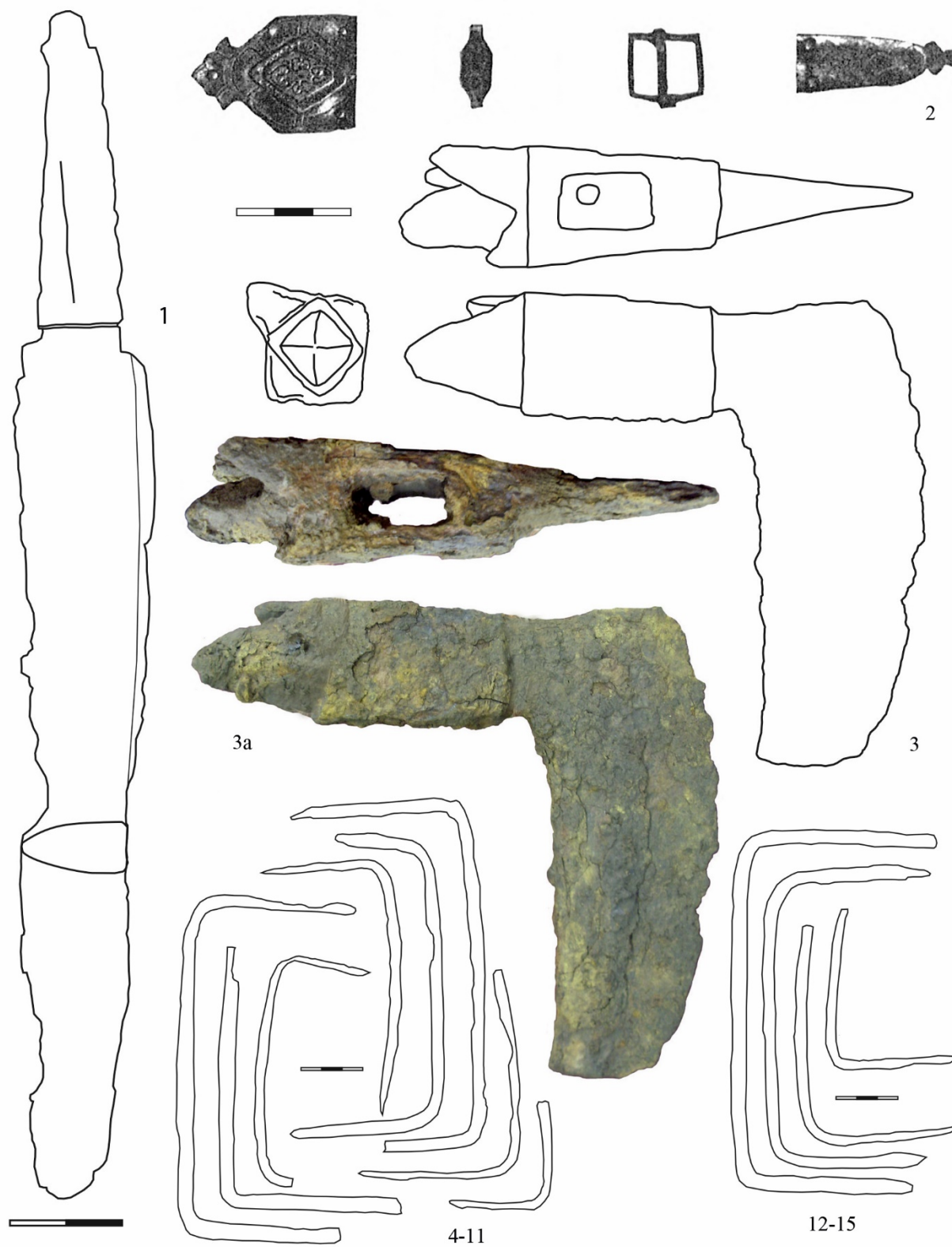

Рис. 1. Находки из воинского погребения у станицы Губская. 1 – нож, 2 – поясной набор (по: ОАК за 1897. С. 20. Рис. 72-75), 3, 3а – топор 4-15 – скобы. 1,3-15 – железо, 2 – золото.

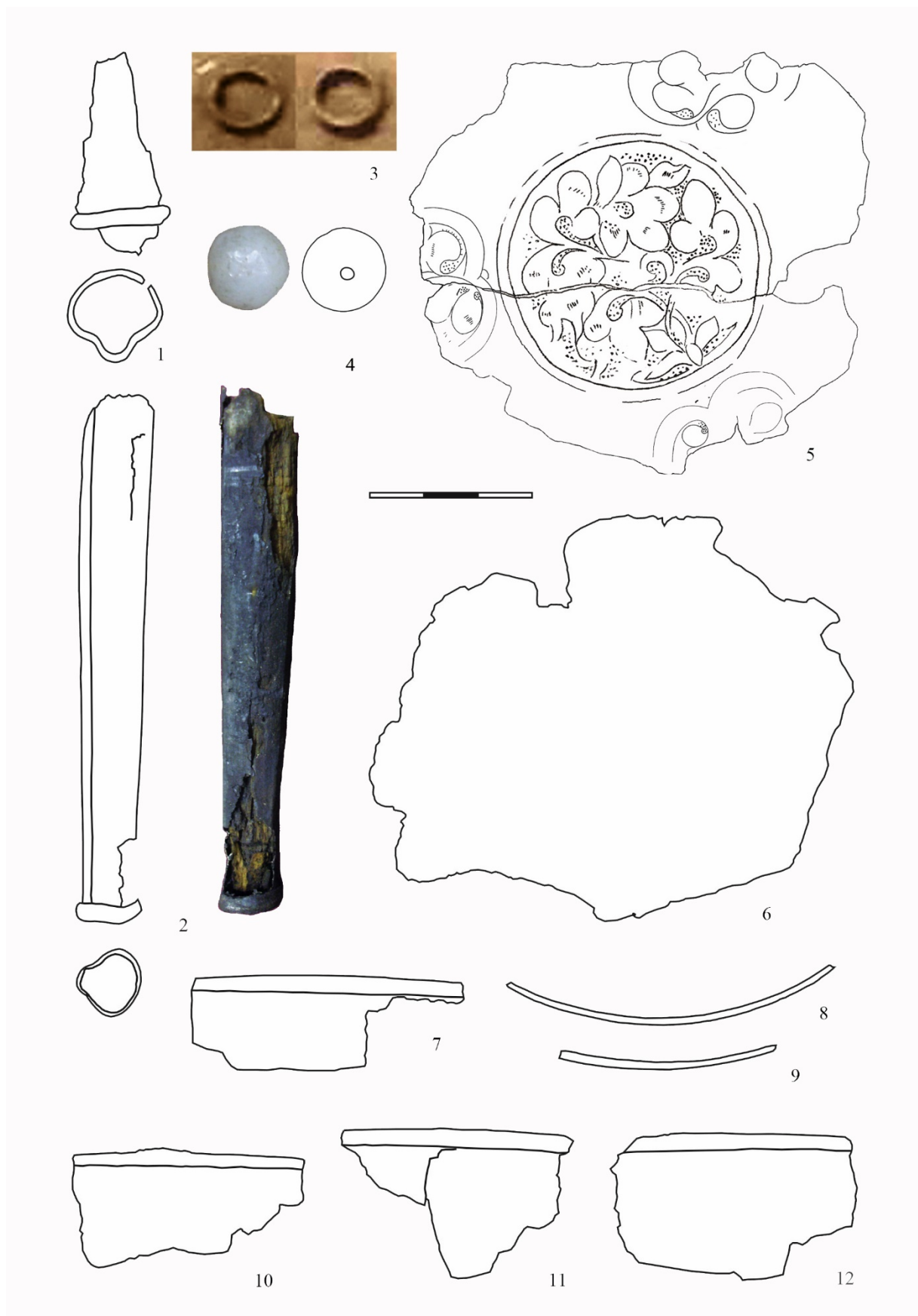

Рис. 2. Находки из воинского погребения у станицы Губская. 1 – фрагмент рукояти кинжала, 2 – фрагмент кинжала в серебряных ножнах, 3 – серебряные спиральные кольца, 4 – халцедоновая бусина, 5-12 – фрагменты серебряных чаш.

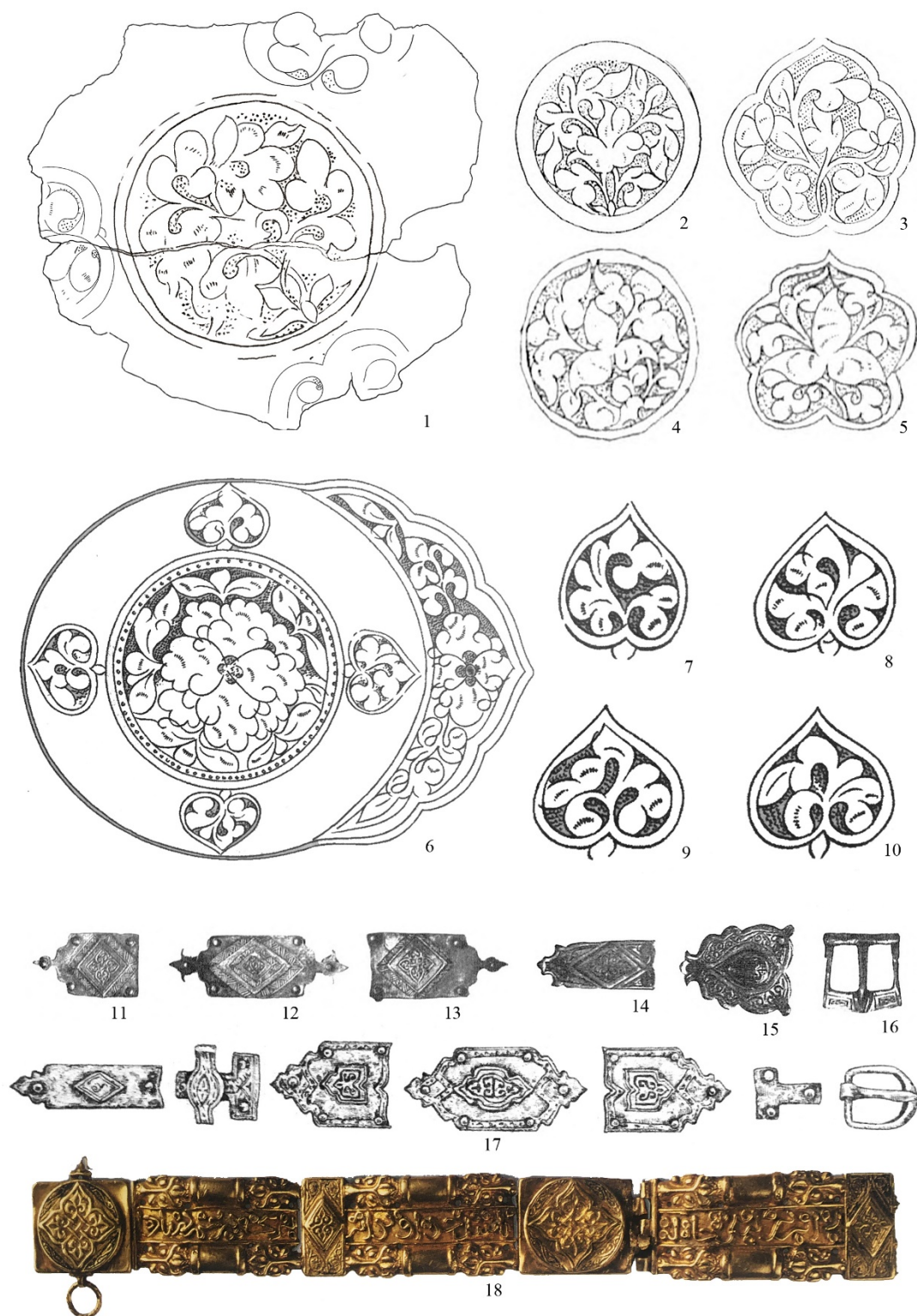

Рис. 3. Орнаментированная чаша (1) и поясной набор из кургана у станицы Губская и их аналогии. 2-3 – медальоны со дна и стенок серебряной чаши из к. 12 у ст. Андриюковская (ОАК за 1896 г. С. 55-56. Рис. 275 а, б); 4-5 – медальоны со дна и стенок серебряного ковша из к. 53 у ст. Белореченская (ОАК за 1896 г. С. 28-29. Рис. 153 а, б); 6-10 – серебряный ковш и орнаментированные медальоны с его дна и стенок из раскопок Н.И. Веселовского в 1897 г. у ст. Белореченская (Крамаровский М.Г., 2001. С. 89. Рис. 38); 11-13 – поясные накладки из к. №3 у ст. Белореченская (ОАК за 1896. С. 24-25. Рис. 120,122), 14-16 – из к. 8 у ст. Костромская (ОАК за 1896. С. 59-60. Рис. 290а,б,г), 17 - поясной набор из погребения у ст. Новосвободная (Днепровский К.А., Носкова Л.М., 1991. С. 52, 55. Рис. 3, 2-8); 18 - браслет из Симферопольского клада (Крамаровский М.Г., 2000. С. 289).

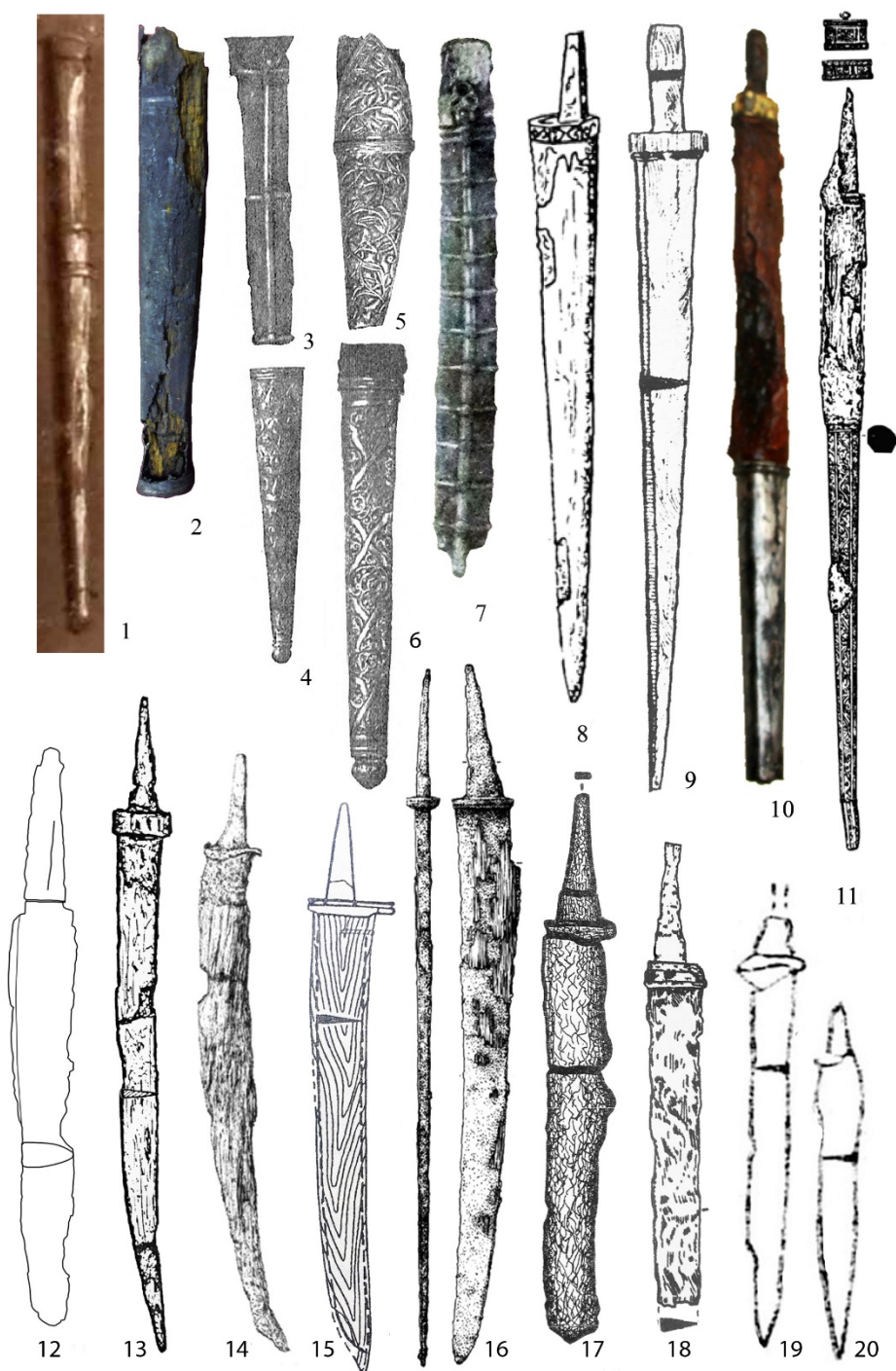

Рис. 4. Кинжалы (1 и 2) и боевой нож (12) из воинского погребения у станицы Губская и их аналогии. Кинжалы: 3, 4 – к. 38 у ст. Белореченская (ОАК за 1896. С. 21-22. Рис. 108 а,б); 5,7 – у ст. Белореченская (ОАК за 1896. С. 9. Рис. 57, 59); 6 – к. 8 ст. Костромская (ОАК за 1896. С. 59. Рис. 289); 8 – к.4 мог. Жако (Алексеева Е.П., 1971. С. 351. Табл. 40, 11а-в); 9 – мог. Псекупский №5 (Ловпаче Н.Г., С. 28. Таб. XXXI, 9); 10 – у ст. Белореченская (Крамаровский М.Г., 2005. С. 53, 196. Кат. 48); 11 – у ст. Новосвободная (Днепропровский К.А., Носкова Л.М., 1991. С. 52, 55. Рис. 3, 2-8). Ножи: 13 – п.1. к. 37 мог. Царев (по: Мыськов Е.П., 2015. С. 298. Рис. 14,2)к. 7 мог. Олень-Колодезь (Ефимов К.Ю., 1999. С. 95, 99. Рис. 2,6; 2000. С. 174. Рис. 2,6); 14 – п. 10 мог. Новопавловский (Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2007. С. 80. Рис. 21,3) 15 – мог. Арпачин II 42/1(Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2010. С. 178, 184, 201. Рис. 15,4); 16 – п. 78 мог. Жукова (Кулешов Ю.А., 2015. С. 208. Рис. 5); 17 – мог. Кабардинка, к. 36 (Носкова Л.М., 2010. С. 177. Рис. 14,26); 18-19 – Ленинахабльский могильник (Тарабанов В.А., 1984. С. 166).

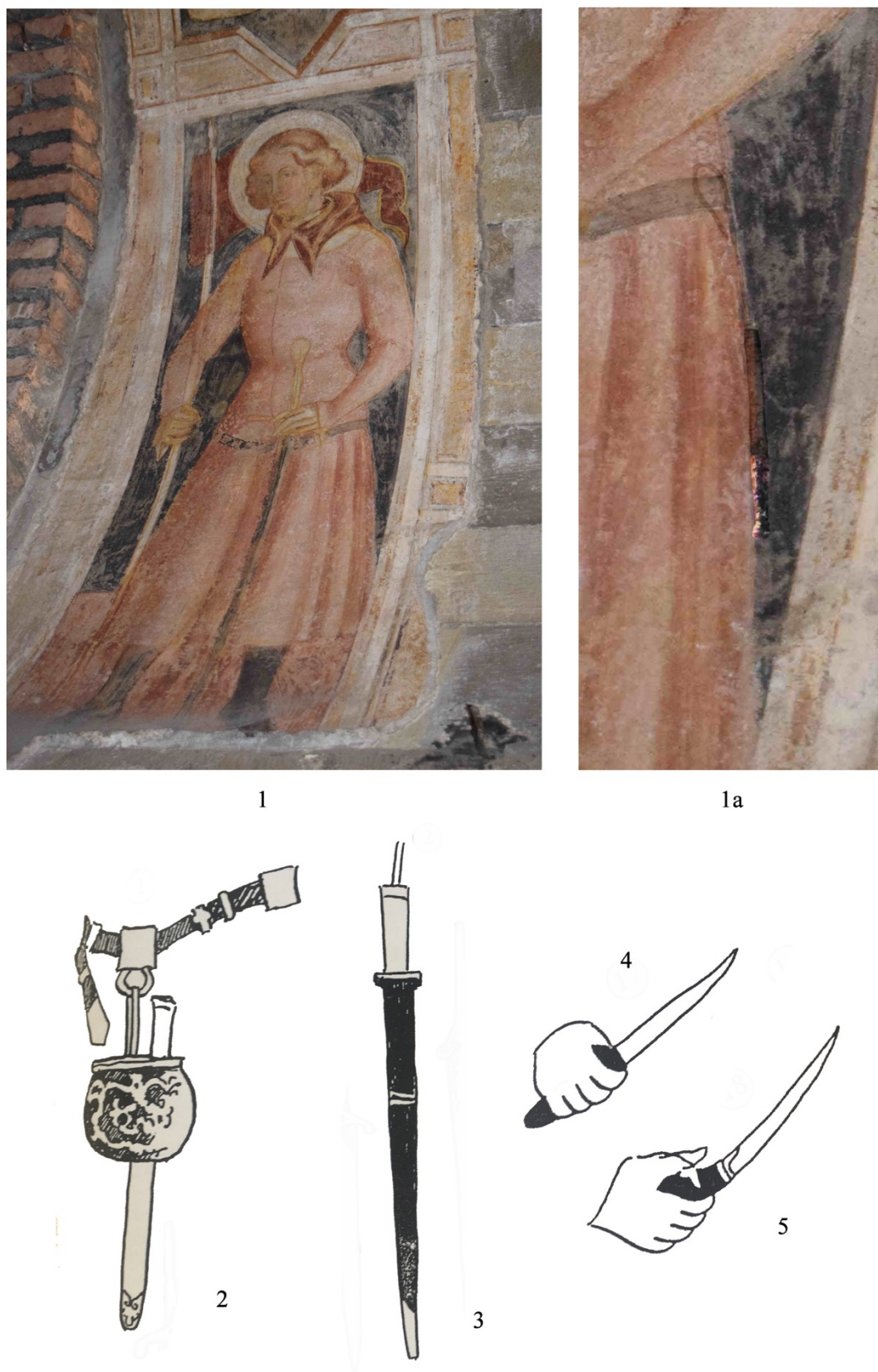

Рис. 5. Аналогии кинжалам и боевому ножу из воинского погребения у станицы Губская на изобразительных источниках XIV в. 1 - капелла семейства Bonghi, монастырь Сан-Франческо (Бергамо) (Фотография Д.В. Каштанова, 2018 г.), 1а - фрагмент фрески, контуры кинжала выделены в Photoshop; 2-5 - кинжалы и боевые ножи на тебризских миниатюрах XIV в. (Горелик М.В., 2002. С. 65).

Рис. 6. Аналогии кинжалам из воинского погребения у станицы Губская на изобразительных источниках Ирана XV–XVI вв.: 1, 1а - "Мухаммад воскрешает больного мальчика", Фалнама (Книга предзнаменований) Джафара ас-Садики 1550-е годы ([https://www.metmuseum.org/ AN 50.23.1](https://www.metmuseum.org/AN/50.23.1)); 2, 2а - Миниатюра из «Хамсе» Амира Хосрова Дехлеви: Лахор, Индия, 1595-1600 [[https://www.metmuseum.org/ AN 13.288.33](https://www.metmuseum.org/AN/13.288.33); Ettinghausen R. 1975. P. 35]; 3, а, б – Лейли и Маджнун в школе (Dimand M.S., 1940. P. 22. Fig. 15; [https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/e/ef/ Laila_and_Majnun_in_School%2C_New-York.jpg](https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/e/ef/Laila_and_Majnun_in_School%2C_New-York.jpg)).

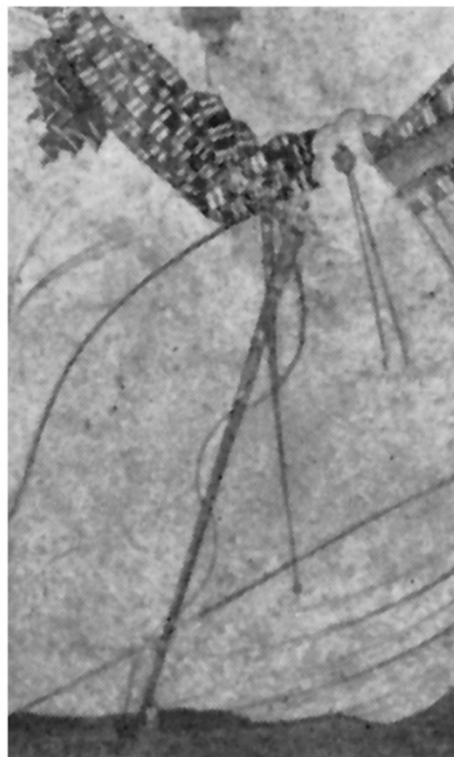
1

2

1a

2a

Рис. 7. Пары кинжалов-стилетов у тюркских или монгольских воинов, Иран, XVI в. (Farrokh K., 2017.; Persian Art, 1931. № 556, p. 42).

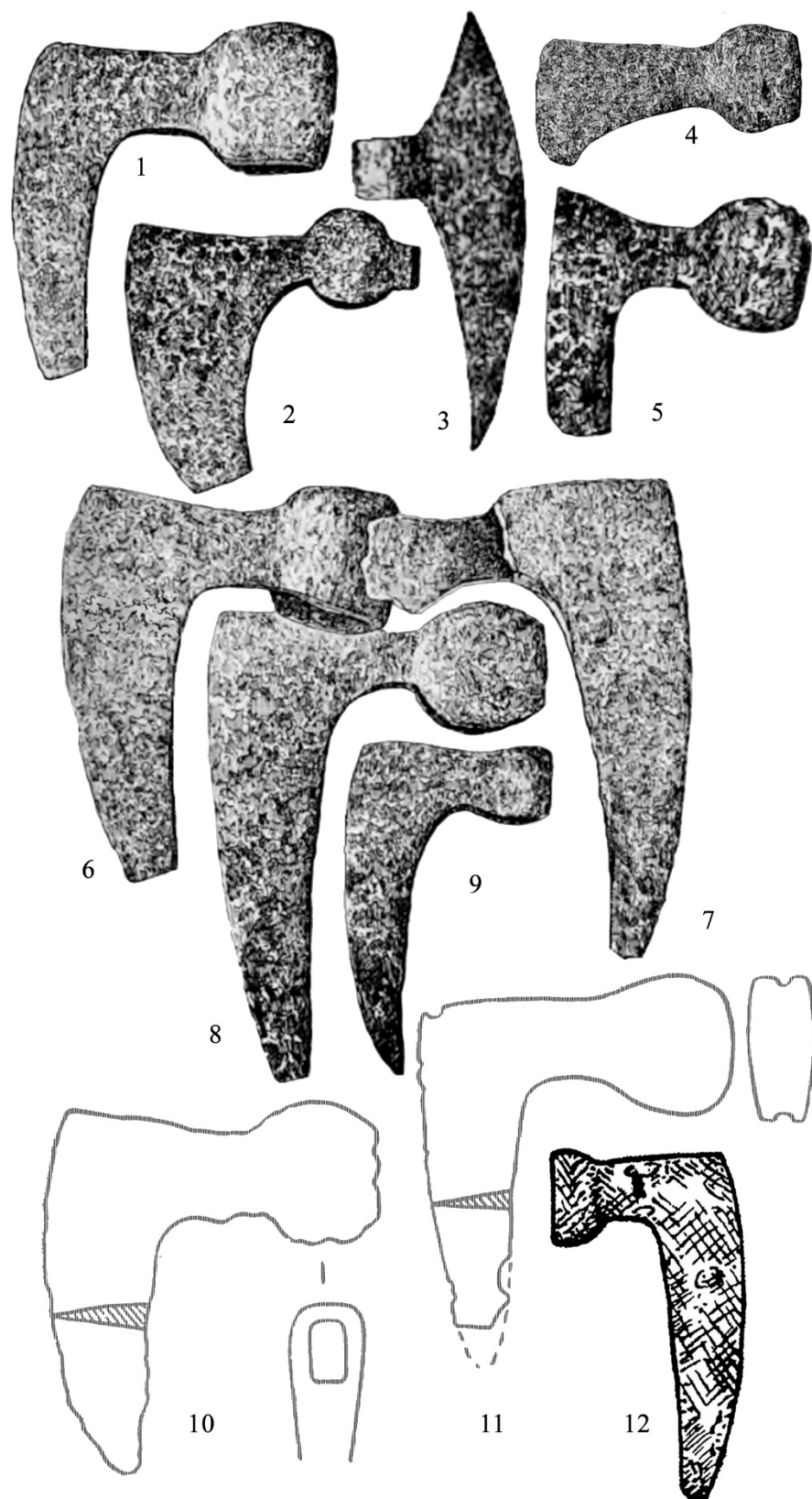

Рис. 8. Бородовидные топоры Северо-Восточного и Центрального Предкавказья: 1,2, 4-9 – бородовидные топоры и 3 – секира, обнаруженные на территории Чечни (случайные находки) (по: Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., 1983); 10,11 – топоры с территории Кабардино-Балкарии (случайные находки) (по: Кузнецов В.А., 1971. С. 70-71. Рис. 4), 12 – топор с поселения «Козьи скалы», Пятигорье (по: Кузнецов В.К., Рудницкий Р.Р., 198. С. 303. Рис. 12,6).

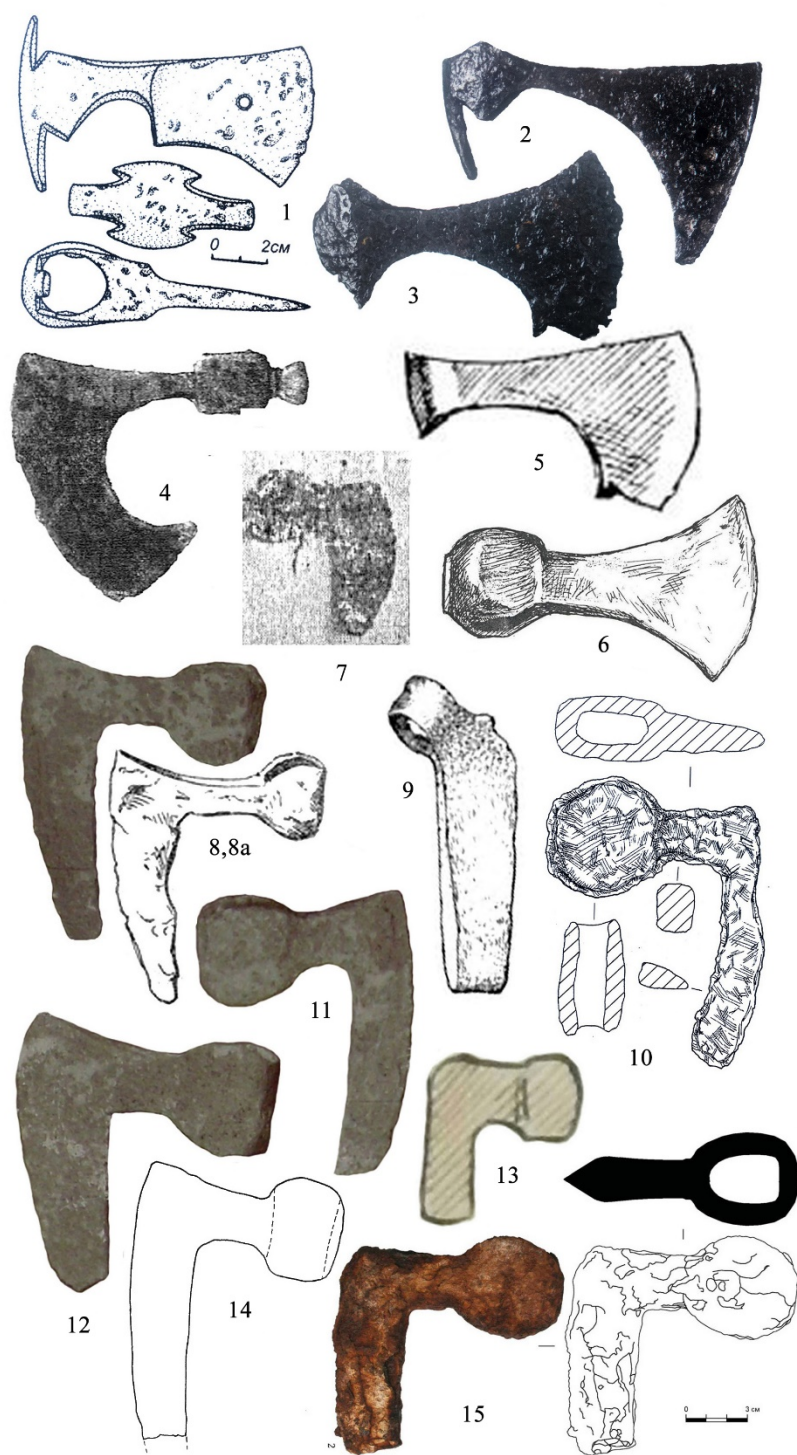

Рис. 9. Топоры XII–XIV вв. Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья: 1 – Андреевская Щель (Новичихин А.М., 2014. С. 61-62, 87. Рис. 7,1); 2,3 – Закубанье, случайные находки (по: Королькова Е.Ф., 2012. С. 231. Кат. 643), 4 – к.3. у ст. Тульская (ОАК за 1900. С. 38. Рис. 99), 5 – Убинский мог. (по: Горелик М.В., 2008. С. 180. Рис. 6,21); 6 – к. 1 у ст. Белореченская, раскопки Н.И. Веселовского 1897 г. (по: Горелик М.В., Дружинина И.А., 2011. С. Рис. 4,1), 7 – мог. Борисовский (Саханев В.В., 1914. С. 196. Рис. 50, 2); 8,8а – в 1 версте от Геленджикской бухты, к. 1 (по: Сизов В.И., 1889. С. 144. Рис. 50); 9 – Дузу-Кале, (по: Миллер А.А., 1909. С. 97, 99. Рис. 26,2); 10 – Железнодорожное-1 (по: Нарожный Е.И., Соков П.В., 2017. С. 284-285. Рис. 1), 11,12 – окрестности пос. Кабардинка (ГИМ, Описание 988, №1-2), 13 – Геленджик, раскопки Казнакова (фонды Нац. муз. Грузии); 14 – у ст. Крымская (Стрельченко М.Л., 1968. Л. 28. Рис. 23,2); 15 – к. 7 мог. Молоканова щель (по: Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., 2019. С. 604. Рис. 2,11; 5,2).

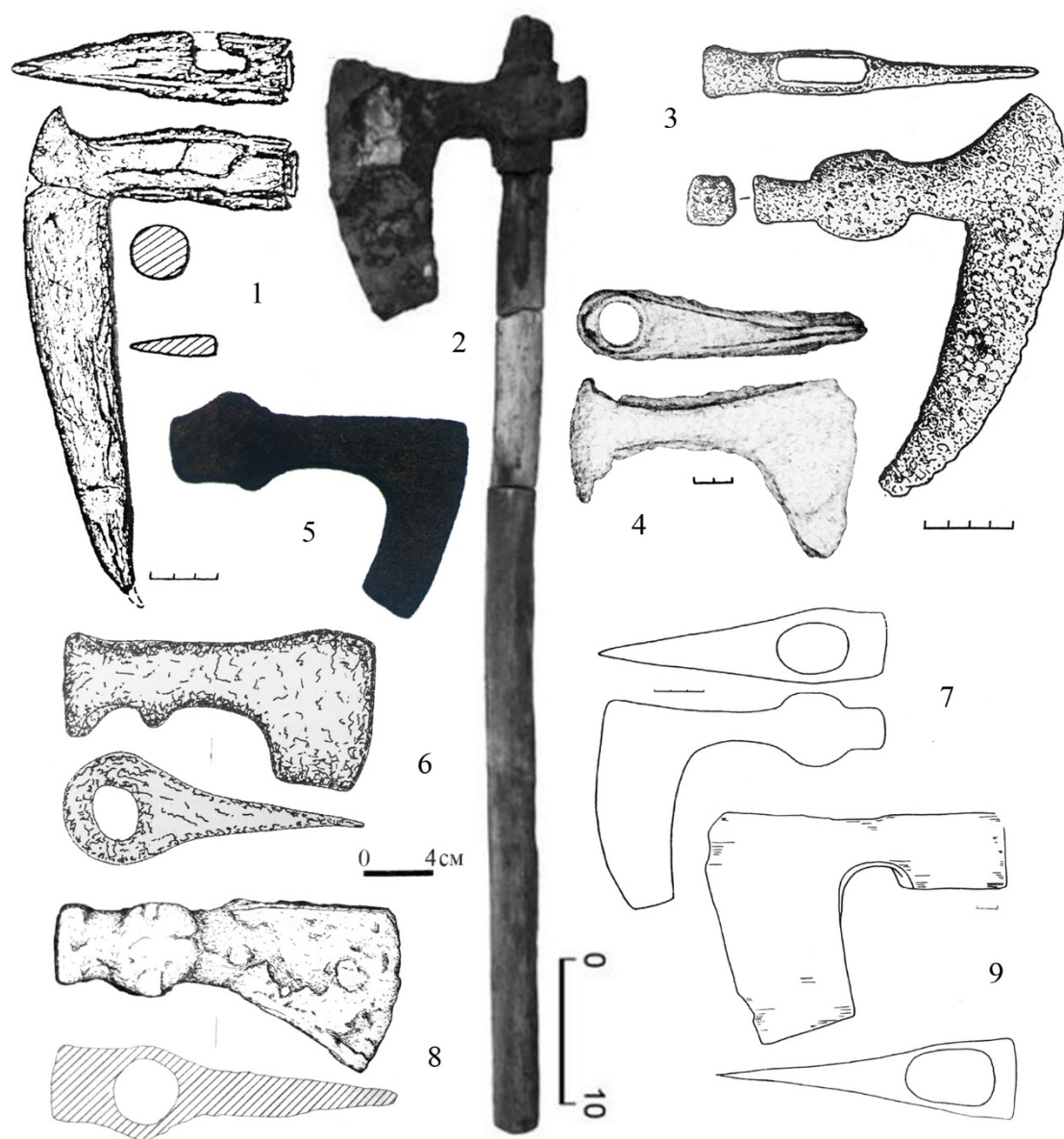

Рис. 10. Бородовидные топоры и чеканы XI–XIV вв.

1 – п.1. к. 37 мог. Царев (по: Мыськов Е.П., 2015. С. 298. Рис. 14,2); 2 - ; 3 – ст. Старотитаровская, Тамань (Яцук Д.А., 2017. С. 285. Рис. I,3); 4 – Кремль Переяславля-Рязанского (по: Завьялов В.И., 2017. С. 182-183. Рис. 26); 5 – Акимовка (Горбунов В.В., 2006. С. 84, 85, 216. Рис. 70,4); 6 - ; 7,8 – (по: Измайлов И.Л., 1997).

Рис. 11. Изображение топоров на восточной торевтике: 1, 1а – кувшин, начало XIV в., Египет или Сирия (по: <https://www.metmuseum.org>, AN:91.1.571); 2, 2а-в – подсвечник, конец XIII–XIV вв., Сирия или Ирак (по: <https://www.metmuseum.org> AN:91.1.596).

Рис. 12. Изображения топоров на восточных изобразительных источниках: 1 - отдельная страница манускрипта, возможно, Тимуридский Иран или Азербайджан, поздний XIV или ранний XV в. (Fatih Albums, Topkapı Library, Istanbul, Turkey) (по: Nicolle D., 2016. Р. 241); 2 - иллюстрация из «Хамсе» Низами. Фрагмент. Герат, 900/1494-5. Лондон, Британская библиотека (по: Бренд Б., 2008. С. 2); 3 - Эмиры и охотники. «Баптистерий Святого Людовика», ок. 1300 г. или ранее, Сирия (по: Хилленбранд К., 2008. С. 369. Рис. 6.44); 4 - центральный медальон боковой стороны ларца, Сирия, первая половина XIII в. (по: Khalili Nasser D., 2008. Р. 114); 5 - воин с топором и щитом, глазурованная керамическая чаша IX-X вв., Иран (по: Хилленбранд К., 2008. С. 63. Рис. 2.14), 6-7 - изображения топоров и секир на мамлюкских ранках (по: Хилленбранд К., 2008. С. 254, 269. Рис. 5.3, 5.13).

Рис. 13. Изображение топоров на византийских и грузинских источниках: 1-4 – на миниатюрах рукописи Иоанна Скилицы (датировки разнятся от XII до конца XIII в.) (по: <http://bdh-rd.bne.es/viewer.vm?id=0000022766>), 5 – на мозаике XI в. монастыря Неа-Мони на о. Хиос (<http://armourinart.com/5125/15864/>), 6 – на грузинской миниатюре конца XII в. (Поцелуй Иуды. Второе Джручское четвероевангелие) (Амиранашвили Ш.Я., 1966. Л. 70. Таб. 49).

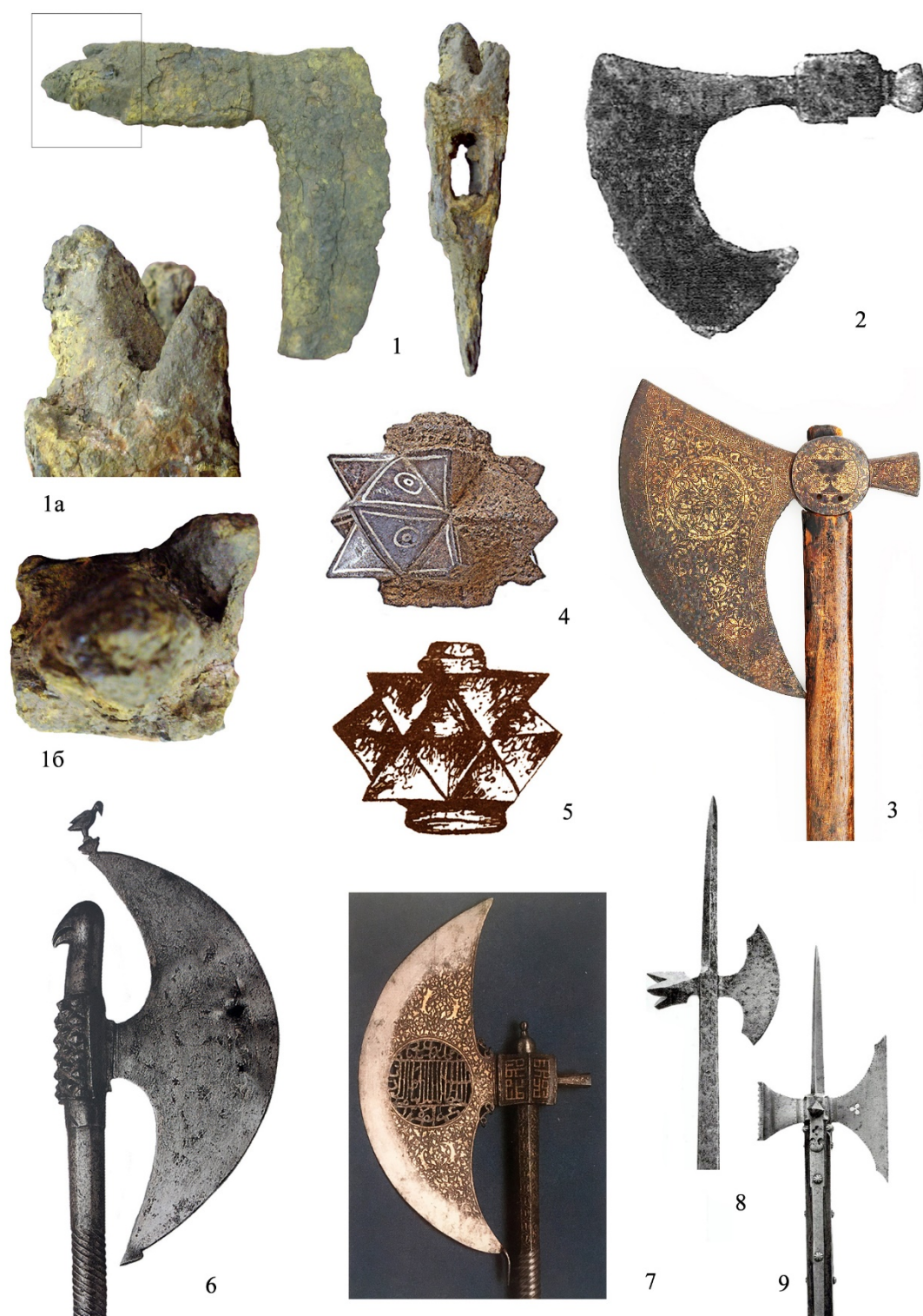

Рис. 14. Восточные аналогии чеканам из станиц Губская (1,1а,1б) и Тульская (2): 3 – мамлюкский топор из Сирии, XV в. (по: <https://www.metmuseum.org> A.N. 69.156); 4 – булава из к. 9 у ст. Белореченская (по: Дружинина И.А., 2017. Рис. 1,2); 5 – булава, случайная находка, Шелковской р-н, Чечня (по: Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 2003. С. 143. Рис. 1,3); 6 – мамлюкский железный топор XV в. с шипами на обухе (по: Aydin Hilmi, 2012. S. 26); 7 – стальная секира, инкрустированная золотом, Мухаммада ибн Каит-бея (1495–1498), Египет или Сирии (Вена, Художественно-исторический музей) (по: Бренд Б., 2008. С. 143. Ил. 72); 8-9 – полэксы, Исторический музей, Дрезден (по: <https://www.facebook.com/myArmoury>).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Берлизов
Николай Евгеньевич	– кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культуры и музееведения Краснодарского государственного института культуры (Краснодар).
Булыгина
Евгения Станиславовна	– кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник НБИКС-ПТ НИЦ «Курчатовский институт» (Москва).
Вальчак
Сергей Борисович	– кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН (Москва).
Верещагин
Владислав Викторович	– генеральный директор ООО «Ростовская Археологическая Экспедиция» (г. Ростов-на-Дону).
Гак
Евгений Игоревич	– кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологических памятников Государственного Исторического музея (Москва).
Годизов
Георгий Леонидович	– кандидат исторических наук. Заведующий Отделом научно-исследовательской и экспозиционно-выставочной работы Северокавказского филиала Государственного музея Востока (Майкоп).
Голованова
Любовь Владимировна	– кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Автономной некоммерческой организации в области гуманитарных и естественно-научных исследований «Лаборатория доистории» (Санкт-Петербург).
Голубев
Лазарь Эрвандович	– кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, сектор археология ГБУРА «АРИГИ» им. Т.М. Керашева (Майкоп).
Дороничева
Екатерина Владимировна	– кандидат исторических наук, старший научный сотрудник АНО «Лаборатория доистории». (Санкт-Петербург).
Дороничев
Владимир Борисович	– кандидат исторических наук, директор АНО «Лаборатория доистории» (Санкт-Петербург).
Джигунова
Фатима Кадырбечевна	– кандидат исторических наук, директор Национального музея Республики Адыгеи (Майкоп).
Джопуа
Аркадий Иванович	– кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея (Абхазия).
Дружинина
Инга Александровна	– кандидат исторических наук, научный сотрудник группы археологии Кавказа Института археологии РАН (Москва).
Клещенко
Александр Александрович	– кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела бронзового века Института археологии РАН (Москва).
Коцева
Асиет Аслановна	– старший научный сотрудник отдела археологии, Национальный музей Республики Адыгея (Майкоп).
Ловпаче
Нурбий Газизович	– кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, сектор археология ГБУРА «АРИГИ» им. Т.М. Керашева (Майкоп).

Луганская
Галина Борисовна	– кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник отдела славяно-адыгских культурных связей ГБУРА «АРИГИ» им. Т.М. Керашева (Майкоп).
Нарожный
Евгений Иванович	– доктор исторических наук, независимый исследователь (Армавир).
Недолужко
Артем Валерьевич	– кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Университета Норда (Норвегия).
Недомолкин
Андрей Георгиевич	– кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела фондов Национального музея Республики Адыгея (Майкоп).
Нюшков
Валентин Александрович	– кандидат исторических наук, старший научный сотрудник в Абхазском институте гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, в Абхазском государственном музее (Абхазия).
Поплевко
Галина Николаевна	– кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург).
Пьянков
Алексей Васильевич	– ведущий научный сотрудник ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция» (Краснодар).
Сазонов
Александр Алексеевич	– директор ООО «Кубань Археология» (Краснодар), эксперт Международной академии наук экологии, безопасности человека и природы (МАНЭБ) (Краснодар).
Скаков
Александр Юрьевич	– кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН, Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья (Москва).
Слободова
Наталья Валерьевна	– кандидат биологических наук, лаборант-исследователь НБИКС-ПТ НИЦ «Курчатовский институт» (Москва).
Схатум
Руслан Баричевич	– кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических фондов КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар).
Тлеуж
Адам Хусейнович	– доктор философских наук, директор Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Тембота Керашева (АРИГИ)
Ципинов
Рустем Касеевич	– Начальник Управления по охране и использованию объектов культурного наследия Республики Адыгея (Майкоп).
Шарко
Федор Сергеевич	– лаборант-исследователь НБИКС-природоподобных технологий (НБИКС-ПТ) НИЦ «Курчатовский институт» (Москва).
Эрлих
Владимир Роальдович	– доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока (Москва).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Атхарваведа – цит. по Атхарваведа (Шаунака) : в 3 т. / пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой; Ин-т востоковедения РАН. Т.3: кн. XIII-XIX. — М.: Вост. лит., 2010.
- АПО – Археологические памятники Оренбуржья - Оренбург
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
- ВА – Военная археология.
- ВВ – Видевдат – цит. по Видевдат // Авеста в русских переводах (1861 – 1996). – СПб.: Журнал «Нева» - РХГИ, 1997. – С.69-125.
- ДК – Древности Кубани.
- ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения – СПб.
- ИАА – Историко-археологический альманах.
- ИАИЯЛИ – Известия Абхазского института языка, литературы и истории. Тб.
- ИАК – «Известия археологической комиссии». М.
- ИАК – Известия императорской археологической комиссии.
- ИАНО – Известия Абхазского научного общества. Сухум.
- МАК – Материалы по археологии Кавказа.
- МБ – Махабхарата – цит. по Махабхарата. Книга V. Удъгапарва или книга о Старании / пер. и коммент. В.И. Кальянова. – М., 1976; Махабхарата. Книга Седьмая или книга о Дроне / пер. и коммент. В.И. Кальянова. – СПб.: Наука, 1993.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР – М.
- МИАК – Материалы и исследования археологии Кубани.
- НА КГИАМЗ – Научный архив Краснодарского Государственного историко-археологического музея заповедника им. Е.Д. Фелицына.
- ОАК – Отчет археологической комиссии.
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. №2. М.: -Магнитогорск-Новосибирск.
- РА – Российская археология.
- РАЭ – Ростовская археологическая экспедиция.
- РВ – Ригведа – цит. по Ригведа. Мандалы IX-X / Пер. и коммент. Т.Я. Елизаренковой. – М.: Наука, 1999.
- СА – Советская Археология. М.
- СЭ – Советская этнография – М.-Л.
- ТИИАЭ – Труды Института истории, археологии и этнографии Казахской ССР– Алма-Ата
- ТКЧНИИ – Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института.
- ШН – Шахнаме – цит. по Фирдоуси. Шахнаме. Т.1. От начала поэмы до сказания о Сохрабе. – М.: Изд-во АН СССР. 1957.

16+

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ АДЫГЕИ 2020

Сборник научных трудов

Ответственный секретарь *Голубев Л.Э.*

Вёрстка оригинал-макета *Магарин О.Г.*

Подписано в печать 18.12.2020. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Формат бумаги 60x84/8. Печать цифровая. Усл. п. л. 26,1. Тираж 501. Заказ 0149.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИП Магарин О.Г.
385008, г. Майкоп, ул. 12 Марта, 146. Тел. 8-906-438-28-07. E-mail: olemag@yandex.ru